

ISSN 1609-624X

ВЕСТНИК

ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

TOMSK STATE
PEDAGOGICAL UNIVERSITY
BULLETIN

6'2025

Выпуск 6 (242)

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ТГПУ)

ВЕСТНИК

ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

(Tomsk State Pedagogical University Bulletin)

Научный журнал
Издается с 1997 года

ВЫПУСК 6 (242) 2025

ТОМСК
2025

Главный редактор:

А.Н. Макаренко, доктор физико-математических наук, доцент (Томск, Россия). E-mail: rector@tspu.ru

Редакционная коллегия:

- Н.С. Болотнова, доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ (зам. главного редактора) (Томск, Россия);*
С.И. Поздеева, доктор педагогических наук, профессор (зам. главного редактора) (Томск, Россия);
Н.Ф. Алефиренко, доктор филологических наук, профессор (Белгород, Россия);
В.И. Богословский, доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия);
А.А. Веряев, доктор педагогических наук, профессор (Барнаул, Россия);
Л.Р. Дускаева, доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия);
Ю.Б. Дроботенко, доктор педагогических наук, доцент (Омск, Россия);
Ю.В. Кобенко, доктор филологических наук, профессор (Томск, Россия);
А.В. Курьянович, доктор филологических наук, профессор (Томск, Россия);
В.В. Лаптев, доктор педагогических наук, профессор, академик РАО, заслуженный деятель науки РФ (Санкт-Петербург, Россия);
Е.А. Полева, кандидат филологических наук, доцент (Томск, Россия);
Н.В. Полякова, кандидат филологических наук, доцент (Томск, Россия);
Г.Г. Слышкин, доктор филологических наук, профессор (Москва, Россия);
А.Б. Туманова, доктор филологических наук, профессор (Алматы, Казахстан);
Ю.В. Шатин, доктор филологических наук, профессор (Новосибирск, Россия);
S. Carozziello, профессор (Неаполь, Италия);
E. Elizalde, профессор (Барселона, Испания);
S. Koryčánková, доктор философии, доцент (Брно, Чехия);
R. Leikin, профессор (Хайфа, Израиль);
M. Sasaki, профессор (Киото, Япония)

Научные редакторы выпуска:

А.В. Курьянович, Н.В. Полякова, Н.С. Болотнова, Е.А. Полева

Учредитель:

ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет»

Издание включено в подписной каталог «Пресса России». Индекс 54235.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации (редакция от 20.03.2023).

Журнал включен:

- в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ);
- европейскую базу данных European reference index for the humanities and the social sciences (ERIH Plus);
- базу данных периодических и продолжающихся изданий Ulrich's Periodicals Directory.

Адрес учредителя:

ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061. Тел./факс 8 (3822) 31-14-64

Адрес редакции, издателя:

пр. Комсомольский, 75, оф. 319, Томск, Россия, 634041.
Тел. 8 (3822) 31-13-25. E-mail: vestnik@tspu.ru

Отпечатано в типографии ИП Копыльцов П.И.
ул. Маршала Неделина, д. 27, кв. 56, Воронеж, Россия, 394052.
Тел. 8-950-765-69-59. E-mail: Kopyltsow_Pavel@mail.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77-51990 от 07.12.2012

Подписано в печать: 28.10.2025. Дата выхода в свет: 20.11.2025. Формат: 60×90/8. Бумага: офсетная.
Печать: трафаретная. Усл.-печ. л.: 23,75. Уч.-изд. л. 24,8. Тираж: 1000 экз. Цена свободная. Заказ: 1316/Н
Выпускающий редактор: Ю.Ю. Афанасьева. Технический редактор: С.Е. Турчинович. Корректор: Е.В. Литвинова
© ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет», 2025. Все права защищены

MINISTRY OF EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

**Tomsk State Pedagogical University
(TSPU)**

TOMSK STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY
BULLETIN

Published since 1997

ISSUE 6 (242) 2025

**TOMSK
2025**

Editor-in-Chief

*A.N. Makarenko, Doctor of Sciences in Physics and Mathematics, associate professor (Tomsk, Russian Federation).
E-mail: rector@tspu.ru*

Editorial Board:

*N.S. Bolotnova, Doctor of Sciences in Philology, professor, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, (Deputy Editor-in-Chief) (Tomsk, Russian Federation);
S.I. Pozdeeva, Doctor of Sciences in Pedagogy, professor, (Deputy Editor-in-Chief) (Tomsk, Russian Federation);
N.F. Alefienko, Doctor of Sciences in Philology, professor (Belgorod, Russian Federation);
V.I. Bogoslovskiy, Doctor of Sciences in Pedagogy, professor (Saint Petersburg, Russian Federation);
A.A. Veryaev, Doctor of Sciences in Pedagogy, professor (Barnaul, Russian Federation);
L.R. Duskaeva, Doctor of Sciences in Philology, professor (Saint Petersburg, Russian Federation);
Yu.B. Drobotenko, Doctor of Sciences in Pedagogy, associate professor (Omsk, Russian Federation);
Yu.V. Kobenko, Doctor of Sciences in Philology, professor (Tomsk, Russian Federation);
A.V. Kuryanovich, Doctor of Sciences in Philology, professor (Tomsk, Russian Federation);
V.V. Laptev, Doctor of Sciences in Pedagogy, professor, Member of Russian Academy of Education, Honoured Scientist of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russian Federation);
E.A. Poleva, Candidate of Sciences in Philology, associate professor (Tomsk, Russian Federation);
N.V. Polyakova, Candidate of Sciences in Philology, associate professor (Tomsk, Russian Federation);
G.G. Slyshkin, Doctor of Sciences in Philology, professor (Moscow, Russian Federation);
A.B. Tumanova, Doctor of Sciences in Philology, professor (Almaty, Kazakhstan);
Yu.V. Shatin, Doctor of Sciences in Philology, professor (Novosibirsk, Russian Federation);
S. Capozziello, Professor, University of Naples Federico II (Naples, Italy);
E. Elizalde, Professor, Institute of Space Studies of Catalonia (Barcelona, Spain);
S. Koryčánková, Ph.D (Brno, Czech Republic);
R. Leikin, Professor (Haifa, Israel);
M. Sasaki, Professor, Yukawa Institute for Theoretical Physics Kyoto University (Kyoto, Japan).*

Scientific Editors of the Issue:

A.V. Kuryanovich, N.V. Polyakova, N.S. Bolotnova, E.A. Poleva

Founder:

Tomsk State Pedagogical University

The journal is included in the "Russian Press" subscription catalog. Index 54235.

The journal is included in the list of the leading reviewed academic journals and publications, publishing main results of doctoral and postdoctoral theses that are approved by the Highest Attestation Board of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (revision of 20.03.2023).

The journal is included:

- in the system of the Russian Science Citation Index;
- in the database of "European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences (ERIH Plus)";
- in the database of periodicals "Ulrich's Periodical Directory".

Address:

ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061. Tel./fax +7 (3822) 31-14-64

Publisher and editorial address:

pr. Komsomol'skiy, 75, of. 319, Tomsk, Russia, 634041.

Tel. +7 (3822) 31-13-25. E-mail: vestnik@tspu.ru

Printed in the printing house of IP Kopyltsov P. I.
Marshal Nedelin str., 27, sq. 56, Voronezh, Russia, 394052.
Tel.: +7-950-765-69-59. E-mail: Kopyltsov_Pavel@mail.ru

Certificate of registration of mass media

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)
PI No. FS77-51990, issued on 07.12.2012.

Approved for printing: 28.10.2025. Publication date: 20.11.2025. Format: 60×90/8. Paper: offset.
Printing: 23.75 screen. Publishing Sheet 24.8. Circulation: 1000 copies. Price: not settled. Order: 1316/N
Production editor: Yu.Yu. Afanas'yeva. Text designer: S.E. Turchinovich. Proofreading: E.V. Litvinova

© Tomsk State Pedagogical University, 2025. All rights reserved

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

Жукова Е.Ю., Курьянович А.В. Дискурсивная обусловленность концептообразования в авторской картине мира (на материале сатирических текстов М.М. Жванецкого)	7
Кобенко Ю.В. Трехчастность языка: системно-функциональные зависимости	20

ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Васильева С.Л., Абрамова А.А., Дмитриенко Н.А. Когнитивно-фреймовое моделирование терминосистемы сферы «Медицинская вирусология» в русскоязычной медицинской терминологии	30
Эмер Ю.А., Андриевская С.А. Профессиональное языковое сознание русскоязычных и иноязычных военных по данным ассоциативного эксперимента: на примере стимулов «служба» и «сбор»	43
Нагель О.В., Волкова М.В. Доминантные модели семантических изменений англоязычных заимствований Петровской эпохи	55
Степанова Е.С. Жанровые особенности медицинского мифа в священном тексте Торы	67
Мишина В.С. Средства выражения количественной аспектуальности в английском языке	76

РУССКИЙ ЯЗЫК

Катышева Е.Н., Волошина С.В. Дневники экспедиции как дискурсивная практика (параметры описательной модели): постановка проблемы	85
Башкова И.В., У Цюн. Лингвокультурологическая специфика лексики, объективирующей ситуацию обонятельного восприятия в паремиях, собранных В.И. Далем	96
Болотнова Н.С., Исеева О.В. Коммуникативная стилистика текста: регулятивные модели в поэтическом творчестве Н.А. Заболоцкого	104
Болотнов А.В., Галанова О.С. Средства воздействия в медиадискурсе ведущего Telegram-канала	114

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ МИРА

Косарева А.А. Арлекинадный гротеск в новеллах Людвига Тика	126
Давыдов С.Н. Сюжет нравственного взросления в рассказах А. Штейгера	135
Полева Е.А. Специфика детективной интриги в неомодернистском романе Лены Элтанг «Картахена»	146

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ

Болдырева О.Н., Голубева Е.В. Краткое обсуждение нескольких интерактивных методов обучения на занятиях аудирования в африканской аудитории	156
Ван Бин, Забродина И.К. Сопоставительный анализ методов преподавания русского языка как иностранного в китайских и российских вузах (на примере Цзилинского университета иностранных языков и Томского государственного педагогического университета)	165
Медведева Л.Г., Надеждина Е.Ю. Смешанный и гибридный форматы обучения иностранным языкам в современных образовательных реалиях	174
Леонтьев Э.П. Изучение русской литературы в начальной школе Монголии	183

CONTENTS

THEORETICAL LINGUISTICS

<i>Zhukova Ye.Yu., Kuryanovich A.V.</i> Discursive determination of conceptual formation in the author's worldview (based on the material of M. Zhvanetsky's satirical texts)	7
<i>Kobenko Yu.V.</i> Tripartite nature of language: systemic and functional dependencies	20

APPLIED LINGUISTICS

<i>Vasilieva S.L., Abramova A.A., Dmitrienko N.A.</i> Cognitive frame modeling of the term system "Medical virology" in the Russian medical terminology	30
<i>Emer Yu.A., Andrievskaya S.A.</i> Professional linguistic consciousness of Russian-speaking and foreign-speaking military specialists according to the data of psycholinguistic experiment: using the example of the "Service" and "Collectio" stimuli	43
<i>Nagel O.V., Volkova M.V.</i> Dominant models of semantic changes in English-language borrowings of the Petrine era	55
<i>Stepanova E.S.</i> Genre features of the medical myth in the sacred text of the Torah	67
<i>Mishina V.S.</i> Means of expressing quantitative aspect in English	76

THE RUSSIAN LANGUAGE

<i>Katysheva E.N., Voloshina S.V.</i> Expedition diaries as a discursive practice (descriptive model parameters): problem statement	85
<i>Bashkova I.V., Wu Qiong.</i> Linguocultural specificity of vocabulary objectifying the situation of olfactory perception in proverbs collected by V.I. Dal	96
<i>Bolotnova N.S., Isaeva O.V.</i> Communicative stylistics of the text: regulative models in N.A. Zabolotsky's poetic creations	104
<i>Bolotnov A.V., Galanova O.S.</i> Means of influence in the media discourse of the leading Telegram channel	114

RUSSIAN AND WORLD LITERATURE

<i>Kosareva A.A.</i> Harlequinade grotesque in the short stories by Ludwig Tieck	126
<i>Davydov S.N.</i> The moral maturation plot in the short stories of the A. Shteiger	135
<i>Poleva E.A.</i> The specifics of detective intrigue in Lena Eltang's neo-modern novel "Cartagena"	146

METHODOLOGICAL ASPECTS OF MODERN PHILOLOGY

<i>Boldyreva O.N., Golubeva E.V.</i> Brief discussion of several interactive teaching methods in listening classes in an African audience	156
<i>Wang Bing, Zabrodina I.K.</i> Comparative analysis of Russian as a foreign language teaching methods in Chinese and Russian universities: a case study of Jilin International Studies University and Tomsk State Pedagogical University	165
<i>Medvedeva L.G., Nadezhina E.Yu.</i> Mixed and hybrid formats of teaching foreign languages in modern educational realities	174
<i>Leont'yev E.P.</i> Studying Russian Literature in Primary Schools in Mongolia	183

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'42

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-6-7-19>

Дискурсивная обусловленность концептообразования в авторской картине мира (на материале сатирических текстов М.М. Жванецкого)

Елена Юрьевна Жукова¹, Анна Владимировна Курьянович²

^{1,2} *Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия*

¹ *lenko1994s@mail.ru*

² *kurjanovich.anna@rambler.ru*

Аннотация

Лингводискурсивный анализ в современной лингвистической парадигме приобретает когнитивную направленность, что позволяет решать вопросы соотношения и взаимодействия содержания текста и ключевых смыслов, структурирующих картину мира писателя. Сатирический текст является жанровой разновидностью сатиры как особого способа осмысления отдельных фрагментов реальной действительности. Это обуславливает специфичную роль дискурсивных факторов в формировании концептуального содержания картины мира писателя-сатирика. Практическая значимость настоящего исследования связана с возможностью понимания механизмов концептообразования в рамках идиостиля писателя и специфики сатирического дискурса как вида речевого взаимодействия. Цель статьи – осмысление роли социокультурного контекста в формировании концептуальных смыслов в картине мира М. Жванецкого на основе анализа его сатирических текстов. Актуальность и научная новизна исследования обусловлена необходимостью моделирования языковой картины мира известного писателя-сатирика – еще не решенной в лингвистике задачи. На основе анализа языковой ткани сатирических текстов исследуется представленность универсальной концептуальной оппозиции СВОЙ – ЧУЖОЙ в картине мира М.М. Жванецкого. Функционирование универсальной концептуальной оппозиции СВОЙ – ЧУЖОЙ в индивидуально-авторском понимании обусловлено репрезентацией ее компонентов в контексте аксиологической системы М. Жванецкого. Делается вывод о репрезентации компонентов концептуальной оппозиции в картине мира автора в двух срезах – социальном и национальном. Основным языковым средством репрезентации концепта СВОЙ в сатирических текстах М. Жванецкого является местоимение *мы* во всем многообразии его грамматических форм, что позволяет говорить о совпадении ценностных установок автора с ценностными установками социума и нации. Языковыми средствами репрезентации концепта ЧУЖОЙ в сатирических текстах автора являются лексемы, сигнификативное значение которых соотносится со сферой общественно-политических отношений и реалиями исторического прошлого современного автору государства. В результате анализа делается вывод о многослойности и дискурсивной обусловленности концептуальных образований, наполняющих содержание авторской картины мира. Лингвоаксиологический анализ сатирических текстов М. Жванецкого позволяет выявить аксиологические доминанты в авторской картине мира. Высшими ценностями для писателя являются чувство внутренней свободы, порядочность и честность как человеческие характеристики, глубокая связь с родиной и соотечественниками, нравственные ориентиры которых соотносятся с аксиологической системой автора.

Ключевые слова: *русская сатирическая проза, авторская картина мира, дискурс, концепт, сатирический текст, М.М. Жванецкий*

Для цитирования: Жукова Е.Ю., Курьянович А.В. Дискурсивная обусловленность концептообразования в авторской картине мира (на материале сатирических текстов М.М. Жванецкого) // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 6 (242). С. 7–19. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-6-7-19>

THEORETICAL LINGUISTICS

Discursive determination of conceptual formation in the author's worldview (based on the material of M. Zhvanetsky's satirical texts)

Yelena Yu. Zhukova¹, Anna V. Kuryanovich²

^{1,2} Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

¹ lenko1994s@mail.ru

² kurjanovich.anna@rambler.ru

Abstract

Lingvodiscursive analysis in the modern linguistic paradigm acquires a cognitive focus, which allows us to solve the issues of the relationship and interaction of the text and the inner world of the writer. A satirical text is a genre variety of satire as a special way of understanding individual fragments of reality. This determines the special role of discursive factors in the formation of the conceptual content of the satirical writer's worldview. The practical significance of this study is associated with the possibility of understanding the mechanisms of concept formation within the framework of the writer's idiosyncrasy and the specificity of satirical discourse as a special type of speech interaction. The aim of the study is to understand the role of social and cultural context in the formation of conceptual meanings in M. Zhvanetsky's worldview based on the analysis of his satirical texts. The relevance of the study is determined by the need to construct a model of the conceptual content of the satirical writer's worldview. Analyzing the language of satirical texts, we examine the representation of the universal conceptual opposition FRIEND – FOE in the picture of the world of M.M. Zhvanetsky. The functioning of the universal conceptual opposition FRIEND – FOE in the individual author's understanding is determined by the representation of its components in the context of the axiological system of M. Zhvanetsky. Conclusion: the components of the conceptual opposition in the author's worldview are represented in two sections – social and national. The main linguistic means of representing the concept of YOURSELF in M. Zhvanetsky's satirical texts is the pronoun we in all the diversity of its grammatical forms, which allows us to speak about the coincidence of the author's value attitudes with the value attitudes of society and the nation. The linguistic means of representing the concept of ALIEN in the author's satirical texts are lexemes whose significative meaning is related to the sphere of social and political relations and the realities of the historical past of the state contemporary to the author. As a result of the analysis, a conclusion is made about the multi-layered and discursive determinacy of conceptual meanings filling the content of the author's picture of the world. A linguaxiological analysis of M. Zhvanetsky's satirical texts allows us to identify axiological dominants in the author's worldview. The writer's highest values are a sense of inner freedom, decency and honesty, a connection with his homeland and compatriots, whose value and moral guidelines are related to the author's axiological system.

Keywords: russian satirical prose, author's worldview, discourse, concept, satirical text, M. Zhvanetsky

For citation: Zhukova Ye.Yu., Kuryanovich A.V. Diskursivnaya obuslovlennost' kontseptuobrazovaniya v avtorskoy kartinе mira (na materiale satiricheskikh tekstov M.M. Zhvanetskogo [Discursive determination of conceptual formation in the author's worldview (based on the material of M. Zhvanetsky's satirical texts)]]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 6 (242), pp. 7–19 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-6-7-19>

Введение

Традиция русской сатирической прозы зародилась в XIX в., начав свое оформление в произведениях Н.В. Гоголя, А.С. Грибоедова, М.Е. Салтыкова-Щедрина и продолжив развитие в талантливой прозе писателей XX в.: А.Т. Аверченко, Тэффи, М.А. Булгакова, М.М. Зощенко, И. Ильфа и Е. Петрова, В.Н. Войновича, А. Райкина, М. Задорнова, А. Арканова, С. Альтова. Произведения М.М. Жванецкого занимают особое место в наследии русской сатирической прозы, поскольку их отличает стремление автора разобраться в глубинных смыслах человеческого

бытия, изучить и обнажить человеческие достоинства и недостатки.

Сатира как эстетическая категория представляет способ оценки действительности, направленный на «осмеяние и гневное обличение явлений действительности, резко отклоняющихся от идеального представления о них» [1, с. 312]. В аспекте лингвистического рассмотрения сатиры является жанрообразующим фактором *сатирических текстов*, дифференциальными жанровыми свойствами которых являются преобладание информативно-оценочной авторской иллюзии и превалирование регулятивной функции. Ин-

тенция автора сатирического текста связана с воздействием на мировоззрение адресата таким образом, чтобы ретранслировать ему авторские аксиологические установки, соотносимые с принятыми в социуме. Автор сатирического текста, создавая комический эффект, подвергает окружающую действительность критике, чем вызывает закономерную реакцию адресата – смех, представляющий собой не только маркер эмоциональной реакции, но и способ оценки действительности, рефлексии действий и событий адресатом, совпадающей с заявленной в тексте позицией автора. Поскольку сатира как вид комического является особой формой художественного отображения реальной действительности, еще одним важнейшим жанровым свойством сатирических текстов является их дискурсивная обусловленность.

Дискурс – одно из центральных понятий современной лингвистики (см. работы Н.Д. Арутюновой, В.З. Демьянкова, В.И. Карасика, В.В. Красных, М.Л. Макарова, Т.В. Милевской, Н.Н. Мироновой, Ю.С. Степанова и др.).

По мнению В.В. Красных, дискурс – это «вербализованная речемыслительная деятельность, понимаемая как совокупность процесса и результата» [2, с. 200]. Дискурс имеет два плана: лингвистический (связанный с языком и проявляющийся в совокупности созданных текстов) и лингвокогнитивный (связанный с языковым сознанием и проявляющийся в контексте и пресуппозиции) [2, с. 200]. Наиболее лаконичную дефиницию дискурса предлагает Н.Д. Арутюнова: дискурс – это речь, «погруженная в жизнь», текст, рассматриваемый «в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; ...компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [3, с. 136]. Исследование дискурса, таким образом, включает в себя анализ совокупности экстралингвистических факторов: социального контекста создания текста, участников коммуникации (автора и адресата), их пресуппозиции и когнитивных особенностей.

Для понимания сущности и функционирования сатирического текста значимую роль играет исследование проявляющихся в языковом оформлении ткани текста идиостилевых особенностей языковой личности автора, а также концептуальных смыслов, которые составляют содержательное наполнение картины мира автора.

Картина мира – это «глобальный образ мира, лежащий в основе мировидения человека, репрезентирующий сущностные свойства мира в понимании носителей и являющийся результатом

всей активной деятельности человека» [4, с. 21]. Вопросами изучения картины мира занимались Г.В. Колшанский, В.В. Красных, Е.С. Кубрякова, В.А. Маслова, В.М. Пименова, З.Д. Попова и И.А. Стернин, Б.А. Серебrenников и др. В лингвистике картина мира понимается как «упорядоченная совокупность знаний о действительности, сформировавшаяся в общественном (а также групповом, индивидуальном) сознании» [5, с. 36]. З.Д. Попова и И.А. Стернин дифференцируют картину мира на непосредственную – когнитивную (концептуальную) и опосредованные – языковую картину мира и художественную картину мира. Под когнитивной (концептуальной) картиной мира исследователи понимают «ментальный образ действительности, сформированный когнитивным сознанием человека» и являющийся результатом «сознательного отражения действительности в процессе мышления» [5, с. 37]. Языковая картина мира – это «представление о действительности, отраженное в языковых знаках и их значениях» [5, с. 37]. М.В. Пименова под языковой картиной мира понимает «совокупность знаний о мире, которые отражены в языке, а также способы получения и интерпретации новых знаний» [6, с. 5]. В формировании языковой картины мира участвуют номинативные, функциональные, образные, фоносемантические средства языка, единицей концептуальной картины мира является концепт – «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека» и «несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [5, с. 38]. Несомненно, концептуальная картина мира значительно шире языковой, однако, по замечанию С.И. Драчёвой, «язык – отнюдь не простое зеркало мира, а потому фиксирует не только воспринятое, но и осмысленное, осознанное, интерпретированное человеком» [7, с. 62]. В связи с чем анализ языковой организации текста с учетом экстралингвистических факторов текстовой деятельности автора позволяет исследователю обнаружить феноменологические когнитивные структуры (термин В.В. Красных) – концепты, или концептуальные смыслы, формирующие концептуальную картину мира языковой личности автора. Изучение особенностей концептообразования в картинах мира разных авторов является сегодня востребованным направлением научного поиска (см., например, работы [8, 9]).

Научная новизна настоящего исследования определяется недостаточной степенью изученно-

сти концептуального содержания картины мира М. Жванецкого. Сатирические тексты М. Жванецкого были исследованы в контексте анализа языковых средств, их организации [10–12], их прагмалингвистических [10, 12] и семантико-стилистических [13–15] свойств. Попытка анализа концептуального содержания сатирических текстов М. Жванецкого предпринята С.Ю. Лавровой и Ю.Ю. Бочкаревой [16], которые на материале текстов М. Жванецкого исследуют концепты УМ и ГЛУПОСТЬ в русском юмористическом дискурсе. В статье «Семиотика размышлений М. Жванецкого» В.И. Карасик рассматривает семиотические характеристики афоризмов М. Жванецкого, обозначая тем самым ключевые смысловые константы его творчества [17]. Отдельно отметим работу А.В. Кубасова [18], посвященную изучению репрезентации менталитета советского человека в миниатюрах М. Жванецкого, в которой предприняты попытки анализа некоторых свойств коллективного советского бессознательного, нашедших отражение в сатирических текстах М. Жванецкого. Исследование роли социокультурного контекста в формировании концептуальных смыслов в картине мира М. Жванецкого позволит расширить понимание концептуальной структуры сатирических текстов писателя и в целом своеобразия его языковой картины мира.

Материал и методы

Материалом исследования служат сатирические миниатюры, вошедшие в IV–V тома собрания сочинений М.М. Жванецкого [19], отобранные способом сплошной выборки.

Методологическую базу составляют следующие исследовательские приемы и методы: интроспекция, лингвоконцептуальный, включая лингвоаксиологический, анализ и лингводискурсивный анализ.

Результаты и обсуждение

Творческое наследие М. Жванецкого представлено в пятитомном собрании его сочинений, созданных в период с 1960-х гг. до начала XXI в. На преобладающую роль социокультурного контекста в формировании тематики и проблематики сатирических текстов М. Жванецкого указывают названия томов: «Шестидесятые», «Семидесятые», «Восьмидесятые», «Девяностые», «XXI век». Вместе с тем значимость социокультурного фактора в процессе концептуализации представлений о действительности в авторской картине мира М. Жванецкого следует рассматривать в непосредственной связи с ролью субъективного авторского начала: для текстов М. Жванецкого характерна манифестация жизнеутверждающей

философии, в центре которой – человек со всеми его достоинствами и недостатками.

Доминантными в картине мира М. Жванецкого выступают такие концептуальные смыслы, как ЧЕЛОВЕК, ГОСУДАРСТВО, СМЕХ. Сатирический вектор направленности творчества М. Жванецкого обуславливает внимание писателя к человеку в контексте социальных взаимодействий. Творчески осмысляя сущность человеческой природы, сатирик помещает героя своих миниатюр – обывателя – в ситуации, в которых раскрываются такие особенности современного М. Жванецкому социума, как абсурдность общественного порядка и господство бюрократии. Государственная система, современная автору, показана в его миниатюрах с иронией и сарказмом. Автор акцентирует внимание на бездушности государственных органов, отсутствии интереса представителей власти к нуждам общества и человека. Инструменты комического и амбивалентная природа смеха позволяют М. Жванецкому обнажать социальные пороки, которые в авторской системе ценностей имеют отрицательную аксиологическую значимость, и серьезно говорить о проблемах, с которыми сталкивается его современник. В связи с этим концепт СМЕХ занимает центральное место в концептуальном содержании картины мира писателя.

Покажем роль дискурсивных факторов в процессе концептообразования на примере формирования концептуальной оппозиции СВОЙ – ЧУЖОЙ в сатирических текстах М. Жванецкого, являющейся одной из ключевых в авторской картине мира.

В работе «Константы. Словарь русской культуры» Ю.С. Степанов исследует концепт СВОЙ – ЧУЖОЙ в качестве универсального концепта не только русского национального, но и всякого массового, народного, коллективного мироощущения [20, с. 126].

В творчестве М. Жванецкого концептуальная оппозиция СВОЙ – ЧУЖОЙ занимает центральное место. Данную оппозиционную пару концептов можно охарактеризовать как многослойное динамическое дискурсивно обусловленное концептуальное образование.

Особое место в творчестве М. Жванецкого занимают сатирические тексты периода 80–90-х гг. XX в., тематическое своеобразие которых сводится к противопоставлению таких категорий, как «государственная власть» и «народ». Образ автора в подобных текстах эксплицируется дейктическим элементом *мы*, подразумевающим автора и общность людей, ценностные установки которых совпадают с ценностными установками автора. *Мы* М. Жванецкого противопоставлено

обобщенному *они* – общности, аксиологическая значимость которой автором обесценивается. Иными словами, *мы* – это социум, *они* – государственная власть.

Социокультурный контекст играет определяющую роль в формировании концептуальной оппозиции СВОЙ – ЧУЖОЙ. Так, миниатюры, вошедшие в четвертый том собрания сочинений М. Жванецкого, хронологически соотносятся с приходом к власти М. Горбачева и начала политики гласности, обусловленной, в частности, открытой критикой исторического прошлого СССР. В эпоху перестройки социум выражал надежду на то, что власть перейдет к народу, бюрократизму власти КПСС придет конец. Анализируя «письма во власть», являющиеся частью Государственного архива Российской Федерации, периода 1989–1991 гг., А. Попова отмечает, что в «перестроечный» период требование отстранить от власти КПСС как источник бюрократизации государственного аппарата и социального неравенства было распространено как среди представителей интеллигенции, так и среди «работяг» [21, с. 71]. Показательна в этом смысле миниатюра «Бояться не надо». Тематика миниатюры связана с высказыванием недовольства политикой правительства и определяется концептуальной оппозицией СВОЙ – ЧУЖОЙ: «Любое правительство либо **нас** сажает в помой, либо **мы** его сажаем туда»; «Ну рожки прошлые **мы** же все помним! Ну, еще раз напряжемся: рожки, те, что у киоска с утра, те и там, наверху. Как эти не могут двух слов связать, так и те. Эти – глаза маленькие, лицо большое, идей нет, и те – глаза маленькие, лицо большое, идей нет... Эти думают, чего бы с утра, и те...» [19, т. 4, с. 12]. Концептуальный смысл СВОЙ репрезентируется в анализируемой миниатюре нереферентным *мы*, под которым автор подразумевает человека порядочного, интеллигентного: «Куда деваться человеку не совсем здоровому, но тихому и порядочному?» [19, т. 4, с. 12], которому не удастся достичь желаемого – счастья жить в свое удовольствие; переживавшего бытовые лишения и страдания на протяжении длительного промежутка времени: «И только древние старики помнят по-крупному: глубокое и постоянное изменение **нашей** жизни к худшему. То есть непрерывное улучшение, приводящее к ухудшению жизни на основе строительства коммунизма, развитого социализма и недоразвитой демократии с **нашим** лицом» [19, т. 4, с. 12]. Следует сказать, что одной из дифференциальных категорий сатирического текста как жанровой разновидности является соотнесенность текста с presupпозицией адресата. Используемые в приведенном кон-

тексте лексемы коммунизм, социализм, демократия соотносят адресата с историческим прошлым современного ему государства и теми идеологическими доминантами, которые должны были быть высшей целью для каждого советского человека. Однако, с точки зрения М. Жванецкого, идеологические ориентиры правительства не являются аксиологически и экзистенциально значимыми для простого обывателя – *своего*: «В тридцать лет начинается поправление резко пошатнувшегося здоровья на фоне непрерывного уменьшения выделений на медицину... Полная потеря интереса к своему здоровью со стороны больных и врачей сделала нас одинаково красивыми... Сутулая спина и торчащий живот дополняют внешний облик строителя коммунизма» [19, т. 4, с. 13]. Все, что манифестируется властью как ценность, автор обесценивает и противопоставляет житейским ценностям: физическому и ментальному здоровью. Автор намеренно использует в тексте миниатюры отглагольные существительные ухудшение, уменьшение, улучшение, поправление, соотносящиеся с текстами официально-делового стиля – с языком государственной системы. Данные канцеляризмы выполняют в тексте стилистическую функцию и являются неизменным атрибутом *чужого*, противопоставленному *своему*, *нашему*. С этой же целью используется противопоставление нейтральной лексики *лицо* («с **нашим** лицом») стилистически окрашенной, сниженной лексеме *рожа* («**рожи** прошлые *мы* все помним»).

Чужой – это представитель власти, существование которого, по мнению автора, отравляет жизнь *своего*: «Когда и как мы переживем сегодняшних начальников, чтоб увидеть светлую полосу, я уж не говорю – почувствовать...»; «Когда появится правительство, удовлетворяющее нас, – нас не будет. Когда появятся законы, разрешающие нам, – нас не будет. А когда они войдут в действие – и детей наших не будет» [19, т. 4, с. 13]. Автор проводит четкую грань между *своим* – простым, порядочным, ищущим спокойствия – и *чужим* – чуждым, не удовлетворяющим потребности социума. Такое разделение обусловлено и социальным неравенством, которое стало значительно ощущаться советским человеком на исходе существования СССР. Репрезентацию этого социального неравенства видим в миниатюре М. Жванецкого: «И так тонко складывается ситуация, что при гражданской войне мы опять будем бить друг друга: то есть беспайковый – беспайкового, низкооплачиваемый – бесквартирного, больной – больного. Ведь все мы и вы понимаете, что до них дело не дойдет и дачу их не найдешь» [19,

т. 4, с. 13]. Концептуальный смысл СВОЙ репрезентируется лексемами *беспайковый, низкооплачиваемый, бесквартирный*, сигнификативное значение которых соотносится с бедностью, недостатком материальных благ, и *больной*, т. е. нездоровый, тогда как концептуальный смысл ЧУЖОЙ репрезентируется образом обладателя дачи, которую «не найдешь». Такая репрезентация относит адресата к образу партийных элементов, которые в советское время владели недвижимостью, о местоположении которой советскому обывателю известно не было.

В картине мира М. Жванецкого *свой* – это расходный материал, инструмент, с помощью которого *чужой* добивается власти: «И опять дело кончится масонами, завмагами, армянами и мировой усталостью, которая и позволит всем вождям от районных до столичных снова занять свое место. Что **они** немедленно сделают с криком: „Дорогу пролетариату! Народ требует! Народ желает, чтобы мы немедленно сели ему на голову!“ А **мы с вами** расчистим им путь своей кровью. Такие **мы** козлы, не умеющие жить ни при диктатуре, ни при демократии» [19, т. 4, с. 13]. Использование лексемы *козлы*, сигнификат которой в приведенном контексте сводится к разговорному значению «козел отпущения», актуализирует ироничное отношение автора к своим: самобичующие формулировки позволяют писателю создать комический эффект и обнаружить пренебрежительное отношение представителей власти – *чужих* – к нуждам простых обывателей, их готовность переложить ответственность за возникающие в социуме проблемы на народ, который покорно «расчистит им путь своей кровью».

Концептуальная оппозиция СВОЙ – ЧУЖОЙ репрезентируется в качестве оппозиции власть – народ и в других миниатюрах четвертого тома.

В миниатюре «Люди социализма», в которой автор дает хоть и обобщенные, но очень яркие характеристики современным ему человеческим типам, видим: «Первый. Руководящее. Гладкое, круглое, смазанное куриным жиром, с пристальным взглядом: „Это кто сделал?“ Второй. Руководимое. Цвета свежего салата, чернозубое, белоглазое, вращающееся в разные стороны: „Это не я!“» [19, т. 4, с. 46]. Атрибутами *чужого* здесь являются сытость (круглое лицо, куриный жир на нем), довольство и контролирующая роль – вопрос «Это кто сделал?», атрибуты руководимого – *своего* – противопоставлены атрибутам *чужого* – руководящего: черты лица, выдающие низкий уровень жизни, страх, выраженный в доведенном до автоматизма ответе «Это не я!».

Концептуальным центром миниатюры «Не верю» также является оппозиция СВОЙ – ЧУ-

ЖОЙ. *Свой* здесь – смирившийся с общей неустроенностью жизни обыватель: «*Наш человек, если сто раз в день не услышит, что живет в полном дерьме, не успокоится*» [19, т. 4, с. 97], который верит только негативным явлениям действительности: «*Что железнодорожная авария была – верю, а что двадцать человек погибло – не верю. Мало! Мало! Не по-нашему!*»; «*Что что-то в магазинах появилось – не верю. Что последнее мыло и сахар исчезли – верю сразу и мгновенно*» [19, т. 4, с. 97]. В тексте миниатюры видим отсылки к явлениям действительности, характеризующим общий порядок устройства советского общества: дефицит, повышение цен на продукты питания и быта, жилищная политика советской власти: «*Что с первого января **цены повысят**, никого не спросят, а спросят – не услышат, – верю сразу. В то, что что-то добавят, – не верю. Что **отберут** то, что есть, – верю сразу и во веки веков. Никто не войдет никогда и не скажет: „Добавим тебе комнату, что же ты мучаешься“. А всегда войдут и скажут: „**Отнимем у тебя комнату** – шикарно живешь“. Никакая комиссия самого близкого, народного революционного исполкома не позволит: „Что-то не видно тебя, может, ты не ел уже три дня, одинокий, голодный, может, у тебя сил нет **в магазинах стоять**“. А радостно толкнется: „Вот жалоба на вас – три дня не видать. ...**государство беспокоится, как бы вы тут жить лучше не стали**, а это противоречит интересам...“» [19, т. 4, с. 97]. Концептуальный смысл ЧУЖОЙ в данной миниатюре актуализируется использованием глаголов *отнять, отобрать*, имеющих отрицательную коннотацию и связанных с лишением кого-либо чего-либо посредством применения силы. Абсурдная формула «государство беспокоится, как бы вы тут лучше жить не стали» также актуализирует концептуальную оппозицию СВОЙ – ЧУЖОЙ, в которой ЧУЖОЙ – не желающий добра, не помогающий, не защищающий, а отбирающий, лишаящий, подозревающий. Сам М. Жванецкий, говоря о власти, отмечал: «*Что такое власть? Милиционер. Что такое власть? Ну, не управдом, так ЖКХ. Что такое власть? Мэр. Его главная задача – меня защитить... С защитой они не справляются*» [22]. М. Жванецкий в присущей ему сатирической манере говорит о бесправности, незащищенности, обделенности человека в современном ему обществе, выражая свои искренние переживания о человеке, которому приходится сталкиваться с лишениями, обусловленными возникшим в обществе социальным неравенством.*

Констатация факта неравенства в социуме, разделение мира, современного автору, на своих

и чужих не является самоцелью М. Жванецкого в проанализированных миниатюрах. Как отмечалось ранее, для произведений М. Жванецкого характерна жизнеутверждающая риторика, и проанализированные миниатюры не исключение. Так, в завершении миниатюры «Бояться не надо» видим обращение автора к своим: *«Свалки не бояться – тогда ее не будет. Землю брать – тогда она будет. Свободу держать зубами. Воздей, живущих с нами параллельно, угробивших нашу юность, – давить. И ничего не бояться. Хватит кому бы то ни было, когда бы то ни было распоряжаться нашей жизнью»* [19, т. 4, с. 13]. Используя призывные формулировки, автор отстаивает право человека на счастливую и свободную жизнь, в которой нет места страху, лишениям и унынию, и акцентирует внимание адресата на преимущественном праве человека управлять своей жизнью. Подобное жизнеутверждающее обращение видим и в миниатюре «Люди социализма»: *«А мы тем не менее будем счастливы. Две вещи мы поняли: словам не верить – раз, надеяться на себя – два. Наружных врагов у нас нет. Мы им не нужны. Завоевывать нас себе дороже. А вдруг мы победим?! Так что с наружными врагами мы расправились собственным примером. А внутренним счастья не будет. Они живут в нашем окружении. Мы знаем друг друга наизусть и видим насквозь. Так что жизнь продолжается»* [19, т. 4, с. 48]. М. Жванецкий говорит о силе своего человека, которая заключается в способности быть счастливым вопреки всем трудностям и назло врагам. С точки зрения сатирика, противостоять абсурдности и социальному злу в лице бюрократической системы, которые стали обыденностью в современном ему обществе, возможно посредством обретения внутренней свободы. Ю.С. Степанов в работе «Константы. Словарь русской культуры» отмечает связь концептов СВОЙ и СВОБОДНЫЙ ЧЕЛОВЕК [20, с. 137], что находит отражение в концептуальном содержании картины мира М. Жванецкого. Для М. Жванецкого свобода являлась высшей ценностью, о чем он говорил в интервью В. Познеру: *«...я всегда был свободен. И в советское время был свободен, и сейчас свободен. Я пишу то, что хочу, и говорю, что хочу. Я понимаю, что я не попадаю с этим в эфир, но говорю – что хочу»* [22], а отвечая на вопрос о свободе человека в России, говорит: *«Люди не свободные. Страна, может быть, свободная, люди – не свободные»* [22]. Оппозиция СВОЙ – ЧУЖОЙ в картине мира М. Жванецкого представляется как противопоставленность власти и народа, в которой последний оказывается аксиологической доминантой автора, наделяемой им такими каче-

ствами, как честность, чувство собственного достоинства и порядочность. Прагматика текстов М. Жванецкого реализуется благодаря сатирическому вектору их направленности: занимая позицию справедливого критика и противопоставляя бедность и незащищенность обывателя всевластию и сытости партийных элементов, М. Жванецкий манифестирует в своих произведениях важнейший концептуальный смысл – «человек должен быть свободным».

С изменением социокультурного контекста меняется и содержательное наполнение оппозиции СВОЙ – ЧУЖОЙ в картине мира М. Жванецкого. Это можно проследить на примере миниатюр автора, созданных в период зарождения и развития нового государства – Российской Федерации. Упразднение КПСС как властной структуры, переход к новой экономической и политической системе, приватизация государственной собственности и зарождение новых социальных элементов – частных предпринимателей, бизнесменов – определили тематику и проблематику поздних сатирических текстов М. Жванецкого и, соответственно, наполнили содержание концептуальной оппозиции СВОЙ – ЧУЖОЙ новыми компонентами.

Программой для сборника «трактатиков, написанных после 2000 года» является миниатюра «Куда-то в две тысячи... год», тематика которой определяется социально-культурным контекстом. Дискурсивно обусловлена и расстановка смысловых акцентов в содержании концептуального смысла СВОЙ – ЧУЖОЙ, связанная в первую очередь с трансформацией способов актуализации концепта ЧУЖОЙ.

Компонент СВОЙ концептуальной оппозиции СВОЙ – ЧУЖОЙ репрезентируется так же, как в ранних сатирических текстах М. Жванецкого, в первую очередь нереперентным *мы*: *«Мы дожили, это главное. Мы на перепутье, мы не можем стать такими, как другие, нас многое отличает. Мы лежим, сидим, валяемся, но на правильном пути»*, *«Кстати, как изменилась жизнь – все достижения советской власти успешно идут по цене металлолома. Значит, не напрасно мы вкалывали столько пятилеток»* [19, т. 5, с. 9]. Под обобщенным *мы* автор подразумевает себя и своих современников, которые пережили распад СССР и в данный момент времени ощущают переломный в истории их страны момент. Использование глаголов *лежим, сидим, валяемся*, а также развернутой метафоры *«все достижения советской власти идут по цене металлолома»* позволяет автору акцентировать внимание адресата на отсутствии в современном ему государстве развития как важнейшей бытийной и

ценностной категории. Эти смыслы усиливаются благодаря использованию для репрезентации существующего мироощущения метафоры «*перепутье*». 1999 г. завершился прощальной речью президента Б.Н. Ельцина, исполняющим обязанности президента стал премьер-министр Владимир Путин, россияне стояли на пороге нового тысячелетия, которое после «лихих 90-х» с характерными им разгулом бандитизма, острым дефицитом, бедностью и общей неустроенностью пугало неизвестностью: «*У меня было ощущение важности происходящего и страх*» (из воспоминаний россиян о последнем новогоднем обращении президента Б.Н. Ельцина [23]). Такой экстралингвистический фактор, как капиталистические отношения, ставшие основой общества периода формирования государства нового типа, также оказал влияние на формирование концептуальной оппозиции СВОЙ – ЧУЖОЙ: «*Нам открылся другой мир, где мы – спрос. Мы и формируем то, что нам показывают и продают*» [19, т. 5, с. 9]. Творчески осмысляя новые реалии действительности, М. Жванецкий с иронией говорит о потребительском отношении чужого к своему. Проникновение капитализма и в сферу творческой деятельности сатирик отмечает в миниатюре «Август»: «*Стали писать быстрее, мельче, короче, матом, выстрелами и плохим языком для лучшего проникновения в душу покупателя. Поняли, что книгу читают не читатели, а покупатели*» [19, т. 5, с. 17]. Товарно-денежные отношения как общественная реалья формируют абстрактно-символический уровень концептуального смысла ЧУЖОЙ, который в картине мира автора сводится к пониманию чужого как слепого потребителя.

На изменениях в содержании концептуальной оппозиции СВОЙ – ЧУЖОЙ сказался и такой экстралингвистический фактор, как завершение периода «железного занавеса» – информационного, пограничного и политического барьера между капиталистическими и социалистическими странами. Факт ограничения в выезде за границу для советских граждан нашел широкое отражение в сатирических текстах М. Жванецкого. В миниатюрах III тома и ранних миниатюрах IV тома видим почти дублирующие друг друга высказывания: «*Хотя за понятием „родина“ у нас всегда стояли НКВД, МВД, ОВИР, выездная комиссия обкома партии*» [19, т. 3, с. 162]; «*За словом „родина“ скромно сидят ОВИР, НКВД и выездная комиссия обкома*» [19, т. 4, с. 57]. «*И родину представляю в виде ОВИРа, выездной комиссии обкома партии, отдела учета и распределения жилой площади*» [19, т. 4, с. 97]. М. Жванецкий,

сатирически осмысляя понятие «родина», ставит его в один ряд с государственными структурами, которые являлись в СССР и постсоветской России главными регуляторами общественной жизни и инструментами идеологической пропаганды. В подобных условиях содержательное наполнение оппозиции СВОЙ – ЧУЖОЙ в авторской картине мира ограничивалось расстановкой акцентов в плоскости общественной жизни: СВОЙ – «мы», «люди», «народ», ЧУЖОЙ – «они», «государственные служащие», «партийные элементы».

Иной подход в актуализации концептуальных смыслов видим в поздних миниатюрах М. Жванецкого. Так, в миниатюре «Путевые заметки» оппозиция *мы* – *они* приобретает смысл противопоставления менталитетов наций: «*Германия... Скучно так, что можно повеситься на входе и на выходе... Тут они начинают петь марши, надевать мундиры, бежать строем через Берлин. Свобода полная. Только не принято. Это не принято, то не принято. Все не принято*» [19, т. 4, с. 74]; «*Америка... Грандиозно!.. Пока не заболеешь. Они не виноваты, и ты не виноват... И они не приезжают. И правильно делают. Ты выживаешь сам*» [19, т. 4, с. 74]. Компонент ЧУЖОЙ концептуальной оппозиции СВОЙ – ЧУЖОЙ на абстрактно-символическом уровне расширяется до понимания чужого как иностранца, чужеземца, человека иной культуры. М. Жванецкий мастерски иллюстрирует культурные различия на примере бытовой ситуации: «*Один наш в ихней бане... сказал среди немцев на плохом английском языке: – Да что ж вы в сухом пару? Хотите, я вам покажу настоящий пар? Все молчали. Он плеснул, достал, принес, отбил, поколотил, перевернул. Все молчали. Хозяин по просьбе присутствующих попросил его больше не приходить*» [19, т. 4, с. 74]. Концептуальный смысл СВОЙ репрезентируется в миниатюре использованием «излюбленного» словосочетания М. Жванецкого *один наш* и разговорной формы притяжательного местоимения *их* – *ихней*, а также приема умолчания (*плеснул, достал, принес, отбил, поколотил, перевернул*) для лаконичного описания понятной любому русскому человеку процедуры парения с применением березовых веников (*плеснул (воду в печь), достал (веник), принес (таз с водой), отбил, поколотил (спину веником), перевернул (человека со спины на живот)*). Сатирический вектор направленности миниатюры позволяет автору расставить акценты на том, что является аксиологически значимым как для русского человека, так и для самого автора, однако никогда не будет понято человеком иной культуры.

Еще одним дискурсивным фактором, оказавшим влияние на формирование тематики и проблематики сатирических текстов М. Жванецкого, являются внешнеполитические отношения России, в частности, отношения с США. Концептуальный смысл АМЕРИКА в аспекте противопоставления своего и чужого играет ключевую роль в формировании оппозиции СВОЙ – ЧУЖОЙ. В сатирических текстах М. Жванецкого концептуальный смысл АМЕРИКА репрезентируется на абстрактно-символическом уровне как страна изобилия, достатка: *«Красиво, сытно, богато и далеко. Америка, едрен-ть!»* [19, т. 4, с. 74]; *«Со второго этажа видны горы и море. Не горе и море, как в Одессе, а горы и море»* [19, т. 4, с. 77]; *«В USA есть все. Все, что вы захотите, там есть»* [19, т. 4, с. 77]; *«...в американском самолете чисто, быстро и нет хамства, это понимаешь и без языка»* [19, т. 4, с. 77]; *«Из чего состоит американец? Из улыбки, фигуры, зубов и путешествий...»* [19, т. 4, с. 149]; *«...возвращаться они не хотят и дежурят у берегов Америки беспрерывно. Все-таки обеспеченная страна»* [19, т. 4, с. 215]. Богатство, сытость, изобилие и достаток, прочно ассоциирующиеся с жизнью в США, резко противопоставляются жизни на родине: *«Родина приближается неумолимо. Ощущение опасности, пьянства и женщин. Родина – царство этих трех понятий. Теперь о том, откуда удаляюсь. Дома там у наших огромные, как райкомы КПСС. Внизу белые рояли, бассейны и джакузи. С родиной связь через живопись. Вошел в картину и вышел в снег к курятнику»* [19, т. 4, с. 77]. Концептуальный смысл СВОЕ на языковом уровне репрезентируется лексемами *опасность, пьянство, горе*, имеющими отрицательную коннотацию, концептуальный смысл ЧУЖОЕ – лексемами *красиво, сытно, богато, чисто, быстро, обеспеченность*, имеющими положительную коннотативную составляющую, лексемами *фигура* (имеется в виду поддержание тела в форме), *зубы* (здоровые зубы, не нуждающиеся в лечении), *путешествия* как неотъемлемый компонент насыщенного и качественного образа жизни. С одной стороны, аксиологически ценные для автора аспекты человеческой жизни соотносятся с концептуальным смыслом ЧУЖОЙ, интенция автора сводится к тому, чтобы показать, насколько привлекательно то, что является чужим, и насколько плохо то, что является своим. Однако, говоря о пребывании в США, М. Жванецкий отмечал: *«Это совсем другой мир. Там ты чужой. Ты можешь быть талантливым чужим, ты можешь быть любимым чужим. Но ты не свой. А на Родине – свой»* [24]. Привязанность к родине находит отра-

жение и в миниатюрах М. Жванецкого: *«Куда я с раскладушкой в Америке? Они даже не знают, как ее раскладывать»* [19, т. 4, с. 110]; *«Здравствуйте, товарищи. Как вам Америка? ...Нет, я не ради себя, я ради детей. Будущих, будущих. И ради будущей жены. Как я мог там оставаться, зная, что все они здесь! Вот ради них я здесь. Здравствуйте, господа! Какая прекрасная страна! Не помешал? Живите, живите. Я с краешку... Я с вами»* [19, т. 5, с. 76]. В картине мира М. Жванецкого аксиологическая составляющая концептуального смысла СВОЕ на абстрактно-символическом уровне сводится к категории глубокой внутренней привязанности, патриотизма. Родина – место, где человек чувствует себя своим, понятым, – представляет для М. Жванецкого аксиологическую доминанту. По мнению М. Жванецкого, чужой не способен понять значимость тревог, лишений, бед, выпавших на долю своего, об этом он в миниатюре «Ура! Мы снова живы!» говорит: *«Только в этой проклятой, любимой стране, которую многие называют родиной, обыкновенный человек за шестьдесят лет спотыкался головой об 37-й – посадочный. Об 41-й – отечественный. Об 48-й – голодный. Об 53-й – переломный. Об 85-й – перестроечный. Об 91-й – путчевый. Это же надо так кромсать биографию! Что же они хотят там в Америке? Чтоб в этом полуживом состоянии мы думали о вечном?»* [19, т. 4, с. 108]. Этим обусловлена репрезентация концептуального смысла ЧУЖОЙ на абстрактно-символическом уровне не просто как чего-то чуждого, но чего-то враждебного. Подобная репрезентация соотносится и с общими настроениями российского общества описываемой эпохи, подтверждение чему видим в одном из интервью М. Жванецкого: *«А у нас к Штатам вообще странное отношение среди населения – огромная тяга подражать Америке и враждовать с ней»* [24]. Репрезентация отношений своего и чужого в виде гонки и вражды между Россией и Америкой наблюдается в ряде миниатюр М. Жванецкого IV и V томов: *«Надо обязательно догнать Америку»* [19, т. 5, с. 263]; *«„Назло Америке“ мы многого достигли»* [19, т. 4, с. 175]; *«Несмотря на семьдесят лет советской власти, которая обожала негров в пику Америке»* [19, т. 5, с. 73]; *«Да хранит Бог Америку. Она так устроена. Имея все. Следя уже за здоровьем. Бегая, прыгая, изобретая и делая жизнь удобной, Америка вызывает раздражение у всего мира»* [19, т. 5, с. 77]; *«В каждой стране куча дел. Но некогда – надо ненавидеть Америку!»* [19, т. 5, с. 78]; *«Переход наших стран из противников в друзья, по документальным данным, обойдется им в двести*

миллиардов долларов...» [19, т. 4, с. 119]. М. Жванецкий, для которого характерно глубоко философское понимание жизни, объясняя враждебное отношение россиян к американцам, в авторской передаче «Дежурный по стране» говорил: «Ну все вот эти ценности – ну не принимают наши люди, ну не принимают» [25]. В картине М. Жванецкого непонимание ценностей *чужого*, враждебное отношение к нему и одновременное стремление оказаться там, «где нас нет», – истинная сущность *своего*. Таким образом, концептуальная оппозиция СВОЙ – ЧУЖОЙ на абстрактно-символическом уровне представлена как противопоставление аксиологически ценного для автора образа России, жизнь в которой, с точки зрения обывателя, трудна и непривлекательна, и образа Америки – государства изобилия и материального благополучия.

Заключение

Социокультурный контекст играет важную роль не только в формировании тематики и проблематики сатирических текстов М. Жванецкого, но и в формировании концептуальных смыслов, наполняющих содержание картины мира автора.

Концептуальная оппозиция СВОЙ – ЧУЖОЙ, являющаяся универсальной культурной константой, в картине мира М. Жванецкого представлена как многослойное, динамическое, дискурсивно обусловленное концептуальное образование. На формирование смысловых компонентов данной концептуальной оппозиции оказали влияние такие социально-политические реалии, как перестройка, социальное неравенство, спад «железного занавеса», смена политического режима.

Многослойность концептуальной оппозиции СВОЙ – ЧУЖОЙ в картине мира М. Жванецкого обусловлена репрезентацией ее компонентов в плоскости аксиологической системы автора, а также в контексте противопоставленности, во-первых, социальных ролей, во-вторых, культурных особенностей людей различных национальностей.

Концептуальный смысл СВОЙ в картине мира М. Жванецкого, с одной стороны, связан с пониманием человека, природа которого раскрывается во всем многообразии жизненных ситуаций, связанных с общественными отношениями, существованием в условиях жесткой государственной политики, идеологические основы которой не всегда соотносятся с нравственными и цен-

ностными ориентирами обывателя. Высшими ценностями М. Жванецкий считает чувство внутренней свободы, отсутствие которой у современного ему обывателя он сатирически высмеивает и к борьбе за которую призывает адресата своего творчества, а также порядочность, которой нет места в современном ему обществе. С другой стороны, концептуальный смысл СВОЙ расширяется до почти универсального понимания русского человека, для которого «там хорошо, где нас нет», и родины – *своего* места, где ценностные и жизненные ориентиры просты и понятны, где пройдены сложные этапы, пережиты исторические события, ставшие неотъемлемой частью жизни. В миниатюрах М. Жванецкого основным языковым средством репрезентации концептуального смысла СВОЙ является местоимение *мы* во всем многообразии его грамматических форм, что свидетельствует о неотделимости автора от современного ему социума, который является главным предметом изображения М. Жванецкого.

Концептуальный смысл ЧУЖОЙ также актуализирован в проанализированных миниатюрах М. Жванецкого в двух срезах – социальном и национальном. Основными средствами репрезентации концептуального смысла ЧУЖОЙ, с одной стороны, являются лексемы, указывающие на социально-политические реалии, современные автору, что позволяет говорить о том, что в картине мира автора чужим является то, что провоцирует конфликт между жизненными целями обывателя, ограничивает его свободу. Концептуальный смысл ЧУЖОЙ в картине мира М. Жванецкого тесно связан с представлениями автора о чиновниках, партийных элементах, ценностные ориентиры которых завязаны на обогащении, корыстолюбии и имеют мало отношения к нуждам и желаниям людей. С другой стороны, чужими М. Жванецкому представляются люди иной культуры, найти понимание с которыми, с точки зрения сатирика, невозможно вследствие различных пресуппозиций и ценностных ориентиров.

Перспективы исследования творчества М. Жванецкого разворачиваются в плоскости анализа концептуальной структуры картины мира автора и связываются с проведением контент-анализа с целью выявления частотных слов и, соответственно, ключевых концептов, структурирующих авторскую картину мира.

Список источников

1. Луков В.А., Федотов О.И. Сатира // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 2. С. 312–316.
2. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. М., 2001. 270 с.
3. Арутюнова Н.Д. Дискурс // ЛЭС / под ред. В.Н. Ярцевой. М., 1990. 685 с.

4. Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / Б.А. Серебrenников, Е.С. Кубрякова, В.И. Поставалова и др. М.: Наука, 1988. 216 с.
5. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика: учебное издание. М.: АСТ: «Восток-Запад», 2007. 314 с.
6. Пименова М.В. Предисловие // Введение в когнитивную лингвистику / под ред. М.В. Пименовой. Кемерово, 2004. Вып. 4. 208 с.
7. Драчева С.И. Экспериментальное исследование вербального содержания этнической концептуальной системы // Текст: структура и функционирование. Вып. 2. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. С. 60–64.
8. Мамматов Г.М. Концепция музыки К.Д. Бальмонта и ее воплощение в книге стихов «Дар земле» // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 498. С. 47–58. doi: 10.17223/15617793/498/6
9. Корнеев А.В. Мифологический мотив чуда в драматических произведениях Даниила Хармса // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 489. С. 16–24. doi: 10.17223/15617793/489/2
10. Трач А.С. Феномен М.М. Жванецкого: жанровый и прагмалингвистический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Таганрог, 2007. 185 с.
11. Карпова А.М. Экспрессивная лексика как средство выразительности в творчестве М.М. Жванецкого // Студенческий электронный журнал СтРИЖ. 2020. № 3 (32). С. 112–114.
12. Фефелова Г.Г. Языковые приемы комического как особенности идиостиля М. Задорнова и М. Жванецкого // Теоретические и практические проблемы развития современной гуманитарной науки: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. Уфа: Башкирский гос. ун-т, 2020. С. 161–166.
13. Гуляева А.А. Роль неполных предложений в создании эффекта комического в художественных произведениях М.М. Жванецкого // Студенческий вестник. 2021. № 23-1 (168). С. 25–27.
14. Колесниченко Е.Л., Габидуллина А.Р. Парадоксальные высказывания в произведениях М. Жванецкого // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2013. № 1. С. 54–65.
15. Стихина М.А. Особенности применения переводческих трансформаций при переводе афоризмов (на материале произведений М.М. Жванецкого и С. Фрая) // Актуальные вопросы филологической науки XXI века: сб. ст. по материалам III Всерос. науч. конф. молодых ученых: в 2 ч. / под общ. ред. Ж.А. Храмушиной, А.С. Поршневой, Л.А. Запеваловой, А.А. Ширшиковой. Екатеринбург: Уральский федеральный ун-т, 2013. С. 324–329.
16. Лаврова С.Ю., Бочкарева Ю.Ю. Концепты «ум» и «глупость» в современном русском юмористическом дискурсе (на материале текстов М. Жванецкого и «Comedy club») // Вестник Череповецкого государственного университета. 2009. № 3 (22). С. 31–36.
17. Карасик В.И. Семиотика размышлений М.М. Жванецкого // Коммуникативные исследования. 2024. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semiotika-razмышleniy-m-m-zhvanetskogo> (дата обращения: 20.03.2025).
18. Кубасов А.В. Союз в тексте М.М. Жванецкого как отражение менталитета советского человека // Политическая лингвистика. 2017. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsyaz-v-tekste-m-m-zhvanetskogo-kak-otrazhenie-mentaliteta-sovetskogo-cheloveka> (дата обращения: 20.03.2025).
19. Жванецкий М.М. Собрание произведений в пяти томах. WebKнига. Т. 1: Шестидесятые. 167 с.; Т. 2: Семидесятые. 239 с.; Т. 3: Восьмидесятые. 272 с.; Т. 4. Девяностые: 239 с.; Т. 5: Двадцать первый век. 201 с.
20. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М.: Академ. проект, 2004. 992 с.
21. Попова А.Д. «Когда же она кончится, эта руководящая власть КПСС?»: образ власти в сознании советских людей во времена перестройки // Новый исторический вестник. 2015. № 1 (43). С. 68–80.
22. Интервью М. Жванецкого В. Познеру 21.08.2019 // Познер Online. URL: <https://pozneronline.ru/2019/08/26194> (дата обращения: 23.02.2025).
23. «Я хочу попросить у вас прощения»: как Борис Ельцин ушел в отставку с поста президента // Родина. URL: <https://rodina-history.ru/2024/12/31/ia-hochu-poprosit-u-vas-proshcheniia-kak-boris-elcin-ushel-v-otstavku-s-posta-prezidenta.html> (дата обращения: 28.02.2025).
24. Интервью М. Жванецкого телеведущему Андрею Максимова // Аргументы и факты. 2017. № 27. Зачем России столько чиновников? URL: https://aif.ru/culture/person/zhratva_est_eto_glavnoe (дата обращения: 01.03.2025)
25. Дежурный по стране // Жванецкий.ру. URL: <http://www.jvanetsky.ru/data/text/vs/dejurnyi51/> (дата обращения: 15.03.2025).

References

1. Lukov V.A., Fedotov O.I. Satira [Satire]. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye – Knowledge. Understanding. Skill*, 2013, no. 2, pp. 312–316 (in Russian).
2. Krasnykh V.V. *Osnovy psikholingvistiki i teorii kommunikatsii* [Fundamentals of psycholinguistics and communication theory]. Moscow, 2001. 270 p. (in Russian).
3. Arutyunova N.D. Diskurs [Discourse]. In: Yartseva V.N. (ed.) *LES*. Moscow, 1990. 685 p. (in Russian).
4. Serebrennikov B.A., Kubryakova E.S., Postovalova V.I. et al. *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira* [The role of the human factor in language: Language and the worldview]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 216 p. (in Russian).
5. Popova Z.D., Sternin I.A. *Kognitivnaya lingvistika: uchebnoye izdaniye* [Cognitive linguistics: a textbook]. Moscow, AST, Vostok-Zapad Publ., 2007. 314 p. (in Russian).
6. Pimenova M.V. Predisloviye [Preface]. In: Pimenova M.V. (ed.) *Vvedeniye v kognitivnuyu lingvistiku* [Introduction to cognitive linguistics]. Kemerovo, 2004. Vol. 4. 208 p. (in Russian).
7. Drachyova S.I. Eksperimental'noye issledovaniye verbal'nogo soderzhaniya etnicheskoy kontseptual'noy sistemy [Experimental study of the verbal content of the ethnic conceptual system]. *Tekst: struktura i funktsionirovaniye* [Text: structure and functioning]. Vol. 2. Barnaul, Altay university Publ., 1997. Pp. 60–64 (in Russian).
8. Mammatov G.M. Kontseptsiya muzyki K.D. Bal'monta i yeyo voploshcheniye v knige stikhov "Dar zemle" [The concept of music by K.D. Balmont and its embodiment in the book of poems "Gift to the Earth"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2024, no. 498, pp. 47–58 (in Russian). doi: 10.17223/15617793/498/6
9. Korneev A.V. Mifologicheskii motiv chuda v dramaticheskikh proizvedeniyakh Daniila Harmsa [Mythological motif of a miracle in the dramatic works of Daniil Kharmas]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2023, no. 489, pp. 16–24 (in Russian). doi: 10.17223/15617793/489/2
10. Trach A.S. Fenomen M.M. Zhvanetskogo: zhanrovyy i pragmalingvisticheskiy aspekty. *Dis. kand. filol. nauk* [The phenomenon of M.M. Zhvanetsky: genre and pragmalinguistic aspects. Diss. cand. philol. sci.]. Taganrog, 2007. 185 p. (in Russian).
11. Karpova A.M. Ekspressivnaya leksika kak sredstvo vyrazitel'nosti v tvorchestve M.M. Zhvanetskogo [Expressive vocabulary as a means of expressiveness in the works of M.M. Zhvanetsky]. *Studencheskiy elektronnyy zhurnal StrIZh – Student electronic journal StrIZh*, 2020, no. 3 (32), pp. 112–114 (in Russian).
12. Fefelova G.G. Yazykovyye priomy komicheskogo kak osobennosti idiostilya M. Zadornova i M. Zhvanetskogo [Language techniques of the comic as features of the idiosyncrasy of M. Zadornov and M. Zhvanetsky]. *Teoreticheskiye i prakticheskiye problemy razvitiya sovremennoy gumanitarnoy nauki: materialy VI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Theoretical and practical problems of the development of modern humanitarian science: materials of the VI International scientific and practical conference]. Ufa, Bashkir State University Publ., 2020. Pp. 161–166 (in Russian).
13. Gulyaeva A.A. Rol' nepolnykh predlozheniy v sozdaniy efekta komicheskogo v khudozhestvennykh proizvedeniyakh M.M. Zhvanetskogo [The role of incomplete sentences in creating the comic effect in the works of M.M. Zhvanetsky]. *Studencheskiy vestnik – Student Bulletin*, 2021, no. 23-1 (168), pp. 25–27 (in Russian).
14. Kolesnichenko E.L., Gabidullina A.R. Paradoksal'nyye vyskazyvaniya v proizvedeniyakh M. Zhvanetskogo [Paradoxical statements in the works of M. Zhvanetsky]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshey shkoly – Philological sciences. Scientific reports of higher education*, 2013, no. 1, pp. 54–65 (in Russian).
15. Stikhina M.A. Osobennosti primeneniya perevodcheskikh transformatsiy pri perevode aforizmov (na materiale proizvedeniy M.M. Zhvanetskogo i S. Fraya) [Features of the application of translation transformations in the translation of aphorisms (based on the works of M.M. Zhvanetsky and S. Fry)]. *Aktual'nyye voprosy filologicheskoy nauki XXI veka: sbornik statey po materialam III Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii molodykh uchenykh: v 2 chastyakh* [Actual issues of philological science of the 21st century: collection of articles based on the materials of the III All-Russian scientific conference of young scientists: in 2 parts]. Under the general editorship of Zh.A. Khrushina, A.S. Porshneva, L.A. Zapevalova, A.A. Shirshkova. Yekaterinburg, Ural Federal University Publ., 2013. Pp. 324–329 (in Russian).
16. Lavrova S.Yu., Bochkareva Yu.Yu. Koncepty "um" i "glupost'" v sovremennom russkom yumoristicheskom diskurse (na materiale tekstov M. Zhvanetskogo i "Comedy club") [The concepts of "intelligence" and "stupidity" in modern Russian humorous discourse (based on the texts by M. Zhvanetsky and "Comedy club")]. *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Cherepovets State University*, 2009, no. 3 (22), pp. 31–36 (in Russian).
17. Karasik V.I. Semiotika razmyshleniy M.M. Zhvanetskogo [Semiotics of M.M. Zhvanetsky's thoughts]. *Kommunikativnyye issledovaniya – Communicative studies*, 2024, no. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semiotika-razmyshleniy-m-m-zhvanetskogo> (accessed 20 March 2025).

18. Kubasov A.V. Sotsyaz v tekste M.M. Zhvanetskogo kak otrazheniye mentaliteta sovetskogo cheloveka [Social language in Zhvanetsky's text as a reflection of the mentality of the Soviet man]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics]. 2017 (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsyaz-v-tekste-m-m-zhvanetskogo-kak-otrazhenie-mentaliteta-sovetskogo-cheloveka> (accessed 20 March 2025).
19. Zhvanetskiy M.M. Sobraniye proizvedeniy v pyati tomakh [Collected works in five volumes]. WebKniga. T. 1. Shestidesyatytye. T. 2. Semidesyatytye. T. 3. Vos'midesyatytye. T. 4. Devyanostyye. T. 5. Dvadsat' pervyy vek [Vol. 1: The Sixties. 167 p.; Vol. 2: The Seventies. 239 p.; Vol. 3: The Eighties. 272 p.; Vol. 4. The Nineties: 239 p.; Vol. 5: The Twenty-First Century] (in Russian).
20. Stepanov Yu.S. *Konstanty: slovar' russkoy kul'tury* [Constants: a dictionary of Russian culture]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2004. 992 p. (in Russian).
21. Popova A.D. "Kogda zhe ona konchitsya, eta rukovodyashchaya vlast' KPSS?": obraz vlasti v soznanii sovetskikh lyudey vo vremena perestroyki ["When will it end, this ruling power of the CPSU?": the image of power in the minds of Soviet people during perestroika]. *Novyy istoricheskiy vestnik*, 2015, no. 1 (43), pp. 68–80 (in Russian).
22. Interv'yu M. Zhvanetskogo V. Pozneru 21.08.2019 [Interview of M. Zhvanetsky to V. Pozner on August 21, 2019]. Pozner Online (in Russian). URL: <https://pozneronline.ru/2019/08/26194> (accessed 23 February 2025).
23. "Ya khochu poprosit' u vas proshcheniya": kak Boris El'tsin ushel v otstavku s posta prezidenta ["I want to ask you for forgiveness": how Boris Yeltsin resigned as president]. *Rodina* (in Russian). URL <https://rodina-history.ru/2024/12/31/ia-hochu-poprosit-u-vas-proshcheniia-kak-boris-elcin-ushel-v-otstavku-s-posta-prezidenta.html> (accessed 28 February 2025).
24. Interv'yu M. Zhvanetskogo televedushchemu Andreyu Maksimovu [Interview of M. Zhvanetsky to TV presenter Andrei Maksimov]. *Argumenty i Fakty*, no. 27. Zachem Rossii stol'ko chinovnikov? (in Russian). URL: https://aif.ru/culture/person/zhratva_est_eto_glavnoe (accessed 1 March 2025).
25. Dezhurnyy po strane [On duty in the country]. *Zhvanetsky.ru* (in Russian). URL: <http://www.jvanetsky.ru/data/text/vs/dejurnyi51/> (accessed 15 March 2025).

Информация об авторах

Жукова Е.Ю., аспирант, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

E-mail: lenko1994s@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-2196-6694>, SPIN-код 9156-7125

Курьянович А.В., доктор филологических наук, доцент, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

E-mail: kurjanovich.anna@rambler.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3247-3975>; SPIN-код: 2715-8557; ResearcherID: JHT-8265-2023; Scopus Author ID: 57221665908; AuthorID: 362496

Information about the authors

Zhukova Ye.Yu., graduate student, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

E-mail: lenko1994s@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-2196-6694>; SPIN-code: 9156-7125

Kuryanovich A.V., Doctor of Philology, Associate Professor, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

E-mail: kurjanovich.anna@rambler.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3247-3975>, SPIN-code: 2715-8557; ResearcherID: JHT-8265-2023; Scopus Author ID: 57221665908; AuthorID: 362496

Статья поступила в редакцию 21.03.2025; принята к публикации 26.09.2025

The article was submitted 21.03.2025; accepted for publication 26.09.2025

УДК 81–112.2

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-6-20-29>

Трехчастность языка: системно-функциональные зависимости

Юрий Викторович Кобенко

*Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, Россия,
serpentis@tpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2940-2233>*

Аннотация

Статья посвящена описанию устройства языка с позиций структурно-системной и функциональной лингвистики. Предлагается различать систему, функцию и свод правил, совокупно обеспечивающих коммуникативную пригодность языка: элементы словарных множеств комбинируются в речи по определенным правилам с целью создания новых выразительных средств. Системный полюс языка является статичным и стереотипным: в его составе выделяются словарные элементы, структурированные гипо-, гиперонимическим способами. Область гиперонимии указывает на сгущение семантического признака в ядре словарного множества, а гипонимия – на его рассеивание к периферии, где наблюдается зона нахлеста с другими тематически родственными полями. Гипонимы уточняют общее значение гиперонима и представляют собой древовидное ветвление (ризому), образующую ономазиологическую структуру поля. Система определяется по формуле $L = A + S$, где L (langue – система), A – ограниченное словарное множество (символ математической логики) и S – структурная организация приводящих элементов. Функциональный полюс языка динамичен и обладает собственной структурой, выстраиваемой в логике агрегации (от меньшего к большему): выразительные средства укрупняются до регистров экспрессивно-семантической окраски, регистры образуют жанры, жанры встраиваются в стили и функциональные стили, чей «пятилистник» составляет функциональный репертуар языка. Разновидности репертуара определяются различного рода ограничениями, связанными с варьированием языка: социальными (акролекты, базилекты, металекты), территориальными (диалекты, койне), профессиональными (социолекты, профессиональные) и историческими (историолекты, адстраты). Функция находится по формуле $\{E\}A_1 U$ (математический оператор объединения) $\{E\}A_2 =$ выразительное средство. Речевое комбинирование выразительных средств, повышающих аппликативность языка, осуществляется в соответствии с правилами, которые структурируются не только по уровням (ярусам) языка (фонетическому, морфологическому, лексическому и синтаксическому), но и сообразно с риторическими (стилистическими) и прагматическими схемами композиции средств. В силу этого предлагается отказаться от отжившего термина «грамматика» и заменить его более пригодным – «правила языка». Полученные выводы могут быть использованы как для сугубо теоретических нужд, так и в практике преподавания и организации языковой подготовки.

Ключевые слова: устройство языка, структура, система, функция, грамматика, правило, словарное множество, элементы, речевое комбинирование.

Для цитирования: Кобенко Ю.В. Трехчастность языка: системно-функциональные зависимости // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 6 (242). С. 20–29. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-6-20-29>

Tripartite nature of language: systemic and functional dependencies

Yuriy V. Kobenko

*National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation,
serpentis@tpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2940-2233>*

Abstract

The article is devoted to the description of the language structure from the standpoint of structural-systemic and functional linguistics. It is proposed to distinguish between the system, function and set of rules that collectively ensure the communicative suitability of the language: elements of vocabulary sets are combined in speech according to certain rules in order to create new expressive means. The systemic pole of the language is static and stereotypical: it includes vocabulary elements structured in a hypo-hyperonymic way. The area of hyperonymy indicates the condensation of the semantic feature in the core of the vocabulary set, and hyponymy indicates its dispersion to the periphery, where there is a zone of overlap with other thematically related fields. Hyponyms clarify the general meaning of the hypernym and represent a tree-like branching (rhizome) that forms the onomasiological structure of the field. The system is determined by the formula $L = A + S$, where L (langue – system), A is a limited vocabulary set (symbol of mathematical logic) and S is the structural organization of the incoming elements. The functional pole of language is dynamic and has its own structure, built in the logic of aggregation (from smaller to larger): expressive means are en-

larged to registers of expressive-semantic coloring, registers form genres, genres are built into styles and functional styles, whose 'five-petal' makes up the functional repertoire of language. The varieties of repertoire are determined by various kinds of restrictions associated with the variation of language: social (acrolects, basilects, metalects), territorial (dialects, koine), professional (sociolects, professolects) and historical (historiolects, adstrates). The function is found by the formula $\{E\}A1 U$ (mathematical operator of unification) $\{E\}A2 =$ expressive means. Speech combination of expressive means that increase the applicativity of language is carried out in accordance with the rules that are structured not only by the levels (tiers) of language (phonetic, morphological, lexical and syntactic), but also in accordance with the rhetorical (stylistic) and pragmatic schemes of the composition of means. Due to this, it is proposed to abandon the obsolete term 'grammar' and replace it with more appropriate 'rules of language'. The findings can be used both for purely theoretical needs and in the practice of teaching and organizing language training.

Keywords: language composition, structure, system, function, grammar, rule, vocabulary set, elements, speech combination

For citation: Kobenko Yu.V. Tryokhchastnost' yazyka: sistemno-funktsional'nyye zavisimosti [Tripartite nature of language: systemic and functional dependencies]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 6 (242), pp. 20–29 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-6-20-29>

Введение

Проблема устройства языка, занимавшая умы крупнейших лингвистов все ушедшее столетие, в исследованиях последнего времени заметно отошла на второй план, уступив центровую позицию вопросам функционального и прикладного свойства, среди которых наиболее существенными по-прежнему признаются аспекты так называемой психолингвистической природы. Вряд ли смещенный фокус внимания вызван тем обстоятельством, что главенствующий на лингвистическом поприще без малого 70 лет постструктурализм решил указанную проблему для всех заинтересованных сторон, тем самым оправдав свое методологическое и попутно статистическое верховенство. Еще более сомнительной видится расхожая практика укрупнения границ объекта исследования с нахлестом на области антропологии и нейрофизиологии, давшие весьма неожиданно для всего языковедческого цеха больше научной новизны, нежели все постструктуралистские изыскания этого тысячелетия. Необходимо отметить, что экзерсисы такого рода могут удовлетворить любопытство лишь досужих читателей научной периодики, но не исследователей-теоретиков, находящихся в поиске ответов на фундаментальные вопросы языкознания. На этом фоне честные, подвижнические попытки отдельных аспирантов, невольно ставших в постиндустриальном обществе «свободного» рынка авангардом научной деятельности, рассеять многовековой туман в предложенной проблематике вызывают гораздо больше доверия, нежели многоголосый хор кандидатов и докторов наук, навязчиво и бездоказательно утверждающих, что язык существует то в невесомой «картине мира», то в «ментальном пространстве» отдельного пользователя, а то и вовсе в неизвестном нейрофизиологам «языковом сознании». Собственно, практики отождествления себя с антропологами

и другими представителями эволюционизма потому так и популярны, что позволяют хоть как-то замаскировать колоссальную брешь в научной новизне, коллективно декларируемой постструктуралистами весь указанный отрезок существования данной наукообразной религии. Понимая ее унитаристские притязания на статус эпистемологической моноосновы всего языкознания, позволим себе представить собственное понимание устройства языка на фундаменте системно-структурной и функциональной традиций лингвистики, отличающихся предпочтительной доказательностью выводов и положений.

Материал и методы

Основанием для избранной методологической платформы рассуждений выступает познание о том, что вопросы, касающиеся языка, лишены свойств эмергентности, как это обстоит, положим, с нейронами, и могут быть без потери смысла освещены в интралингвистическом ключе при исключении данных экстралингвистического толка. Безусловно, обратную опцию можно использовать и в качестве доказательства того, что интралингвистический ракурс сам по себе достаточен, но не как повод для расширения объекта, дающий якобы более обширную языковую фактуру. Следует подчеркнуть, что последнее выступает главным заблуждением постструктуралистов в вопросах так называемой холистичности описания признака *loquens* у представителей рода *homo* и выражается в культе «антропоцентризма», исповедуемом сегодня практически всеми авторами диссертаций в области филологических наук. Во-первых, любые обследования указанного признака с акцентом на гоминидной эволюции целиком и полностью отходят в вочину антропологии, обладающей собственным научным и достаточно сложным аппаратом, не тождественным языковедческому. Это не значит,

что у языкознания не может быть валидного нексуса с антропологией [1, с. 675], который бы обеспечивал прирост оперативной научной информации, но это и не значит также, что получаемый результат следует интерпретировать исключительно в языковом (или теоретическом), а не антропологическом ключе при условии соблюдения строгости всех методических процедур. Во-вторых, описание свойств паразита через его влияние на организм-донор, или, в английской терминологии, *host*, выглядит вынужденной, но не фундированной стратегией, что, в частности, доказывает небезопасность выхода в экстралингвистическую плоскость. Паразит-язык, безусловно, использует человека для репликации в среде [2, с. 113], формируя в его голове индивидуальную автокопию [3, с. 3], но может ли это помочь выявить объективное устройство самого языка? Отрицательный ответ на данный вопрос позволяет достичь сразу двух результатов: во-первых, отсечь за ненужностью фактуру экстрапорядка, тем самым наведя на мысль, что оставшиеся за ней сведения только мешают точности выводов; а во-вторых, недвусмысленно очертить границы самой проблемы, пролегающей, таким образом, в области интралингвистики, что и требовалось доказать.

Для чего же важно понимать, как устроен язык, как он функционирует и почему он жив? Ответ на эти сложные вопросы достаточно прост: как инженер, занимающийся отладкой определенного агрегата, должен разбираться в его устройстве, так и лингвист, рассуждающий о природе языка, должен понимать его существенные композиционные свойства. Вряд ли к агрегату допустят инженера, который не знаком с его устройством. По этой же причине не следует доверять и тем, кто, не понимая устройство языка, позволяет себе делать выводы о его структуре и функционировании.

Результаты и обсуждение

Древние представляли себе каталог языка в неразрывной связи с обозначаемыми вещами, доказательством чему служат старые термины *logos* (др.-греч. λόγος – «слово, дело, значение, разум») [4, с. 766–767] и «речь» (ст.-слав. рѣчь – «слово, язык, вещь») [5, с. 478]. Продолжительное господство логицизма в вопросах интерпретации туманной природы языка усиливает подозрение в том, что слова как ярлыки мыслей не отделялись от последних. Логика как первая наука о языке положила начало длительному периоду в истории лингвистических учений, когда любые речевые структуры трактовались через композиционную правильность, мыслительную

шаблонность и жанровую заданность. Грамматицизм в языкознании, берущий свое начало еще в античном мире, стигматизирует семантические категории как составляющие системы, не выводя их за рамки самой системы языка. Именно поэтому изучающие язык через грамматику традиционно испытывают значительные лексические дефициты и не владеют всем спектром функциональных особенностей языка. Правило подается гувернантками (отсюда название метода) как ключ к овладению речью, однако факт «зараженности» словами как элемент погружения в говорящую среду, или эффект подражания [6, с. 382], либо не учитывается вовсе, либо попросту замалчивается как несущественный. С приходом на лингвистическую арену функционализма (в первую очередь в его западной традиции) правило уступает место роли, однако не лишает восприятие языка схематичности и в известной мере шаблонности, присущих пражской, женевской и позже львовской школам: на первые позиции выходят вопросы порождения и организации речи, в то время как система – не всегда обосновательно – подается как производная функции [7, с. 42]. Обобщение накопленного опыта фундаментальной советской лингвистикой позволяет прийти к пониманию того, что в природе языка участвуют не две составляющие, как тому учит сосюррианство (даже со скидкой на подмену функции способностью *langage*), а как минимум три: система, функция и правила.

1. Система языка

Изобретение письменности позволило отделить язык от конкретного носителя и подспудно стало очередной важной победой неокортекса (социального мозга) над лимбической системой (инстинктивно-гормональным субстратом): обладая пусть и небольшим набором навыков письменной речи, любой носитель сознания отныне мог получить опыт другого, давно умершего носителя уникальных свойств мозга [8, с. 134–135]. В эволюционной цепи «невербальная (жестовая) речь → устная речь → письменная речь → осмысленная речь» человечество сделало значимый шаг к переносу речи в следующее поколение внегеномным путем. Будучи первой виртуальной системой, объединяющей всех особей популяции, язык перешел в качественно новое состояние коллективного интеллекта, осуществив давнюю мечту человека о безбарьерном общении и преодолении тягостных пространственно-временных ограничений [9, с. 184]. Такое надречевое и во многом искусственное состояние языка позволило объективировать в нем полезные гранулы накопленного языкового опы-

та – элементы, или единицы, между которыми в процессе коллективного пользования появились ростки полевой структуры. Сумма элементов и их структурных свойств дает очертания готовой системы по следующей формуле: $L = S + A$, где L – *langue* (система), S – структура, A – ограниченное множество элементов (логический символ) [10, с. 37]. Собственно, обнаружить за речью разных пользователей некий общий паноптикум языковых ярлыков не составляет труда: в этом могут помочь такие хорошо известные признаки системы, как наличие более одного элемента, связь всех элементов и, наконец, упомянутая выше эмергентность как свойство системы, не присущее каждому из ее элементов по отдельности (например, сознание как коллективный продукт деятельности нейронов). Однако одним из весьма неожиданных признаков системы языка становится ее *невидимость*, значительно затрудняющая, во-первых, ее обнаружение, а во-вторых, описание. Последнее дается лингвистам наиболее сложно, поскольку напоминает попытку описать устройство музыкального инструмента лишь по его звучанию: хорошо, если этот инструмент известен и его структура стереотипна, как, положим, у скрипки. Но что делать, если инструмент-язык совершенно чужой, как, к примеру, органистр, колесная арфа или серпент?

К счастью для рядовых пользователей языка, не подозревающих о проблемах теоретической лингвистики, все языковые системы обладают более или менее схожей структурой, которую можно обозначить гипо-гиперонимической: в центре, или ядре, полевой структуры наблюдается максимальная концентрация определенного семантического признака, который рассеивается к периферии [7, с. 16]. Ядром, как правило, выступает один элемент, обозначаемый гиперонимом, которому подчиняются гипонимы, содержащие обычно отдельные признаки (отсюда синоним гипонимии – детализация). Гипонимы одного уровня называются когипонимами (*брат, сестра; ложка, вилка*). Древовидное ветвление структуры поля зависит от количества элементов и обозначается термином «ризом» (гр. *ρίζωμα* – «корневище») [7, с. 17]. Полевая структура находится по формуле, приведенной выше, и понимается как разность системы и числа приводящих элементов: $S = L - A$. С точки зрения методологии словарное множество является базовым (несущим) элементом данной трехчастности, а структурное расположение единиц определяется эмпирически путем выведения индекса: к примеру, если элемент встречается во всех ста тематически очерченных контекстах (индекс 1,0), то он занимает ядерную (гиперонимическую) пози-

цию; далее в зависимости от убывания индексного показателя выводится центральная область (0,9–0,8) с последующим рассеиванием признака к периферии (0,7–0,1), где располагаются элементы смежных полей (зона нахлеста). Различение ближней и дальней периферии обусловлено сложностью структуры того или иного поля и количеством таких нахлестов, т. е. семантической родственностью полей (*университет, учеба, библиотека*).

При всей плодovitости постструктурализма лингвисты по-прежнему пользуются двумя классическими способами описания структуры полей: семасио- и ономасиологическим. Семасиология – раздел семантики, изучающий эволюцию значений, а ономасиология – эволюцию форм (названий) [11, с. 16–17]. Семасиология отвечает на вопрос «что значит?», а ономасиология – «как называется?»: в первом случае мы имеем теорию значения, а во втором – теорию номинации. Применительно к системе языка оба способа предполагают противоположные подходы к описанию, исходя из той или иной ипостаси языкового знака: семасиологический – от известной формы к неизвестному содержанию; ономасиологический – от известного содержания к неизвестной форме. Семасиологический способ является поисковым и гибридно используется даже при ономасиологической иллюстрации словарного состава для быстрого обнаружения искомого элемента (под нужным номером). Этот способ структурирования словарей на алфавитной (или реже – силлабической) основе больше напоминает инвентаризацию элементов системы, нежели ее структурирование, и является искусственным. Ономасиологические словари редки и поэтому пользуются повышенным спросом: в них элементы упорядочены по полям, или темам, упрощающим в силу своей естественности знакомство с вокабуляром. Именно так изучаются иностранные языки и пишутся соответствующие учебники.

Существуют и другие способы описания языковых систем, среди которых особо выделяются два: по исконности и нормативной освоенности лексического состава. Данные способы дополняют друг друга, не отрицая валидности предыдущих. Словарная система целиком повторяет структуру отдельного поля: в ядерной, самой старой сфере, единой язык с его праформами и обеспечивающей генетическую принадлежность языка к определенной группе или ветви, сосредоточен исконный состав – очень старые слова, которые пережили не одно поколение говорящих, ср. в русском: *тепем, остов, межа*, в английском: *craft, nest, state*; в немецком: *das Amt, der*

Stall, die Burg. Следует подчеркнуть, что малые, или индигенные, формы языка редко перерастают ядерный состав, и, по тому, что они, как правило, не переходят границу в 4 тыс. слов, можно судить о среднестатистическом количестве исконных слов в литературном языке как более поздней и жизнеспособной исторической формации. Следовательно, границы ядерного состава идентичны границам этноса, не практикующего коммуникацию за пределами территории своего распространения. По мере расширения связей языкового коллектива вокруг ядерного состава нарастает дополнительный, или, на жаргоне лингвистов, «кольцо Сатурна»: его образует высокоассимилированная лексика, заимствованная из контактирующих языков. Зачастую такие слова достаточно сложно отличить от исконных, однако «разоблачить» их помогает нахождение этимона в языке-доноре, ср. форму *стамеска* в русском языке, восходящую к немецкому *das Stemmeisen*. У старописьменных языков европейского ареала с высокой коммуникативной мощностью (количеством говорящих) дополнительный состав кратно превышает исконный. Это вызвано обилием, интенсивностью и продолжительностью языковых контактов, нередко ставящих под угрозу генетическую принадлежность самого языка-реципиента. У языков с экзогlossным генезом, т. е. развивающихся благодаря заимствованиям, к каким относятся практически все идиомы западногерманского ареала, при внимательном рассмотрении можно поставить под вопрос правомерность использования самого термина «исконный». Так, якобы исконные немецкие слова *Mauer, Kloster* и *Straße* происходят от латинизмов *murus, claustrum* и *strata*, а нациеобразующее слово *deutsch* из соображений политической корректности современники относят к древневерхнемецким словам *diutisc* и *diot(a)*, хотя более вероятной представляется версия его позднего происхождения из византийского *tidesk* или вестфальско-романского *thiudisk* (пренебрежительно: «неримский», «тевтонский») во времена Отто Великого (X в. н. э.) [12]. Развитие промышленности и последующая индустриализация оставили отпечаток на словарном составе многих языков в виде «лепестков» специальной лексики, захватывающих частично ядерный и дополнительный составы. Здесь степень насыщенности слабоассимилированной заимствованной лексикой самая высокая в системе, а нормативность – самая низкая. Последнее обуславливает наличие у специальных единиц такого признака, как формальная вариантность – морфологическая, орфографическая и орфоэпическая. Нормативность и вариантность – обратно

пропорциональные параметры такого рода элементов системы: чем ниже нормативная освоенность, тем неустойчивее их формальный контур и наоборот. «Лепестки» социо- и профессиональных сосредоточены на периферии словарной системы, где они, так сказать, могут избежать строгости норм, давящих преимущественно на ядерные слои состава. Однако в русле кодификации можно наблюдать такое явление, как детерминацию, вызывающую не только дрейф лексики с периферии в центр, но и ускоряющую процессы неологизации и архаизации отдельных ее слоев. Возвращаясь к семасиологии, необходимо добавить, что способов представления системы существует не меньше, чем способов ее описания. Наиболее популярными считаются графы и матрицы компонентной семантики, для чего в современном мире используется семограф [13, с. 276]: вершины графов кластеризируют лексико-семантические группы внутри самого поля, делая их разновеликими, что, в частности, может достигаться за счет их различной колоризации, а компонентные матрицы статистически выявляют дифференциальные семы у сопоставляемых элементов словарных множеств, к примеру «пол» (+) у слов *брат* и *сестра*.

2. Функция языка

Если система языка является виртуальным образованием, скрытым от глаз пользователей, то функция объективирует ту самую реальность, о которой Э. Геллнер заметил следующее: «Ошибочно предполагать, что язык достраивает внешнюю действительность, – он создает свою собственную» [14, с. 42]. Функция выступает единственной реальностью языка, в которую погружены говорящие, что зачастую приводит к отрицанию существования системы по принципу: невидима, следовательно, не существует. Дабы исключить всевозможные параллели между описанием системы и софизмом (учением о первичности духовного как отправной точки постструктурализма), а также все вытекающие отсюда заблуждения, отметим, что бытие системы языка легко выводится из фактических наблюдений за речью, что необязательно справедливо в отношении других теоретических или умозрительных конструктов. Итак, языковая реальность (по образцу нем. *Sprachwirklichkeit*) находится целиком в ведении функции и поэтому повинна в том, что в ее координатах расположена самая большая свалка лингвистических теорий и подходов, безусловное лидерство среди которых принадлежит постструктуралистской «дискурсологии», приписывающей функциональной природе системные свойства и наобо-

рот. Функциональный детерминизм системы невозможно отрицать, как и то обстоятельство, что у любого ее элемента есть своя роль, т. е. функциональный каркас в речи. Однако салонная практика «растаскивания» кусков системы на функциональные островки вроде «дискурса политики», «дискурса моды», «дискурса погоды» и тому подобного заслуживает самой ожесточенной критики по причине неправомерного смешения не только системы и функции, которые, как явствует из рассуждений, типологически неоднородны, но и их качественных и количественных признаков [7, с. 48].

Чем же отличается функция от речи? Речь в довольно растиражированной трактовке американского дискриптивиста Л. Блумфилда – «шум, порождаемый органами речи» [15, с. 31]; речь всегда индивидуальна, хотя и имеет коллективное представительство в среде говорящих. Она обладает физическими параметрами: тембральностью, протяженностью, громкостью и т. д. и выступает симптомом «зараженности» человека тем или иным языком в определенной разновидности человеческой среды обитания (русской, французской, немецкой и т. д.). В привычном смысле слова функция языка лучше всего понимается через термин «назначение»: назначение языка в среде – скреплять популяцию, информировать, создавать контакты, замещать поведение, выражать мысли, умонастроения, эмоции [16, с. 125] и т. д. У системы и ее элементов различные функции, но они служат общей задаче обеспечения коммуникативной пригодности системы как каталога ярлыков, находящегося в коллективном пользовании. Функция не равна функционированию, поскольку функционировать может и отдельное слово, а сам язык при этом может быть мертвым. Функционирование подразумевает главным образом реализацию языком своего средового назначения, ср.: «язык функционирует в качестве иностранного металека в таком-то регионе».

Говоря о функции элементов системы, следует понимать под этим наличие у них функциональных признаков или пригодности к функционированию, в противном случае такие элементы были бы замещены имплементативно более пригодными. Если в речи такие элементы могут появляться по усмотрению говорящего, т. е. субъективно, то их функциональность следует признавать объективным качеством.

Достаточно хлесткой экземплификацией природы языковой функции здесь может служить сравнение системы с электрической лампочкой: композиция лампочки стандартна и включает цоколь, нить накаливания и грушевидную обо-

лочку из стекла, а функция представляется светом, который производят указанные элементы системы лампочки для решения задач освещения. При этом свет, как и разновидность языка, может быть различным (синим, желтым, красным и др.), а компоновка (структура) элементов остается неизменной (общей для такого рода приборов). Следовательно, от системы функция отличается в первую очередь характером проявления, однако главное их отличие определяется разнородностью структуры (т. е. того, что упускают из вида «дискуртологи»). Если структура системы находится по формуле $S = L - A$, то структура функционального полюса языка кристаллизуется в его так называемом *функциональном репертуаре*.

Функциональный репертуар представляет собой совокупность выразительных возможностей системы, направленных на реализацию экспрессивной функции, которая гораздо старше самого языка [7, с. 23, 253]. Структура репертуара носит характер агрегации (укрупнения) и выстраивается следующим образом (от меньшего к большему): выразительные средства («строительные камешки» репертуара) объединяются в регистры по характеру экспрессивно-семантической окраски; регистры образуют жанры (подложки текстов, фр. *genre* → лат. *genus* – «род», род текстов); жанры, свойственные определенной сфере коммуникации, формируют стили как единства языка и сферы его использования; стили укрупняются до функциональных стилей, соответствующих пяти крупным сферам использования литературного языка (публичной, научной, деловой, бытовой и образно-художественной); а «пятилистник» стилей составляет в итоге функциональный репертуар [7, с. 34].

Как можно видеть, описание функционального аспекта языкового устройства неотделим от теории литературного языка, которой тоже по приведенным выше соображениям уделяется все меньше внимания на фоне разрастания стероидного монстра постструктурализма. Очевидно, что структура функционального репертуара у литературных языков современности, по крайней мере в пределах европейского ареала, будет обнаруживать значительный аффинитет, что очередной раз доказывает значимость предпринятого исследования.

Если система, подобно устройству лампочки, сохраняет свою структурную тождественность от языка к языку, то разновидностей репертуара, как производимого света, великое множество, и определяется оно разнообразием ограничений, связанными с разнообразным варьированием языка, который, как известно, не существует монолитно. Социальные ограничения порождают

акролекты (языки знати) [17, с. 120], базилекты (языки площади), мезолекты (языки торговцев, снабжающих оружием и тех, и других), металекты (престижные импортированные языки), жаргоны, арг и всевозможные криптолекты, пользователи которых реализуют дезинтегративную функцию языка как противоположность интегративной. Производными *территориальных* ограничений становятся диалекты, регионалекты и городские койне (по примеру греческой колонии Соли); *профессиональных* ограничений – социо- и профессионалекты [18, с. 171], а *временных* – историолекты и отчасти заимствованные адстраты.

3. Правила языка

Между системой и функцией пролегал свод правил использования языка – своего рода инструкция по комбинированию элементов системы в речи. Речевое комбинирование подчинено экспрессивным задачам коммуникации [19, с. 104] и схематично выглядит следующим образом: элемент словарного множества A_1 комбинируется с элементом словарного множества A_2 , ср.: $\{E\}A_1 \cup$ (математический оператор объединения) $\{E\}A_2$ = выразительное средство. В качестве примера можно привести комбинацию элемента «царь» множества «Правители» и элемента «пушка» множества «Оружие» = царь-пушка (гипербола). Подобным образом элементы множеств отбираются в речь, где становятся ходовыми выражениями, чтобы после снова отправиться в систему уже в статусе комбинированных единиц. Так образуется фразеопаремиологический фонд языка (клише), элементы которого характеризуются комплексностью, устойчивостью и идиоматичностью [7, с. 80]. Отбор единиц осуществляется в соответствии с правилами языка, которые бывают не только грамматическими: различают (не только сообразно с уровнями, или ярусами, языковой системы) также фонетические, прагматические, стилистические (риторические). Грамматика, традиционно включающая морфологию (словообразование) и синтаксис, не может охватить весь свод правил речевого комбинирования [7, с. 250], в связи с чем от термина «грамматика» мы предлагаем отказаться. Он появился в античности, вошел в обиход благодаря трудам Протагора, в которых категории еще трактовались как часть системы языка (инструкция никогда не является частью механизма), и используется по сей день по инерции в значении «инструктирующее правило», ср. также исторические грамматики Ф. Боппа и Панини [20, с. 13, 33]. Термин «правила языка» представляется более точным и с тем же доста-

точно объемным для обобщения срединной ипостаси языка, находящейся между системой и функцией.

Заключение

Вышеизложенные соображения позволяют резюмировать следующее.

1. Словарная система сама по себе статична, динамичной ее делает функционирование, выступающее основой для самоорганизации языка [21, с. 136]. Язык хранит в системе тщательно отобранные и аппликативные элементы, которые преобразуются пользователями в востребованные выразительные средства путем их речевого комбинирования по определенным правилам. Данный механизм языка обеспечивает коммуникативную пригодность системы и проводит отчетливую границу между признаками живого и мертвого языка, для чего прежде приводились доводы преимущественно экстралингвистического порядка.

2. Живой язык становится источником неограниченного количества речевых комбинаций; соотношение элементов языка и выразительных средств можно проиллюстрировать на примере нот, которых всего семь в сравнении с бесконечным числом музыкальных композиций. Сложно представить себе, насколько велик функциональный полюс такого литературного языка, как русский, в сокровищнице которого лексикографы фиксируют сотни тысяч слов и словосочетаний.

3. Очевидно, что количественное соотношение свода комбинаторных правил и словарного фонда языка обнаруживает обратную зависимость: чем грамматикализованнее переход от системы к функции (чем сложнее и притязательнее комбинационная «фильтрация»), тем меньше выразительных средств пребывает в обороте; чем компактнее и проще правила, тем больше число свободных речевых комбинаций в арсенале языка.

4. Системный уклон исследований всегда синхронный, ибо систему можно наблюдать только в определенный промежуток (срез) времени, а функциональный уклон – диахронный, поскольку имплицитно процесс отбора средств для нужд коммуникации [11, с. 16–17]. При этом не существует понятия «диахронная речь», в чем усматривается давление системных свойств языка, обеспечивающих востребованность отобранных ресурсов.

5. Познание трехчастности языка имеет самые далеко идущие последствия для преподавания иностранных языков и лингводидактики. Прежние подходы к обучению с разделением всего

цикла дисциплин на фонетику, лексику и грамматику представляются реликтами клерикальной схоластики и позднее – ее прусской традиции, связанной с деятельностью министра образования А. фон Гумбольдта [22, с. 40–49]. Логичнее разделить дисциплины на системные, функциональные и посвященные комбинаторным правилам: на занятиях системного цикла уместно знакомить обучающихся с элементами словарных множеств и руководить словарной работой; функциональный цикл, требующий гораздо

больших инвестиций времени, следует отвести под ознакомление с функциональным репертуаром, для чего понадобится не один год подготовки, а в разделе правил целесообразно изучать способы и схемы разноуровневого комбинирования словарных элементов в речи. Безусловно, такой подход будет предполагать коренные преобразования в системе подготовки лингвистических кадров, однако, на наш взгляд, необходимость его апробации и имплементации давно назрела.

Список источников

1. Hockett Ch. Man's Place in Nature. New York: McGraw-Hill, 1973. 739 p.
2. Deacon T.W. The Symbolic Species: the Co-evolution of Language and the Brain. New York: W.W. Norton, 1998. 528 p.
3. Kortlandt F. The Origin and Nature of the Linguistic Parasite // Language in time and space. Berlin: Mouton, 2003. P. 241–244.
4. Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. 5-е изд. СПб.: самиздат, 1899. 1371 с.
5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 3: (Муза – Сят). 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1987. 832 с.
6. Van Driem G. The Origin of Language: Symbiosis and Symbiomism // Hot Pursuit of Language in Prehistory. Amsterdam: John Benjamins, 2008. P. 381–400.
7. Кобенко Ю.В. Теоретические основы функциональной стилистики. Томск: Изд-во Том. политехн. ун-та, 2023. 296 с.
8. Савельев С.В. Морфология сознания: в 2 т. М.: ВЕДИ, 2021. Т. 2. 208 с.
9. Кобенко Ю.В. Аспекты медийной коммуникации в социальных сетях // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2023. 20 (1). С. 183–190. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2023.111>
10. Савицкий В.М., Доладова О.В. О противоречиях во взглядах на системность языка // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2017. № 1. С. 35–44.
11. Schweikle G. Germanisch-deutsche Sprachgeschichte im Überblick. 5. Aufl. Stuttgart; Weimar: J.B. Metzler, 2002. 283 S.
12. Die Deutschen. Folge 01: Otto und das Reich // ZDF. URL: <https://www.zdf.de/video/dokus/die-deutschen-140/otto-und-das-reich-100> (дата обращения: 30.03.2025).
13. Belousov K.I., Taleski A., Ryabinin K.V., Boronnikova N.V. The impact of communicative parameters on the speaker's spatial orientation in virtual reality // Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature. 2024. 21 (1). P. 269–287. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.114>
14. Геллнер Э. Слова и вещи. М.: Изд-во иностр. лит., 1962. 344 с.
15. Алпатов В. Языкознание: от Аристотеля до компьютерной лингвистики. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. 253 с.
16. Воробьева Е.Н. Экспрессивная функция языка: системный обзор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, вып. 1. С. 119–126.
17. Скрипичникова Н.С. Функционирование единиц устной профессиональной коммуникации сотрудников правоохранительных органов в языке СМИ // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2013. № 22 (313). Вып. 81. С. 170–173.
18. Галактионов С.С. Новокаледонский вариант французского языка: предпосылки возникновения и исследовательские перспективы // Естественные языки на автохтонных территориях и за их пределами / отв. ред. Е.О. Опарина, М.Б. Раренко. М.: ИНИОН РАН, 2024. С. 112–128.
19. Матыцина М.С. Комбинаторика средств языка при выражении зависти и ревности (на материале английской разговорной речи) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 8 (26): в 2 ч. Ч. I. С. 102–105.
20. Иванов В.В. Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему. М.: Языки славянской культуры, 2004. 208 с.
21. Козлова Л.А. Взаимодействие факторов энтропии и аналогии в их проекции на языковые изменения // Доклады Башкирского университета. 2024. Т. 9. № 3. С. 130–137. doi: 10.33184/dokbsu-2024.3.16
22. Precht R. Anna, die Schule und der liebe Gott. Der Verrat des Bildungssystems an unseren Kindern. München: W. Goldmann, 2013. 351 S.

References

1. Hockett Ch. *Man's Place in Nature*. New York, McGraw-Hill, 1973. 739 p.
2. Deacon T.W. *The Symbolic Species: the Co-evolution of Language and the Brain*. New York, W.W. Norton, 1998. 528 p.
3. Kortlandt F. The Origin and Nature of the Linguistic Parasite. *Language in time and space*. Berlin, Mouton, 2003. Pp. 241–244.
4. Weisman A.D. *Grechesko-russkiy slovar'* [Greek-Russian dictionary]. Saint Petersburg, samizdat, 1899. 1371 p. (in Russian).
5. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 4 t. T. 3 (Muza – Syat)* [Etymological dictionary of the Russian language. In 4 vol. Vol. 3 (Muse – Syat)]. Moscow, Progress Publ., 1987. 832 p. (in Russian).
6. Van Driem G. The Origin of Language: Symbiosism and Symbiomism. *Hot Pursuit of Language in Prehistory*. Amsterdam, John Benjamins, 2008. P. 381–400.
7. Kobenko Yu.V. *Teoreticheskiye osnovy funktsional'noy stilistiki* [Theoretical bases of functional stylistics]. Tomsk, Tomsk Polytechnic University Publ., 2023. 296 p. (in Russian).
8. Saveliev S.V. *Morfologiya soznaniya: v 2 t. T. 2* [Morphology of consciousness. In 2 vol. Vol. 2]. Moscow, VEDI Publ., 2021. 208 p. (in Russian).
9. Kobenko Yu.V. Aspekty mediynoy kommunikatsii v sotsial'nykh setyakh [Aspects of media communication in social networks]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura – Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 2023, 20 (1), pp. 183–190. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2023.111> (in Russian).
10. Savitsky V.M., Doladova O.V. O protivorechiyakh vo vzglyadakh na sistemnost' yazyka [On contradictions in views on the systematicity of language]. *Mir lingvistiki i kommunikatsii: elektronnyy nauchnyy zhurnal – The World of Linguistics and Communication: electronic scientific journal*, 2017, no. 1, pp. 35–44 (in Russian).
11. Schweikle G. *An Overview of Germanic-German Language History*. Stuttgart, Weimar, J. B. Metzler, 2002. 283 p.
12. The German. Episode 01: Otto und the Empire. ZDF. URL: <https://www.zdf.de/video/dokus/die-deutschen-140/otto-und-das-reich-100> (accessed 30 March 2025).
13. Belousov K.I., Taleski A., Ryabinin K.V., Boronnikova N.V. The impact of communicative parameters on the speaker's spatial orientation in virtual reality. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura – Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 2024, no. 21 (1), pp. 269–287. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.114>
14. Gellner E. *Slova i veshchi* [Words and Things]. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoy literatury Publ., 1962. 344 p. (in Russian).
15. Alpatov V. *Yazykoznanie: Ot Aristotelya do komp'yuternoy lingvistiki* [Linguistics: From Aristotle to Computational Linguistics]. Moscow, Al'pina non-fikshn Publ., 2018. 253 p. (in Russian).
16. Vorobyova E.N. Ekspressivnaya funktsiya yazyka: sistemnyy obzor [Expressive function of language: a systemic review]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological sciences. Theoretical and Practical Issues*, 2023, vol. 16, issue 1, pp. 119–126 (in Russian).
17. Skripichnikova N.S. Funktsionirovaniye yedinit' ustnoy professional'noy kommunikatsii sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov v yazyke SMI [Functioning of units of oral professional communication of law enforcement officers in the language of the media]. *Vesnik Chelabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskuststvovedeniye – Bulletin of the Chelyabinsk State University. Philology. Art Criticism*, 2013, no. 22 (313), issue 81, pp. 170–173 (in Russian).
18. Galaktionov S.S. Novokaledonskiy variant frantsuzskogo yazyka: predposylki vozniknoveniya i issledovatel'skiye perspektivy [New Caledonian French: Prerequisites for its Emergence and Research Prospects]. *Estestvennyye yazyki na avtokhtonnykh territoriyakh i za ikh predelami* [Natural Languages in Autochthonous Territories and Beyond]. Eds. E.O. Oparina, M.B. Rarenko. Moscow, INION RAN Publ., 2024. Pp. 112–128 (in Russian).
19. Matysina M.S. Kombinatorika sredstv yazyka pri vyrazhenii zavisti i revnosti (na materiale angliyskoy razgovornoy rechi) [Combinatorics of language means in expressing envy and jealousy (based on English colloquial speech)]. *Philological sciences. Theoretical and practical issues*, 2013, no. 8 (26): in 2 parts, part I, pp. 102–105 (in Russian).
20. Ivanov V.V. *Lingvistika tret'yego tysyacheletiya: Voprosy k budushchemu* [Linguistics of the Third Millennium: Questions for the Future]. Moscow, Languages of Slavic Culture Publ., 2004. 208 p. (in Russian).
21. Kozlova L.A. Vzaimodeystviye faktorov entropii i analogii v ikh proyektzii na yazykovyye izmeneniya [Interaction of entropy and analogy factors in their projection on language changes]. *Reports of the Bashkir University*, 2024, vol. 9, no. 3, pp. 130–137 (in Russian). DOI: 10.33184/dokbsu-2024.3.16
22. Precht R. *Anna, the School and the Good Lord. The Education System's Betrayal of Our Children*. Munich, W. Goldmann, 2013. 351 p.

Информация об авторе

Кобенко Юрий Викторович, доктор филологических наук, профессор, профессор, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050).

E-mail: serpentis@tpu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2940-2233>; SPIN-код: 7822-2860

Information about the author

Kobenko Yu.V., Doctor of Philological Sciences, Professor, National Research Tomsk Polytechnic University (pr. Lenina, 30, Tomsk, Russian Federation, 634050).

E-mail: serpentis@tpu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2940-2233>; SPIN-code: 7822-2860

Статья поступила в редакцию 31.03.2025; принята к публикации 26.09.2025

The article was submitted 31.03.2025; accepted for publication 26.09.2025

ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'276.6

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-6-30-42>

Когнитивно-фреймовое моделирование терминосистемы сферы «Медицинская вирусология» в русскоязычной медицинской терминологии

**Светлана Леонидовна Васильева¹, Анастасия Анатольевна Абрамова²,
Наталья Александровна Дмитриенко³**

^{1,2,3} *Сибирский государственный медицинский университет, Томск, Россия*

¹ *vasilieva.sl@ssmu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1842-2298>*

² *abramova.aa@ssmu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8835-3876>*

³ *dmitrienko.na@ssmu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6184-2891>*

Аннотация

Исследование терминосистем различных подязыков приобретает особую актуальность в контексте когнитивных исследований, в рамках которых становится возможным проследить специфику осмысления определенных сфер жизни человека посредством анализа способов номинации, систематизации и фреймовой организации состава терминологических единиц. Целью данного исследования является построение когнитивно-фреймовой модели сферы «Медицинская вирусология» в современном русском языке. Материалом исследования послужили термины, отобранные методом сплошной выборки из учебной и научной медицинской литературы по микробиологии и вирусологии. Основными методами исследования стали описательный метод в совокупности его приемов наблюдения, анализа, синтеза, метод количественного подсчета, а также собственно лингвистические методы, такие как метод дефиниционного анализа, языкового моделирования, фреймового анализа, сопоставительный метод, системно-структурный метод описания языковых единиц. В исследовании определены теоретические основания когнитивно-фреймового моделирования, даны определения фрейма. Представлена когнитивно-фреймовая модель предметной сферы «Медицинская вирусология», которая включает в себя шесть основных субфреймов, отличающихся различной степенью терминологической наполненности: «Природа вирусов», «Виды вирусов», «Диагностика вирусов», «Терапия вирусов», «Профилактика вирусов», «Бактериофаги». Установлен иерархический характер данной модели, которая предполагает деление субфреймов на слоты и в некоторых случаях – на микрослоты. Произведены количественные подсчеты представленности терминов в каждом субфрейме, слоте и микрослоте, приведены примеры терминов, репрезентирующих каждый субфрейм. Дан общий анализ характера отношений между терминами внутри терминосистемы «Медицинская вирусология», определены родовидовые, синонимические, антонимические отношения между терминами. Установлена специфика отдельных терминологических номинаций. В частности, рассмотрены примеры метафорической номинации, обнаружен высокий процент заимствованных наименований. Представленная когнитивно-фреймовая модель сферы «Медицинская вирусология» представляет собой иерархически организованную систему, в которой каждый последующий уровень реализует семантику предыдущего уровня, и позволяет систематизировать знания, заключенные в данной предметной области, а также проследить специфику отношений между элементами системы и особенности терминологической номинации. Результаты исследования могут быть использованы в практике преподавания различных дисциплин студентам медицинского вуза, а также в лексикографической практике при составлении словарей соответствующей предметной области.

Ключевые слова: когнитивный подход, когнитивно-фреймовая модель, фрейм, субфрейм, слот, медицинская терминология, медицинская вирусология

Для цитирования: Васильева С.Л., Абрамова А.А., Дмитриенко Н.А. Когнитивно-фреймовое моделирование терминосистемы сферы «Медицинская вирусология» в русскоязычной медицинской терминологии // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 6 (242). С. 30–42. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-6-30-42>

APPLIED LINGUISTICS

Cognitive frame modeling of the term system “Medical virology” in the Russian medical terminology

Svetlana L. Vasilieva¹, Anastasia A. Abramova², Natalya A. Dmitrienko³

^{1,2,3} Siberian State Medical University, Tomsk, Russian Federation

¹ vasilieva.sl@ssmu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1842-2298>

² abramova.aa@ssmu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8835-3876>

³ dmitrienko.na@ssmu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6184-2891>

Abstract

The study of different sublanguages terminosystems acquires special relevance in the context of cognitive research, in which it becomes possible to trace the specificity of comprehension of certain spheres of human life through the analysis of nomination methods, systematization and frame organization of the terminological units' bulk. The aim of this study is to build a cognitive-frame model of the sphere “Medical Virology” in the modern Russian language. Materials and methods. The material of the study comprises the terms selected by the method of continuous sampling from educational and scientific medical literature on microbiology and virology. The main methods of the study include the descriptive method with its techniques like observation, analysis, synthesis, the method of quantitative counting, as well as linguistic methods proper, such as the method of definitional analysis, language modeling, frame analysis, comparative method, systemic-structural method of the description of language units. Results. The study determines the theoretical basis of cognitive-frame modeling, provides definitions of the main terms. The study also presents the cognitive-frame model of the subject area “Medical Virology”, which includes 6 main subframes characterized by different quantitative composition of terminological units: subframe “Nature of viruses”, subframe “Types of viruses”, subframe “Diagnosis of viruses”, subframe “Therapy of viruses”, subframe “Prevention of viruses. The hierarchical nature of this model, which involves dividing subframes into slots and, in some cases, microslots, was established. Quantitative calculations of the representation of terms in each subframe, slot and microslot are made, and examples of terms representing each subframe are given. The general analysis of the nature of relations between terms within the terminosystem “Medical Virology” is provided and hyper-hyponymic, synonymic, antonymic relations between terms are determined. The specificity of individual terminological nominations has been established. In particular, examples of metaphorical nomination are considered, a high percentage of borrowed names is found. Conclusion. The presented cognitive-frame model of the sphere “Medical Virology” is a hierarchically organized system, in which each subsequent level implements the semantics of the previous level, and allows to systematize the knowledge contained in this subject area, as well as to trace the specificity of relations between the elements of the system and the peculiarities of terminological nomination. The results of the study can be used in the practice of teaching various disciplines to medical students, as well as in lexicographic practice when compiling dictionaries of the relevant subject area.

Keywords: cognitive approach, cognitive-frame model, frame, subframe, slot, medical terminology, medical virology

For citation: Vasilieva S.L., Abramova A.A., Dmitrienko N.A. Kognitivno-freymovoye modelirovaniye terminosistemy sfery “Meditsinskaya virusologiya” v russkoyazychnoy meditsinskoy terminologii [Cognitive frame modeling of the term system “Medical virology” in the Russian medical terminology]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 6 (242), pp. 30–42 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-6-30-42>

Введение

Терминология в современное время все чаще становится объектом лингвистического описания, что обусловлено интересом к различным подязыкам науки и активным развитием терминосистем различных отраслей. При этом возрастает интерес исследователей к когнитивному изучению терминологии [1–4] как к подходу, зародившемуся в конце XX – начале XXI в. [5–7] и позволяющему принять во внимание взаимосвязь языка и познания, рассматриваемого как

процесс категоризации картины мира с помощью вербальных форм [8]. В таком контексте человек полагается субъектом познания, который и определяет необходимость закрепления в языке тех или иных смыслов и концептов. Когнитивный подход, таким образом, дает возможность изучать языковые феномены в их взаимосвязи с когнитивными феноменами, которые объективируются в языке. Лексический состав языка, таким образом, представляется совокупностью «когнитивно-дискурсивных множеств» [9], или блоков лексических

единиц, объединенных смысловыми связями и отражающих способы концептуализации и категоризации действительности человеком.

Преимущества когнитивного подхода в описании отдельных подязыков заключаются в том, что каждый подязык той или иной отрасли науки формируется как результат познавательной деятельности человека, в процессе которой происходит отбор и номинация объектов действительности, подлежащих изучению и описанию. Подязык медицины в этом смысле не является исключением, поскольку он продолжает развиваться в процессе дальнейшего познания данной сферы и ее постоянного развития как в научном, так и, что закономерно, в языковом аспекте.

Следует отметить растущий интерес к отдельным аспектам когнитивного изучения медицинской терминологии в отечественной лингвистике, а также попытки описания способов репрезентации отдельных концептов [10–12], объективации эпистемологических категорий [13], когнитивного моделирования отдельных терминосистем в рамках медицинской терминологии [14–16].

Цель данной статьи – представить когнитивно-фреймовую модель сферы «Медицинская вирусология» в современном русском языке.

Под когнитивно-фреймовой моделью мы вслед за Н.А. Трофимовой, О.Г. Щитовой [17] понимаем структурированную концептуальную модель терминосистемы определенной предметной сферы, которая отражает систему знаний данной сферы на языковом уровне [17, с. 67]. При этом фреймовый подход как способ реализации когнитивного подхода позволяет построить такую модель с учетом ее иерархической структуры и взаимосвязей между ее элементами и уровнями. Несмотря на то что понятие фрейма трактуется разными учеными по-разному [18–20], с точки зрения лингвистики «фрейм» можно обозначить как единицу репрезентации когнитивного знания человека, которая объединяет в себе когнитивное и языковое [21]. Фрейм как структурная единица включает в себя субфреймы и слоты как единицы более низкого уровня иерархии, представляющие собой способы реализации фрейма [18, 22].

Задачи исследования включают в себя отбор терминологии предметной сферы «Медицинская вирусология» посредством обращения к учебной, научной литературе данной области знания; дефиниционный анализ отобранной терминологии, необходимый для выявления заключенных в терминах смыслов; построение когнитивно-фреймовой модели терминологии сферы «Медицинская вирусология», иерархическое представление ее фреймовой структуры, а также описание внутри-

системных отношений между терминологическими единицами, репрезентирующими фреймовые структуры.

Актуальность исследования определяется, с одной стороны, собственно материалом исследования, так как медицинская терминология является одной из самых быстро развивающихся сфер, которая требует систематизации в соответствии с требованиями современного человека как субъекта познания, и, с другой стороны, обращением к когнитивному подходу как к способу анализа лексических единиц языка и к системно-структурному подходу как к методу выявления внутрисистемных отношений между единицами языка. Кроме того, следует также отметить прикладную значимость данного исследования, так как его результаты могут быть использованы в рамках обучения русскому языку как иностранному студентов медицинского вуза, а также в лексикографической практике.

Теоретической базой исследования послужили работы отечественных и зарубежных исследователей в области когнитивной лингвистики и терминологии [23–26].

Материал и методы

Материалом исследования послужили 386 терминологических единиц, отобранных методом сплошной выборки из учебной и научной медицинской литературы по микробиологии и вирусологии [27–30].

Основными методами исследования стали как общенаучный метод описания в совокупности его приемов (наблюдение, анализ, синтез), так и собственно лингвистические методы дефиниционного анализа, языкового моделирования, фреймового анализа. При отборе фактического материала также использовался метод сплошной выборки и метод количественного подсчета.

Использование когнитивного подхода в данном исследовании также связано с признанием важности принципов экспериенциализма и антропоцентризма, которые указывают на тот факт, что человек является субъектом познания, и именно он осуществляет категоризацию и номинацию объектов действительности.

Обращение к когнитивному подходу при изучении терминосистем позволяет рассмотреть термины как единицы, рождающиеся в процессе мыслительной деятельности человека для обозначения явлений реальной действительности в результате их восприятия, осмысления и познания. Таким образом, термины могут быть определены как основные средства научного познания [10].

Функциональный подход также является определяющим в структуре данного исследова-

ния, так как предполагает возможность рассмотрения терминологических единиц с позиций их функциональности или назначения [31] и взаимодействия с другими терминами языка [32], а также с точки зрения взаимосвязи языка и мышления, языковых единиц и знаний человека об окружающей действительности.

Сочетание указанных методов, подходов и принципов позволяет построить когнитивно-фреймовую модель медицинской терминологии сферы «Медицинская вирусология» и описать ее иерархическую структуру, выделить фреймы, субфреймы и слоты внутри этой сферы и определить способы лексической репрезентации когнитивных структур с учетом их взаимосвязей и взаимозависимостей.

Предметная сфера «Медицинская вирусология» при этом выступает как «когнитивно-функциональная сфера» [1, 2], репрезентирующая отдельный фрагмент медицинской терминологии и ограничивающая сферу данного исследования.

Важно отметить, что наряду с когнитивным подходом в работе применяется и системно-структурный подход, позволяющий систематизировать терминологические единицы сферы «Медицинская вирусология», а также описать внутрисистемные отношения между этими единицами внутри отдельных фреймов и субфреймов. Системно-структурный подход обуславливает возможность выявления гиперо-гипонимических отношений между языковыми единицами-репрезентантами фреймов и субфреймов и вербализующими фреймы соответствующими терминологическими единицами, а также определить парадигматические взаимосвязи между терминами, что в совокупности способствует более глубокому пониманию специфики построения терминосистемы «Медицинская вирусология».

Результаты и обсуждение

Когнитивно-фреймовый подход в описании терминосистемы позволяет организовать весь набор лексических единиц, формирующих терминосистему, в некий иерархически выстроенный континуум, включающий в себя блоки терминов, представляющие собой языковую актуализацию макроконцептов и проявляющие все взаимосвязи и взаимозависимости между элементами. Макроконцепт — это обобщенное представление всех слов, принадлежащих к определенному фрагменту семантического пространства. Это абстрактная единица, включающая блоки слов, характеризующие более узкие части данного семантического фрагмента и конкретизирующие макроконцепт, а также создающие его многоступенчатую структуру.

Прежде чем приступить к построению когнитивно-фреймовой модели сферы «Медицинская вирусология», следует отметить, что данная сфера принадлежит научному разделу медицинской микробиологии, и в частности к разделу вирусологии, наряду с такими сферами, как «Бактериология», «Микология», «Паразитология», каждая из которых занимается изучением способов распространения инфекционных заболеваний различной природы и борьбы с ними. Данные сферы выступают в качестве макроконцептов, которые репрезентируются в языке соответствующими лексическими единицами и реализуются в целом ряде фреймовых структур, заключающих в себе отдельные аспекты знания.

Для выявления фреймовой структуры сферы медицинской вирусологии необходимо представить ее понятийное содержание, что предполагает обращение к определению вирусологии как научного направления.

История вирусологии восходит к концу XIX в., времени, ознаменованному открытиями Л. Пастера и Р. Коха, а ее задачи связаны с изучением инфекционных агентов не клеточной природы — вирусов [27]. В рамках данного исследования нас интересует *медицинская вирусология*, которая «изучает вирусы, патогенные для человека или значимые для медицины (бактериофаги)» [28, с. 16].

Фрейм «Медицинская вирусология» имеет сложную развитую структуру, поскольку концепт «вирусология» является одним из ключевых концептов микробиологии. Кроме того, предметная сфера медицинской вирусологии предполагает не только наличие знаний о собственно вирусах и их природе, но также связана с диагностикой, лечением и профилактикой вирусных заболеваний у человека. Все это способствует формированию сложной разветвленной структуры фрейма «Медицинская вирусология», который включает в себя шесть субфреймов, которые, в свою очередь, делятся на слоты. Для начала представим структуру фрейма «Медицинская вирусология» в целом (табл. 1), в затем рассмотрим структуру и состав отдельных субфреймов.

Особенностью фреймовой структуры терминосистемы «Медицинская вирусология» является неравномерное распределение терминов, входящих в отдельные слоты. Так, наиболее насыщенным по количеству входящих терминов оказывается субфрейм «Вирус», содержащий четыре слота и 131 термин, репрезентирующие различные аспекты природы вирусов. Наименьшим количеством терминов представлен субфрейм «Профилактика вирусов», так как он включает в себя два слота, не содержащих микрослоты, и 21 термин.

Таблица 1
Фреймовая структура терминосистемы
«Медицинская вирусология»

Фрейм «Медицинская вирусология»	
Субфрейм	Слот
Вирус	Морфология вирусов. Генетика вирусов. Репликация вирусов. Культивирование вирусов
Виды вирусов	РНК-геномные вирусы. ДНК-геномные вирусы
Диагностика вирусов	Методы определения вируса
Терапия вирусов	Виды лечения вирусов. Противовирусные препараты
Профилактика вирусов	Вакцинация. Неспецифическая профилактика
Бактериофаги	Структура бактериофага. Репликация бактериофага

Рассмотрим выделенные субфреймы и входящие в них слоты и микрослоты. Так, субфрейм «Вирус» включает в себя термины, репрезентирующие общие смысловые категории, связанные с вирусами как инфекционными агентами, их общей природой, спецификой строения, размно-

жения и культивирования для изучения механизмов патогенеза и разработки методов профилактики и лечения вирусных инфекций. В связи с этим он включает в себя четыре слота: «Морфология вирусов» (46 терминов), «Генетика вирусов» (35 терминов), «Репликация вирусов» (36 терминов), «Культивирование вирусов» (14 терминов), репрезентированных соответствующими терминами, примеры которых представлены в табл. 2.

Субфрейм «Виды вирусов» (119 терминов) включает в себя два слота: «РНК-геномные вирусы» (90 терминов) и «ДНК-геномные вирусы» (29 терминов), – которые, в свою очередь, представлены большим количеством микрослогов, включающих в себя термины, связанные с таксономией вирусов. Следует отметить, что данная группа терминов представляет собой открытое множество, так как знания о вирусах и их видах постоянно расширяются, что приводит к регулярному пополнению номенклатуры вирусов. Микрослоты указанных слотов данного субфрейма, а также некоторые примеры терминов, входящих в соответствующие микрослоты, представлены в табл. 3.

Таблица 2

Терминология субфрейма «Вирус»

Субфрейм «Вирус» (131 термин)			
Слот «Морфология вирусов» (46 терминов)	Слот «Генетика вирусов» (35 терминов)	Слот «Репликация вирусов» (36 терминов)	Слот «Культивирование вирусов» (14 терминов)
Вирион, внутриклеточный паразитизм, провирус, дефектный вирус, вирусы-сателлиты, вирионид, капсид, нуклеокапсид, капсомеры, суперкапсид/пеплос, пеломер, симметрия вируса и др.	Однонитчатая ДНК, двухнитчатая вирусная ДНК, фрагментированная/нефрагментированная вирусная ДНК, линейная вирусная ДНК, кольцевая вирусная ДНК, экзоны, энтроны, кольцевая двухцепочечная ДНК, однонитчатая РНК, двунитчатая РНК, генотип вируса и др.	Адсорбция вируса, адресные белки, прикрепительные белки, гликопротеины, эндоцитоз/виropексис, слияние вирусной и клеточной мембран, инвагинация клеточной мембраны, внутриклеточная вакуоль (эндосома), «клатриновые ямки», генный дрейф и др.	Культура клеток, однослойные клеточные культуры, суспензионные клеточные культуры, 3D-клеточные культуры, органные культуры, пассаж/субкультивирование, первичные культуры, диплоидные/полуперевиваемые клеточные культуры, перевиваемые/непрерывные культуры и др.

Таблица 3

Термины субфрейма «Виды вирусов»

Субфрейм «Виды вирусов» (119 терминов)	
Слот «РНК-геномные вирусы» (90 терминов)	Слот «ДНК-геномные вирусы» (29 терминов)
Ортомиксовирусы (10 терминов): ОРВИ, вирус гриппа типа А, вирус гриппа типа В, вирус гриппа типа С, вирус гриппа типа А подтипа H1N1/свиной грипп, «испанка»; вирус гриппа типа А подтипа H2N2/азиатский грипп; вирус А подтип H3N2/гонконгский грипп; высокопатогенный вирус гриппа птиц типа А подтипа H5N1/птичий грипп	Гепаднавирусы (два термина): вирус гепатита В (ВГВ), вирус гепатита дельта (или вирус гепатита D)
Парамиксовирусы (семь терминов): парагрипп, респираторно-синцитиальная инфекция, метапневмовирусная инфекция, корь, эпидемический паротит/свинка, вирус Нипах, вирус Хендра	Аденовирусы (два термина): аденовирусы, аденовирусы млекопитающих

Окончание табл. 3

Субфрейм «Виды вирусов» (119 терминов)	
Слот «РНК-геномные вирусы» (90 терминов)	Слот «ДНК-геномные вирусы» (29 терминов)
Пневмовирусы (два термина): респираторно-синцитиальный, или РС-вирус, метапневмовирус	Парвовирус (два термина): парвовирус В19, бокавирусы
Коронавирусы (шесть терминов): тяжелый острый респираторный синдром (ТОРС), ТОРС-ассоциированный коронавирус (ТОРС-вирус), ближневосточный респираторный синдром (БВРС), альфакоронавирус, бетакоронавирус, COVID-19	Герпесвирусы (девять терминов): вирус простого герпеса типа 1 (ВПГ-1), вирус простого герпеса типа 2 (ВПГ-2), альфа-герпесвирус человека 3, вирус ветряной оспы и опоясывающего лишая (герпесвирус типа 3; варицелла-зостер вирус), цитомегаловирус (ЦМВ), бета-герпесвирусы человека 6А и 6В, бета-герпесвирус человека 7, вирус Эпштейна – Барр (ВЭБ), гамма-герпесвирус 8 (герпесвирус типа 8, герпесвирус, ассоциированный с саркомой Капоши)
Пикорнавирусы (девять терминов): энтеровирус, риновирус, полиовирус, вирус Коксаки, пареховирусы, афтовирусы, вирус ащура, ЕСНО-вирусы (enteric cytopathogenic human orphan – кишечные цитопатогенные человеческие «сиротские» вирусы), вирусный гепатит А (ВГА)	Вирусы папилломы человека (четыре термина): папиллома вирусы от альфа-папилломавирусов до зета-папилломавирусов, неонкогенные ВПЧ, онкогенные ВПЧ низкого риска, онкогенные ВПЧ высокого риска
Вирус гепатита Е (один термин): вирус гепатита Е (ВГЕ)	Поксвирусы (пять терминов): вирус натуральной оспы, вирус осповакцины, вирус оспы обезьян, вирусы псевдооспы рогатого скота, вирус контагиозного моллюска
Килицивирусы (четыре термина): норовирусы, вирус Норфолк, саповирусы, вирус Саппоро, астровирусы	Онкогенные вирусы (пять терминов): вирусы папилломы человека 16-го и 18-го типов, вирус Эпштейна – Барр, герпесвирус типа 8, ассоциированный с саркомой Капоши, вирус гепатита В (ВГВ), Т-лимфотропный вирус 1-го типа (вирус Т-клеточного лейкоза человека 1-го типа, или HTLV-1)
Реовирус (один термин): ротавирусы	
Ретровирусы (один термин): вирус иммунодефицита человека (ВИЧ-1 и ВИЧ-2)	
Рабдовирусы (один термин): вирус бешенства	
Аренавирусы (девять терминов): арбовирусы, робовирусы, вирус лимфоцитарного хориоменингита (ЛХМ), вирус лихорадки Ласса, вирус аргентинской геморрагической лихорадки (вирус Хунин), вирус боливийской геморрагической лихорадки (вирус Мачупо), вирус венесуэльской геморрагической лихорадки (вирус Гуанарито), вирус геморрагической лихорадки Луйо, вирус бразильской геморрагической лихорадки (вирус Сабиа)	
Филовирусы (семь терминов): вирус Марбург, вирус Эбола, эболавирусы Судан, Заир, Бундибугио, Рестон, эболавирус леса Тай	
Буньявирусы (14 терминов): Крымская-Конго геморрагическая лихорадка (ККГЛ), геморрагическая лихорадка с почечным синдромом (ГЛПС), сицилийская и неаполитанская москитные лихорадки, лихорадка Рифт-Валли, лихорадка Батаи, калифорнийский энцефалит, хантавирусы (хантавирусы Старого Света), вирусы Хантаан, Пуумала, Добrava-Белград, вирус Син Номбре, вирусы Буньямвера, вирус калифорнийского энцефалита	
Тогавирусы (семь терминов): альфавирусы, вирусы западного, восточного и венесуэльского энцефалитов лошадей (вирусы Нового Света), вирус Синдбис, рубивирусы, вирус краснухи	
Флавивирусы (11 терминов): вирус желтой лихорадки, лихорадка денге, вирус энцефалита долины Мюррей (или австралийского энцефалита), вирус энцефалита Сент-Луиса, вирус японского энцефалита, вирус клещевого энцефалита, вирус лихорадки Западного Нила, вирус омской геморрагической лихорадки, вирус Кьясанурской лесной болезни, вирус Зика, вирус гепатита С	

Субфрейм «Диагностика вирусов» (48 терминов) включает в себя лишь один слот, содержащий информацию об общих методах обнаружения вирусов, определения их видовой принадлежности, а также исследования вирусов. Примеры терминов, входящих в данный субфрейм, представлены в табл. 4.

Таблица 4

Термины субфрейма «Диагностика вирусов»

Субфрейм «Диагностика вирусов»
Слот «Методы определения вируса» (48 терминов)
Индикация, идентификация, методы амплификации нуклеиновых кислот (МАНК), полимеразная цепная реакция (ПЦР), секвенирование, ПЦР с обратной транскрипцией, мультиплексная ПЦР, метод молекулярной гибридизации, ДНК- и РНК-микрочипы, множественное параллельное секвенирование нуклеиновых кислот, методы «секвенирования нового поколения», методы «ультраглубокого секвенирования» (УГС), «рид», экспресс-тесты, вирусологический метод, серологическая диагностика и др.

Субфрейм «Терапия вирусов» (35 терминов) включает в себя слоты, связанные с лечением человека, инфицированного вирусами, в том числе с подбором препаратов для лечения тех или иных вирусных заболеваний. Поэтому данный субфрейм включает в себя два слота: «Виды лечения вирусов» (шесть терминов) и «Противовирусные препараты» (29 терминов). Примеры терминов, входящих в данный субфрейм, представлены в табл. 5.

Таблица 5

Термины субфрейма «Терапия вирусов»

Субфрейм «Терапия вирусов» (35 терминов)	
Слот «Виды лечения вирусов» (шесть терминов)	Слот «Противовирусные препараты» (29 терминов)
Этиотропная терапия, патогенетическая терапия, симптоматическая терапия, глюкокортикоидная терапия, комбинированная терапия, высокоактивная антиретровирусная терапия ВИЧ-инфекции (ВААРТ)	Биологические препараты, противовирусные химиотерапевтические средства, антитела, иммуноглобулины и сыворотки, генно-инженерные интерфероны, противокоревой, противогриппозный иммуноглобулин, лошадиный антирабический гамма-глобулин, иммунизация, сыворотки реконвалесцентов и т. п.

Субфрейм «Профилактика вирусов» (21 термин) реализован в двух слотах, репрезентированных терминами, связанными с методами предотвращения и борьбы с распространением вирусных заболеваний разной этиологии. Примеры терминов, входящих в данный субфрейм, представлены в табл. 6.

Таблица 6

Термины субфрейма «Профилактика вирусов»

Субфрейм «Профилактика вирусов» (21 термин)	
Слот «Вакцинация» (17 терминов)	Слот «Неспецифическая профилактика» (четыре термина)
Специфическая профилактика, эрадикация (глобальная ликвидация), элиминация (региональная ликвидация) возбудителей, иммунизация, живые аттенуированные вакцины, инаktivированные (убитые) вакцины, сплит-вакцины, субъединичные вакцины и др.	Карантин, вирусологический мониторинг, санитарно-гигиенические мероприятия, противоэпидемические мероприятия

Субфрейм «Бактериофаги» (32 термина) содержит два слота: «Структура бактериофага» и «Репликация бактериофага» – и посвящен вирусам особого типа, являющимся паразитами бактерий и важными маркерами бактериальных инфекций. Будучи вирусами особого типа, они также характеризуются особенностями структуры и репродукции, что определяет наличие в данном субфрейме слотов, содержащих соответствующие термины. Примеры терминов, репрезентирующих данный субфрейм, приведены в табл. 7.

Таблица 7

Термины субфрейма «Бактериофаги»

Субфрейм «Бактериофаги» (32 термина)	
Слот «Структура бактериофага» (семь терминов)	Слот «Репликация бактериофага» (25 терминов)
Эпидемиологический маркер, головка, отросток («хвост фага»), базальная пластинка с зубцами (фибрами), чехол, эндолизин (муреин-гидролаза), полиамины	Адсорбция, репродукция фага, скрытая или эклипс-фаза, ранние фаговые белки, поздние фаговые белки, сборка бактериофагов, лизис, моновалентные фаги, типовые фаги, поливалентные фаги и т. п.

Таким образом, когнитивно-фреймовая модель сферы «Медицинская вирусология» включает в себя шесть субфреймов: «Вирус», «Виды вирусов», «Диагностика вирусов», «Терапия вирусов», «Бактериофаги».

Особенностью строения когнитивно-фреймовой модели сферы «Медицинская вирусология» является наличие сложных семантических отношений между элементами иерархии. Так, каждый последующий уровень иерархии в первую очередь раскрывает семантику единиц предыдущего уровня. При этом внутри фреймов «Виды вирусов», «Диагностика вирусов», «Терапия вирусов» можно наблюдать отношения включения, когда термин, обозначающий вершину субфрейма или слота, является гиперонимом

по отношению к большинству или части терминов, репрезентирующих его. Так, например, термины «вакцинация», «неспецифическая профилактика», номинирующие слоты, являются гипонимами по отношению к термину «профилактика», означающему вершину субфрейма, обозначая методы предотвращения и распространения вирусных инфекций; а термины «живые аттенуированные вакцины», «инактивированные (убитые) вакцины», «сплит-вакцины», «субъединичные вакцины», «генно-инженерные (рекомбинантные) вакцины» и др. выступают в качестве гипонимов по отношению к термину «вакцинация». Термины «вирус гриппа типа А», «вирус гриппа типа В», «вирус гриппа типа С», «свиной грипп», «птичий грипп» и т. д. являются гипонимами по отношению к термину «ортомиксовирусы», номинирующему слот, обозначая типологию данной группы вирусов. Термин «ортомиксовирусы» в свою очередь выступает гипонимом по отношению к вершине слота «Виды вирусов» и т. п.

Для субфреймов «Вирус» и «Бактериофаги» характерны такие отношения между единицами, при которых термины, репрезентирующие субфреймы и слоты, в своей совокупности эксплицируют суть понятия, заключенного в термине, номинирующем вершину субфрейма.

Еще одной важной особенностью когнитивно-фреймовой модели сферы «Медицинская вирусология» является неравномерность терминологической наполненности различных субфреймов. В частности, это проявляется, с одной стороны, в том, что обнаруживается различное количество слотов в каждом из выявленных субфреймов, а также наличие микрослотов лишь в одном из выделенных субфреймов «Виды вирусов», что обусловлено разветвленной номенклатурой вирусов, каждый из которых имеет свои подвиды, номинированные соответствующим термином. С другой стороны, важно отметить и различия в объеме терминов в каждом из субфреймов, который не всегда определяется собственно количеством слотов в субфрейме. Так, например, субфрейм «Вирус», включающий термины, связанные с осмыслением вируса как явления с его природой, структурой, способами репродукции, объединяет наибольшее количество терминов (131 термин), несмотря на то что семантика терминов, означающих соответствующие слоты, не реализована в микрослотах. На втором месте по количеству терминов находится субфрейм «Виды вирусов» (119 терминов), содержащий два слота, в которых 14 и 7 микрослотов соответственно. Наименее терминологически наполненным является субфрейм «Профилактика вирусов», включающий в себя 21 терминологическую единицу.

Рассмотрим отношения между терминами внутри отдельных фреймов и субфреймов с позиций системно-структурного подхода. Во-первых, следует отметить наличие антонимических пар, которые, как правило, представляют собой однокоренные терминологические единицы и встречаются в данной терминосистеме не так часто (всего два случая), как, например, *фрагментированная – нефрагментированная вирусная ДНК* (субфрейм «Вирус», слот «Генетика вируса»), *структурные белки – неструктурные белки* (субфрейм «Вирус», слот «Генетика вируса»).

Во-вторых, следует обратить внимание на наличие синонимических пар в ряде субфреймов. Синонимия связана с проникновением в русский язык заимствованной терминологемы, которая образовалась для первоначального означивания нового понятия в языке-источнике и впоследствии вызвала формирование параллельного термина-дублета в русском языке на основе переосмысления заимствованной единицы. Например, *дизъюнктивная* (от лат. *disjunctivus* – раздельный) и соответствующий русский термин *разобщенная* репродукция, *F-белки* (от англ. *fusion* – слияние) и *белки слияния*, *секвенирование* (от лат. *sequentum* – последовательность) и *метод определения последовательности*, *виrogenия* (от *вирусы* и греч. *geneia* – создание, происхождение) и *интегративная инфекция*, *эрадикация* (от лат. *eradication* – искоренение) и *глобальная ликвидация*, *элиминация* (от лат. *elimino* – выношу за порог, удаляю) и *региональная ликвидация возбудителей* и т. п. Сосуществование подобных дуплетов в терминосистеме зачастую обусловлено спецификой категоризации соответствующей области, а также различием когнитивных стратегий носителей языка при выборе той или иной единицы. К примеру, такие термины могут вызывать различные ассоциативные ряды в сознании субъекта, использование заимствованных терминов может указывать на принадлежность к определенному научному сообществу, в котором общепринятым считается обращение к международным терминам, а также свидетельствовать о стремлении к языковой экономии, так как заимствованные термины, как правило, более емкие и краткие по своей структуре.

Следует в целом отметить высокий процент заимствованной лексики, функционирующей внутри предметной сферы «Медицинская вирусология» (123 термина). Это связано с тем, что медицинская терминология отличается большим количеством заимствований [33], особенно из латинского языка, так как латинский язык остается основой медицинской терминологии. Большинство подобных заимствованных единиц при

этом имеют эквивалентные исконные варианты, сформированные в русском языке, вследствие стремления носителей языка к объяснению и интерпретации обозначаемых заимствованными единицами понятий. Данный факт обуславливает большую протяженность, экспланаторность и зачастую сложную структуру русскоязычных вариантов. В рамках данной предметной области обнаружены заимствованные терминологические единицы, пришедшие в русский язык из латинского, английского, греческого, французского, испанского языков. Например, термины «капсид» (от лат. *capsa* – вместилище) – оболочка вируса; «дивергенция» (от лат. *divergere* – обнаруживать расхождение) – расхождение, различие; «энхансер» (от англ. *enhancer* – усилитель, увеличитель) – участок ДНК, стимулирующий транскрипцию генов; «экзон» (от англ. *EXpressed regiON* – выраженная область) – участок ДНК в составе гена, несущий генетическую информацию, «вестерн-блоттинг» (от англ. *western blot* – белковый иммуноблот) – лабораторный метод определения белков в образце и т. п. Интерес также представляют заимствованные номинации, в которых наблюдается сочетание структурных элементов из разных языков, как, например, «гемагглютинин» (от греч. *haima* – кровь и лат. *agglutinatio* – склеивание) – белок, связывающийся с эритроцитами крови; «пикорнавирусы» (от испанск. *pico* – маленький и англ. *RNA* – РНК) – семейство РНК-содержащих вирусов и др.

Отдельно следует упомянуть метафорические терминологические единицы, которые входят в терминосистему предметной области «Медицинская вирусология». Появление подобных терминологических единиц становится следствием реализации когнитивного потенциала метафоры как феномена познавательной деятельности человека, способствующего структурированию действительности посредством пересечения знаний различных концептуальных областей [34, 35]. В рамках предметной сферы «Медицинская вирусология» метафорическое осмысление позволяет представить сложные явления в рамках простых и понятных категорий. Так, например, выход вируса из клетки, связанный с ее разрушением, представляется как «взрыв», бактериофаг описывается как имеющий головку, хвост и чехол, мутации в генах определяются как генный дрейф и т. п. При этом необходимо отметить, что были обнаружены 1) одиночные термины-метафоры, которые использовались в научных текстах по вирусологии в кавычках, что говорит о еще не устоявшемся статусе термина, в котором подчеркивается его метафорическая природа; 2) одиночные метафоры, которые использовались без кавычек в текстах

научной литературы; 3) метафоры, которые использовались как синонимы к неметафорическим терминам. Примером первого случая могут послужить термины «клатриновые ямки» – участки на плазматической мембране, обогащенные кластрином углубления; «взрыв» – способ выхода вируса из клетки, связанный с разрушением клетки. Примером второго случая является термин *генный дрейф*, который обозначает мутации в генах, кодирующих поверхностные белки, происходящие во время эпидемий, а также термины *головка*, *чехол*, обозначающие часть структуры бактериофага. Примером третьего случая может стать термин «мутантное облако», который также используется в кавычках и является синонимом термина *мутантный спектр*, обозначая «набор разных мутантных вирусов, геном которых отличается от исходной РНК-последовательности» [28, с. 16], а также термин «хвост фага», функционирующий наряду с термином *отросток*, обозначающим часть структуры бактериофага и т. п.

Также интерес представляют термины, репрезентирующие микрослоты субфрейма «Виды вирусов» и обозначающие различные семейства вирусов. Особенностью данных терминов является наличие разнообразных способов номинации, которые требуют отдельного исследования. Так, среди данных терминов обнаруживаются метафорические наименования, как, например, *астровирусы*, которые получили свое название из-за формы вирионов, похожих на звезду (от греч. *astron* – звезда); аббревиатуры (ВИЧ, ВПЧ, БВРС, ТОРС и т. п.) и аббревиатурные заимствования, которые также скрывают в себе метафору, как, например, *ЕСНО-вирусы* (от англ. *enteric cytopathogenic human orphans* – кишечные цитопатогенные человеческие «сиротские» вирусы), где использование термина «сиротские» связано с тем, что данные вирусы являются патогенными только для человека, но при этом их патогенность долгое время не могла быть определена.

Заключение

Таким образом, терминология предметной сферы «Медицинская вирусология» оставляет огромный потенциал для дальнейшего исследования, а построенная когнитивно-фреймовая модель позволяет систематизировать термины, входящие в данную предметную область, установить специфику отношений между терминами, отметить особенности терминологической номинации.

Следует заключить, что когнитивно-фреймовая модель предметной сферы «Медицинская вирусология» представляет собой иерархическую систему, включающую шесть субфреймов: «Ви-

рус», «Виды вирусов», «Диагностика вирусов», «Терапия вирусов», «Профилактика вирусов», «Бактериофаги», – каждый из которых включает в себя разное количество слотов, репрезентированных соответствующими терминами. При этом модель имеет характер системы взаимосвязанных элементов, в которой каждый последующий уровень раскрывает семантику предыдущего

уровня и где наблюдаются разные типы отношений между элементами: гиперо-гипонимические, синонимические, антонимические. Отдельную роль в терминосистеме играют метафорические наименования, являющиеся следствием осмысления медицинских понятий с помощью простых и понятных категорий, принадлежащих другим сферам деятельности человека.

Список источников

1. Кильдибекова Т.А., Гафарова Г.В., Хакимова Г.Ф. и др. Функционально-когнитивный словарь русского языка. Языковая картина мира. М.: Гнозис, 2013. 676 с.
2. Гафарова Г.В., Хакимова Г.Ф. Ключевые слова через призму функционально-когнитивного словаря // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2 (часть 1). URL: <https://s.science-education.ru/pdf/2015/2/338.pdf> (дата обращения: 05.02.2025).
3. Бабенко Л.Г. Интерпретация процессуально-событийного мира: две лексикографические версии (на материале словарей Уральской семантической школы) // Лексикография цифровой эпохи: сб. материалов международного симпозиума (24–25 сентября 2021 года). Томск, 2021. С. 26–29.
4. Бекишева Е.В. Новые направления в исследовании медицинской терминологии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 4 (2). С. 260–264.
5. Гринев-Гриневиц С.В. Терминоведение. М.: Академия, 2008. 304 с.
6. Кубрякова Е.С. Концепт // Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. С. 90–93.
7. Лейчик В.М. Терминоведение. Предмет. Методы. Структура. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 256 с.
8. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную семантику. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. 236 с.
9. Бабенко Л.Г. Типы лексических множеств в структурно-семантическом, когнитивно-дискурсивном и лексикографическом освещении: динамика интерпретаций // Научный диалог. 2020. № 9. С. 9–47.
10. Ельцова Л.Ф. Концепты пространства в медицинской терминологии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Рязань, 2000. 29 с.
11. Рожкова Т.В. Англоязычная терминология психиатрии как объект лингвокогнитивного анализа: дис. ... канд. филол. наук. 2012. 236 с.
12. Стецюра Л.В. Концептосфера «организм человека» в профессиональной картине мира медика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2010. 23 с.
13. Бекишева Е.В. Формы языковой репрезентации гносеологических категорий в клинической терминологии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. 2007. 50 с.
14. Куркина Т.В. Терминология фармации как отражение развития профессионального образования // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12, № 5 (2). С. 519–522.
15. Рудинская Л.С. Современные тенденции развития гематологической терминологии (на материале англ. яз.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1997. 27 с.
16. Синявская С.П. Когнитивное моделирование англоязычной терминосистемы «Endocrinology»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. 2015. 22 с.
17. Трофимова Н.А., Щитова О.Г. Когнитивно-фреймовое моделирование терминосистемы предметной области «Строительные материалы» в русском языке XXI века // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2022. Вып. 1 (219). С. 65–75. doi: 10.23951/1609-624X-2022-1-65-75
18. Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979. 152 с.
19. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII: Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 52–92.
20. Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
21. Никонова Ж.В. Теория фреймов в лингвистических исследованиях. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. 144 с.
22. Трофимова Н.А. Терминология сферы «Строительные технологии» в русском языке XXI века: когнитивный, системный и лексикографический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2022. 203 с.

23. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З. К проблеме ментальных репрезентаций // Вопросы когнитивной лингвистики. М.: Институт языкознания; Тамбов: Тамбовский гос. университет им. Г.Р. Державина. 2007. № 4. С. 8–16.
24. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17–33.
25. Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие концепт в лингвистических исследованиях. Воронеж: Изд. ВГУ, 1999. 30 с.
26. Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 18–36.
27. Альштейн А.Д. Вирусология // Большая российская энциклопедия 2004–2017. URL: old.bigenc.ru/biology/text/1916159 (дата обращения: 25.01.2025).
28. Медицинская вирусология: учеб. пособие / И.И. Генералов, Н.В. Железняк, В.К. Окулич, А.В. Фролова, И.В. Зубарева, А.М. Моисеева, С.А. Сенькович, В.Е. Шилин, А.Г. Денисенко, А.Г. Генералова; под ред. И.И. Генералова. Витебск: ВГМУ, 2017. 307 с.
29. Медицинская вирусология: руководство / под ред. Д.К. Львова. М.: Медицинское информационное агентство, 2008. 656 с.
30. Медицинская микробиология, вирусология, иммунология / под ред. акад. РАН В.В. Зверева, профессора М.Н. Бойченко. М.: ГОЭТАР-Медиа, 2022. 472 с.
31. Бондарко А.В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. 220 с.
32. Левицкий А.Э. Функциональный подход в современной лингвистике // *Studia Linguistica*. Киев: Киевский национальный университет, 2010. С. 31–38.
33. Сложеникина Ю.В., Звягинцев В.С. Из истории упорядочения русской медицинской терминологии // *Язык и культура*. 2017. № 38. С. 94–104.
34. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во МГУ, 1996. 245 с.
35. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.

References

1. Kil'dibekova T.A., Gafarova G.V., Khakimova G.F. et al. *Funktsional'no-kognitivnyy slovar' Russkogo yazyka. Yazykovaya kartina mira* [Functional and cognitive dictionary of the Russian language. Language picture of the world]. Moscow, Gnosis Publ., 2013. 676 p. (in Russian).
2. Gafarova G.V., Khakimova G.F. Klyuchevyye slova cherez prizmu funktsional'no-kognitivnogo slovary [Keywords through the prism of a functional-cognitive dictionary]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education] (in Russian). URL: <https://s.science-education.ru/pdf/2015/2/338.pdf> (accessed 5 February 2025).
3. Babenko L.G. Interpretatsiya protsessual'no-sobytiynogo mira: dve leksikograficheskiye versii (na materiale slovarey ural'skoy semanticheskoy shkoly) [Interpretation of the procedural-event world: two lexicographic versions (based on the dictionaries of the ural semantic school)]. *Leksikografiya tsifrovoy epokhi: sbornik materialov Mezhdunarodnogo simpoziuma* [Lexicography of the digital Age. Collection of materials of the International Symposium]. Tomsk, 2021. Pp. 26–29 (in Russian).
4. Bekisheva E.V. Novyye napravleniya v issledovanii meditsinskoy terminologii [New directions in the study of medical terminology]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo – Nizhegorodsky university Bulletin*, 2013, no. 4 (2), pp. 260–264 (in Russian).
5. Grinyov-Grinevich S.V. *Terminovedeniye* [Terminology]. Moscow, Akademiya Publ., 2008. 304 p. (in Russian).
6. Kubryakova E.S. Kontsept [Concept]. *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [Short dictionary of cognitive terms]. Moscow, Moscow university Publ., 1997. Pp. 90–93 (in Russian).
7. Leychik V.M. *Terminovedeniye. Predmet. Metody. Struktura* [Terminology. Subject. Methods. Structure]. Moscow, LKI Publ., 2007. 256 p. (in Russian).
8. Boldyrev N.N. *Kognitivnaya semantika. Vvedeniye v kognitivnyuyu semantiku* [Cognitive semantics. Introduction into cognitive semantics]. Tambov, Derzhavin University Publ., 2014. 236 p. (in Russian).
9. Babenko L.G. Tipy leksicheskikh mnozhestv v strukturno-semanticheskom, kognitivno-diskursivnom i leksikograficheskom osveshchenii: dinamika interpretatsii [Types of lexical sets in structural-semantic, cognitive-discursive and lexicographic coverage: dynamics of interpretations]. *Nauchnyy dialog – Scientific Dialogue*, 2020, no. 9, pp. 9–47 (in Russian).

10. El'tsova L.F. *Kontsepty prostranstva v meditsinskoj terminologii*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Concepts of space in medical terminology. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Ryazan, 2000. 29 p. (in Russian).
11. Rozhkova T.V. *Angloyazychnaya terminologiya psikiatrii kak ob'ekt lingvokognitivnogo analiza* [English Terminology of psychiatry as an object of linguistic study. Abstract of thesis. cand. philol. sci.]. Ryazan, 2012. 236 p. (in Russian).
12. Stetsyura L.V. *Kontseptosfera "organizm cheloveka" v professional'noy kartine mira medika*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Concept sphere "Human organism" in the professional language picture of a medical worker. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Chelyabinsk, 2010. 23 p. (in Russian).
13. Bekisheva E.V. *Formy yazykovoy reprezentatsii gnoseologicheskikh kategoriy v klinicheskoy terminologii*. Avtoref. dis. dokt. nauk [Forms of linguistic interpretation of gnosological categories in clinical terminology. Abstract of thesis doc. philol. sci.]. 2007. 50 p. (in Russian).
14. Kurkina T.V. Terminologiya farmatsii kak otrazheniye razvitiya professional'nogo obrazovaniya [Terminology of pharmacy as a reflection of professional education]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossiyskoy akademii nauk – Proceedings of Samara scientific centre of Russian Academy of Science*, 2010, vol. 12, no. 5 (2), 2010, pp. 519–522 (in Russian).
15. Rudinskaya L.S. *Sovremennyye tendentsii razvitiya gematologicheskoy terminologii (na materiale angliyskogo yazyka)* [Modern tendencies in the development of hematological terminology. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Moscow, 1997. 27 p. (in Russian).
16. Sinyavskaya S.P. *Kognitivnoye modelirovaniye angloyazychnoy terminosistemy "Endocrinology"*. Avtoref. dis. kand. ped. nauk [Cognitive modeling of the English term system "Endocrinology". Abstract of thesis cand. philol. sci.]. 2015. 22 p. (in Russian).
17. Trofimova N.A., Shchitova O.G. Kognitivno-freymovoye modelirovaniye terminosistemy predmetnoy oblasti "Stroitel'nyye materialy" v russkom yazyke XXI veka [Cognitive-frame modeling of the term system of the sphere "Building materials" in the Russian language of the XXI century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 1 (219), pp. 65–75 (in Russian). doi: 10.23951/1609-624X-2022-1-65-75
18. Minskiy M. *Freymy dlya predstavleniya znaniy* [Frames for Knowledge presentation]. Moscow, Energiya Publ., 1979. 152 p. (in Russian).
19. Fillmor Ch. Freymy i semantika ponimaniya [Frames and the semantics of understanding]. *Novoye v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. XXIII. Kognitivnye aspekty yazyka* [New in foreign linguistics. Vol. XXIII. Cognitive aspects of language]. Moscow, Progress Publ., 1988. Pp. 52–92 (in Russian).
20. Van Deyk T.A. *Yazyk. Poznaniye. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Moscow, Progress Publ., 1989. 312 p. (in Russian).
21. Nikonova Zh.V. *Teoriya freymov v lingvisticheskikh issledovaniyakh* [The theory of frames in linguistic investigations]. Saint Petersburg, Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2006. 144 p. (in Russian).
22. Trofimova N.A. *Terminologiya sfery "Stroitel'nyye tekhnologii" v russkom yazyke XXI veka: kognitivnyy, sistemnyy i leksikograficheskiy aspekty*. Dis. kand. filol. nauk [The terminology of the sphere "Building technologies" in the Russian language of the XXI century: cognitive, systemic and lexicographic aspects. Diss. cand. philol. sci.]. Tomsk, 2022. 203 p. (in Russian).
23. Kubryakova E.S., Dem'yankov V.Z. K probleme mental'nykh reprezentatsiy [To the problem of mental representation]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of cognitive linguistics*, 2007, no. 4, pp. 8–16 (in Russian).
24. Dem'yankov V.Z. Kognitivnaya lingvistika kak raznovidnost' interpretiruyushchego podkhoda [Cognitive linguistics as a kind of interpreting approach]. *Voprosy Yazykoznaniya – The Topics in the Study of Language*, 1994, no. 4, pp. 17–33 (in Russian).
25. Popova Z.D., Sternin I.A. *Ponyatiye kontsept v lingvisticheskikh issledovaniyakh* [The notion of concept in linguistic investigations]. Voronezh, VGU Publ., 1999. 30 p. (in Russian).
26. Boldyrev N.N. Kontseptual'noye prostranstvo kognitivnoy lingvistiki [Conceptual space of cognitive linguistics]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of cognitive linguistics*, 2004, no. 1, pp. 18–36 (in Russian).
27. Al'tsheteyn A.D. *Virusologiya* [Virusology]. *Bol'shaya russiykaya entsiklopediya 2004–2017* [Big Russian Encyclopedia] (in Russian). URL: old.bigenc.ru/biology/text/1916159 (accessed 25 January 2025).
28. Generalov I.I., Zheleznyak N.V., Okulich V.K., Frolova A.V., Zubareva I.V., Moiseeva A.M., Sen'kovich S.A., Shilin V.E., Denisenko A.G., Generalova A.G. *Meditsinskaya virusologiya: uchebnoye posobiye* [Medical virusology: textbook]. Ed. I.I. Generalova. Vitebsk, VGMU Publ., 2017. 307 p. (in Russian).
29. L'vov D.K. (ed.) *Meditsinskaya virusologiya: rukovodstvo* [Medical virusology: guide]. Moscow, Meditsinskoye informatsionnoye agentstvo Publ., 2008. 656 p. (in Russian).

30. Zverev V.V., Boychenko M.N. (eds.) *Meditsinskaya mikrobiologiya, virusologiya, immunologiya* [Medical microbiology, virology, immunology]. Moscow, GOETAR-Media Publ., 2022. 472 p. (in Russian).
31. Bondarko A.V. *Problemy grammaticheskoy semantiki i russkoy aspektologii* [The problems of grammatical semantics and Russian aspectology]. Saint Petersburg, SPbU Publ., 1996. 220 p. (in Russian).
32. Levitskiy A.E. Funktsional'nyy podkhod v sovremennoy lingvistike [Functional approach in modern linguistics]. *Studia Linguistica*. Kyiv, Taras Shevchenko National University of Kyiv Publ., 2010. Pp. 31–38 (in Russian).
33. Slozhenikina Yu.V., Zvyagintsev V.S. Iz istorii uporyadocheniya russkoy meditsinskoy terminologii [From the history of ordering Russian medical terminology]. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*, 2017, no. 38, pp. 94–104 (in Russian).
34. Kubryakova E.S. *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [Short dictionary of cognitive terms]. Moscow, MSU Publ., 1996. 245 p. (in Russian).
35. Chudinov A.P. *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoye issledovaniye politicheskoy metafory (1991–2000)* [Russia in the metaphoric mirror: cognitive investigation of political metaphor (1991–2000)]. Ekaterinburg, USPU Publ., 2001. 238 p. (in Russian).

Информация об авторах

Васильева С.Л., кандидат филологических наук, доцент, завкафедрой, Сибирский государственный медицинский университет (Московский тракт, 2, Томск, Россия, 634050).

E-mail: vasilieva.sl@ssmu.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1842-2298>; Researcher ID: X-1399-2019; SPIN-код: 2847-9461

Абрамова А.А., кандидат филологических наук, доцент, Сибирский государственный медицинский университет (Московский тракт, 2, Томск, Россия, 634050).

E-mail: abramova.aa@ssmu.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8835-3876>; Researcher ID: X-4190-2019; SPIN-код: 7891-1280

Дмитриенко Н.А., кандидат педагогических наук, доцент, Сибирский государственный медицинский университет (Московский тракт, 2, Томск, Россия, 634050).

E-mail: dmitrienko.na@ssmu.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6184-2891>; SPIN-код: 7891-1280

Information about the authors

Vasil'yeva S.L., Candidate of Philological Sciences, Associate professor, Head of the Foreign Languages Department, Siberian State Medical University (Moskovskiy trakt, 2, Tomsk, Russian Federation, 634050).

E-mail: vasilieva.sl@ssmu.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1842-2298>; Researcher ID: X-1399-2019; SPIN-code: 2847-9461

Abramova A.A., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Siberian State Medical University (Moskovskiy trakt, 2, Tomsk, Russian Federation, 634050).

E-mail: abramova.aa@ssmu.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8835-3876>; Researcher ID: X-4190-2019; SPIN-code: 7891-1280

Dmitriyenko N.A., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Siberian State Medical University (Moskovskiy trakt, 2, Tomsk, Russian Federation, 634050).

E-mail: dmitrienko.na@ssmu.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6184-2891>; SPIN-code: 7891-1280

Статья поступила в редакцию 03.03.2025; принята к публикации 26.09.2025

The article was submitted 03.03.2025; accepted for publication 26.09.2025

УДК 81

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-6-43-54>

Профессиональное языковое сознание русскоязычных и иноязычных военных по данным ассоциативного эксперимента: на примере стимулов «служба» и «сбор»

Юлия Антоновна Эмер¹, Светлана Анатольевна Андриевская²

^{1,2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия*

¹ *emerjulial@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0124-4392>*

² *sveta-andri@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5465-5227>*

Аннотация

В настоящее время профессиональное языковое сознание находится в поле пристального внимания российских лингвистов. Ученых интересует содержание образов профессионального языкового сознания людей разных профессий, в том числе и военных специалистов. Данная статья посвящена описанию специфики профессионального языкового сознания русскоязычных (российских) и иноязычных (иностранцев) военных специалистов из ближнего и дальнего зарубежья, осваивающих академический военно-образовательный курс. Практическая значимость настоящего исследования связана с возможностью использования полученных результатов при чтении курсов по исследованию языкового сознания, профессиональной языковой личности. Цель статьи – на основе сравнительного анализа полученных ассоциаций трех фокус-групп описать специфику профессионального языкового сознания русскоязычных и иноязычных военных специалистов. Материалом исследования послужили данные, полученные в результате анализа проведенного свободного ассоциативного эксперимента. Респондентами выступили русскоязычные и иноязычные (Казахстан и Мали) слушатели Военной академии Генерального штаба ВС РФ. Указанные военнослужащие обучаются в одном военном учебном заведении по одинаковым образовательным программам, однако иноязычных слушателей отличает не только принадлежность к разным культурам, в том числе и профессиональной, но и уровень владения русским языком (казахские военные специалисты – С1, малийские военные специалисты – В2). В качестве стимульных слов были выбраны лексические единицы «служба» и «сбор», фиксирующие значимые понятия академического военно-образовательного дискурса. В результате исследования ассоциативного потенциала перечисленных слов-стимулов были выявлены особенности репрезентации лексических единиц в языковом сознании военных специалистов. Анализ данных показал, что профессиональное языковое сознание формируется под влиянием родной культуры. Также было доказано, что уровень владения языком, знание профессиональной культуры детерминируют картину мира профессиональной личности военного, при этом профессия определяет общее ядро модели мира, об этом свидетельствуют данные, полученные в ходе свободного ассоциативного эксперимента.

Ключевые слова: профессиональное языковое сознание, русскоязычные военные, иноязычные военные, психолингвистический эксперимент, военные специалисты

Благодарности: результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № FSWM-2025-0016.

Для цитирования: Эмер Ю.А., Андриевская С.А. Профессиональное языковое сознание русскоязычных и иноязычных военных по данным ассоциативного эксперимента: на примере стимулов «служба» и «сбор» // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 6 (242). С. 43–54. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-6-43-54>

Professional linguistic consciousness of Russian-speaking and foreign-speaking military specialists according to the data of a psycholinguistic experiment: using the example of the “Service” and “Collection” stimuli

Yulia A. Emer¹, Svetlana A. Andrievskaya²

^{1,2} *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *emerjulial@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6280-7577>*

² *sveta-andri@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5465-5227>*

Abstract

Currently, professional language awareness is in the field of close attention of Russian linguists. Scientists are interested in the content of images of professional linguistic consciousness of people of different professions, including military specialists. This article is devoted to the description of the specifics of the professional linguistic consciousness of Russian-speaking (Russian) and foreign-speaking (foreign) military specialists from near and far abroad who master the academic military educational discourse. The practical significance of this research is related to the possibility of using the results obtained when reading courses on the study of linguistic consciousness, professional linguistic personality. The purpose of the article is to describe the specifics of the professional linguistic consciousness of Russian-speaking and foreign-speaking military specialists based on a comparative analysis of the obtained associations of three focus groups. The research material was the data obtained as a result of the analysis of the conducted free associative experiment. The respondents were Russian-speaking and foreign-speaking (Kazakhstan and Mali) students of the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation. These military personnel study at the same military educational institution according to the same educational programs, however, foreign-speaking students are distinguished not only by belonging to different cultures, including professional ones, but also by their level of proficiency in Russian (Kazakh military specialists – C1, Malian military specialists – B2). The lexical units “Service” and “Collection”, which capture significant concepts of academic military educational discourse, were chosen as incentive words. As a result of the study of the associative potential of the listed stimulus words, the peculiarities of the representation of lexical units in the linguistic consciousness of military specialists were revealed. Data analysis has shown that professional linguistic consciousness is formed under the influence of native culture. It was also proved that the level of language proficiency, knowledge of professional culture, determines the worldview of the professional personality of a military man, while the profession determines the common core of the world model, as evidenced by the data obtained during a free associative experiment.

Keywords: *free associative experiment, professional linguistic consciousness, Russian-speaking military personnel, foreign-speaking military personnel, psycholinguistic experiment, military specialists*

Acknowledgments: The results were obtained as part of the state assignment of the Ministry of Education and Science of Russia, project No. FSWM-2025-0016.

For citation: Emer Yu.A., Andrievskaya S.A. Professional'noye yazykovoye soznaniye russkoyazychnykh i inoyazychnykh voyennykh po dannym assotsiativnogo eksperimenta: na primere stimulov “sluzhba” i “sbor” [Professional linguistic consciousness of Russian-speaking and foreign-speaking military specialists according to the data of psycholinguistic experiment: using the example of the “Service” and “Collection” stimuli]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 6 (242), pp. 43–54 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-6-43-54>

Введение

Проблемы разного типа профессиональных языков, дискурсов, языковых личностей находятся в центре внимания исследователей несколько десятилетий (Е.И. Голованова [1], Н.А. Мишанкина [2], С.В. Мыскин [3], М.И. Солнышкина [4], Е.В. Харченко [5] и др.). Интерес социогуманитарного знания к перечисленным вопросам обусловлен прежде всего необходимостью анализа роли человека на стыке технологий в современном мире, для которого характерны изменение рынка труда, ориентированность компаний на человекоцентричные стратегии развития производства.

В настоящее время лингвистами изучается не только языковое сознание индивида, но и языковое сознание людей, принадлежащих к какой-либо референтной группе: национальной, возрастной, гендерной (труды Н.Д. Голева, А.А. Залевской, В.В. Красных, С.Е. Никитиной, Е.А. Попковой, И.А. Стернина, Е.Ф. Тарасова, Т.Н. Ушаковой, Н.В. Уфимцевой и др.).

Содержание образов профессионального языкового сознания медиков, юристов, фотографов, педагогов не раз становилось объектом присталь-

ного внимания лингвистов (работы Е.В. Вилисовой [6], Е.В. Волковой [7], М.А. Михайловой [8], О.В. Сергеевой [9] и др.). В фокусе научного интереса находится и профессиональное языковое сознание военного специалиста (К.В. Битюцких [10], Р.А. Кафтанов [11], О.П. Фесенко [12] и др.). Исследователями анализируется как динамика становления профессионального языкового сознания военных, его формирование, так и особенности типовых сознаний внутри одной профессии в зависимости, например, от принадлежности к той или иной лингвокультуре (работы К.В. Битюцких [10], М.Н. Кротовой и А.П. Ушаковой [13], О.Н. Проценко и Т.А. Мишариной [14] и др.).

Цель данной работы – описать в сравнительном аспекте образы профессионального языкового сознания российских и иностранных военных специалистов из ближнего и дальнего зарубежья, осваивающих академический образовательный дискурс.

В центре нашего внимания находится языковое сознание военных специалистов как носителей русского языка, осваивающих новые профессиональные компетенции, так и иностранных специалистов – представителей разных лингво-

культур, изучающих русский язык и профессиональную культуру в рамках академического военно-образовательного дискурса.

Академический военно-образовательный дискурс¹ понимается нами как вариант военно-образовательного дискурса, он направлен на создание коммуникационной среды, предназначенной для подготовки кадров высшей военной квалификации [15].

Участниками дискурса выступают преподаватель и слушатель, позиции которых жестко институционально закреплены в силу особенностей организации описываемого дискурса: иерархия, безусловный авторитет преподавателя и др. Слушателями являются русскоязычные и иноязычные мужчины, имеющие высшее военное образование, средний возраст обучаемых 45 лет.

Одним из активно осваиваемых слушателями жанров академического военно-образовательного дискурса является жанр инструкции. В качестве слов-стимулов в рамках эксперимента респондентам были предложены лексемы СЛУЖБА и СБОР, активно функционирующие в инструктивных текстах, при этом характеризующиеся разной востребованностью за рамками военно-образовательного дискурса. Для нас было принципиальным выбрать слова, имеющие разное значение в русской культуре, разную частотность, сочетаемость, востребованность за пределами академического военно-образовательного дискурса. Именно различия, характерные для них за границами, и сходное положение внутри профессионального дискурса позволили выявить и обосновать разницу в организации образов сознания военных специалистов в зависимости от уровня владения русским языком и отнесенности к разным лингвокультурам, поставить вопрос о типах профессионального сознания военных специалистов, осваивающих академический военно-образовательный дискурс.

Материал и методы

В рамках исследования был проведен свободный ассоциативный эксперимент, в результате которого было получено и проанализировано 314 реакций респондентов.

Ассоциативный эксперимент активно используется в современных исследованиях как эффективный инструмент анализа и моделирования языкового сознания, как простой и информатив-

ный способ получения фактических языковых данных [16].

Результаты и обсуждение

Данные эксперимента были получены в 2023 г. Отбор респондентов осуществлялся в соответствии со следующими критериями:

1) обучение в Военной академии Генерального штаба ВС; 2) владение русским языком как родным для русскоязычных слушателей, владение русским как иностранным на уровне С1 для слушателей – представителей казахской диаспоры, на уровне В2 – слушателей из Мали.

В результате отбора в эксперименте приняли участие 50 русскоязычных слушателей, 50 иноязычных слушателей из Казахстана (уровень владения русским языком как иностранным – С1), 48 иноязычных слушателей из Мали (уровень владения русским языком как иностранным – В2). Всего в эксперименте приняли участие 148 человек.

Произведенный по данным критериям отбор позволил выявить схожесть в реакциях респондентов, детерминированную общностью профессиональной деятельности. Разница в полученных реакциях, на наш взгляд, в первую очередь объясняется уровнем владения русским языком, знанием русской культуры, в том числе профессиональной.

Для представления результатов эксперимента каждую из групп респондентов мы обозначили следующим образом: гр.РВ – русскоязычные слушатели, гр.ИВ-1 – иноязычные слушатели из Казахстана, гр.ИВ-2 – иноязычные слушатели из Мали.

Эксперимент проводился в письменной форме, испытуемым предлагалось, не задумываясь, написать неограниченное количество ассоциаций² на предложенные слова-стимулы.

При помощи контент-анализа были выбраны значимые для учебных текстов академического военно-образовательного дискурса слова СЛУЖБА и СБОР. Данные лексемы активно используются в текстах инструкций, уставов, распоряжений, зафиксированы в словаре военных терминов.

При этом перечисленные слова-стимулы являются многозначными лексическими единицами, что подтверждено толковыми словарями, они активно используются и в иных дискурсах, о чем свидетельствуют данные частотного словаря и Национального корпуса русского языка. Стигматические слова, имеющие разную степень активности вне военно-образовательного дискурса,

¹ Под академическим военно-образовательным дискурсом в данной работе понимается «речевая деятельность, направленная на обучение управленческим компетенциям офицеров, имеющих ценностные установки армейского общества, профессиональные базовые знания, полученные в ходе специальной подготовки, знающих модели поведения и находящихся на последней ступени обучения» [15].

² Ассоциация – это понятие, существующее в психолингвистике; обозначает связь между психическими явлениями, при которой актуализация (восприятие, представление) одного из них влечет за собой появление другого [17, с. 45].

характеризующиеся разной степенью значимости в русской культуре, позволили, с одной стороны, выявить отличие в ассоциативных рядах русскоязычных и групп иноязычных военных специалистов, обусловленные принадлежностью к разным лингвокультурам, разной степенью владения русским языком. С другой – зафиксировать общность реакций, детерминированную формирующимся в пределах академического военно-образовательного дискурса общим понятийным полем в рамках учебных текстов.

Гипотеза при проведении эксперимента заключалась в следующем: профессиональное языковое сознание имеет некоторую общность профессионально обусловленных представлений, зафиксированную в сходстве ассоциатов на слова-стимулы, взятые из инструктивных текстов. Ассоциативные поля языкового сознания российских военнослужащих и военных специалистов из ближнего зарубежья имеют сходство в структуре и содержательном наполнении, обусловленное высоким уровнем владения русским языком, знанием русской лингвокультуры иноязычными обучающимися из Казахстана. Сходство ассоциатов-реакций, выходящих за границы инструктивных документов, осваиваемых в рамках обучения, объясняется в первую очередь социокультурными причинами, в частности общностью апперцепционной базы, наследием Советского Союза, в том числе и в профессиональной деятельности. Ассоциативное поле языкового сознания группы военных специалистов дальнего зарубежья имеет отличную структуру и содержание от вышеназванных групп в силу знания русского языка на уровне В2. Ассоциаты-реакции связаны непосредственно с изучаемыми инструктивными текстами и фиксируют профессиональный опыт, характерный для профессиональной культуры родной страны. Таким образом, ассоциативное поле, его структура и содержательное наполнение детерминировано уровнем владения русским языком и отражает степень освоения российской профессиональной культуры и культуры в целом. Освоение профессионального языка разными группами военных специалистов приводит к расширению имеющихся связей между лексемами и установлению новых.

Итогом проведенного эксперимента стала регистрация полученных от респондентов реакций. Наибольшее количество ассоциатов зафиксировано в гр.РВ – 114 реакций, в гр.ИВ-1 – 104 реакции, наименьшее количество реакций представлено в гр.ИВ-2 – 96 реакций. На основе полученных реакций для слов-стимулов были построены ассоциативные поля.

Каждое ассоциативное поле имеет ядро, включающее частотные реакции, и периферию,

содержащую единичные ответы респондентов. Отметим, что вопрос выявления ядра ассоциативного поля, его объема не имеет однозначного решения и активно дискутируется в науке (работы И.В. Богословской [18], В.А. Долинского [19], Г.А. Мартиновича [20]). В рамках нашего исследования мы на основе частотности выделили первые три реакции. Однако нами в качестве ядерных признавались и последующие реакции, если их частотность совпадала.

Результаты проведенного эксперимента подтверждают выдвинутую гипотезу – полученные реакции-ответы военных специалистов отражают смысловые акцентуации овладевающих академическим военно-образовательным дискурсом военнослужащих.

Остановимся подробнее на анализе слов-стимулов.

Слово-стимул СЛУЖБА относится к числу ключевых слов русской культуры, характеризующих трудовую деятельность, нравственно-этический аспект деятельности человека.

Лексема высокочастотна, активно используется в текстах разных дискурсов, что зафиксировано в частотном словаре О.Н. Ляшевской, С.А. Шарова [21], где наибольший индекс частотности слова СЛУЖБА приходится на публицистику и нехудожественную литературу (табл. 1).

Таблица 1
Слово СЛУЖБА в частотном словаре русского языка

Служба	
Источник	Частота ИРМ
Частотный словарь художественной литературы	121,9
Частотный словарь публицистики	276,8
Частотный словарь другой нехудожественной литературы	297,6
Частотный словарь живой устной речи	26,5

О высокой частотности слова СЛУЖБА свидетельствуют и данные Национального корпуса русского языка (ИРМ 203,44). Лексема СЛУЖБА активно используется в официально-деловых текстах, посвященных темам «Политика и общественная жизнь» – 18,65 %, «Армия и вооруженные конфликты» – 6,53 % [22].

Лексема СЛУЖБА активно функционирует и в академическом военно-образовательном дискурсе. Она закреплена в словаре военных терминов на уровне дефиниций, имеющих словарные статьи-справки. Основой такой статьи-справки служат «понятия, четко сформулированные в уставах, руководствах, наставлениях и других официальных военных документах с целью единого толкования в области военного дела» [23].

Слово СЛУЖБА в словаре военных терминов поясняется следующим образом: 1) система

штатных органов управления и воинских формирований, предназначенная для обеспечения и обслуживания войск (сил) в соответствии со своей специализацией (например, С. автомобильная, вещевая, продовольственная, медицинская и др.); 2) повседневная воинская деятельность в частях (на кораблях), учреждениях (С. караульная, внутренняя, корабельная и др.); 3) комплекс мероприятий, организуемых и проводимых командующими (командирами) и штабами в целях обеспечения успешного выполнения войсками задач (С. комендантская, патрульная и др.) [24].

СЛУЖБА как термин используется в тексте Конституции РФ и других нормативно-правовых актах: «Защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации. Гражданин Российской Федерации несет военную службу в соответствии с Федеральным Законом» [25, ст. 59].

Приведенные данные свидетельствуют, что слово СЛУЖБА активно функционирует в разных дискурсах: политическом, общественном, медийном, военно-образовательном и др. – и

участвует в моделировании профессионального мира военного.

В эксперименте на слово-стимул СЛУЖБА было получено в гр.РВ общее количество ассоциаций – 55, в гр.ИВ-1 – 50, в гр.ИВ-2 – 48.

В результате анализа данных эксперимента было установлено, что в профессиональном языковом сознании военнослужащих гр.РВ и гр.ИВ-1 ядра полностью совпадают и не имеют количественного контраста: в гр.РВ *долг* – 12, *армия* – 7, *военная* – 6; гр.ИВ-1 *долг* – 10, *армия* – 5, *военная* – 6. Ядерная ассоциация гр.ИВ-2 *военная* – 8 (табл. 2).

Реакции гр.РВ и гр. ИВ-1, получившие вербальное выражение при помощи лексических единиц, обозначающих нравственно-этические категории: *Родина, Отечество, обязанность, ответственность, верность* и др., не отмеченных в учебных текстах, объясняются следующим.

Концепт СЛУЖБА является социально значимым для русской культуры, о чем свидетельствуют вышеприведенные данные частотного словаря и Национального корпуса русского языка.

Таблица 2

Слово СЛУЖБА в языковом сознании русскоязычных и иноязычных слушателей

Тематическая зона	Ядро			Периферия		
	гр.РВ	гр.ИВ-1	гр.ИВ-2	гр.РВ	гр.ИВ-1	гр.ИВ-2
Этическая категория	Долг	Долг		Обязанность, ответственность, верность, воинский долг	Священный долг, воинская обязанность, отвага, честь, ответственность	–
Военная служба	Армия	Армия		В армии, военная служба	Военная служба, служба по контракту	Военная служба, сухопутные войска
Характеристики службы	Военная	Военная	Военная	Воинская, караульная, дисциплина	Воинская, специальная	Воинская, медицинская, служебный, трудная
Организация	–	–	–	ВС РФ, в ВС РФ, государственное учреждение	–	–
Работа/деятельность	–	–	–	Деятельность, караул, разведка, карьера, рай	Работа, хобби	Работа, сервис
Субъект деятельности	–	–	–	Военный, святой, сторожевой пес	Военный	–
Объект служения	–	–	–	Родина, Отечество	Родина, служение Родине	Народ, человек
Продолжительность службы	–	–	–	Время	–	–
Атрибуты службы	–	–	–	–	Заботы, лишения, переезды, свято, дружба	–
Профессиональные тексты АВОД	–	–	–	–	В армии служить – это честь ! Долг в/с, выполнение обязанности под командой в определенном режиме	–
						ВС – самая сильная работа/служба!

В его концептуальном поле ключевое место отводится лексеме ДОЛГ (исследования К.В. Битюцких [10], О.П. Фесенко [12] и др.). Зафиксированная в общественном представлении особая роль военной службы, связанная с обороной и военной безопасностью страны, закрепила важность и приоритетность нравственно-этических оснований для такого типа деятельности в общественном сознании. Поскольку от каждого конкретного профессионального социума «общество требует вполне определенных нравственно-психологических качеств. От воина – мужества, самоотверженности» [26], то представленные установки получили отражение как в профессиональных военных текстах, так и текстах образовательного, правового, медиа, политического и других дискурсов.

Подобный высокий показатель стереотипности реакций, актуализирующих этическую категорию, говорит о наличии профессиональных ценностей в профессиональном языковом сознании военных специалистов. Схожесть реакций гр.РВ и гр.ИВ-1, на наш взгляд, объясняется высоким уровнем знания русского языка, обеспечивающим большую степень «проникновения в культуру», а также экстралингвистическими факторами, в частности общностью «советского прошлого».

Контрастирует с полученными результатами гр.РВ и гр.ИВ-1 ассоциативный ряд гр.ИВ-2, не содержащий отсылки к нравственно-этическому аспекту профессии. В составе реакций этой группы слово СЛУЖБА репрезентировано так, как оно представлено в словаре военных терминов и в изучаемых профессиональных текстах, в первую очередь как профессиональная деятельность: *военная, военная служба, воинская, служебная*.

Гр.ИВ-2 осваивает русский язык, прежде всего изучая учебные тексты, в меньшей степени – иные тексты (мемуары, повести, рассказы), в которых СЛУЖБА представлена в нравственно-этическом аспекте. Проникновение в культуру путем освоения только профессионального русского языка, где СЛУЖБА предстает как научный термин, затрудняет постижение базовых ключевых концептов в их полноте.

Отметим в гр.ИВ-1 такую закономерность, как реакции-ответы, представляющие собой клишированные словосочетания, устойчивые речевые блоки, характерные для текстов инструкций: *воинская обязанность, долг в/с (военнослужащего), выполнение обязанности под командой в определенном режиме*. Поскольку обучение русскому языку иностранных военных специалистов привязано к текстам документов, то такие реакции-клише прежде всего обусловлены словарным запасом обучающихся.

Подобные ассоциации не зафиксированы в гр.ИВ-2.

Ввиду того что лексема СЛУЖБА не имеет жесткой терминологической привязки к текстам инструкций академического военно-образовательного дискурса, в реакциях-ответах респондентов был зафиксирован круг ассоциаций, связанный с выражением личного отношения. Например, в гр.ИВ-1 встречались реакции-ответы *заботы, лишения, переезды*, свидетельствующие о знании бытовой стороны службы. В ассоциациях гр.РВ *рай, сторожевой пес*; гр.ИВ-1 *свято*, гр.ИВ-2 *трудная* вербализованы эмоционально-оценочные составляющие, вызванные рефлексией профессиональной деятельности. Употребление превосходной степени в реакции-ответе гр.ИВ-2 *ВС – самая сильная работа/служба* демонстрирует эмоциональный фон восприятия профессии.

Итак, представление о СЛУЖБЕ у респондентов разных групп, осваивающих академический военно-образовательный дискурс, зависит от уровня владения языком: в гр.ИВ-2 репрезентировано через характеристику профессиональной деятельности; в гр.ИВ-1, владеющей лучше русским языком, и респондентов гр.РВ – носителей языка ассоциативно связано в первую очередь с нравственно-этическими категориями.

Слово-стимул СБОР, в отличие от стимула СЛУЖБА, не входит в число ключевых слов русской культуры, активно функционируя в профессиональных текстах.

Согласно частотному словарю О.Н. Ляшевской, С.А. Шарова, наибольший индекс частотности слова СБОР приходится на публицистику и нехудожественную литературу (табл. 3).

Таблица 3
Слово СБОР в частотном словаре русского языка

Сбор	
Источник	Частота ИРМ
Частотный словарь художественной литературы	22,3
Частотный словарь публицистики	78,5
Частотный словарь другой нехудожественной литературы	115,4
Частотный словарь живой устной речи	–

По данным Национального корпуса русского языка, частота вхождения лексемы СБОР по сравнению с лексемой СЛУЖБА низкая – ИРМ 54,56. При этом СБОР также активно функционирует в официально-деловой сфере, в текстах на темы «Политика и общественная жизнь» – 15,79 %, «Армия и вооруженные конфликты» – 4,81 % [22].

Для слушателей слово СБОР является одним из ключевых профессиональных понятий, закрепленных в словаре военных терминов. СБОР

обозначает незапланированное мероприятие, проводимое в жестко установленные временные рамки, это связано с хорошо отработанным профессиональным навыком, доведенным до автоматизма, на который отводится фиксированное время. В словаре военных терминов СБОР имеет следующие определения: 1) действия подразделений и частей по установленному сигналу и сосредоточение их в назначенном районе (пункте). Может быть объявлен при выходе частей (подразделений) на учения, для тушения пожара, ликвидации стихийных бедствий, отработки действий войск по боевой тревоге и решения других задач; 2) мероприятие в системе боевой (оперативной) подготовки; 3) построение личного состава на кораблях ВМФ СССР (большой и малый С.); 4) уставной сигнал для управления строем [24].

Лексема СБОР активно функционирует в общевоинских уставах. Распространенное толкование понятие получает в разном типе инструктивных текстов, предписывающих алгоритм действий, которые необходимо предпринять в ситуации сбора. Такие действия должен знать каждый военнослужащий в обязательном порядке.

Как показывают приведенные материалы, лексема СБОР входит в активный лексический запас носителя языка, однако не является высо-

кочастотным, функционирование лексемы не характерно для разговорной речи, основной сферой использования являются в основном официально-деловые тексты. Однако для клиентов академического военно-образовательного дискурса СБОР фиксирует одно из значимых профессиональных понятий.

СБОР как один из видов профессиональной деятельности обозначает ситуацию динамического типа, для которой характерны внезапность, ограниченный временной характер.

В результате эксперимента на слово-стимул СБОР были получены в гр.РВ 59 реакций, в гр.ИВ-1 – 54 реакции, в гр.ИВ-2 – 48 реакций.

В отличие от стимульного слова СЛУЖБА, воспринимающегося через призму этических категорий, лексема СБОР в гр.РВ и гр.ИВ-1 вербализуется через поэтапное номинирование компонентов ситуации сбора: *тревога, боевая готовность, прибытие в ППД*. Ядерные ассоциативные реакции гр.РВ и гр.ИВ-1 совпадают, но отличаются количественной асимметрией: в гр.РВ *тревога* – 5; в гр.ИВ-1 *тревога* – 9 (табл. 4). Отметим, что для гр.РВ и гр.ИВ-1 характерно совпадение ядерных реакций *собрание*. Что касается гр.ИВ-2, у нее отсутствуют сходные с иными фокус-группами ядерные и периферийные реакции.

Таблица 4

Слово СБОР в языковом сознании русскоязычных и иноязычных слушателей

Тематическая группа	Ядро			Периферия		
	гр.РВ	гр.ИВ-1	гр.ИВ-2	гр.РВ	гр.ИВ-1	гр.ИВ-2
Компоненты профессиональной деятельности	Тревога	Тревога	–	Сигнал, по тревоге, точность, команда, мероприятие, выполнение последующих задач, готовность оперативного состава, прибытие вооруженных сил в воинскую часть, организация	Боевая готовность, собрание по сигналу, время и задачи, горн, задача, на мероприятие, мероприятия по решению как. вопросов, прибытие в ППД, по тревоге, сигнал, строевые мероприятия, УМС, сборочный, обобщение, организация	Война данных, данных о противнике, информация, сведений, сборочный пункт
Объект действия	Трава	–	–	Деньги ягода, налог, (на нужды) для последующих действий, поборы, уборка, чай	Чего-то, средств, деньги, урожай, фито, чай	Книг, коллекция, кровь, марки, сбор урожая, старые билеты
Событие	Собрание	Собрание	–	Встреча, сходка	Собираться где-то, собираться	Собрать
Характеристика	–	–	–	Грудной, пионерский, травяной	–	Лучший, исходный
Локация	–	–	–	Палаточный лагерь, склад	Место	–
Субъект	–	–	–	Профсоюз	Группа, коллектив	–
Время	–	–	–	Время	На завтра	–
Иное	–	–	–	Вместе	Масса, набор, сборка, необходимость, объединение	Сборник
	–	–	–	–	☆, отказ	Отказ

В гр.РВ и гр.ИВ-1 реакции, репрезентирующие различные фрагменты профессиональной деятельности, преимущественно совпадают, пересекаются, демонстрируя таким образом не только устойчивые ассоциативные связи, но и определяя основу образа слова СБОР для респондентов описываемых групп. Подчеркнем, что доля совпадающих ассоциаций достаточна высока – 80 % от всех реакций-ответов.

Сравним текст, представленный в статье-справке словаря военных терминов, и реакции респондентов.

СБОР представляет собой «*действия подразделений и частей по установленному сигналу*» [24]. Для гр.РВ и гр.ИВ-1 характерны реакции *сигнал, собрание по сигналу*.

СБОР «*Может быть объявлен для... отработки действий войск по боевой тревоге и решения других задач*» [24]. Отметим сходство реакций гр.РВ и гр.ИВ-1 – *по тревоге; последующих задач, задача* и т. п.

СБОР как ситуация динамического вида требует от личного состава воинской части быть в постоянной готовности в случае получения сигнала, при этом каждому военнослужащему в зависимости от его функциональных обязанностей определяется строгое время для прибытия в часть: «*Во всех случаях при объявлении тревоги личный состав должен действовать быстро и организованно, соблюдая маскировку*» [27]. От гр.РВ и гр.ИВ-1 были получены сходные реакции: *готовность и боевая готовность; организация* и др.

Для СБОРА назначаются «*район сбора полка, пункты сбора подразделений и порядок выхода в них личного состава и вывода вооружения и военной техники*» [27]. У гр.РВ и гр.ИВ-1 зафиксированы реакции *прибытие вооруженных сил в воинскую часть и прибытие в ППД* (пункт постоянной дислокации. – Ю.Э., С.А.).

СБОР как «организованная совокупность действий, направленных на осуществление какой-либо цели» представляет собой «*мероприятие в системе боевой (оперативной) подготовки*» [27]. И в этом случае у гр.РВ и гр.ИВ-1 наблюдаются сходные реакции: *мероприятия и на мероприятия, строевые мероприятия, мероприятия по решению как. вопросов*.

Как показывает сравнение, ассоциаты-реакции фиксируют виды деятельности в ситуации сбора, их «языковая упаковка» – это клише из инструктивного текста. Подобное выделение составляющих вида профессиональной деятельности и вербализация при помощи терминологического обозначения подтверждается наблюдением Л. Бейлинсон, отмечавшей, что «при практическом освоении предметной сферы про-

фессионал детально вычленяет множество конкретных объектов, с которыми он имеет дело, свойств и происходящих с ними процессов» [28, с. 181].

Отметим, что в отличие от слова-стимула СЛУЖБА среди полученных ассоциаций как в гр.РВ, так и в гр.ИВ-1 отсутствуют эмоционально-оценочные слова-реакции. Ассоциативными реакциями, как правило, являются лексемы-термины или лексические единицы, активно функционирующие в нормативных документах военного дискурса. Испытуемый выдает реакции в виде готовых штампов, слов и словосочетаний, используемых им в повседневной профессиональной деятельности: *сигнал, по тревоге, команда, время, готовность*.

Ассоциативный ряд гр.ИВ-2 отражает иную ситуацию сбора в профессиональной деятельности, а также характеризуется большим количеством отказов. На наш взгляд, в первую очередь это объясняется слабым владением языком респондентов гр.ИВ-2, может быть и вторая причина, о которой говорит Ю.Н. Караулов, – наличие лагун в данной индивидуальной ассоциативно-вербальной сети [29].

Отличительной особенностью ассоциаций в двух иноязычных фокус-группах военных специалистов являются реакции, содержащие отсылку к сбору информации как к одной из разновидностей деятельности военного. В фокусе внимания гр.ИВ-2 находятся непосредственно сведения (*данных, данных о противнике, информация, исходный, сведений*), в гр.ИВ-1 – *обобщение*. Отметим, что в гр.РВ реакции подобного рода не представлены, притом что данный вид деятельности присутствует в повседневных практиках. Скорее всего это объясняется тем, что в военном дискурсе РФ у слова СБОР нет терминологически закреплённого значения «сбор информации».

Сравнение ассоциативных полей на стимульное слово СБОР показало, что в профессиональном языковом сознании русскоязычных и иноязычных военных ближнего зарубежья, владеющих русским языком как иностранным на уровне С1, слова-ассоциаты фиксируют компоненты профессиональной деятельности в рамках ситуации, обозначенной лексемой СБОР. Фиксация происходит при помощи клише из инструктивного документа.

Ассоциативный ряд испытуемых гр.ИВ-2 содержит отсылку к другому виду профессиональной деятельности – сбору информации. Данный вид деятельности не зафиксирован в инструктивных документах, знания об этом виде деятельности относятся к профессиональным знаниям, полученным ранее в иной профессиональной системе.

Заключение

Данные, полученные в ходе свободного ассоциативного эксперимента, позволили выявить профессиональную обусловленность языкового сознания русскоязычных и иноязычных слушателей Военной академии Генерального штаба ВС РФ. Слова СЛУЖБА и СБОР были отобраны в качестве стимулов в силу их активного функционирования в профессиональных текстах.

Слово СЛУЖБА является одним из важных понятий для русской культуры, имеет высокую частотность и востребованность в разных дискурсах. Лексема СБОР, напротив, не является знаковой для нашей культуры, имеет невысокую частотность, менее ярко представлена в дискурсах в разного типа. Слова СЛУЖБА и СБОР обозначают ключевые понятия военной деятельности, зафиксированы в словаре военных терминов, активно функционируют в инструктивных текстах, изучаемых обучающимися.

Военные специалисты проходят обучение в отдельных группах в зависимости от уровня владения русским языком. На основе учебных групп было сформировано три фокус-группы: группа русскоязычных (российских) военных специалистов, группа иноязычных (иностранцев) военных специалистов ближнего зарубежья с уровнем владения русским как иностранным С1, группа иностранных военных специалистов дальнего зарубежья с уровнем владения русским как иностранным В2.

Результаты, полученные в ходе эксперимента, подтвердили нашу гипотезу.

Ассоциативные поля трех групп респондентов демонстрируют пересечение и совпадение реакций, обозначающих базовые понятия, смыслы военного сообщества. Освоение академического военно-образовательного дискурса формирует

общий фундамент знания у русскоязычных и иноязычных слушателей, получающий отражение в ядерных реакциях – ключевых понятиях, клише учебных текстов. В ассоциативном поле СБОР получают закрепление как знания, полученные слушателями во время обучения в академии, так и опыт, приобретенный ранее в рамках иной профессиональной культуры каждой из групп иностранных обучающихся.

Профессиональное языковое сознание не является монолитным образованием, оно формируется под влиянием как родной культуры и языка, так и изучаемого языка. При освоении русского языка как языка профессии у иностранных обучающихся ближнего и дальнего зарубежья выстраиваются новые связи, что зафиксировано в ассоциативных полях СЛУЖБА и СБОР.

Уровень владения языком, знание профессиональной культуры детерминируют картину мира профессиональной личности военного, при этом профессия определяет общее основание модели мира. Ядерно-периферийная организация, содержательное наполнение ассоциативных полей русскоязычных и иноязычных слушателей из Казахстана имеют сходную структуру в силу уровня владения русским языком как иностранным (С1), знания русской культуры, общего исторического прошлого. Ассоциативные поля слушателей из Мали имеют иное содержательное наполнение и отличную структуру в силу начального этапа освоения русского языка (В2), русской культурой в целом и профессиональной в частности.

Вопрос о типах профессионального сознания военных специалистов, осваивающих профессиональную культуру на неродном языке, нуждается в дальнейшем исследовании.

Список источников

1. Голованова Е.И. Лексикографическое описание языковой личности ученого как лингвистическая проблема // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 2 (24). С. 423–428.
2. Мишанкина Н.А. Русские профессиональные дискурсы: границы и гомогенность // Когнитивные исследования языка. 2023. № 1 (52). С. 75–84.
3. Мыскин С.В. Теоретико-методологические аспекты теории языковой профессиональной личности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2015. № 1. С. 62–75.
4. Солнышкина М.И., Валеева Э.Р. Мотивационный уровень языковой личности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2009. № 2 (10). С. 70–76.
5. Харченко Е.В. Модели речевого поведения в профессиональном общении / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания, М-во образования РФ, Юж.-Ур. гос. ун-т. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2003. 334 с.
6. Вилисова Е.В. Ассоциативный эксперимент как метод изучения языкового сознания юристов // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 24 (239). С. 200–202.
7. Волкова Е.В. Профессиональная языковая личность врача в медиадискурсе (коммуникативно-прагматический аспект): дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2021. 264 с.

8. Михайлова М.А. Языковая личность фотографа (на материале русскоязычных и англоязычных интернет-форумов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2022. 24 с.
9. Сергеева О.В. Языковая личность педагога: статика и динамика: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2013. 187 с.
10. Битюцких К.В. Отражение корпоративной культуры военных в языковом сознании курсантов: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2015. 338 с.
11. Кафтанов Р.А. Опыт построения ассоциативно-вербальной модели профессиональной идентификации военных (экспериментальное психолингвистическое исследование): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2020. 22 с.
12. Фесенко О.П., Лаухина С.С., Коноваленко И.В. Речевой портрет курсанта военного вуза. Омский автобронетанковый инженерный институт. Омск: ОАБИИ: Изд-во Ипполитова, 2018. 171 с.
13. Кротова М.Н., Ушакова А.П. Исследование языкового сознания российских и иностранных военных специалистов методом ассоциативного эксперимента // Вестник ЯрГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Т. 15, № 2. С. 276–289.
14. Проценко О.Н., Мишарина Т.А. Анализ ассоциативно-вербальных реакций у представителей других культур (на примере франкоговорящих военнослужащих) // Гуманитарные проблемы военного дела. 2017. № 1 (10). С. 124–127.
15. Эмер Ю.А., Андриевская С.А. Академический военно-образовательный дискурс: к модели описания // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2023. Вып. 6. С. 49–57. doi: 10.23951/1609-624X-2023-6-49-57
16. Горошко Е.И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. URL: <https://www.textology.ru/article.aspx?aId=91> (дата обращения: 15.04.2025).
17. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2010. 486 с.
18. Богословская И.В. «Живой» смысл и «мертвая» буква. Уфа: Уфимский гос. авиационный технический ун-т, 2013. 194 с.
19. Долинский В.А. Теория ассоциативных полей в количественной лингвистике. СПб.: Алетейя, 2022. 436 с.
20. Мартинович Г.А. Вербальные ассоциации в ассоциативном эксперименте. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1997. 70 с.
21. Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка: на материалах Национального корпуса русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М.: Словари.ру, 2015. 1087 с.
22. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.04.2024).
23. Словарь военных терминов российского законодательства: в 2 т. / сост. Н.Н. Тютюнников. М.: Перо, 2018. Т. 1. 441 с.
24. Словарь военных терминов / сост. А.М. Плехов. М.: Воениздат, 1988. 335 с.
25. Конституция РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution> (дата обращения: 17.04.2025).
26. Зимбули А.Е. Человек и профессия: этические аспекты гуманитарных технологий (недежурные размышления о профессиональной этике). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovek-i-professiya-eticheskie-aspekty-gumanitarnyh-tehnologiy-nedezhurnye-razmyshleniya-o-professionalnoy-etike> (дата обращения: 15.04.2025).
27. Общевоинские уставы Вооруженных сил Российской Федерации. Ростов н/Д.: Феникс, 2017. 714 с.
28. Бейлинсон Л.С. Профессиональный дискурс: профильные признаки // Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 6. С. 179–182.
28. Караулов Ю.Н. Типы коммуникативного поведения носителя языка в ситуации лингвистического эксперимента. URL: <https://iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Part2-1.htm> (дата обращения: 17.04.2025).

References

1. Golovanova E.I. Leksikograficheskoye opisaniye yazykovoy lichnosti uchyonogo kak lingvisticheskaya problema [Lexicographic description of the linguistic personality of a scientist as a linguistic problem]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 2009, no. 2 (24), pp. 423–428 (in Russian).
2. Mishankina N.A. Russkiye professional'nyye diskursy: granitsy i gomogennost' [Russian professional Discourses: boundaries and homogeneity]. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka – Cognitive Studies of Language*, 2023, no. 1 (52), pp. 75–84 (in Russian).
3. Myskin S.V. Teoretiko-metodologicheskiye aspekty teorii yazykovoy professional'noy lichnosti [Theoretical and methodological aspects of the theory of linguistic professional personality]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*, 2015, no. 1, pp. 62–75 (in Russian).
4. Solnishkina M.I., Valeeva E.R. Motivatsionnyy uroven' yazykovoy lichnosti [The motivational level of the linguistic personality]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznaniye*, 2009, no. 2 (10), pp. 70–76 (in Russian).

5. Kharchenko E.V. *Modeli rechevogo povedeniya v professional'nom obshchenii* [Models of speech behavior in professional communication]. Rossiyskaya akademiya nauk, In-t yazykoznaniiya, Ministerstvo obrazovaniya Rossiyskoy Federatsii, Yuzh.-Ur. gos. un-t. Chelyabinsk, YuUrGU Publ., 2003. 334 p. (in Russian).
6. Vilisova E.V. Assotsiativnyy eksperiment kak metod izucheniya yazykovogo soznaniya yuristov [Associative experiment as a method of studying the linguistic consciousness of lawyers]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011. no. 24 (239), pp. 200–202 (in Russian).
7. Volkova E.V. *Professional'naya yazykovaya lichnost' vracha v mediadiskurse (kommunikativno-pragmaticheskiy aspekt)*. Dis. kand. filol. nauk [Professional linguistic personality of a doctor in a media discourse (the communicative and pragmatic aspect). Diss. cand. philol. sci.]. Tomsk, 2021. 264 p. (in Russian).
8. Mikhaylova M.A. *Yazykovaya lichnost' fotografa (na materiale russkoyazychnykh i angloyazychnykh internet-forumov)*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [The linguistic personality of the photographer (based on the material of Russian-speaking and English-speaking Internet forums). Abstract of thesis. cand. philol. sci.]. Kazan, 2022. 24 p. (in Russian).
9. Sergeeva O.V. *Yazykovaya lichnost' pedagoga: statika i dinamika*. Dis. kand. filol. nauk [The teacher's linguistic personality: statics and dynamics. Diss. cand. philol. sci.]. Krasnodar, 2013. 187 p. (in Russian).
10. Bityutskikh K.V. *Otazheniye korporativnoy kul'tury voyennykh v yazykovom soznanii kursantov*. Dis. kand. filol. nauk [Reflection of the corporate culture of the military in the language consciousness of cadets. Diss. cand. philol. sci.]. Chelyabinsk, 2015. 338 p. (in Russian).
11. Kaftanov R.A. *Opyt postroyeniya assotsiativno-verbal'noy modeli professional'noy identifikatsii voyennykh (eksperimental'noye psikholingvisticheskoye issledovaniye)*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Experience in building an associative-verbal model of professional identification of military personnel (experimental psycholinguistic research). Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Krasnoyarsk, 2020. 22 p. (in Russian).
12. Fesenko O.P., Laukhina S.S., Konovalenko I.V. *Rechevoy portret kursanta voyennogo vuza*. Omskiy avtobronetankovyy inzhenernyy institut [Speech portrait of a military university cadet. Omsk Armored Engineering Institute]. Omsk, OABII: Izd-vo Ippolitova Publ., 2018. 171 p. (in Russian).
13. Krotova M.N., Ushakova A.P. Issledovaniye yazykovogo soznaniya rossiyskikh i inostrannykh voyennykh spetsialistov metodom assotsiativnogo eksperimenta [The study of the linguistic consciousness of Russian and foreign military specialists by the method of associative experiment]. *Vestnik YarGU. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2021, vol. 15, no. 2, pp. 276–289 (in Russian).
14. Protsenko O.N., Misharina T.A. Analiz assotsiativno-verbal'nykh reaktsiy u predstaviteley drugikh kul'tur (na primere frankogovoryashchikh voyennosluzhashchikh) [Analysis of associative-verbal reactions among representatives of other cultures (using the example of French-speaking military personnel)]. *Gumanitarnyye problemy voyennogo dela*, 2017, no. 1 (10), pp. 124–127 (in Russian).
15. Emer Yu.A., Andrievskaya S.A., Akademicheskyy voyenno-obrazovatel'nyy diskurs: k modeli opisaniya [Academic military educational Discourse: towards a model of description]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 6, pp. 49–57 (in Russian). doi: 10.23951/1609-624X-2023-6-49-57
16. Goroshko E.I. *Integrativnaya model' svobodnogo assotsiativnogo eksperimenta* [Integrative model of free association experiment] (in Russian). URL: <https://www.textology.ru/article.aspx?aId=91> (accessed 15 April 2025).
17. Zherebilo T.V. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Nazran, Pilgrim Publ., 2010. 486 p. (in Russian).
18. Bogoslovskaya I.V. *“Zhivoy” smysl i “mertvaya” bukva* [A “living” meaning and a “dead” letter]. Ufa, USATU Publ., 2013. 194 p. (in Russian).
19. Dolinskiy V.A. *Teoriya assotsiativnykh poley v kvantitativnoy lingvistike* [The theory of associative fields in quantitative linguistics]. Saint Petersburg, Aletyya Publ., 2022. 436 p. (in Russian).
20. Martinovich G.A. *Verbal'nyye assotsiatsii v assotsiativnom eksperimente* [Verbal associations in an associative experiment]. Saint Petersburg, SPb University Publ., 1997. 70 p. (in Russian).
21. Lyashevskaya O.N., Sharov S.A. *Chastotnyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka: na materialakh Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka* [Russian Russian Language Frequency Dictionary: based on the materials of the National Corpus of the Russian Language]. Moscow, Slovare.ru Publ., 2015. 1087 p. (in Russian).
22. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka* [National Corpus of the Russian Language] (in Russian). URL: <https://ruscorpora.ru/> (accessed 15 April 2024).

23. *Slovar' voyennykh terminov rossiyskogo zakonodatel'stva: v 2 tomakh* [Dictionary of military terms of Russian legislation: in 2 volumes]. Comp. N.N. Tyutyunnikov. Vol. 1. Moscow, Pero Publ., 2018. 441 p. (in Russian).
24. *Slovar' voyennykh terminov* [Dictionary of Military Terms]. Comp. A.M. Plekhov, S.G. Shapkin. Moscow, Voenizdat Publ., 1988. 335 p. (in Russian).
25. *Konstitutsiya RF* [The Constitution of the Russian Federation] (in Russian). URL:<http://www.kremlin.ru/acts/constitution> (accessed 17 April 2025).
26. Zimbuli A.E. *Chelovek i professiya: eticheskiye aspekty gumanitarnykh tekhnologiy (nedezhurnyye razmyshleniya o professional'noy etike)* [Person and profession: ethical aspects of humanitarian technologies (bad reflections on professional ethics)] (in Russian). URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/chelovek-i-professiya-eticheskiye-aspekty-gumanitarnykh-tehnologiy-nedezhurnye-razmyshleniya-o-professionalnoy-etike> (accessed 15 April 2025).
27. *Obshchevoinskiye ustavy Vooruzhennykh sil Rossiyskoy Federatsii* [General Military regulations of the Armed Forces of the Russian Federation]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2017. 714 p. (in Russian).
28. Beylinson L.S. Professional'nyy diskurs: profil'nyye priznaki [Professional discourse: profile features]. *Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki*, 2016, no. 6. pp. 179–182 (in Russian).
29. Karaulov Yu.N. *Tipy kommunikativnogo povedeniya nositelya yazyka v situatsii lingvisticheskogo eksperimenta* [Types of communicative behavior of a native speaker in a situation of linguistic experiment]. URL:<https://iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Part2-1.htm> (accessed 17 December 2025) (in Russian).

Информация об авторах

Эмер Ю.А., доктор филологических наук, доцент, профессор, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634000).
E-mail: emerjulial@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0124-4392>; SPIN-код: 3255-0482;
SCOPUS Author ID 56896187700

Андреевская С.А., аспирант, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634000).
E-mail: sveta-andri@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5465-5227>; SPIN-код: 7223-7888

Information about the authors

Emer Yu.A., Doctor of Philology, Associate Professor, Professor, National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634000).
E-mail: emerjulial@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0124-4392>; SPIN-code: 3255-0482;
SCOPUS Author ID 56896187700

Andrievskaya S.A., graduate student, National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634000).
E-mail: sveta-andri@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5465-5227>; SPIN-code: 7223-7888

Статья поступила в редакцию 17.04.2025; принята к публикации 26.09.2025

The article was submitted 17.04.2025; accepted for publication 26.09.2025

УДК 81-119

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-6-55-66>

Доминантные модели семантических изменений англоязычных заимствований Петровской эпохи

Ольга Васильевна Нагель¹, Марина Васильевна Волкова²

^{1,2} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ olga.nagel2012@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6210-1526>

² www.volkmar@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-6434-7124>

Аннотация

Исследовательский интерес к заимствованиям петровского времени сохраняется в силу довольно большого числа укоренившихся слов и их значительного влияния на развитие русского языка, в связи с чем актуальным представляется вопрос выявления особенностей их адаптационного процесса. Цель данной работы – определить приоритетные направления семантического развития англоязычных заимствований петровского времени посредством анализа их семантических изменений и адаптационных механизмов в системе русского языка. Объектами исследования в статье являются характер и способы семантических изменений англоязычных заимствований петровской поры в диахронической перспективе. Основной фокус исследования направлен на выявление доминантных моделей семантических изменений, а именно преобладающих схем трансформации смысла англоязычных заимствований Петровской эпохи с момента их вхождения в систему русского языка. В ходе семантического разбора ранних англицизмов, отобранных методом случайной выборки из первых словарей и глоссариев, проведен сравнительно-сопоставительный анализ семантических данных заимствований и их этимонов, методом корпусного анализа выделен наиболее активный период употребления заимствованных слов посредством изучения их частотности, а также произведена классификация заимствований по типам семантических сдвигов по методу Л. Блумфилда и А. Бланка. В ходе исследования выделены две большие категории англоязычных заимствований, отражающие степень их семантической подвижности. В рамках категории с малой семантической подвижностью представлены заимствования, имеющие стабильно низкий ИРМ и часто сохраняющие связь со своими английскими этимонами, такие как специальные термины, которые чаще всего заимствуются без семантических искажений, например «морской язык» в петровское время, различные административные понятия (*мэр, шериф*), названия мер и весов (*фут, ярд*), научные и экономические термины. Семантически малоподвижными оказываются также слова, не относящиеся к российской действительности, например *пикули*, или слова, чьи понятия устарели или вышли из употребления, например *ординария, кучман*. Популяризированные на волне новых культурных тенденций и моды варваризмы впоследствии также теряют свое влияние и становятся редкоупотребимыми, например *пассия, пудинг*. Другой категорией являются укоренившиеся заимствования с высокой частотностью употребления, которые в ходе адаптации существенно меняются структурно и семантически. Такие заимствования отличаются высокой семантической подвижностью, они находят свое место в принимающем языке, используя свой полисемический потенциал и трансформируя одно или несколько значений, что можно увидеть в словах Петровской эпохи *клуб, парк, сквер, магазин, спорт, партнер*.

Ключевые слова: петровские заимствования, англоязычные заимствования, англицизмы, семантические изменения, семантический сдвиг, комбинированный семантический сдвиг, доминантные модели, адаптационный процесс

Для цитирования: Нагель О.В., Волкова М.В. Доминантные модели семантических изменений англоязычных заимствований Петровской эпохи // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 6 (242). С. 55–66. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-6-55-66>

Dominant models of semantic changes in English-language borrowings of the Petrine era

Olga V. Nagel¹, Marina V. Volkova²

^{1,2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ olga.nagel2012@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6210-1526>

² www.volkmar@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-6434-7124>

Abstract

Research interest in borrowings of the Petrine time remains due to fairly large number of rooted words and their significant impact on the development of the Russian language. The purpose of this work is to determine the main ways of semantic development of English-language borrowings of the Petrovsky time by analyzing their semantic changes and adaptation tools in the Russian language system. As an object of the study, the article discusses the nature and methods of semantic changes in English-language borrowings of the Petrine era in a diachronic aspect. The main focus of the study is aimed at identifying dominant models of semantic changes, namely, the prevailing schemes for transforming the meaning of English-language borrowings of the Petrine time since their penetration in the system of the Russian language. Selected for the research by random sampling from the first dictionaries and glossaries the early English-language borrowings were analyzed by the method of comparative analysis with their etymons, classified by the types of semantic shifts as well there was identified the most active period of their use by studying their frequency with the corpus analysis method. According to the research there were identified two large categories of English-language borrowings reflecting the range of their semantic mobility. The borrowings having a low ipm and often keeping the connection with their English etymons relate to the first category with weak semantic mobility. These are the words that mean special terms borrowed without any semantic changes. Subsequently such words as sea terms, scientific, economic, administrative terms and names of measurements don't have semantic mobility in the language-recipient. The words not relating to the Russian reality turn out to be semantically unmovable and then leave the Russian language vocabulary as outdated words. Different barbarisms can belong to this category too. Another category consists of entrenched borrowings that have changed structurally and semantically during the adaptation process. Most of them have high frequency of use and good semantic mobility, using their polysemic potential and changing one or several meanings.

Keywords: *Petrine loanwords, English borrowings, Anglicisms, semantic changes, semantic shift, combined semantic shift, dominant models, adaptation process*

For citation: Nagel O.V., Volkova M.V. Dominantnyye modeli semanticheskikh izmeneniy angloyazychnykh zaимstvovaniy Petrovskoy epokhi [Dominant models of semantic changes in English-language borrowings of the Petrine era]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 6 (242), pp. 55–66 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-6-55-66>

Введение

Стабильный интерес исследователей к динамике языковых процессов связан прежде всего с тем, что по своей природе язык находится в постоянном взаимодействии с общественными, политическими и экономическими процессами. Изучение заимствований в данном аспекте является константно актуальным, поскольку именно данный пласт лексического состава языка отражает не только культурный обмен, но и глобальные трансформации в социуме. Глубокого анализа требуют процессы проникновения, укоренения и отчуждения заимствованных элементов в языке, так как посредством этих процессов возможно системное понимание происходящих изменений в общественном сознании, экономических тенденций и политических реалий. В данном аспекте особый интерес представляют заимствования петровского времени, исследование которых может выявить системные модели семантических изменений для понимания текущих и прогнозируемых языковых процессов. В конце XVII в. сложились закономерные условия для внедрения в систему русского языка большого количества англоязычной лексики, которая была обусловлена необходимостью обогащения языка новыми понятиями из навигации и судостроения. Наряду с «морским словарем» массово заимствовались слова административного, экономического, по-

литического, культурного и бытового назначения, продуцирующие новые понятия и смыслы во все сферы жизни, создавая новую культурную среду, где чужой язык обретал социальную значимость. Практика повсеместного и часто неоправданного использования иностранной лексики стала причиной острой дискуссии, развернувшейся в середине XVIII в. между литераторами, которые признавали полезность заимствований, как, например, В.К. Тредиаковский, а позже Н.М. Карамзин, и сторонниками чистоты русского языка, какими были А.С. Шишков, А.П. Сумароков, Н.И. Новиков. Сегодня активный характер влияния англоязычных заимствований на национальный дух народа и его нравственные ценности вновь инициирует «вечный» вопрос о пределах использования заимствованных слов и «сохранении культурных ценностей в формах письменной и устной речи» [1, с. 104]. В свете актуализации данной полемики закон о нормах употребления литературного языка и контроле над использованием иностранных заимствований, подписанный президентом РФ В.В. Путиным 28 февраля 2023 г. [2], призван обеспечить соблюдение необходимого баланса между теми заимствованиями, которые, по выражению Л.П. Крысина, «иногда очень точно выражают суть предмета» [3, с. 11], приходят с прогрессом и работают на развитие не просто языка, а общества в целом, спо-

собствуя в том числе и технологической интеграции, и теми, которые «портят» русскую речь иноязычными эквивалентами [4, с. 282]. В связи с этим актуальным представляется исследовать модели и паттерны процессов заимствований прошлого, чтобы смоделировать потенциальный вектор глобального влияния современных заимствований на устойчивость и структурные процессы языковой системы русского языка.

Англоязычные заимствования петровского времени определялись спецификой употребления в навигации и судостроении, поэтому по сравнению с заимствованиями из других языков представлены в меньшем объеме. Из описанных Ф. Поликарповым в «Лексиконе вокабул новых по алфавиту» 503 иностранных слов [5] доля «англизмов» составляет чуть более 7 %, большая часть которых является морской терминологией. Из выбранных методом случайной выборки для данной работы 200 англицизмов из глоссариев Н.А. Смирнова и В.М. Аристовой доля морских терминов (*шхуна, бот, бейк-шток, бред-рум, ватервей, кат, лекаж, ган-рум, фальшкиль, опердек, фордевинд, ялик, шлюпка*) составляет 50 % [6, 7] от всего объема английских заимствований того времени. Также немало англоязычных заимствований (около 20 %) [6, 7], попавших в русское языковое пространство в конце XVII – начале XVIII в., были административного и экономического содержания, к которым относились должности и профессии (*констебль, аттерни, солиситор, клерк, алдерман, фермер, геодезист*), названия мер и весов (*фут, ярд, миля, пинта, фунт, фатом, чалдрон*), экономические термины (*дравбак, стокс, партнер, патент*). Категория англоязычных заимствований, характеризующих сферу повседневной жизни и быта, также довольно обширна. В исследуемых 200 заимствованиях их доля составляет более 20 % [6, 7], что свидетельствует об усвоении вместе с новыми понятиями новой системы ценностей.

В ходе работы основной целью исследования стал ответ на вопрос о специфике адаптации высокочастотных англоязычных заимствований, сохранившихся в системе русского языка с петровской поры. В связи с этим исследовательский интерес был сфокусирован не только на характере семантических изменений «петровских» англицизмов в процессе формирования их семантического профиля в русском языке, но и на степени представленности, доминирования этих процессов в исследуемом материале. Термин «доминантные» вводится для характеристики приоритетных направлений семантических изменений и отражает модельные адаптационные процессы переориентации значений англоязыч-

ных заимствований на фоне их корреляции с оригинальными формами принимающего языка. Методом сравнительно-сопоставительного анализа была выявлена разница заимствованных и исходных значений и определены направления семантического развития заимствований согласно их функциональной применимости и теми семантическими сдвигами, которые они приобрели в процессе встраивания в систему русского языка. Метод корпусного анализа на материале англицизмов петровского времени позволил определить их частотность и семантическую устойчивость в ходе длительного адаптационного периода.

Материал и методы

Изучение вопроса эволюции англоязычных заимствований в системе русского языка в петровское время заставляет, во-первых, определиться с природой, содержанием и функциональными характеристиками многочисленных лексикографических источников «петровских» заимствований, из которых собирается корпус заимствований. Во-вторых, важно использовать комплементарность количественных и качественных методов анализа при исследовании влияния иностранных слов на внутреннее состояние русского языка и его носителей через выявление особенностей их использования в речи и взаимодействии с исконными русскими лексическими формами в системе языка.

Иноязычная лексика в лексикографических источниках начала XVIII в., например в записях представителя России в Англии князя Б.И. Куракина, поденных записках и письмах Петра I, часто сопровождается комментариями с целью освоения ее содержательного компонента. Целям семантического ознакомления с заимствованиями были посвящены первые словники, технически представлявшие собой притекстовые глоссарии («гlossы»), например, «Толкование иностранных речей» в Генеральном Регламенте с толкованием 34 слов [8, с. 47]. Поскольку характер англицизмов XVII в. определялся «морской» спецификой, в качестве первых лексикографических источников рассматриваются терминологические словари и спецификации, например «Регламент шхиперам...» 1723 г., которые были доступны на русском и английском языках. Навигационная и судостроительная терминология преобладает среди англоязычных заимствований в первом словаре того времени «Лексикон вокабулам новым по алфавиту», в котором из ряда источников делалась попытка «собрать во едино и снабдить толкованиями новейшие заимствования из европейских языков» [9, с. 165].

Обращает на себя внимание тот факт, что первые лексиконы, толкующие иноязычные заимствования, не имели этимологического сопровождения и примеров в силу отсутствия необходимого корпуса текстов и рассматривали заимствованные слова только в рамках их семантического описания. В связи с этим «Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту», составленный Н.М. Яновским и включающий около 120 англицизмов, выгодно отличается. В отличие от «Лексикона...» и притекстовых глоссариев словарь Н.М. Яновского содержит информацию о языке-источнике заимствования и дает полную разъяснительную характеристику каждого слова. В то же время заимствованные слова еще не подтверждены примерами из сочинений по причине малого количества переводной английской литературы, которая, по свидетельству Е.Э. Биржаковой, насчитывала к концу XVIII в. чуть больше десятка книг [10, с. 57].

В основе ранних отечественных работ по изучению заимствованной лексики петровской поры лежат этимолого-хронологические изыскания на основании датировок цитируемых текстов из писем, бумаг, указов и различных архивных источников, составленных как самим Петром I, так и его сподвижниками. «Долгое время, – пишет Н.И. Гайнуллина, – наиболее авторитетным исследованием в этом направлении был труд Н.А. Смирнова „Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху“» [11, с. 10]. Автор не только сделал систематизированный обзор петровских заимствований в рамках этимолого-хронологического подхода, но также дал экспертную оценку наиболее ранних лексикографических документов петровской поры. Помимо «Лексикона вокабулам новых по алфавиту», многие англоязычные заимствования были взяты Н.А. Смирновым из Морского устава, писем и бумаг Петра Великого, журнала Петра Великого, документов из архива князя Б.И. Куракина и других документов времени Петра I, ссылки на информацию о которых и примеры из различных сочинений сопровождают каждый термин в словаре. В один год (1910) с работой Н.А. Смирнова вышел «Этимологический словарь русского языка» А.Г. Преображенского, в котором, несмотря на отсутствие контекстуальных примеров, многие заимствования получили исчерпывающие характеристики происхождения и употребления.

В 1970-х гг. вышли работы Е.Э. Биржаковой, Л.А. Войновой, Л.Л. Кутиной «Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII в.» и В.М. Аристовой «Англо-русские языковые контакты», в которых авторы, помимо исследования истории проникновения англоязычных за-

имствований в русский язык, уделяют внимание грамматическим и семантическим особенностям их вхождения. В исследованиях последних двух десятилетий XX в. фокус лингвистических интересов постепенно смещается с этимологического анализа петровских заимствований к их типологизации, например в работах М.Г. Кочиевой, В. Сайнбаяр, А.И. Дьякова, О.В. Поповой, к вопросам их семантического освоения, что можно увидеть в работах И.В. Никифоровой и Н.И. Гайнуллиной. Переосмысливая отношение к заимствованной лексике в петровское время, в работах С.С. Изюмской, Е.В. Мариновой, М.В. Ясинской вновь поднимается «вечный вопрос» о пределах употребления заимствованных слов и социокультурном характере их влияния на основы общества

С появлением больших электронных корпусов открылась возможность исследовать степень адаптивности петровских заимствований спустя три сотни лет на основе изучения частотности их употребления и сочетаемости с другими лексическими единицами в рамках контекстуального разбора. Данный подход позволяет определить функциональный профиль полностью адаптированных англицизмов, используемых в настоящее время, и понять ассимиляционные процессы устаревших заимствований, моделировать адаптационные перспективы англицизмов, сравнительно недавно вошедших в русскую речь.

Результаты и обсуждение

Для исследования отобрано 200 лексических единиц, заимствованных в период с конца XVII до середины XVIII в. Большая часть заимствованных слов была получена методом случайной выборки из словаря иностранных слов, вошедших в сочинение Н.А. Смирнова «Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху», словаря английских заимствований из работы В.М. Аристовой «Англо-русские языковые контакты», а также из «Нового словотолкователя, расположенного по алфавиту» Н.М. Яновского. На основании обработанных данных методом корпусного анализа был выделен наиболее активный период употребления заимствованных слов согласно их частотности. В ходе сравнительно-сопоставительного анализа англицизмов со своими этимонами и классификации заимствований по типам семантических сдвигов были сделаны выводы относительно семантической подвижности англоязычных заимствований петровского времени и доминантных механизмов их семантической адаптации.

В результате исследований были выделены две большие группы англоязычных заимст-

ний – с высокой и низкой степенью семантической подвижности. Несмотря на то что в разряд адаптированных заимствований попадают слова с разной степенью семантической подвижности, семантическая подвижность слова влияет на характер его укоренения, особенно если заимствование не имеет терминологического характера. В первую категорию вошли заимствования с низкой семантической подвижностью, имеющие стабильно низкий IPM и часто сохраняющие связь со своими английскими этимонами. Данная категория представлена следующими доминантными типами: 1. Неактуальные заимствования, потерявшие связь с российской действительностью. 2. Устаревшие понятия. 3. Техническая терминология или новые понятия. 4. Научные, экономические, профессиональные понятия. 5. Варваризмы или экзотизмы.

Представим каждый тип первой категории более подробно.

1. Неактуальные заимствования, потерявшие связь с российской действительностью, представлены обширной группой англоязычных заимствований с низкой семантической подвижностью, т. е. слова, которые по тем или иным причинам не смогли укрепиться в системе русского языка и были утрачены спустя некоторое время. Получив временную компетенцию, 18 % из 200 исследуемых заимствований утратили свою актуальность, выйдя из употребления, другие потеряли связь с русской действительностью и, не имея возможности «переориентироваться», также прекратили свое существование как часть русского вокабуляра. Так, слабая корреляция с российской действительностью стала причиной вытеснения слова *solicitor* (пример 1) (англ. *solicitor – a British lawyer who advises clients and prepares cases for barristers to try in higher courts* – «поверенный, ведущий дела своих клиентов до суда» [12]), которое, согласно НКРЯ, с 1864 по 1866 г. было распространено с индексом частотности миллионов (IPM) 4,34 [13]. В силу несоответствия юридической деятельности российских и английских юристов слово потеряло практическую значимость и вышло из употребления. Названия профессий, не ставших распространенными в России, например *констебль* (англ. *constable – a police officer of the lowest rank* – «низший полицейский чин» [14]), английских мер веса или длины, таких как *фунт* (англ. *pound*), *фут* (англ. *foot*), *пинта* (англ. *pint*) или денежных единиц, например *пенс* (англ. *pence*), также не стали востребованы.

2. Устаревшие понятия связаны с заимствованиями, которые исчезли из системы принимающего языка в связи с разрушением понятия или

явления, которое оно обозначало. Например, не зафиксированное в НКРЯ слово *ординария* (пример 2) (англ. *ordinary – a village tavern in an early American community* – «таверна» [15]) как синоним постоянного двора, трактира [16, с. 71] вышло из употребления, как и сам постоянный двор. В качестве подобных заимствований также можно назвать распространенное с середины XVII до середины XX в. слово *фактория* (пример 3) (англ. *factory – an establishment for traders carrying on business in a foreign country* [17]), обозначавшее торговое поселение иностранцев для скупки и продажи товаров [18]; слово *клавикорды* (пример 4) (англ. *clavichord – «ударный клавишный музыкальный инструмент»* [6, с. 142; 19]), употреблявшееся с 1742 г. и имеющее, по НКРЯ, IPM 0,52 [13], постепенно заменилось современным «фортепьяно»; слово *каразея* (пример 5) (англ. *kersey – a heavy wool or wool and cotton fabric* – «плотная шерстяная ткань» [12]) вышло из употребления, после того как ткань перестали выпускать [6, с. 134; 20, вып. 7, с. 71].

3. Техническая терминология представлена английскими заимствованиями, передающими новые понятия или новый смысл уже известных явлений. Обладая устойчивой семантикой, данная группа англицизмов имеет на сегодняшний день высокие показатели частотности, стабильный характер использования и укоренившиеся связи с другими словами в русском языке. В первую очередь речь идет о морской терминологии, которая создавала новый корпус понятий, еще не известных России петровского времени. Передаваемые методом прямого заимствования с частичным сохранением оригинальных морфологических форм морские термины воспроизводили исходный смысл заимствуемых понятий, составляя единый морской словарь. Благодаря практической полезности, а также отсутствию эквивалентности большинство морских терминов удержалось в русском языке до настоящего времени, сохраняя тот семантический ресурс, который был заложен в них в ходе заимствования. Из числа исследуемой лексики составляющие половину слов заимствования морской тематики включают названия морских судов: например, *шхуна* с IPM 5,33 в 2 005 текстах (англ. *schooner – «судно с наклонными мачтами»* [21, с. 60; 23]) или *шлюпка* с IPM 12,08 в 4 522 текстах (англ. *sloop – «малое судно»* [22, ч. 3, с. 1193–1194]), а также понятия из навигации и мореходства, такие как *док* с IPM 3,97 в 1 488 вхождениях (англ. *dock – «гавань для ремонта кораблей»* [6, с. 109; 21, с. 21]), *ватерлиния* с IPM 0,45 в 163 вхождениях (англ. *water-line – «линия соприкосновения воды с корпусом судна»* [21, с. 80], перечень корабельных

частей и корабельного оснащения, такие как *стоп-анкер* (англ. *stop-anchor* – «якорь» [21, с. 22; 23]), *трал* с ИРМ 0,96 в 341 вхождении [13] (англ. *trawl* – «рыболовецкая сеть», «приспособление для исследования дна», «устройство для ловли мин» [19]) и многое другое. Большая часть морской терминологии, за исключением названий корабельных частей, данные по которым не внесены в НКРЯ, имеют частотность употребления в диапазоне от 1,5 до 12 и больше, что стандартно для укоренившихся слов. Несмотря на внешнее сходство со своими англоязычными этимонами, грамматические и морфологические характеристики морских терминов имеют адаптивную сглаженность и подчинены нормам принимающего языка. Например, звон судового колокола *рында* («*рынду бить*») является русифицированной гибридной формой английского выражения *to ring the bell* [22, т. 3, с. 1757]. В то же время большая часть морского словаря сохранила семантическую связь с его оригинальным составом, не будучи подвергнутой семантическому сдвигу в процессе освоения, например слова *катер* (англ. *cutter* – «морское или речное судно» [21, с. 22]) или *дрейф* (англ. *drift* – «смещение судна с курса под влиянием ветра» [6, с. 111; 22, ч. 1, с. 761–762]).

4. Научные, экономические понятия, связанные с профессиональной деятельностью, как и морская тематика, в петровское время заимствовались достаточно широко. К подобным заимствованиям можно отнести слово *волонтер* (пример 6) (англ. *volunteer* – «доброволец», «вольный участник») с ИРМ 2,7 и числом вхождений 1 012: ...*в котором Его Царское Величество сам изволил меж другими кавалерами яко волонтер быть* [6, с. 76]; или *геодезист* (пример 7) (англ. *geodesist* – «землемер» [22, ч. 1, с. 568]), известное с 1698 г. Активно употребляясь с 1737 г. (ИРМ 1410,28) по 1757 г. (ИРМ 115,20), слово имело высокий показатель частотности, который впоследствии снизился, составляя на данный момент ИРМ 0,98 при 364 вхождениях [13]. *Января во 2 день по указу Его Величества посланы из Академии двое геодезистов в Сибирь до Камчатки для описания тамошних мест* [23, ч. 2, с. 71]. Аналогичный характер имеют заимствования *фермер* (пример 8) (англ. *farmer* – «хозяин или съемщик заимки или мелкого поместья» [19; 24, т. 4, с. 1136]) с ИРМ 6,34 и числом вхождений 2 370 [13] и *шериф* (пример 9) (англ. *sheriff* – «глава окружной полиции» в англоязычных странах [22, ч. 3, с. 1178–1179]) с ИРМ 1,55 с числом вхождений 342 [13].

5. Варваризмы или экзотизмы. Особенно быстро языковая система избавляется от ненуж-

ных дублеров. Слова, пришедшие на волне модных тенденций, имеющие синонимичное значение со словами в русском языке и при этом слабую семантическую подвижность, постепенно вытесняются привычными формами. Варваризмы в петровский период популяризировались в речи для придания словам особой весомости, функционально обозначая лояльность государственной политики обновления и развития. С уходом моды на иностранные слова появилась обратная тенденция очищения языка от излишней засоренности заимствованиями, что стало следствием национального недовольства тем «затемнением смысла речи» [10, с. 71], которое несли заимствованные слова в своей массе. Ряд англицизмов петровской поры полностью утрачен, и в Национальном корпусе русского языка нет данных по их вхождению. Например, из употребления вышли такие слова, как *эльбир* (англ. *ale-beer* – «пиво», «эль» [12]), обозначавшее сорт английского пива без добавления хмеля [6, с. 348], *помпельмус* (англ. *pompelmous* – «грейпфрут» [12]), *носсет* (англ. *posset* – «напиток» [12]), приготовленный из кипяченого молока, пятой части вина и сахара [22, ч. 3, с. 405]. В разряде редкоупотребимых в русском языке находится когда-то популярное слово *сплин* (пример 10) (англ. *spleen* – «меланхолия»), обозначающее хандру, депрессию и всякие мрачные думы [19; 24, т. 4, с. 415]: *Мрачный, флегматичный британец с жадностью глотает солнечные лучи как лекарство от его болезни – сплина* [7, с. 122]. Начало употребления слова зафиксировано в НКРЯ в 1792 г.; с 1822 по 1857 г. наблюдается пик его распространенности (в 1823 г. ИРМ 10,78, в 1845 г. ИРМ 15,38, а в 1854 г. – 14,18), но с 1865 г. частотность колеблется на уровне 4,0–0,01, имея на сегодняшний день ИРМ 0,7 при 257 вхождениях [13]. Первоначально нашедшее широкий отклик в русской языковой среде слово *пудинг* (пример 11) (англ. *pudding* – «сладкое заварное блюдо» [14]), имеющее в 1828 г. ИРМ 33,22 [13], впоследствии было замещено синонимичными вариантами слов «запеканка», «суфле», «десерт».

Вторая категория заимствований с высокой степенью частотности употребления и семантической подвижностью представляет особый интерес. Причиной семантической подвижности в данной категории становится активное включение заимствований в новый лексико-семантический порядок и установление ими разнообразных связей и коллокаций с оригинальными единицами в принимающем языке. Около 12 % исследуемых 200 англицизмов Петровской эпохи сохранились в русском языке, претерпев определен-

ную трансформацию семантических основ посредством семантического сдвига, что, согласно адаптированной типологии Л. Блумфилда, предполагало сужение или расширение их значений, метонимизацию или метафоризацию заимствованной семантики, а также усиление (гипербола) или ослабление (литота) значения, позитивизацию или, напротив, негативизацию заимствования [25, с. 468–495]. Среди приоритетных направлений семантических изменений данной группы можно выделить: 1. Заимствования, которые используют свой полисемический потенциал, ограничивая его в процессе адаптации. 2. Заимствования, подверженные комбинированному семантическому сдвигу на фоне развития метонимических процессов. 3. Заимствования, получившие семантические изменения в момент вхождения в русский язык.

Рассмотрим каждую доминантную модель более подробно.

1. Характерной мотивацией семантической изменчивости петровских заимствований является ограничение полисемии многозначного слова в процессе выявления наиболее приемлемого варианта его содержания. Заимствование сужается, утрачивая одно или несколько значений и сохраняя наиболее значимую семантику в зависимости от потребностей языка-реципиента. Рассмотрим процесс на примере полностью адаптированного заимствования *магазин* (пример 12) (англ. *magazine*) со стабильной частотностью употребления 111,12 и количеством вхождений 41 608 [13]), которое первоначально определялось как периодическое издание (*a print periodical or ten illustrated* [12]), склад для хранения военной амуниции, пороха, провизии и других товаров (*places where goods, munitions or supplies are stored* [12; 20, вып. 9, с. 5]), а также емкость для хранения однородных деталей, например для многозарядного оружия (*a container for holding a supply of cartridges* [17]), что семантически соответствовало его англоязычному этимону. Позже термин *магазин* как торговое предприятие становится приоритетным, сужая значение исходного понятия. Однако сохраненное значение слова также изменяется, расширяясь с «места для хранения товаров» до «места розничной торговли товарами». Подобное переплетение семантических сдвигов характерно для петровских заимствований, часто совмещающих признаки семантических сдвигов разных видов, например метонимию и сужение значения, сужение и позитивизацию смысла слова. Например, популярный сегодня термин *спорт* (пример 13) (англ. *sport*) с IPM 34,27 в 12 869 вхождениях [13] был заимствован как многозначное понятие, обозначая соревнова-

ния в целях развлечения (*a game or competition for enjoyment* [14]), физические навыки и упражнения для оздоровления организма (*all types of physical activities to keep healthy*) [14]), а также мутировавшие, отличающиеся от других животные или растения (*an animal or a plant that is slightly different to others because of a mutation*) [14]. В петровское время заимствованное слово сохраняло все значения, передавая многозначность этимона в период вхождения в полную меру, однако впоследствии заимствование *спорт* претерпело семантический сдвиг в сторону позитивизации значения, перейдя от развлекательного характера физических нагрузок к профессиональной организации соревновательной деятельности. Одновременно произошло сужение слова с потерей значения «отклонение от нормы» в русском варианте. Аналогичные процессы наблюдаются в слове *парк* (пример 14) (англ. *park*), имеющее в НКРЯ IPM 57,99 с числом вхождений 21 724 [13]), которое первоначально обозначало не только сад для отдыха, но и закрытое охотничье угодье, огороженное место для выпаса скота или содержания диких животных по типу зверинца, а также, по свидетельству Н.М. Яновского, означало место, занятое под артиллерийскую технику [22, ч. 3, с. 223]. В ходе освоения слово *парк* утратило такие значения, как огороженные пастбища и пространства для ловли диких животных, но одновременно с сужением посредством метонимического сдвига произошел перенос семантики слова с места нахождения объекта (места нахождения военной техники и артиллерии) на сам объект (технику и артиллерию): *Наувеличайшую остановку и препятствие делала нам артиллерия, которой мы целый парк при дивизии своей имели* [7, с. 111]. Новое значение слова в дальнейшем распространилось на гражданскую технику – «парк такси», «парк ретроавтомобилей».

2. Отличаясь большим разнообразием, метонимические изменения как способ развития семантики петровских заимствований создавали переплетения семантических сдвигов не только на фоне потери полисемантического статуса слов, но также в ходе расширения ими своих значений. При этом метонимический перенос мог быть как причиной этого расширения, например в ходе обобщения значения, так и следствием этого расширения. Заимствование *клуб* (пример 15) (англ. *club*) с показателем частотности 80,78 и числом вхождений 30 359 [13] в XVII–XVIII вв. имело значение «постоянное общество, которое собирается для беседы и увеселений» [24, т. 2, с. 302], например джентльменский клуб (*gentlemen's club* [14]). В дальнейшем

слово стало обозначать различные объединения людей на основе сходства интересов (*I belong to drama club* [12]), а вскоре клубы стали объединением не только людей, но также любых сообществ и государств. Расширение семантического объема слова в ходе метонимического сдвига произошло на фоне обобщения понятия и на переносе значения с отдельной лексической единицы на близкие по прототипу лексические единицы в рамках одного семантического поля. При этом изменение значения произошло как на уровне оригинальной семантики, так и заимствованной формы. В советское время значение слова получило дальнейшее расширение, когда этим словом стали называть культурно-просветительские организации на предприятиях. Одновременно произошел пространственный метонимический сдвиг значения слова с самого объекта на место его нахождения, с организации на здание, в котором проходили культурные мероприятия. Позже появились ночные клубы как аналог советских культурно-увеселительных учреждений, что продемонстрировало расширение целевого назначения слова вновь на фоне метонимического сдвига по причине концептуальной смежности понятий. Расширению в ходе обобщения значения заимствование могло подвергнуться и без метонимического переноса, что можно увидеть в слове *партнер* (пример 16) (англ. *partner* – «напарник», «соучастник») с IPM 27,51 и числом вхождений 10 314 [13]. В петровское время партнером называли компаньона по карточной игре или в деловой сфере, позже им становится участник любой совместной деятельности (*one of a pair of dancers* [14]).

Семантические изменения заимствованных слов в рамках метонимического сдвига возникают в процессе уточнения, изменения или расширения концептуальной значимости понятий, в полной мере отражая семантическую подвижность заимствованных слов. Пройдя этап вхождения и столкнувшись с высокой синонимией в принимающем языке, заимствованное слово изменяет свой концептуальный облик, основываясь на ассоциациях или смежности с привычным понятием. Часто метонимический сдвиг происходит, перенося значение с части объекта на весь объект или с одного смежного объекта на другой, как произошло в слове *вокзал*. Переход слова *вокзал* (пример 17) от названия поместья *Faukeshale*, где проходили спектакли и летние балы, к названию железнодорожной станции произошел после строительства железной дороги Петербург – Царское Село – Павловск [26]. Метонимический перенос значения слова был осуществлен со значимого объекта («воксала») в

Павловске на расположенный рядом с ним смежный объект – железнодорожную станцию, а затем значение слова с данной конкретной станции распространилось на залы ожидания всех железнодорожных станций в результате обобщения. В итоге комбинированный семантический сдвиг произошел в ходе метонимического смещения и дальнейшего расширения полученного значения посредством прототипического переноса с отдельно взятой лексической единицы на весь категориальный класс понятия [27, с. 76]. В современной интерпретации *вокзал* (IPM 57,33 с числом вхождений 21 469 [13]) как «развлекательный комплекс» больше не используется. Аналогичные процессы, но уже в рамках оригинального значения слова можно наблюдать в слове *бедлам* (пример 18) (IPM 0,92 с числом вхождения 340 [13]). Комбинированный семантический сдвиг слова строится на первоначальной метонимии по принципу смежности «убежища для душевнобольных» и месте его расположения в монастыре Святой Марии Вифлеемской [28] и последующей метафоры на основе ассоциативной связи объекта с состоянием неразберихи и хаоса, которое он олицетворял. В заимствованной версии слово получило распространение только в семантически измененном, переносном значении.

Можно предположить, что высокий процент комбинированного семантического сдвига в значениях петровских заимствований связан со спецификой их прямого заимствования с сохранением на этапе вхождения многозначности оригинальной семантики и последующим отсеиванием редкоупотребимых или не коррелирующих с российской действительностью значений и дальнейшим преобразованием сохранившихся понятий по мере их интеграции в систему русского языка

3. Некоторые заимствования XVII–XVIII вв. получали семантический сдвиг не в процессе адаптации в языке-реципиенте, а в период вхождения в новую языковую систему, сохраняя, помимо сходства морфологических признаков и фонетической модели, также семантическую связь (на уровне семы) со своими этимонами. Например, *сквер* – *square* (сема: городская территория), *снуч* – *speech* (сема: речь), *гармоника* – *harmony* (сема: созвучие) на этапе проникновения в русский язык подверглись семантическому сдвигу «литота», в результате которого был сделан семантический перенос на меньшее значение. В отличие от своего английского этимона *speech* (пример 19), представляющего собой речевую деятельность в целом (*the ability to talk*) [14]), заимствованный вариант слова *снуч*, согласно В. Далю, это *речь, сказанная по случаю*

[24, т. 4, с. 442], а в более поздней версии *краткая торжественная речь на банкете*. Данный пример демонстрирует ограничение семантического потенциала слова и метонимический перенос с общего понятия слова *речь* на конкретную форму речи. Аналогичным образом в слове *сквер* (пример 20) (англ. *square* – 1. *A rectangle with equal sides* («квадрат»), 2. *an open place formed at the meeting of two or more street* («площадь»)) [12]) в процессе переплетений семантических сдвигов значение сначала сужается, а затем под воздействием семантического сдвига «литота» уменьшается до *небольшого озелененного участка в городской застройке* [24, т. 4, с. 180].

Заключение

В результате исследования можно увидеть, что заимствования петровской поры имели ряд доминантных моделей семантической трансформации согласно степени их семантической подвижности. В рамках ограниченной семантической подвижности, помимо утраченных заимствований, обозначавших исчезнувшие или устаревшие понятия (примеры 2–5) и явления, потерявшие связь с российской действительностью (пример 1), много таких, которые были заменены на синонимичные, «народные» речевые обороты по причине изменения моды и потери популярности (примеры 10–11). Из заимствований, которые остались практически неизменными в семантическом аспекте, выделяется морская терминология, большое количество научных и экономических терминов, а также понятий, обозначающих различные виды деятельности (примеры 6–9). Семантически подвижные заимствования создали в процессе адаптации различные

виды семантических изменений под воздействием семантических переносов или сдвигов (примеры 12–20). На этом пути полисемическое сужение значения стало характерным семантическим изменением петровских заимствований, причина которого заключается в переносе всей многозначности понятия в систему языка-реципиента. В ходе сокращения семантического объема многие заимствованные слова получали мотивацию для дальнейшего семантического развития, подвергаясь неоднократным семантическим сдвигам в рамках одного слова, по мере появления новых смысловых акцентов и синтагматических отношений в чуждой языковой среде. Однако ряд заимствований отмечен семантическими изменениями уже в момент вхождения в систему русского языка, часто в сторону уменьшения оригинального значения посредством литоты.

Таким образом, сравнительно-сопоставительная работа по определению диапазона значений англоязычных заимствований в языке-доноре и принимающем языке дает понимание характера и объема семантических изменений заимствований, выявляя, какие заимствования подвержены семантическому сдвигу в большей степени. В свою очередь классификация заимствованных слов посредством типологического разбора методом Л. Блумфилда и А. Бланка выявляет механизмы семантических изменений, при помощи которых заимствования встраиваются в систему языка-реципиента. В целом определение доминантных моделей семантического развития ранних англоязычных заимствований позволяет сделать шаг в направлении прогностического анализа семантических изменений современных англицизмов.

Список источников

1. Найман Е.А., Гураль С.К., Смакотин В.М., Бовтенко М.А. Взаимоотношения языков и культур и роль культуры в языковом образовании // *Язык и культура*. 2013. № 1 (21). С. 90–106. URL: <https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/services/Download/vtls:000447088/SOURCE1> (дата обращения: 16.03.2025).
2. Федеральный закон от 28.02.2023 № 52-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О государственном языке Российской Федерации”» // *Собрание законодательства РФ*. 2005. № 23. С. 2199. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202302280028> (дата обращения: 21.04.2024).
3. Изюмская С.С. «Вечный вопрос» о мере использования иностранных слов // *Literary.ru*. 2008. С. 9–12. URL: <https://literary.ru/literary.ru/readme.php?subaction=snowfull&=12047164158&archive=1205324254> (дата обращения: 04.05.2024).
4. Сумароков А.П. О коренных словах русского языка. Соч., Ч. IX. М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1781. С. 279–286. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_005577937?page=23&rotate=0&theme=white (дата обращения: 16.03.2025).
5. Кочиева М. Лексика взаймы. Как в русском языке появились иностранные слова // *Санкт-Петербургские ведомости*. 22 апр. 2022. № 73 (7156). URL: <https://spbvedomosti.ru/news/nasledie/leksika-vzaymy-kak-v-russkom-yazyke-poyavilis-inostrannye-slova/#bounce> (дата обращения: 28.04.2024).
6. Смирнов Н.А. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1910. Т. 88, № 2, 399 с. URL: <http://elibrary.ru/nodes/67134-smirnov-n-a-zapadnoe-vliyanie-na-russkiy-yazyk-v-petrovskuyu-epohu-spb-1910-sbornik-otdeleniya-russkogo-yazyka-i-slovesnosti-imperatorskoy-akademii-nauk-t-88-locale-nil-2> (дата обращения: 16.03.2025).

7. Аристова В.М. Англо-русские языковые контакты (англизмы в русском языке). Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. 150 с.
8. Толкование иностранных речей из Генерального регламента. СПб., 1720. 48 с. URL: <https://kp.rusneb.ru/item/material/ego-carskogo-velichestva-generalnyi-reglament-ili-ustav-2> (дата обращения: 09.06.2024).
9. Мольков Г.А. История составления «Лексикона вокабулам новым по алфавиту» Ф. Поликарпова // Славянская историческая лексикология и лексикография. 2019. № 2. С. 151–165. EDN: BAPHLR. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44358788> (дата обращения: 14.06.2024).
10. Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII в. Языковые контакты и заимствования. Л.: Наука, 1972. 430 с.
11. Гайнуллина Н.И. Заимствованная лексика в Петровскую эпоху: проблемы адаптации. Алматы: Каз. нац. ун-т им. аль-Фараби, 2008. 295 с. URL: https://nabrk.kz/ru/e-catalog?publication_type=1&sphere=7&title_first_letter=3&topic=0&language=rus&page=1 (дата обращения: 16.03.2025).
12. Merriam-Webster. URL: <https://merriam-webster.com/dictionary/> (дата обращения: 16.03.2025).
13. Национальный корпус русского языка. URL: <https://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.05.2024).
14. Cambridge Dictionary URL: <https://dictionary.cambridge.org>. (дата обращения: 10.06.2024).
15. Dictionary.com. URL: <https://www.dictionary.com> (дата обращения: 25.05.2024).
16. Словарь русского языка XVIII века. Л.: Наука, 1984–1991. URL: <https://slovar-russkogo-yazyka-xviii-v.slovaronline.com/> (дата обращения: 16.03.2025).
17. Collins English Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 03.05.2024).
18. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Рус. яз., 2000. URL: <https://www.efremova.info>. (дата обращения: 07.05.2024).
19. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. 1950–1958. URL: <https://lexicography.online> (дата обращения: 27.10.2024).
20. Словарь русского языка XI–XVII вв.: в. 1–30. АН СССР Институт русского языка. М.: Наука, 1975. URL: <https://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=xi-xvii> (дата обращения: 28.10.2024).
21. Шишков А.С. Трехязычный морской словарь на английском, французском и русском языках: в 3 ч. СПб.: Тип. Морск. шляхет. кадетск. корпуса, 1795. 84, 169, 41 с. URL: <https://elib.rgo.ru/handle/123456789/237148> (дата обращения: 16.03.2025).
22. Яновский Н.М. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту: в 3 т. СПб.: при Имп. Акад. Наук, 1803–1806. URL: <https://www.prilib.ru/item/351704> (дата обращения: 16.03.2025).
23. Журнал или Поденная записка государя императора Петра Великого. СПб.: при Имп. Акад. Наук, 1772. Ч. 2, отд. 1. 773 с. URL: <https://prilib.ru/item/408595> (дата обращения: 20.06.2024).
24. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля: в 4 т. СПб.; М.: Изд-во М.О. Вольф, 1880–1882. URL: <https://prilib.ru/item/457656> (дата обращения: 20.06.2024).
25. Блумфилд Л. Язык: пер. с англ. М.: URSS, Либроком, 2010. 608 с.
26. Васильев К. О происхождении слова «вокзал» // Vox. 2014. № 17 (декабрь). URL: <https://statehistory.ru/4806/O-proiskhozhdenii-slova-vokzal/> (дата обращения: 05.05.2024).
27. Blank A., Koch P. Why do new meanings occur? A cognitive typology of motivations for lexical semantic change // Historical Semantics and Cognition. Berlin; NewYork: Mouton de Gruyter, 1999. 312 p.
28. Бедлам: Обитель горя. URL: <https://enjoy-england.livejournal.com/8859.html> (дата обращения: 16.03.2025).

References

1. Nyman Ye.A., Gural' S.K., Smokotin V.M., Bovtenko M.A. Vzaimootnosheniya yazykov i kul'tur i rol' kul'tury v yazykovom obrazovanii [Interrelations of languages and cultures and the role of culture in language teaching and learning]. *Yazyk i kul'tura*, 2013, no. 1 (21), pp. 90–106 (in Russian). URL: <https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/services/Download/vtls:000447088/SOURCE1> (accessed 16 March 2025).
2. Federal'nyy zakon ot 28.02.2023 no. 52-FZ "O vnesenii izmeneniy v Federal'nyy zakon "O gosudarstvennom yazyke RF"" [The Federal Law as of February 28, 2023. No. 52-FZ "On Amendments to the Federal Law "On the State Language of the Russian Federation"]. *Sobraniye zakonodatel'stva RF*, 2005, 23 Art. P. 2199 (in Russian). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202302280028> (accessed 21 April 2024).

3. Izyumskaya S.S. “Vechnyy vopros” o merakh ispol’zovaniya inostrannykh slov [“The eternal question” of measures to use foreign words]. *Literary.ru*, 2008, pp. 9–12 (in Russian). URL: <https://literary.ru/literary.ru/readme.php?subaction=snowfull&=12047164158&archive=1205324254> (accessed 4 May 2024).
4. Sumarokov A.P. *O korennykh slovakh russkogo yazyka* [Indigenous words of the Russian Language]. Polnoye sobraniye sochineniy. Moscow, Univitsetskaya tipografiya u N. Novikova Publ., 1781. vol. 9, pp. 279–286 (in Russian). URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_005577937?page=23&rotate=0&theme=white (accessed 16 March 2025).
5. Kochieva M. Leksika vzaymy. Kak v russkom yazyke poyavilis’ inostrannyye slova [Borrowed vocabulary. How foreign words appeared in the Russian Language]. *St. Petersburg Vedomosti*, 2022, no. 73 (7156) (in Russian). URL: <https://spbvedomosti.ru/news/nasledie/leksika-vzaymy-kak-v-russkom-yazyke-poyavilis-inostrannyye-slova/#bounce> (accessed 28 April 2024).
6. Smirnov N.M. *Zapadnoye vliyanie na russkiy yazyk v Petrovskuyu epokhu* [Western influence on the Russian Language in the Petrine era]. Saint Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk Publ., 1910. Vol. 88, no. 2. 399 p. (in Russian). URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/67134-smirnov-n-a-zapadnoe-vliyanie-na-russkiy-yazyk-v-petrovskuyu-epokhu-spb-1910-sbornik-otdeleniya-russkogo-yazyka-i-slovesnosti-imperatorskoy-akademii-nauk-t-88-locale-nil-2> (accessed 16 March 2025).
7. Aristova V.M. *Anglo-russkiye yazykovyye kontakty (Anglitsizmy v russkom yazyke)* [English-Russian language contacts (Anglicisms in the Russian Language)]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1978. 150 p. (in Russian).
8. *Tolkovaniye inostrannykh rechey iz General’nogo Reglamenta* [Interpretation of foreign speeches from the General Regulations]. Saint Petersburg, 1720. 48 p. (in Russian). URL: <https://kp.rusneb.ru/item/material/ego-carskogo-velichestva-generalnyi-reglament-ili-ustav-2> (accessed 9 June 2024).
9. Mol’kov G.A. Istoriya sostavleniya “Leksikona vokabulam novym po alfavitu” F. Polikarpova [The history of F. Polikarpov’s “An alphabetical lexicon of new words” compilation]. *Slavyanskaya istoricheskaya leksikologiya i leksikografiya*, 2019, no. 2, pp. 151–165 (in Russian). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44358788> (accessed 14 June 2024).
10. Birzhakova E.E., Voinova L.A., Kutina L.L. *Ocherki po istoricheskoy leksikologii russkogo yazyka XVIII veka. Yazykovyye kontakty i zaimstvovaniya* [Essays on historical lexicology of the Russian language of the 18th century. Language contacts and borrowings]. Leningrad, Nauka Publ., 1972. 431 p. (in Russian).
11. Gainullina N.I. *Zaimstvovannaya leksika v Petrovskuyu epokhu: problemy adaptatsii* [Borrowed vocabulary in the Petrine era: issues of adaptation]. Almaty, Kazak Universitet Publ., 2008. 295 p. (in Russian). URL: https://nabrk.kz/ru/e-catalog?publication_type=1&sphere=7&title_first_letter=3&topic=0&language=rus&page=1 (accessed 16 March 2025).
12. *Merriam-Webster Dictionary*. URL: <https://merriam-webster.com/dictionary/> (accessed 16 March 2025).
13. *Natsional’nyy korpus russkogo yazyka* [National Corpus of the Russian Language] (in Russian). URL: <https://www.ruscorpora.ru> (accessed 8 June 2024).
14. *Cambridge Dictionary*. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (accessed 10 June 2024).
15. *Dictionary.com*. URL: <https://www.dictionary.com> (accessed 25 October 2024).
16. *Slovar’ russkogo yazyka XVIII veka* [The Dictionary of the Russian Language of the 18th century]. Leningrad, Nauka Publ., 1984–1991 (in Russian). URL: <https://slovar-russkogo-yazyka-xviii-v.slovaronline.com/> (accessed 16 March 2025).
17. *Collins English Dictionary*. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (accessed 3 May 2024).
18. Efremova T.F. *Novyy slovar’ russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel’nyy* [New dictionary of the Russian language. Explanatory derivational]. Moscow, Drofa, Russkiy yazyk Publ., 2000 (in Russian). URL: <https://www.efremova.info> (accessed 7 May 2024).
19. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar’ russkogo yazyka: v 4 tomakh* [Etymological Dictionary of the Russian Language. In 4 vol.]. 1950–1958 (in Russian). URL: <https://lexicography.online> (accessed 27 October 2024).
20. *Slovar’ russkogo yazyka XI–XVII vv.: v 30 tomakh* [The Dictionary of the Russian Language XI–XVII centuries. In 30 vol.]. Moscow, Nauka Publ., 1975 (in Russian). URL: <https://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=xi-xvii> (accessed 28 October 2024).
21. Shishkov A.S. *Treyazychnyy morskoy slovar’ na angliyskom, frantsuzskom i rossiyskom yazykakh* [English, French and Russian Maritime Dictionary]. Saint Petersburg, Morskoy shlyakhetskiy kadetskiy korpus Publ., 1795. 84 p. 169 p. 41 p. (in English, French, Russian). URL: <https://elib.rgo.ru/handle/123456789/237148> (accessed 16 March 2025).
22. Yanovsky N.M. *Novyy slovotolkovatel’, raspolozhennyy po alfavitu: v 3 tomakh* [New word-interpreter, arranged alphabetically. In 3 vol.]. Saint Petersburg, Tipografiya Akademii Nauk Publ., 1803–1806 (in Russian). URL: <https://www.prilib.ru/item/351704> (accessed 16 March 2025).

23. *Zhurnal ili Podennaya zapiska gosudarya imperatora Petra Velikogo* [Journal or Daily note of Emperor Peter the Great]. Saint Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk Publ., 1772. Vol. 2 (1). 773 p. (in Russian). URL: <https://prlib.ru/item/408595> (accessed 20 May 2024).
24. Dahl V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 tomakh* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language. In 4 volumes]. Saint Petersburg, Moscow, Izdatel'stvo M. O. Vol'fa Publ., 1880–1882 (in Russian). URL: <https://prlib.ru/item/457656> (accessed 20 June 2024).
25. Bloomfield L. *Yazyk* [Language]. Moscow, URSS, Librokom Publ., 2010. 608 p. (in Russian).
26. Vasilev K. O proiskhozhdenii slova “vokzal” [The origin of the word “vokzal”]. *Vox*, 2014, no. 17 (in Russian). URL: <https://statehistory.ru/4806/O-proiskhozhdenii-slova-vokzal/> (accessed 5 May 2024).
27. Blank A. *Why do new meanings occur? A cognitive typology of motivations for lexical semantic change*. In: Blank A., Koch P. *Historical Semantics and Cognition*. Berlin; New York, Mouton de Gruyter, 1999. 312 p.
28. *Bedlam: Obitel' gorya* [Bedlam: the abode of grief] (in Russian). URL: <https://enjoy-england.livejournal.com/8859.html> (accessed 16 March 2025).

Информация об авторах

Нагель О.В., доктор филологических наук, профессор, декан, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050).

E-mail: olga.nagel2012@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6210-1526>; SPIN-код: 9328-0166;

Researcher ID: N-9028-2014; ScopusID: 56642587700

Волкова М.В., соискатель, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050).

E-mail: www.volkmar@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-6434-7124>; SPIN-код: 9686-1513

Information about the authors

Nagel O.V., Doctor of Philological Sciences, Professor, Dean of Faculty of Foreign Languages, National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634050).

E-mail: olga.nagel2012@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6210-1526>; SPIN-code: 9328-0166;

Researcher ID: N-9028-2014; Scopus ID: 56642587700

Volkova M.V., applicant for a degree, National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634050).

E-mail: www.volkmar@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-6434-7124>; SPIN-code: 9686-1513

Статья поступила в редакцию 17.03.2025; принята к публикации 26.09.2025

The article was submitted 17.03.2025; accepted for publication 26.09.2025

УДК 81'42

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-6-67-75>

Жанровые особенности медицинского мифа в священном тексте Торы

Елена Сергеевна Степанова

Самарский государственный медицинский университет, Самара, Россия

pretty.step@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2707-7222>

Аннотация

Медицинский миф в священном тексте реализуется в вопросах, касающихся знаний о болезнях и способах их лечения. Медицинский миф представляет собой сложное явление, возникает в результате взаимодействия людей в рамках определенного лингвокультурного сообщества, оказывает влияние на его нормы и ценности. Цель данного исследования – описание жанровой специфики медицинских мифов в священном тексте Торы, рассмотрение их сюжетно-тематического содержания. Актуальность работы обусловлена тем, что жанровые особенности медицинского мифа в священном тексте до сих пор не становились объектом исследования. Теоретическая значимость определяется тем, что результаты данного исследования способствуют изучению жанровых особенностей медицинского мифа в священных текстах различных религий. Практическая значимость работы заключается в потенциальном применении исследований жанровых особенностей медицинского мифа на практических занятиях по стилистике английского языка, посвященных анализу семантико-смыслового пространства медицинского мифа и его метафорике в священных текстах в англоязычной интерпретации. Предлагается методика исследования: 1) анализ жанровых особенностей медицинского мифа как сложного архетипического комплекса; 2) описание типологии медицинского мифа в священном тексте Торы, которая репрезентирует его жанровые особенности, с помощью метафорического фреймирования. Представлена типология медицинских мифов в священном тексте Торы (миф об эпидемии болезни, миф об укусе змеи, миф о суррогатном материнстве), которая описана с помощью метафорического фреймирования. Делается вывод о том, что жанровые особенности медицинского мифа как сложного архетипического комплекса характеризуются образностью, которая отражается в эмблематике данного мифа. Мифологическая образность, во-первых, проявляется в архетипических событиях в медицинском мифе, которые возникли на основе архаических верований о недуге как результате действия злых духов. Во-вторых, миф показывает сакральность деятельности мифологических героев, создавая мифологическую картину мира, которая не ограничена во времени. В-третьих, архетипическое сюжетное клише объединяет семантико-смысловое пространство мифа и является его ценностно-смысловым ядром.

Ключевые слова: жанр, медицинский миф, архетип, фрейминг, метафорика, семантико-смысловое пространство, ценности

Для цитирования: Степанова Е.С. Жанровые особенности медицинского мифа в священном тексте Торы // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 6 (242). С. 67–75. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-6-67-75>

Genre features of the medical myth in the sacred text of the Torah

Elena S. Stepanova

Samara State Medical University, Samara, Russian Federation,

pretty.step@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2707-7222>

Abstract

The medical myth in the sacred text realizes matters concerning the knowledge about diseases and methods of their treatment. The medical myth is a complex phenomenon that arises as a result of interaction of people within a certain linguocultural community and influences its norms and values. The purpose of this study is to describe the genre specifics of medical myths in the sacred text of the Torah and to consider their plot and thematic content. The relevance of the study is due to the fact that the genre features of the medical myth in the sacred text have not yet become the object of the research. The theoretical significance of the work is determined by the fact that the results of this study contribute to the study of the genre features of the medical myth in the sacred texts of various religions. The practical significance of the work lies in the potential application of the research into the genre features of the medical myth in practical classes on the stylistics of the English language, devoted to the analysis of the semantic and meaningful space of the medical myth and its metaphorical representation in sacred texts in English. The proposed research methodology is as follows: 1) analysis of the genre features of the medical myth as a complex archetypal

complex; 2) description of the typology of the medical myth in the sacred text of the Torah, which represents its genre features, using metaphorical framing. The typology of medical myths in the sacred text of the Torah is as follows: the myth of the epidemic of the disease, the myth of the snake bite, the myth of surrogate motherhood. These myths can be described using metaphorical framing. The analysis shows that the genre features of the medical myth as a complex archetypal complex are characterized by figurativeness, which is reflected in the emblematic features of this myth. Mythological figurativeness, firstly, is manifested in archetypal events in the medical myth, which arose on the basis of archaic beliefs about illness as a result of the action of evil spirits. Secondly, the myth shows the sacredness of the activities of mythological heroes, creating a mythological picture of the world that is not limited in time. Thirdly, the archetypal plot cliché unites the semantic and meaningful space of the myth and it is its value-semantic core.

Keywords: *genre, medical myth, archetype, framing, metaphor, semantic and meaningful space, values*

For citation: Stepanova E.S. Zhanrovyye osobennosti meditsinskogo mifa v svyashchennom tekste Tory [Genre features of the medical myth in the sacred text of the Torah]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 6 (242), pp. 67–75 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-6-67-75>

Введение

На протяжении всей истории существования человечества у людей появлялись различные недуги и болезненные состояния. Люди верили, что знания об исцелении от болезней находятся в священных текстах, поэтому занимались их чтением и интерпретацией. Например, книга Левит (третья книга еврейской Библии Торы) представляет собой своеобразное пособие по диагностике кожных заболеваний. Четырнадцатая глава данной книги посвящена диагнозу и лечению проказы. В свою очередь пятнадцатая глава содержит предписания о чистоте тела мужчины и женщины. Также в Библии есть упоминания об использовании лечебных средств для лечения ран и болезней: масел, листьев, бальзамов. К тому же в священных текстах описаны чудесные случаи исцеления верой в Божественную силу, которые уже давно стали медицинскими мифами.

В современном обществе медицинские мифы приобретают семантическое и лингвокультурное значение. Семантическое значение медицинского мифа заключается в том, что он выступает в качестве системы образов, которая имеет общие черты в различных мифологиях всего мира. Также миф становится источником многочисленных метафор. Лингвокультурное значение медицинского мифа связано с тем, что он содержит в себе представления о феноменах окружающей действительности, которые реализуются с помощью различных языковых средств, хранятся в памяти представителей лингвокультурного сообщества и транслируются из поколения в поколение [1, 2].

Изучению медицинского мифа в священных текстах разных религий посвящено множество лингвистических исследований. Медицинский миф как результат магического и сверхъестественного опыта анализируется в работе А.М. Суботяловой, М.А. Суботялова, посвященной медицинским знаниям в священных памят-

никах древнего эпоса «Рамаяна» и «Махабхарата» [3]; как результат общественного накопленного опыта анализируется в работе И.Д. Кароматова, Х.Ж. Гулямова, освещающей библейские мифы древних израильтян [4], как сакральная культурная реалья, которая ассоциируется с различными мифологическими стереотипами обыденного языкового сознания в работе Е.С. Степановой, анализирующей библейские мифы о сотворении человека [5]. Однако жанровые особенности медицинского мифа в священном тексте до сих пор не становились объектом изучения. В этом и состоит актуальность нашего исследования.

Медицинский миф в священном тексте реализуется в вопросах, касающихся знаний о болезнях и способах их лечения. В Библии при религиозном взгляде на болезнь чудесное исцеление понимается как знамение того, что человек прощен Богом. Миф о чудесном исцелении анализируется как сложное явление, которое имеет личностный и общественный аспект, возникает в результате взаимодействия людей в рамках определенного лингвокультурного сообщества, формирует нормы и ценности [6].

Медицинский миф содержит информацию, которая является результатом духовного освоения мира. Информационное содержание медицинского мифа эксплицируется мифемами (фундаментальными составляющими мифа), которые манифестируются двумя уровнями: архетипическим уровнем, являющимся частью обыденной картины мира [7, с. 85], и уровнем научного познания, использующим теоретические знания и эмпирические закономерности [8, с. 17].

Медицинские мифы о недугах отражают результаты осмысления и закрепления результатов познания объектов и событий окружающего мира лингвокультурным обществом. Процесс исцеления от недуга определяется разными смысла-

ми, постигаемыми интуитивно или рационально в виде мифических представлений и мировоззренческих парадигм, характерных для лингвокультурного общества. При анализе медицинского мифа необходимо учитывать абстрактные идеи и понятия из различных областей культуры, которые оказывают влияние на мифотворчество. Такими определяющими понятиями являются *медицинские сюжеты*, описанные в священных текстах; *религиозные верования*, связанные с медицинскими знаниями; *ценности*, необходимые для жизни в социальной среде и взаимодействия с другими представителями лингвокультурного сообщества [9, с. 71].

Медицинский миф представляет собой указание на личностную, социально-культурную ценность определенных объектов и явлений в данной культуре. Медицинский миф мотивирует человека мыслить в определенных категориях, замечать и оценивать лишь те аспекты действительности, которые признаются значимыми, поскольку он является феноменом индивидуального и социального бытия человека. Данное понятие содержит в себе совокупность убеждений и принципов, которые влияют на поведение, мотивацию и жизненные цели человека в определенной ситуации [10].

Ценностные смыслы медицинского мифа связаны с его аксиологической функцией, которая заключается в том, что миф задает определенную ценностную шкалу явлениям и отношениям между человеком и окружающим миром, которые представлены в виде текстовых вкраплений в священном тексте. Ценностные смыслы актуализируются с помощью прецедентных феноменов, которые отсылают к смысловым опорам, присутствующим в сознании представителей определенного лингвокультурного общества в качестве знания и способствующим осмыслению поступающей информации об окружающей действительности.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что она способствует изучению жанровых особенностей медицинского мифа в священных текстах различных религий (Библии, Корана, Вед и др.). Результаты исследования расширяют имеющуюся базу изучения семантики медицинского мифа, его фреймовой реализации в священных текстах. Предлагаемая типология может быть использована при анализе медицинского мифа в других типах дискурса.

Практическая значимость работы заключается в потенциальном применении исследований жанровых особенностей медицинского мифа на практических занятиях по стилистике английского языка, а также при подготовке спецкурса «Библеистика», который посвящен анализу се-

мантико-смыслового пространства медицинского мифа и его метафорике в священных текстах на английском языке.

Материал и методы

Материалом для исследования послужила Тора (Torah) [11] – священная книга в иудаизме, часть еврейской Библии, состоящей из пяти книг, обычно называемых Пятью Книгами Моисея, или Пятикнижием: Бытие (Genesis), Исход (Exodus), Левит (Leviticus), Числа (Numbers), Второзаконие (Deuteronomy), – которые содержат Моисеев закон. Данная священная книга изложена в англоязычной интерпретации, и для нас как иностранных реципиентов представляет интерес ее лингвистическая составляющая.

Методологическую базу исследования составили труды отечественных ученых в области изучения жанровой природы мифа Т.Е. Владимирской [12], А.Ф. Лосева [13], Е.М. Мелетинского [14], И.Г. Франка-Каменецкого [15]. Так, в своей известной монографии «Поэтика мифа» Е.М. Мелетинский [14] утверждает, что мифу свойственны элементы как поэтического, так и дидактического начала. Поэтическое начало мифа, по мнению ученого, заключается в том, что мифу свойственно претворение общих представлений в чувственно-конкретной форме, т. е. та самая образность, которая специфична для искусства и которую он унаследовал от мифологии. Дидактическое начало мифа, по мнению исследователя, связано с тем, что ранее мифологическое мышление было формой познания окружающего мира и служило инструментом анализа. Смысл мифологии – превращение хаоса в космос, причем космос с самого начала включает ценностный, этический аспект. Миф гармонизирует взаимоотношения между человеком и обществом и в целом – с природой [14, с. 168–169]. Очевидно, что миф совмещает в себе черты как выдуманной действительности (поэтическое начало), так и реальной (дидактическое начало).

А.Ф. Лосев разделяет точку зрения Е.М. Мелетинского и утверждает, что миф «совмещает в себе черты как поэтической, так и реально-вещественной действительности». Поэтичность характеризуется духовностью, образностью и эстетически ценной языковой объективацией социокультурных смыслов, посредством которых лингвокультурное сообщество постигает и понимает окружающий мир и свое предназначение в нем. Вторая – мир как он есть, независимо от субъективного восприятия. Ученый отмечает, что миф не есть догмат, поскольку догмат предполагает некоторый минимум религиозного опыта, в то время как миф просто история личного

бытия или общественного опыта, призванная объяснить существующий порядок на земле [13, с. 87, 128].

Известный филолог И.Г. Франк-Каменецкий, исследующий поэтическое начало мифа с помощью метафоры на примере библейской поэзии (псалмы, книги мудрости (Иова, Притчей, Екклесиаста, пророческие книги, а также Пятикнижие)), утверждает об общности ее черт с древнейшими мифологическими и религиозными архетипами. Поэтическая метафора Библии объясняется метафоричностью языка, т. е. используется носителями языка автоматически как метафорическая модель и часто не осознается ими как метафора. К тому же библейской поэзии свойственна открытость, которая поощряет читателя к творческому осмыслению через многие варианты интерпретации. Очевидно, что метафоричность библейской поэзии является основой для всех последующих литературных жанров [15, с. 30–34].

Согласно Э. Кассиреру, метафора отражает архетипические образы, мотивы или модели поведения, которые повторяются в культуре, мифологии, литературе и искусстве различных народов и эпох. Данные универсальные образы выступают в качестве символического языка персонажей или событий в мифах для передачи глубоких подтекстовых смыслов. Соотношение мифа и метафоры имеет диалектический характер. Миф является порождением начального, первобытного мышления, основан на памяти и наблюдениях, полностью или частично исключает критическое мышление и логику. Миф – это способ, позволяющий организовать информацию о феноменах окружающей действительности в систему, не проводя грани между образом и значением. Объективное восприятие действительности, основанной на фактах, ведет к разрушению, преломлению мифологических представлений и появлению процесса метафоризации. Развешенные иллюзорные мифологические представления находят свое выражение в языковых реализациях бессознательных процессов человеческой психики – в форме архетипов, метафор [16, с. 37].

Вышеописанное свойство метафоры свидетельствует о том, что данное стилистическое средство может выступать в качестве образной схемы, в которой акцентируется определенный элемент священного текста или языковой структуры. Данному элементу придается значимость с целью продвижения определенного видения проблемы или ситуации, включая понимание ее причин, морально-этической оценки и представления о способах ее решения. Метафора как образная схема помогает реципиенту понять сложную

концепцию, проецируя на нее более понятную и ясную идею. Метафора в качестве средства фрейминга (образной схемы) участвует в когнитивно-дискурсивном моделировании действительности и играет важную роль в создании ярких сюжетов в медицинском мифе. Согласно принципам когнитивно-дискурсивного моделирования действительности метафора рассматривается как метакоммуникативная единица. В данной функции метафора выражает положительные или отрицательные коннотации, заключенные в семантике слова, соотносит формулируемые смыслы с реальным миром [17, с. 411].

Интересную точку зрения о репрезентации архетипических представлений в литературном произведении находим в работе А.А. Кушнirenко «Семантика компонентов архетипического комплекса литературного произведения», в которой она утверждает, что «в художественном произведении архетипы не функционируют изолированно друг от друга – они образуют единый архетипический комплекс текста». В художественном произведении может актуализироваться комплекс языковых единиц, выступающих в качестве архетипов. Данный комплекс является архетипическим сюжетным клише, которое представляет собой своего рода матрицу в сознании писателя, которая является иерархической структурой мировоззренческих ценностей писателя. Архетипическое сюжетное клише предопределяет мотивы действия персонажей, основные сюжетные линии [18, с. 133–134].

В нашем исследовании медицинский миф рассматривается как сложный архетипический комплекс – система образов, символов и мотивов, которые передаются из поколения в поколение, отражая первобытные медицинские знания и ценности. Данное понятие объединяет семантико-смысловое пространство мифа и выступает его онтологической смысловой доминантой. Значение архетипического сюжетного клише мифа находится в коллективной когнитивной базе, что позволяет реципиенту его интерпретировать.

Цель данного исследования – описание жанровой специфики медицинских мифов в священном тексте Торы, рассмотрение их сюжетно-тематического содержания.

Поставленная цель определяет задачи исследования: 1) выявление медицинских мифов в Торе; 2) классификация медицинских мифов; 3) изучение сюжетных клише медицинских мифов и их функций в Торе; 4) описание медицинских мифов с помощью фрейминга.

Цель и задачи исследования определили выбор следующих методов исследования: метод сплошной выборки, с помощью которого были отобраны

единичные примеры (в количестве восьми единиц) и описаны посредством метафорического фреймирования; стилистический анализ медицинских мифов, представляющий собой интерпретацию мировоззренческих взглядов на медицинские знания; описательный метод, направленный на анализ концептуального содержания данных мифов.

Методика исследования включала: 1) анализ жанровых особенностей: медицинского мифа как сложного архетипического комплекса; 2) описание типологии медицинского мифа в священном тексте Торы, которая репрезентирует его жанровые особенности, с помощью метафорического фреймирования.

Результаты и обсуждение

Первый этап исследования заключался в том, что нами были определены жанровые особенности медицинского мифа как сложного архетипического комплекса.

1. Архетипическое сюжетное клише

Сюжетно-понятийная структура, которая имплицитно содержит в себе повествование о некотором комплексе медицинских знаний и практических действий, имеющем мифологические корреляты, эксплицированные лингвистически, графически, акционально, представляет собой *архетипическое сюжетное клише* [19, с. 296]. Последнее институционально отражает этнические ценности определенной общественной группы или социума в целом [20, с. 293]. На основе архаических верований болезнь рассматривалась как результат действия злых духов, влияния ведьм или порчи. Так, в греческой мифологии причиной развития недуга считались внешние сверхъестественные факторы – воздействие богов и демонов. Например, в поэме Гомера «Одиссея» Цирцея опоила воинов Одиссея напитком забвения, из-за чего они утратили память и превратились в свиней.

Мифам разных народов присущи сходные медицинские темы и мотивы. Например, мотив рождения из земли в индуизме и греческой мифологии. Таким примером может послужить в «Махабхарате» рождение Драупади в результате ритуального вспахивания поля царем Джанакой. Также Ясон, герой Илиады Гомера, должен был вспахать поле и засеять его змеиными зубами, чтобы из земли выросло племя воинов.

2. Описание проявлений священного (сверхъестественного) в мифе.

Миф раскрывает творческую активность персонажей и показывает сакральность их деяний. Герой мифа переходит из профанного мира в сферу сакрального, где он становится участником чудесных событий. Например, Одиссей из

одноименной поэмы Гомера во время путешествия преодолевает трудности и обретает божественную мудрость. В процессе перехода герой становится связующим звеном между двумя мирами, божественным и земным. Например, Гермес подсказывает Одиссею, как нарушить чародейство Цирцеи, и дает ему чудодейственное растение, которое является противоядием.

3. Создание мифологической картины мира.

Данная мифологическая картина мира не ограничена хронологией и конкретной перспективой, а включает в себя несколько периодов времени. Для мифологической картины мира характерно антропоморфное моделирование, которое связано с архаическим мировоззрением, когда человек наделял окружающие предметы и явления человеческими чувствами и качествами. Миф достраивает недостаточную информацию о феноменах окружающей действительности с помощью мифологических образов. Так, в славянской мифологии болезни связывали с двенадцатью сестрами-лихорадками, каждая из которых вызывает определенное проявление недуга.

На втором этапе исследования нами была представлена типология медицинского мифа, репрезентирующая его жанровую особенность. Как показал анализ, типология медицинских мифов в священном тексте Торы – миф об эпидемии болезни, миф об укусе змеи, миф о суррогатном материнстве – может быть описана с помощью метафорического фреймирования. На первый тип мифа пришлось четыре примера, на два других – по два. Единичность этих примеров свидетельствует о том, что они уникальны и тем самым создают оригинальность, эмблематичность медицинского мифа.

1. Миф об эпидемии болезни.

Фрейм «Гнев Господа – чума» с помощью метафоры *wrath has gone forth from the Lord: the plague has begun* актуализирует миф об эпидемии болезни, которую Всевышний наслал на израильтян, поскольку они выступали в защиту Кореха (Korah), возглавившего восстание против Моше и Аарона, и за что он был наказан Всевышним. Эпидемия начала необычайно интенсивно распространяться среди народа. У данной болезни не было инкубационного периода. У заболевших был мгновенный летальный исход. Желая спасти людей от смерти, Моше велит Аарону провести церемонию воскурения между умершими и еще живыми людьми, чтобы искупить грех и остановить эпидемию:

He put on the incense and made expiation for the people; he stood between the dead and the living until the plague was checked. Those who died of the plague came to fourteen thousand and seven hun-

dred, aside from those who died on account of Korah. Aaron then returned to Moses at the entrance of the Tent of Meeting, since the plague was checked. «И совершил он церемонию воскурения, и очистил народ; и стоял между мертвыми и живыми, пока не прекратилась чума. Было умерших от чумы четырнадцать тысяч семьсот, не считая умерших из-за Кораха. И вернулся Аарон к Моше ко входу в Шатер Откровения, так как чума прекратилась» [Torah. Numbers 17.11-15]. В данном примере метафора *made expiation for the people* (очистил народ) и бинарная оппозиция *the dead and the living* (мертвые и живые) эксплицируют окончание смертельной эпидемии болезни.

В следующем примере фрейм «Гнев Господа – цараат» с помощью метафоры *...one dead, who emerges from his mother's womb with half his flesh eaten away* актуализирует миф об эпидемии болезни цараат, которая быстро распространялась среди израильтян. Мириам, сестра Аарона, была поражена этой болезнью за то, что участвовала в клевете на Моше. Цараат описывается как «подобный снегу» из-за шелушения кожи, которое характерно для различных кожных заболеваний. Аарон просит Моше исцелить ее. Моше молится за свою сестру, и она исцеляется от цараата, но должна оставаться в заточении семь дней:

O my lord, account not to us the sin which we committed in our folly. Let her not be as one dead, who emerges from his mother's womb with half his flesh eaten away. «Господин мой, не вмени нам греха, который мы совершили по глупости нашей. Да не будет она как мертвец, выходящий из чрева матери своей с объединенной половиной плоти» [Torah. Numbers 12.10].

В данном примере метафора *dead* (мертвый) символизирует прокаженного, который из-за болезни был изолирован от общества и вызывал осквернение у тех, кто с ним контактировал, метафора *one... who emerges from his mother's womb with half his flesh eaten away* (выходящий из чрева матери своей с объединенной половиной плоти) символизирует «выход из чрева матери», т. е. преждевременные роды или рождение мертвого ребенка, который некоторое время был мертв в утробе матери и при выходе из нее выглядит белым и гниющим, с частично съеденной плотью.

В следующем примере фрейм «Знамение Господа – цараат» с помощью метафоры *his hand was encrusted with snowy scales* (его рука была покрыта снежной чешуей) реализует миф о том, что Моше боялся, что люди не поверят ему, что он посланник Господа. И тогда Всевышний сказал ему следующее:

«Put your hand into your bosom». He put his hand into his bosom; and when he took it out, his

*hand was encrusted with snowy scales! And He said, «Put your hand back into your bosom». He put his hand back into his bosom; and when he took it out of his bosom, there it was again like the rest of his body». «Положи руку свою к себе за пазуху». Он положил руку свою к себе за пазуху; а когда вынул ее, рука его была покрыта снежной чешуей! И сказал Он: «Положи руку свою обратно к себе за пазуху». Он положил руку свою обратно к себе за пазуху; а когда вынул ее из-за пазухи, она снова стала такой же, как и все его тело» [Torah. Exodus 4.1-7]. В данном примере метафора *his hand was encrusted with snowy scales* (его рука была покрыта снежной чешуей) ассоциируется с цараатом и символизирует божье знамение и возложенную на Моше миссию, что он будет проповедовать от имени Бога.*

В следующем примере фрейм «Гнев Господа – чахотка и лихорадка» с помощью метафоры *I will wreak misery upon you – consumption and fever, which cause the eyes to pine and the body to languish* (Я наведу на тебя беду – чахотку и лихорадку, от которых глаза чахнут, а тело слабеет) [Torah. Leviticus 26.16] активизирует миф о том, что Всемогущий предостерегает израильтян от нарушения заповедей Торы, и в случае пренебрежения заповедями люди будут наказаны болезнями. В вышеприведенном примере с помощью антропонимической метафоры *consumption and fever cause the eyes to pine* (чахотка и лихорадка, от которых глаза чахнут) описаны тяжелые страдания, посланные Всемогущим за несоблюдение священных заповедей.

2. Миф об укусе змеи.

Фрейм «Гнев Господа – укус змеи» с помощью метафоры *seraphe serpent* (змеи сераф) актуализирует миф о том, что Господь послал на израильтян ядовитых змей в качестве наказания за малодушие и ропот во время скитаний по пустыне. Змеи жалили народ, и многие из израильтян умерли от их укусов: *The Lord sent seraphe serpents against the people. They bit the people and many of the Israelites died* [Torah. Numbers 21.5-9].

В следующем примере наблюдается фрейм «Укус змеи – медный змей (исцеление)», который активизируется с помощью метафоры *copper serpent* и символизирует божественное исцеление и спасение. Так, противопоставлением от змеиного укуса выступило изображение змеи, закрепленное на деревянном шесте. Ужаленному было достаточно взглянуть на это медное изображение, и смерть отступала:

Then the Lord said to Moses, «Make a seraphe figure and mount it on a standard. And if anyone who is bitten looks at it, he shall recover». Moses

made a copper serpent and mounted it on a stand; and when any one was bitten by a serpent, he would look at the copper serpent and recover. «И сказал Господь Моше: „Сделай изображение Серафима и закрепи его на знамени. И если укушенный посмотрит на него, он выздоровеет“. Моше сделал медного змея и повесил его на знамя; и когда кого-либо кусала змея, он смотрел на медного змея и выздоравливал» [Torah. Numbers 21.5-9].

3. Миф о суррогатном материнстве

Фрейм «Агари на твоём лоне – ребенок Сары» с помощью метафоры *I myself put my maid in your bosom* (Я сама положила мою служанку на твоё лоно) [Torah. Genesis 16.2] актуализирует миф о том, что первая попытка суррогатного материнства, описанная в Торе, связана с решением Сары позволить своему мужу Аврааму стать отцом с помощью ее рабыни-египтянки Агари. Он сожительствовал с Агари, и она зачала. В результате этого родился Ишмаэль, старший сын Авраама и будущий праотец арабского народа:

Hagar bore a son to Abram, and Abram gave the son that Hagar bore him the name Ishmael... He shall be a wild ass of a man; His hand against everyone; And everyone's hand against him; He shall dwell alongside of all his kinsmen. «Агари родила Аврааму сына; и Авраам дал сыну, которого родила Агари, имя Ишмаэль... Он будет конфликтный человек. Его рука будет против всех, и руки всех будут против него. Он будет жить со всеми братьями своими» [Torah. Genesis 16.2-9]. В этом примере метафора *a wild ass of a man* и хиазм *his hand against everyone, and everyone's hand against him* характеризуют Ишмаэля как человека, который часто находится в оппозиции к другим, участвует в спорах и войнах.

Фрейм «служанка беременна – ребенок Рахиль» с помощью метафоры *fruit of the womb* «Can I take the place of God, who has denied you fruit of the womb?» (Могу ли я стать вместо Бога, который лишил тебя плода чрева?) [Torah. Genesis 30.2-8] актуализирует миф о другой попытке

суррогатного материнства, описанной в Торе, когда жена Иакова, Рахиль, отчаявшись самостоятельно родить мужу ребенка, обратилась за помощью к служанке Биле: *Bilhah conceived and bore Jacob a son. And Rachel said, «God has vindicated me; indeed, He has heeded my plea and given me a son». Therefore she named him Dan.* «Била зачала и родила Иакову сына. И сказала Рахиль: „Бог оправдал меня, услышал мольбу мою и дал мне сына“. Таким образом, она назвала его Даном» [Torah. Genesis 30.2-8].

Заключение

Проведенное исследование позволяет заключить, что жанровые особенности медицинского мифа как сложного архетипического комплекса характеризуются образностью, которая отражается в эмблематике данного мифа. Мифологическая образность, во-первых, проявляется в архетипических событиях в медицинском мифе, которые возникли на основе архаических верований о недуге как результате действия злых духов. Во-вторых, миф показывает сакральность деятельности мифологических героев, создавая мифологическую картину мира, которая не ограничена во времени. В-третьих, архетипическое сюжетное клише объединяет семантико-смысловое пространство мифа и является его ценностно-смысловым ядром. Архетипическое сюжетное клише медицинского мифа предопределило создание типологии данного мифа, которая может быть описана с помощью метафорического фреймирования. Единичность этих примеров свидетельствует о том, что они уникальны и тем самым создают метафорику медицинского мифа.

Поскольку анализ проводился на одном священном тексте, полученные результаты не являются окончательными и имеют определенную степень индивидуально-авторской интерпретации. Настоящая работа требует продолжения и сравнения жанровых особенностей данного мифа в других священных текстах.

Список источников

1. Статкевич И.А. Восприимчивость человека и духовные особенности исцеления его организма // Труды молодых ученых и специалистов. Чебоксары: Изд-во Чувашского ун-та, 2001. С. 57–60.
2. Статкевич И.А. Феноменология и сущность суггестии. Мистическая и научная ее интерпретация // Сборник научных трудов кафедры комплексных исследований по философии. Чебоксары: Изд-во Чувашского ун-та, 2002. С. 58–66.
3. Суботьялова А.М., Суботьялов М.А. Медицинские упоминания в эпических произведениях Древней Индии («Рамаяна» и «Махабхарата») // Science for Education Today. 2019. Т. 31, № 3. С. 96–103.
4. Кароматов И.Д., Гулямов Х.Ж. Медицинские вопросы, освещенные в Библии // Биология и интегративная медицина. 2017. № 4. С. 180–186.
5. Степанова Е.С. Семантика мифа о рождении как культурный код // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15, № 1. С. 292–304. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-292-304>

6. Степанова Е.С. Мифы о чудесных исцелениях: лингвистические и аксиологические аспекты // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 1. С. 24–32. doi: 10.18384/2310-712X-2022-1-24-32
7. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Тамбов: Изд-во Тамбов. ун-та, 2000. 123 с.
8. Щербак А.С. Основные типы ономастических концептов (на материале региональной концептосферы) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 10. С. 169–175.
9. Stepanova E.S. Linguistic and Cognitive Aspects of Medical Myths in American Works of Fiction // *The International Journal of Communication and Linguistic Studies*. 2021. Vol. 19, iss. 1. P. 65–72. doi: 10.18848/2327-7882/CGP/v19i01/65-72
10. Карасик В.И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. М.: Гнозис, 2019. 424 с.
11. Torah: the five books of Moses. Philadelphia: The Jewish Publication Society of America, Varda Books. 2001. 638 p.
12. Владимирова Т.Е. Семантический континуум мифа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11, № 2. С. 161–174. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-161-174
13. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: АСТ, 2021. 448 с.
14. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. СПб.: Азбука, 2018. 480 с.
15. Франк-Каменецкий И.Г. К вопросу о развитии поэтической метафоры // От слова к смыслу: проблемы тропогенеза. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 28–80.
16. Кассирер Э. Сила метафоры // Теория метафоры / под ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 33–43.
17. Burgers Ch., Konijn E.A., Steen G.J. Figurative framing: Shaping public discourse through metaphor, hyperbole, and irony // *Communication Theory*. 2016. Vol. 26, № 4. P. 410–430.
18. Кушниренко А.А. Семантика компонентов архетипического комплекса литературного произведения // Наука и современность. 2010. № 2-3. С. 132–135.
19. Владимирова Т.Е. Семантический потенциал слова: на материале мифологемы священного брака Неба и Земли // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13, № 2. С. 294–306. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-294-306>
20. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 476 с.

References

1. Statkevich I.A. Vospriimchivost' cheloveka i dukhovnyye osobennosti isteleniya yego organizma [Human susceptibility and spiritual features of healing his body]. *Trudy molodykh uchyonykh i spetsialistov* [Works of young scientists and specialists]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 2001. Pp. 57–60 (in Russian).
2. Statkevich I.A. Fenomenologiya i sushchnost' suggestii. Misticheskaya i nauchnaya yeyo interpretatsiya [Phenomenology and the essence of suggestion. Mystical and scientific interpretation]. *Sbornik nauchnykh trudov kafedry kompleksnykh issledovaniy po filosofii* [Collection of scientific papers of the Department of Complex Research in Philosophy]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 2002. Pp. 58–66 (in Russian).
3. Subotyalova A.M., Subotyalov M.A. Meditsinskiye upominaniya v epicheskikh proizvedeniyakh Drevney Indii ("Ramayana" i "Makhabkharata") [Medical references in the epic works of Ancient India (Ramayana and Mahabharata)]. *Science for Education Today*, 2019, vol. 31, no. 3, pp. 96–103 (in Russian).
4. Karomatov I.D., Gulyamov Kh.Zh. Meditsinskiye voprosy, osveshchennyye v Biblii [Medical Issues Covered in the Bible]. *Biologiya i integrativnaya meditsina -Biology and Integrative Medicine*, 2017, no. 4, pp. 180–186 (in Russian).
5. Stepanova E.S. Semantika mifa o rozhdenii kak kul'turnyy kod [Semantics of the Birth Myth as a Cultural Code]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika – RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2024, vol. 15, no. 1, pp. 292–304 (in Russian). doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-292-304
6. Stepanova E.S. Mify o chudesnykh isteleniyakh: lingvisticheskiye i aksiologicheskiye aspekty [Myths about miraculous healings: linguistic and axiological aspects]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika – Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Linguistics*, 2022, no. 1, pp. 24–32 (in Russian). DOI: 10.18384/2310-712X-2022-1-24-32
7. Boldyrev N.N. *Kognitivnaya semantika* [Cognitive semantics]. Tambov, Tambovskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 2000. 123 p. (in Russian).
8. Shcherbak A.S. Osnovnyye tipy onomasticheskikh kontseptov (na materiale regional'noy kontseptosfery) [Main types of onomastic concepts (based on the regional conceptual sphere)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki – Bulletin of Tambov University. Series: Humanities*, 2009, no. 10, pp. 169–175 (in Russian).

9. Stepanova E.S. Linguistic and Cognitive Aspects of Medical Myths in American Works of Fiction. *The International Journal of Communication and Linguistic Studies*, 2021, vol. 19, no. 1, pp. 65–72. DOI: 10.18848/2327-7882/CGP/v19i01/65-72
10. Karasik V.I. *Yazykovaya spiral': tsennosti, znaki, motivy* [Language spiral: values, signs, motives]. Moscow, Gnozis Publ., 2019. 424 p. (in Russian).
11. *Torah: the five books of Moses*. Philadelphia: The Jewish Publication Society of America, Varda Books. 2001. 638 p.
12. Vladimirova T.E. Semanticheskiy kontinuum mifa [The Semantic Continuum of Myth]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika – RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2020, vol. 11, no. 2, pp. 161–174 (in Russian). doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-161-174
13. Losev A.F. *Dialektika mifa* [Dialectics of myth]. Moscow, AST Publ., 2021. 448 p. (in Russian).
14. Meletinskiy E.M. *Poetika mifa* [Poetics of myth]. Saint Petersburg, Azbuka Publ., 2018. 480 p. (in Russian).
15. Frank-Kamenetskiy I.G. K voprosu o razvitii poeticheskoy metafory [On the development of poetic metaphor]. *Ot slova k smyslu: Problemy tropogeneza* [From Word to Meaning: Problems of Tropogenesis]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2001. Pp. 28–80 (in Russian).
16. Kassirer E. Sila metafory [The power of metaphor]. In: Arutyunova N.D., Zhurinskiy M.A. (ed). *Teoriya metafory* [Theory of Metaphor]. Moscow, Progress Publ., 1990. Pp. 33–43 (in Russian).
17. Burgers Ch., Konijn E.A., Steen G.J. Figurative framing: Shaping public discourse through metaphor, hyperbole, and irony. *Communication Theory*, 2016, vol. 26, no. 4, pp. 410–430.
18. Kushnirenko A.A. Semantika komponentov arkhетипического комплекса литературного произведения [Semantics of the components of the archetypal complex of a literary work]. *Nauka i sovremennost' – Science and modernity*, 2010, no. 2-3, pp. 132–135 (in Russian).
19. Vladimirova T.E. Semanticheskiy potentsial slova: na materiale mifologemy svyashchennogo braka Neba i Zemli [The semantic potential of the word: based on the mythologem of the sacred marriage of Heaven and Earth]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika – RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2022, vol. 13, no 2, pp. 294–306 (in Russian). doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-294-306
20. Karasik V.I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2002. 476 p. (in Russian).

Информация об авторе

Степанова Е.С., кандидат филологических наук, доцент, Самарский государственный медицинский университет (ул. Чапаевская, 89, Самара, Россия, 443099).

E-mail: pretty.step@bk.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2707-7222>; SPIN-код: 6992-0076;

Author ID: 732441; Профиль в Scopus: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57222422219>

Information about the author

Stepanova E.S., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Samara State Medical University (ul. Chapayevskaya, 89, Samara, Russian Federation, 443099).

E-mail: pretty.step@bk.ru; ORCID 0000-0002-2707-7222, SPIN-code: 6992-0076;

Author ID: 732441; Scopus Profile: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57222422219>

Статья поступила в редакцию 27.07.2025; принята к публикации 26.09.2025

The article was submitted 27.07.2025; accepted for publication 26.09.2025

Средства выражения количественной аспектуальности в английском языке

Вероника Сергеевна Мишина

*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия,
21vesper21@gmail.com*

Аннотация

В данной работе исследуется категория аспектуальности глагольного действия в английском языке в целом и количественной аспектуальности в частности. Основное внимание уделяется частному проявлению количественной аспектуальности в английском языке, а именно семантике неполноты действия. Этот аспект связан с представлением о действии как незавершенном, происходящем в ограниченный период времени или недостаточный для достижения полного его результата. В славянской аспектологии категория аспектуальности (аспекта), в том числе способы глагольного действия, достаточно активно изучается с точки зрения дериватологии, функциональной грамматики, когнитивной лингвистики. Современные исследования подтверждают, что в языках славянской группы широко распространены префиксальные глаголы со смягчительным значением и другими близкими значениями, что объясняется развитыми процессами префиксации в этих языках и особенностями видения языковой картины мира носителями данных языков. В то же время исследование подобной семантики в английском языке практически не представлено в современной лингвистике, несмотря на широкую дискуссию в отношении понятий *вид*, *аспект*, *актионсарт*, *способ действия* и т. д. В данном исследовании проанализированы и описаны основные средства выражения диминутивной семантикой в сфере обозначения действия в английском языке как отражение количественной аспектуальности; представлена типология указанных маркеров глагольной диминутивности. В результате анализа выделены четыре основных типа грамматических и лексических инструментов английского языка для обозначения семантики неполноты действия, таких как аналитические конструкции, а именно наречные единицы (*a little, for a while, lightly* и др.), глаголы с суффиксами *-le* и *-er* и префиксом *under-*, фразовые глаголы. Указанные единицы рассмотрены в контексте их продуктивности для обозначения количественной аспектуальности. Полученные результаты сопоставлены с выводами по диминутивной семантике в сфере обозначения действия в славянских языках.

Ключевые слова: *английский язык, аспектуальные значения, количественная аспектуальность, семантика неполноты действия, диминутивная семантика*

Для цитирования: Мишина В.С. Средства выражения количественной аспектуальности в английском языке // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 6 (242). С. 76–84. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-6-76-84>

Means of expressing quantitative aspect in English

Veronika S. Mishina

*National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,
21vesper21@gmail.com*

Abstract

This paper examines the problem of defining the category of aspect of action denotation in English in general, and quantitative aspect in particular. The main focus of the article is on the specific features of quantitative aspect in English, namely the semantics of incomplete action. This particular aspect is associated with the idea of an action as unfinished, occurring in a limited period of time, or insufficient to achieve its full result as is 'expected' of it. In Slavic aspectology, the category of aspect, or 'view', and the methods of action denotation are quite rigorously studied from the point of view of cognitive linguistics. Modern research also confirms that prefixed verbs with a diminutive meaning and other meanings close to it are widespread in the languages of the Slavic group, which is explained by the well-established processes of prefixation in these languages and the peculiarities of the linguistic picture of the world by native speakers of these languages. At the same time, the study of such semantics in English is practically not represented in modern linguistics. In this study, we analyzed and described the main means of expressing quantitative aspect in the English language and their connection with diminutive semantics, exploring how these elements interact and what they contribute to the overall structure of the language. Particular attention is paid to the study of grammatical and lexical tools, such as analytical constructions, namely adverbial units (*a little, for a*

while, lightly, etc.), verbs with the suffixes *-le*, and *-er* and the prefix *under-*, phrasal verbs, particularly in the context of their productivity in terms of denoting quantitative aspect.

Keywords: *English language, aspectual meanings, quantitative aspect, semantics of incomplete action, diminutive semantics*

For citation: Mishina V.S. Sredstva vyrazheniya kolichestvennoy aspektual'nosti v angliyskom yazyke [Means of expressing quantitative aspect in English]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 6 (242), pp. 76–84 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-6-76-84>

Введение

Диминутивная семантика в сфере обозначения действия, будучи выраженной как через грамматические, так и через лексические средства, тесно взаимодействует с понятием количества и, как следствие, аспектуальности, за счет чего расширяются возможности точной передачи значений и их оттенков в языке. Целью данной работы является описание способов выражения количественной аспектуальности в английском языке в целом, а также выявление и анализ средств выражения семантики неполноты действия (диминутивной семантики) как категории количественной аспектуальности в частности.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью более глубокого изучения аспектуальных характеристик английского языка в сравнении с другими языковыми системами, в частности славянскими, где количественная аспектуальность и частные ее проявления традиционно изучались более подробно. Несмотря на то что количественная аспектуальность считается более характерной для русского и других славянских языков, выявление аналогичных явлений в английском языке позволяет пересмотреть и дополнить представления о его аспектуальной системе.

О понятии языковой категории «аспектуальность» ученые говорили давно и рассматривали ее с разных точек зрения. Основной вклад, однако, в изучение аспектологии внесло именно славянское языкознание. Поскольку русский глагол является предметом для научного интереса довольно долгое время, в поле зрения отечественных исследователей глагола попадали как его грамматические, так и семантические свойства. Исследователи отмечают при этом как саму сложность семантической структуры глагола в целом и отдельных классов глаголов, многоаспектность их значения, так и сложность ее изучения.

Материал и методы

В целом можно выделить несколько взглядов на аспектуальность: 1) как на категорию, отражающую характер протекания и распределения действия во времени (А.В. Бондарко, А.М. Пешковский, М.А. Шелякин и др.); 2) как на категорию, в центре которой находится глагольный вид и явле-

ния, смежные с видом в содержательном и функционально-семантическом отношении (Ю.С. Маслов, А.В. Бондарко, В.С. Храковский и др.); 3) как на категорию, средствами выражения которой являются прежде всего префиксы, способные передавать разные виды аспектуальной семантики (А.В. Исаченко, Ю.С. Маслов, А.В. Бондарко, Е.В. Петрухина, М.А. Кронгауз и др.); 4) в аспекте разграничения грамматической категории вида и лексико-словообразовательных способов действия (А.В. Исаченко, Ю.С. Маслов, А.В. Бондарко, Н.С. Авилова, М.А. Шелякин и др.) и пр.

Категория вида в русском языке представляет собой грамматическую категорию, присущую всем глаголам, строящуюся на бинарной оппозиции, выражающую особенности протекания действия как во времени, так и согласно его внутренней темпоральной структуре, «как она понимается говорящим» [1]. Современное понимание аспектуальности подразумевает вид как ядро аспектуальности, а способы действия и прочие синтаксические средства – как ее периферию (А.В. Бондарко, А.А. Зализняк, А.Д. Шмелев). Способы глагольного действия как важная составляющая поля аспектуальности также представляли интерес для исследователей.

Способы действия – термин, произошедший от немецкого *Aktionsart* (букв. тип действия), изначально использовался для обозначения «как вида, так и других явлений в сфере аспектуальности», без дифференциации, и позже был противопоставлен термину *Aspekt* (т. е. вид) [2, с. 31]. В дальнейшем грамматисты стали различать вид как грамматическую категорию, а способы глагольного действия как категорию семантическую, не охватывающую всю глагольную лексику, остающуюся в рамках лексических различий между глаголами [1].

Хотя единая классификация способов действия отсутствует, преимущественно выделяют два типа способов действия: *характеризованный* (с использованием специальных словообразовательных формантов) и *нехарактеризованный* (без них). А.А. Зализняк предлагает понимать под характеризованными способами «различные типы семантических модификаций глагола, выраженные определенными формальными

средствами (приставками, суффиксами или их комбинацией)» [3, с. 104]. В рамках характеризованных способов действия выделяют начинательный, усилительный, ограничительный, длительно-ограничительный, смягчительный и специально-результативные [1, 3, 4], в рамках нехарактеризованных – глаголы состояния, отношения, развития и т. п. [4].

Ю.С. Маслов предлагает различать качественный и количественный критерии во «внутреннем времени» действия, где «количественная аспектуальность» характеризует действия и состояния по кратности (прерывности – непрерывности), по степени длительности» [1]. Количественная (как и качественная) аспектуальность входит в понятие функционально-семантического поля аспектуальности, предложенное А.В. Бондарко. Однако прежде чем говорить о количественной аспектуальности и средствах ее выражения в английском языке, следует сказать, что в разных языках данная категория изучена в разной степени.

Категория вида в целом в английском языке остается гораздо более спорным понятием, что отмечается как отечественными, так и зарубежными исследователями (подробнее об этом см. в [5]). Подходы к изучению категории аспектуальности в английском также варьируются, при этом в германской аспектологии (при изучении аспекта не только в английском, но и в других языках) лингвисты часто опираются на подходы и определения славянской аспектологии, ориентируются на традиции описания славянского глагола. Разделение категорий вида и аспекта рассматривается как раз через различие между видом как грамматической категорией, которую сложно точно определить и описать, и аспектом, т. е. определенным способом видения ситуации говорящим, выражающимся через использование определенных грамматических форм.

Считается, что различие между понятиями *Aspekt* и *Aktionsart* довольно размытое. Данные понятия рассматривались как оппозиции «аспект» и «характер» действия, «грамматический» и «лексический» аспект, «субъективный» и «объективный» и как «точка зрения» против «ситуационного» аспекта [6]. Исследователи также отмечают, что четкая дифференциация этих понятий важна для аспектных исследований. Так, В. Крофт в целом согласен с определением, данным Б. Комри, который определил аспект как «разные способы видения внутренних темпоральных составляющих ситуации» [7]. Однако он считает, что данное определение слишком широкое и при специфичных проявлениях аспекта этого определения становится недостаточно [8]. По его мнению, семантическая интерпретация

категорий грамматического вида часто варьируется в зависимости от класса предикатов, с которыми они сочетаются, и эти вариации приписываются к различиям в лексических аспектах (или *Aktionsart*) разных классов предикатов. Лексический аспект ученый относит к внутренней темпоральной структуре ситуации (например, какие-то ситуации «естественно» длительные состояния, в то время как другие «естественно» одномоментные ситуации, происходящие в конкретный момент времени) [8].

Л. Бринтон придерживается той же точки зрения, что и В. Крофт, и предлагает следующее разграничение: «Аспект – это временная перспектива или точка зрения на ситуацию, тогда как *aktionsart* – это внутренняя временная природа названной ситуации» [9, с. 158]. Таким образом, ситуацию можно рассматривать как завершенное целое (*perfective* – совершенное) или как продолжающееся и неполное (*imperfective* – несовершенное), а также как начинающееся (*ingressive* – ингрессивное), завершающееся (*terminative* – терминативное, предельное) или продолжающееся (*continuative* – продолжающее). Л. Бринтон отмечает, что эти аспектуальные понятия обычно выражаются в глагольных флексиях или перифразах. Однако по своей сути ситуация может быть статичной или динамичной, однократной или длительной. Исследователь заключает, что такие понятия действия обычно выражаются в лексическом значении глагола [9].

При рассмотрении категории вида зарубежные исследователи чаще всего обращаются к оппозиции *perfective/imperfective* или *progressive/non-progressive*. Однако и здесь нет единства взглядов, поскольку некоторые ученые предлагают также разграничивать термины *progressive* и *continuous* [7]. Что касается способов действия (или *Aktionsart* в данной терминологии), Л. Бринтон полагает, что самая известная категоризация *Aktionsart* принадлежит З. Вендлеру: это четырехстороннее разделение на «состояние» (*state*), «деятельность» (*activity*), «свершение» (*accomplishment*) и «достижение» (*achievement*) [10]. Состояния (например, *любить*, *ненавидеть*) существуют в течение неопределенного периода времени, не имеют необходимой конечной точки и однородны по своей природе. Они не являются ни преднамеренными, ни произвольными. Действия (например, *бежать*, *идти*) также происходят однородно во времени, без обязательной конечной точки, но они преднамеренны. Достижения (например, *пробежать милью*, *нарисовать картину*) имеют продолжительность и являются преднамеренными, но завершаются в определенный момент времени и не являются однородными

ми. Существует конечная точка, которая логически необходима для того, чтобы достижение было тем, чем оно является. Наконец, достижения (например, *победить в гонке, узнать*) не имеют продолжительности, они рассчитаны на один момент и обычно не произвольны.

Л. Бринтон считает, что у данного разграничения есть недостатки, поскольку состояния не динамичны, тогда как действия, свершения и достижения динамичны; состояния, деятельность и достижения длительны, тогда как достижения точны во времени [9]. Аналогичная типология приведена у А. Кенни [11], однако критика типологий Кенни и Вендлера есть у A.P.D. Mourelatos [12], который предлагает заменять рассмотренные понятия на нейтральные термины «состояние» (state), «процесс» (process), «развитие» (development) и «точное во времени явление» (punctual occurrence)).

Несмотря на отсутствие единства мнений относительно категории вида (аспекта) в английском языке, исследователи склонны считать, что английскому как языку с его аналитическим строем свойственны в основном бесприставочные (лексические) способы действия. Помимо этого, они также реализуются через синтаксис, т. е. аналитически (через фразовые глаголы, глагольные сочетания и фразы (с наречиями и частицами)) [13].

Среди большинства современных исследователей аспектуальности в английском языке преобладает изучение ее с позиции когнитивной лингвистики. С этой точки зрения аспект является грамматической формой, которая используется для описания определенной ситуации; выдвигаются критерии выделения категории аспекта в английском языке как грамматической категории, охватывающей структуру ситуации и ее видение говорящим, а аспектуальные значения, в свою очередь, рассматриваются внутри этой ситуации [2, 6].

Содержание термина «аспект» было расширено со временем, и в настоящее время он включает временные свойства ситуаций и типы ситуаций [6]. Так, *аспект* стал пониматься как концептуализация действия, как часть семантики глагола, передающая продолжительность действия, его начало, конец, законченность. Аспектуальное значение должно рассматриваться в рамках предложения в целом и отражать намерение говорящего представить ситуацию определенным образом. При этом некоторые субъективные факторы имеют первостепенное значение, такие как эксплицитные и имплицитные значения, используемые говорящим для представления ситуации определенным образом, «максимальная и ограниченная рамки обзора» [2,

6]. Исследователи отмечают, что перспектива и типы ситуаций передают информацию о временных параметрах, как начало и конец, изменение состояния и продолжительность, а аспект выступает семантической областью временной структуры ситуации и ее представления [6].

С учетом основных теоретических положений по проблематике данного исследования мы обратились к одному из видов аспектуальных значений, а именно к семантике неполноты. Чтобы описать средства выражения количественной аспектуальности в английском языке, нами были выбраны английские глагольные и адвербиальные единицы, передающие разные типы диминутивной семантики, а также лексикографические источники и материалы корпуса современного американского английского языка (Corpus of contemporary American English – COCA) с целью изучения формально-структурных и содержательных особенностей глаголов и глагольных сочетаний с диминутивной семантикой.

В ходе исследования применялись следующие методы: структурно-семантический анализ (для выявления взаимосвязей между формой и содержанием языковых единиц со значением неполноты в английском языке); корпусный анализ (для исследования специфики функционирования единиц с диминутивной семантикой в английском языке); контекстуальный анализ (для изучения значения и функций диминутивных глагольных единиц в зависимости от их использования в контексте).

Результаты и обсуждение

Как уже упоминалось, Ю.С. Маслов предлагает различать количественную и качественную аспектуальность. При этом отмечается, что количественная аспектуальность может отражать количество крат действия, его степень длительности или интенсивности. Таким образом, действие может быть разовым, ограниченно или неограниченно кратным, ограниченно или неограниченно длительным, предельно-усилительным, ослабленным [1, 14]. Количественная аспектуальность при этом превалирует над качественной, что особенно хорошо прослеживается в славянских языках. Так, например, изучение семантики неполноты действия в русском и украинском языках в сопоставительном аспекте показало значимость данного типа семантики для носителей данных языков, «что подтверждается их значительным количеством (не менее 1 тыс. единиц) и наличием устойчивых префиксальных и префиксально-суффиксальных моделей их образования» [15].

Понятие смягчительности, или диминутивности, а также аттенуативности охватывает значения,

описывающие действие как проявляющееся не в полной мере, в ослабленной степени, ограниченно по времени или характеризуется незначительным результатом, имеет неосновной характер по отношению к типичному его проявлению [16].

Зарубежные исследователи изучали диминутивную семантику в основном на материале существительных, откуда понятие «диминутивы» (*diminutives*) перетекло в исследования глагольных диминутивов (*diminutive verbs*). Отмечается также, что в разных языках глаголы могут быть маркированными по степени интенсивности, продолжительности или успешности описываемого события [17]. Глагольные диминутивы обозначают действие или событие «меньше», чем некоторая его «норма», или стандарт действия. Стандарт, или значение «по умолчанию», для диминутивных глаголов закреплён в когнитивной категории «количество действия», а количество, как представляется, можно уменьшить по множеству измерений: наиболее очевидными из них выделяют интенсивность, время и пространство, частоту. При этом чаще всего встречается ослабление во времени и интенсивности.

Диминутивы – широко распространённая лингвистическая категория, которая охватывает различные классы слов, такие как существительные, прилагательные, местоимения и глаголы. Описания диминутивных форм в литературе сосредоточены либо на их морфологических особенностях, их синтаксическом поведении, либо на их семантических и прагматических свойствах (D. Jurafsky, W. Dressler, M. Barbaresi, J. Taylor, M. Naas, P. Munro и др.). Диминутивные формы также являются основной частью грамматических описаний языков мира. Семантический анализ диминутивных форм обычно берёт за отправную точку значение «маленький» или «маленький по размеру» [18].

Как отмечалось ранее, описывая диминутивы, некоторые исследователи предлагают прибегать к инструментам когнитивной лингвистики. Так, Д. Журафски [18] предлагает достаточно обширный анализ семантики диминутивов (не только глагольных) в более чем 60 языках, приняв за основу теоретические и методологические рамки когнитивной лингвистики. Он описывает категорию диминутивов как радиальную категорию, значения которой сосредоточены вокруг прототипического значения «маленький» (*small*). С другой стороны, исследователи указывают на проблематичность применения модели Д. Журафски для анализа диминутивных глаголов, так как центральное значение «small in size – маленький по размеру» не может быть применено к действиям [19].

К. Шнайдер достаточно подробно описал практически все возможные способы образования диминутивов в английском языке и формирования их возможных значений, но преимущественно на материале существительных и прилагательных. При этом Шнайдер, как и другие исследователи, подчеркивающие вариативность функций глаголов-диминутивов от языка к языку, отмечает, что, помимо синтетических способов выражения глагольной диминутивности в английском языке (через суффиксы, являющиеся наиболее продуктивными в этом отношении), аналитические способы также возможны, но только в контексте [20].

В ходе предпринятого исследования нами проведён анализ англоязычного материала на предмет выявления способов и средств выражения значений неполноты действия. С формально-структурной точки зрения выделены следующие средства выражения.

Первый тип таких единиц составляют слова наречного типа, или наречия неполноты действия (*a little, some, some more, for a while, for some time* и т. д.), которые совместно с глаголом передают «ослабленное» действие.

В качестве основных маркеров смягчительной семантики наибольшей частотностью употребления отмечены следующие адвербиальные единицы:

a little (slightly; a small amount of something [21] – немного, чуточку, в небольшом или недостаточном количестве) – *Could you talk a little about how knowing you were making a Facebook game influenced your design process?* // Не могли бы вы **немного рассказать** о том, как осознание того, что вы создаете игру для Facebook, повлияло на ваш процесс проектирования? (NYU Game Center web page) [22];

slightly, lightly (a little; in a small amount or degree [21] – немного, чуточку, в небольшом количестве или степени) – *It's a slightly raised piece of concrete that just goes from the one blue hut to the other* // Это **слегка приподнятый** кусок бетона, который идет от одной синей хижины до другой («Donald Trump Meets With South Korean Military; Kim Jung-un And Donald Trump Walk Across Border For Historical Meeting», CNN Newsroom) [22];

from time to time (sometimes, not often [21] – время от времени) – *Melissa, I am going to save your article to read from time to time* // Мелисса, я сохраню вашу статью, чтобы **почитывать** ее время от времени («Game On. Game Lost. Game Over for the United States», The Daily blog) [22];

half (only partly [21] – половина, наполовину, только частично) – *One of them, a student I recognized from my US History of the Civil War class,*

whom Ray greeted as Daryl Bennett, **half turned and waved back** // Один из них, студент, которого я знал по курсу истории Гражданской войны в США, которого Рэй приветствовал как Дэрила Беннета, **полуоборотился** и помахал в ответ (Harvard Review, Carson Richard) [22];

for a while, for a time (for a short period [21] – какое-то время, на время) – *As a young physician, Barr worked for a while at an urgent care center* // Будучи молодым врачом, Барр **некоторое время поработал** в центре неотложной помощи («Physiatrist, author wants to find, treat cause of patients' pain at new», News Report) [22];

a bit (slightly; a short distance or period of time [21] – немного, чуточку, слегка) – *As for when the big day will happen, it seems we may have to wait a bit* // Что касается того, когда наступит этот великий день, похоже, нам придется **немного подождать** («Miley Cyrus To Have Three Weddings, Her Dad Says», blog post) [22];

on and off (happening or existing only some of the time [21] – время от времени) – *His status screen flickered on and off, which could be a minor comm problem or something much worse* // Экран его статуса **мигал время от времени/помигивал**, что могло означать как незначительную проблему со связью, так и что-то гораздо более серьезное (The Magazine of Fantasy and Science Fiction, William Ledbetter) [22];

some, some more (an amount or number of something that is not stated or not known; by a small amount or degree; a little [21] – еще немного, в небольшой степени) – *Buy some more when you need it* // **Купите/докупите еще**, когда понадобится (New Yorker, HAN ONG) [22].

Из перечисленных выше наречий стоит отметить те, которые исследователи относят к наречиям-градуаторам, или наречиям неполноты действия (в одной из представленных в научной литературе классификаций [23]): **slightly, lightly, a little**. В семантике таких наречий значение степени является основным, указывающим при обозначении действия на низкую степень его выполнения, и присуще им в любом контексте. Как отмечается, посредством «градуатора достигается конфигурация проявляемого признака, состояния, результативности или предельности действия, что приводит к модификации отражаемого события» [23].

Данные типы наречных конструкций также относят к выражающим неполноту действия или признака и обладающим семантикой «неопределенной величины некоторого количества», «неопределенной ассоциативной величины», способным передавать количественно-качественные характеристики [24].

Ко второму типу маркеров количественной аспектуальности диминутивного типа следует отнести фразовые глаголы (в том числе в комбинации с наречиями). Например: *And I don't know much about criminal cases, but I can study up* // И я не очень разбираюсь в уголовных делах, но могу **подучиться** («Crazy Ex-Girlfriend», TV series) [22].

Фразовые глаголы с послелогом **up** и **down** могут передавать значение неполноты действия, вписываясь тем самым в предложенную концепцию диминутивных значений глаголов с точки зрения когнитивной лингвистики, предложенную зарубежными исследователями (D. Jurafsky, D. Katunar) [18, 19]. В качестве основы их исследования для анализа семантики диминутивных глаголов были предложены определенные метафорические переносы, концептуальные метафоры: «больше вверх»/«меньше вниз» (more is up/less is down) и «хорошо вверх»/«плохо вниз» (good is up/bad is down).

Up может передавать значения «до конца, полностью» или использоваться в значении «приближение к стандарту» действия: *to dress up* (приодеть), *to touch up* (подкрасить, подправить), *to sweeten up* (подсластить).

Например: *There is no need to touch up her lipstick, which is so close to the natural color of her lips* // Нет необходимости **подкрашивать** помаду, которая так близка к естественному цвету ее губ («Crazyhorse», Rachel Blakley Ball) [22].

В противоположность ему **down** передает значения ослабления, уменьшения, снижения в качестве, уменьшение присутствия или активности: *to tone down* (приглушить цвета, тона, напряжение) – *First, let's tone down the self-righteousness, on both sides* // Во-первых, давайте **умерим/подулавим** самодовольство с обеих сторон («How I Unwittingly Infiltrated the Boy's Club», Freethought Blogs) [22].

Следующий тип маркеров диминутивности представлен глаголами с суффиксами **-le** и **-er**.

Семантически глаголы с суффиксами **-le** и **-er** мы охарактеризовали как аттенуированные, с «ослабленным прочтением» [15]. Кроме того, обозначаемое ими действие часто повторяется или характеризуется последовательностью более мелких побочных событий, что, по мнению других исследователей, также приводит к итеративному прочтению, как, например, у глаголов *to bubble*, *to speckle* [14, 25].

To speckle (of small marks that are of a different colour to the area around them; to cover something [21] – пятнать, испещрять крапинкой) – *Outside the Submillimeter Array's control-room windows, patches of snow speckle the summit* // За окнами диспетчерской субмиллиметровой антенной

решетки вершину **усеивают/испещряют** пятна снега (Popular Science, Seth Fletcher) [22].

Здесь стоит также отметить, что исследования, рассматривающие итеративность как основное семантическое свойство ряда глаголов, часто называют эти глаголы «частотными», или «фреквентативами» [14], и рассматривают их вместе с глаголами с суффиксом **-er** (например, *to patter, to splatter*) [25].

To splatter (especially of a thick liquid) to hit and cover a surface with small drops [21] – разбрызгивать, расплескать) – *You can **splatter** paint on them, ask your friends to sign them, dye them* // Вы можете **разбрызгать** на них краску, попросить друзей подписать их, покрасить их («How to Have a Great Sense of Style: 10 steps», Web page wikiHow) [22].

Еще одним средством выражения диминутивности являются глаголы с префиксом **under-**.

Данный префикс выступает как словообразующий элемент у глаголов, прилагательных и существительных, однако именно у глаголов он образует наиболее богатые семантические ряды, в том числе со значением неполноты и недостаточности действия: *underact* (недоигрывать роль), *underpay* (недоплачивать), *underrate* (недооценивать) и т. д.

Например, *to **undereat*** (to eat an insufficient amount – недоедать, есть недостаточное количество) – *Half of us **overeat** when we're stressed, and half **undereat***, Boggiano says // «Половина из нас переедает, когда испытывает стресс, а половина – **недоедает**», – говорит Боггиано («Psychology Today» magazine, Karen Wright) [22]; *Balloon animals are a very **underappreciated** art form*, Alan // Животные из воздушных шаров – очень **недооцененный** вид искусства, Алан («Two and a Half Men», TV show) [22].

Заключение

Анализ семантики неполноты действия позволяет сделать вывод, что в большинстве случаев в английском языке она выражается аналитически (за исключением глаголов с суффиксами **-le** и **-er** и префиксом **under-**). И хотя ранее нами отмечалось, что данный вид семантики больше характерен для славянских языков (особенно для русско-

го), наличие значительного количества адвербиальных сочетаний, приспособленных выражать диминутивность в глагольной сфере, а также ряда глаголов с префиксальными и суффиксальными показателями, позволяет говорить о том, что для английского языка данный тип глагольной семантики также является продуктивным в сфере обозначения количественной аспектуальности.

В заключение отметим, что средства выражения количественной аспектуальности в английском и славянских языках демонстрируют принципиальные различия, связанные с типологическими особенностями этих языковых систем. В английском языке количественная аспектуальность чаще передается через аналитические конструкции, включая использование модификаторов, наречий и сочетаний с количественными и временными характеристиками, в то время как в славянских языках важную роль играет система глагольных видов, которая интегрирована в грамматическую структуру языка и позволяет выражать количественно-аспектуальные оттенки непосредственно через морфологию глагола.

По всей видимости, эти различия отражают не только языковую специфику, но и когнитивные стратегии говорящих, которые по-разному воспринимают и кодируют реальность посредством языка. Английский язык, будучи более аналитичным, делает акцент на контекстуальной интерпретации количественных аспектов (в отличие от славянских языков, носители которых склонны к компактному выражению аспектуальности через синтетические формы). Несмотря на различия не только в грамматическом строе, но и в лексическом выборе носителей разных языков для передачи количественной аспектуальности в целом и нюансов семантики неполноты действия в частности, можно говорить о том, что выявление таких контрастов не только углубляет понимание семантики и грамматики языков, но и открывает перспективы для дальнейших исследований в области межкультурной типологии, когнитивной лингвистики и переводоведения, в том числе в отношении диминутивных единиц, их особого статуса, значительно различающихся, по мнению исследователей, «даже в родственных и похожих по грамматическому строю языках» [26, с. 39].

Список источников

1. Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 263 с.
2. Дюсекенева И.М. Категория аспектуальности в русском и английском языковом менталитете: дис. ... д-ра фил. Phd. Алматы, 2014. 135 с.
3. Зализняк А.А., Шмелев А.Д. Введение в русскую аспектологию. М.: Языки русской культуры, 2000. 392 с.
4. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987. С. 5–39.

5. Кашпур В.В., Филь Ю.В., Шаповал А.А. Аспектуальные характеристики русского и английского глагола в языке и тексте (на материале повести М.А. Булгакова «Собачье сердце» и ее переводов) // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 377. С. 22–29.
6. Smith C. S. The Parameter of Aspect. Second Edition. Springer Science+Business Media, Dordrecht, 2007. 353 p.
7. Comrie B. Aspect. An introduction to the study of verbal aspect and related problems. Cambridge, 1976. 142 p.
8. Croft W. Verbs: Aspect and Causal Structure. Oxford, 2012. 468 p.
9. Brinton L. Verb Particles in English: Aspect or Aktionsart? // Studia Linguistica. 1985. Pp. 157–167.
10. Vendler Z. Verbs and Times // The Philosophical Review. 1957. Vol. 66, № 2. Pp. 143–160.
11. Kenny A. Action, emotion and will. London: Routledge & Kegan Paul, 1963. 192 p.
12. Mourelatos A.P.D. Events, processes, and states // Linguistics and Philosophy. 1978. No. 2. Pp. 415–434.
13. Степкина Т.Н. Аспектуальные средства английского языка (функциональный подход). Воронеж: Воронеж. ун-т, 1980. 54 с.
14. Архипова И.В. Таксис и аспектуальность: межкатегориальный синкретизм // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2021. Т. 7, № 1. С. 13–25.
15. Алешина О.С., Мишина В.С., Филь Ю.В. Семантика неполноты действия в русском, украинском и английском языках // Русин. 2024. Т. 75. С. 212–232.
16. Филь Ю.В., Конончук И.Я. Семантика смягчительности в старославянском и русском языках (на материале глагольной лексики) // Русин. 2022. № 68. С. 280–298.
17. Audring J., Leufkens S., Lier E. van. Small events: verbal diminutives in the languages of the world // Linguistic Typology at the Crossroads. 2021. Vol. 1, № 1. Pp. 223–256.
18. Jurafsky D. Universal tendencies in the semantics of the diminutive // Language. 1996. № 72 (3). P. 533–578.
19. Katunar D. Diminutives in action: A cognitive account of diminutive verbs and their suffixes in Croatian // Suvremena Lingvistika. 2013. № 39. Pp. 1–23.
20. Schneider Klaus P. The Truth about Diminutives, and How We Can Find It: Some Theoretical and Methodological Considerations // SKASE Journal of Theoretical Linguistics. 2013. № 10. Pp. 137–151.
21. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 28.01.2025).
22. Corpus of contemporary American English. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения: 20.01.2025).
23. Назарова И.В. Роль наречий-градуаторов в английском языке. Университет им. В.И. Вернадского, 2008. Т. 1, № 1 (11). С. 205–208.
24. Колодяжная В.Н., Трубаева Е.И. Наречия неполноты действия / признака как оценочные единицы английского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 3 (69): в 3 ч. Ч. 2. С. 116–118.
25. Audring J., Booi G., Jackendoff R. Menscheln, kibbelen, sparkle: Verbal diminutives between grammar and lexicon // Linguistics in the Netherlands. 2017. № 34. Pp. 1–15.
26. Воейкова М. Д. Структурные функции диминутивов в современном русском языке и продуктивность их употребления // Вопросы языкознания. 2020. № 5. С. 38–56.

References

1. Maslov Yu.S. *Ocherki po aspektologii* [Essays on aspectology]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1984. 263 p. (in Russian).
2. Dyusekeneva I.M. *Kategoriya aspektual'nosti v russkom i angliyskom yazykovom mentalitete. Dis. dokt. filol. nauk* [The category of aspectuality in the Russian and English linguistic mentality. Diss. doc. philol. sci.]. Almaty, 2014. 135 p. (in Russian).
3. Zaliznyak A.A., Shmelev A.D. *Vvedeniye v russkuyu aspektologiyu* [Introduction to Russian aspectology]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2000. 392 p. (in Russian).
4. Bondarko A.V. *Teoriya funktsional'noy grammatiki. Vvedeniye. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovannost'. Taksis* [Theory of Functional Grammar. Introduction. Aspectuality. Temporal Localization. Taxis]. Leningrad, 1987. Pp. 5–39 (in Russian).
5. Kashpur V.V., Fil' Yu.V., Shapoval A.A. *Aspektual'nyye kharakteristiki russkogo i angliyskogo glagola v yazyke i tekste (na materiale povesti M.A. Bulgakova "Sobach'ye serdtse" i yeyo perevodov)* [Aspectual characteristics of the Russian and English verb in language and text (based on the story "Heart of a Dog" by M.A. Bulgakov and its translations)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University, Journal*, 2013, no. 377, pp. 22–29 (in Russian).

6. Smith C.S. *The Parameter of Aspect*. Second Edition. Springer Science+Business Media, Dordrecht, 2007. 353 p.
7. Comrie B. *Aspect. An introduction to the study of verbal aspect and related problems*. Cambridge, 1976. 142 p.
8. Croft W. *Verbs: Aspect and Causal Structure*. Oxford, 2012. 468 p.
9. Brinton L. Verb Particles in English: Aspect or Aktionsart? *Studia Linguistica*, 1985. Pp. 157–167.
10. Vendler Z. Verbs and Times. *The Philosophical Review*, 1957, vol. 66, no. 2, pp. 143–160.
11. Kenny A. *Action, emotion and will*. London: Routledge & Kegan Paul, 1963. 192 p.
12. Mourelatos A.P.D. Events, processes, and states. *Linguistics and Philosophy*, 1978, no. 2, p. 415–434.
13. Stepkina T.N. *Aspektual'nyye sredstva angliyskogo yazyka (funktsional'nyy podkhod)* [Aspectual means of the English language (functional approach)]. Voronezh, Voronezh University Publ., 1980. 54 p. (in Russian)
14. Arkhipova I.V. *Taksis i aspektual'nost': mezhkategorial'nyy sinkretizm* [Taxis and Aspectuality: Intercategorical Syncretism]. *Nauchnyy rezul'tat. Voprosy teoreticheskoy i prikladnoy lingvistiki – Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 2021, vol. 7, no. 1, pp. 13–25 (in Russian).
15. Aleshina O.S., Mishina V.S., Fil' Yu.V. Semantika nepolnoty deystviya v russkom, ukrainskom i angliyskom yazykakh [Semantics of Incomplete Action in Russian, Ukrainian, and English]. *Rusin*, 2024, vol. 75, pp. 212–232 (in Russian).
16. Fil' Yu.V., Kononchuk I.Ya. Semantika smyagchitel'nosti v staroslavlyanskoy i russkoy yazykakh (na materiale glagol'noy leksiki) [Semantics of softening in Old Church Slavonic and Russian (based on verb vocabulary)]. *Rusin*, 2022, no. 68, pp. 280–298 (in Russian).
17. Audring J., Leufkens S., Lier E. van. Small events: verbal diminutives in the languages of the world. *Linguistic Typology at the Crossroads*, 2021, vol. 1, no. 1, pp. 223–256.
18. Jurafsky D. Universal tendencies in the semantics of the diminutive. *Language*, 1996, no. 72 (3), pp. 533–578.
19. Katunar D. Diminutives in action: A cognitive account of diminutive verbs and their suffixes in Croatian. *Suvremena Lingvistika*, 2013, no. 39, pp. 1–23.
20. Schneider Klaus P. The Truth about Diminutives, and How We Can Find It: Some Theoretical and Methodological Considerations. *SKASE Journal of Theoretical Linguistics*, 2013, no. 10, pp. 137–151.
21. *Cambridge Dictionary*. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (accessed 28 January 2025).
22. *Corpus of contemporary American English*. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (accessed 20 January 2025).
23. Nazarova I.V. *Rol' narechiy-graduatorov v angliyskom yazyke* [The role of graduating adverbs in the English language]. Universitet im. V.I. Vernadskogo [Vernadsky University]. 2008. Vol. 1, no. 1 (11). Pp. 205–208 (in Russian).
24. Kolodyazhnaya V.N., Trubaeva E.I. Narechiya nepolnoty deystviya priznaka kak otsenochnyye edinit'sy angliyskogo yazyka [Adverbs of incompleteness of action/feature as evaluative units of the English language]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Theoretical and practical issues]. Tambov, Gramota Publ., 2017, no. 3 (69): in 3 parts. Part 2. Pp. 116–118 (in Russian).
25. Audring J., Booi G., Jackendoff R. Menscheln, kibbelen, sparkle: Verbal diminutives between grammar and lexicon. *Linguistics in the Netherlands*, 2017, no. 34, pp. 1–15.
26. Voyeykova M.D. Strukturnyye funktsii diminutivov v sovremennom russkom yazyke i produktivnost' ikh upotrebleniya [Structural functions of diminutives and their productivity in modern Russian]. *Voprosy yazykoznaniya – Topics in the Study of Language*, 2020, no. 5, pp. 38–56 (in Russian).

Информация об авторе

Мишина В.С., аспирант, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050).

E-mail: 21vesper21@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-3570-5553>; SPIN-код: 6785-1585

Information about the author

Mishina V.S., graduate student, National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634050).

E-mail: 21vesper21@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-3570-5553>; SPIN-code: 6785-1585

Статья поступила в редакцию 02.02.2025; принята к публикации 26.09.2025

The article was submitted 02.02.2025; accepted for publication 26.09.2025

РУССКИЙ ЯЗЫК

УДК81'42

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-6-85-95>

Дневники экспедиции как дискурсивная практика (параметры описательной модели): постановка проблемы

Екатерина Николаевна Катышева¹, Светлана Владимировна Волошина²

^{1,2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия*

¹ *uu-kate@yandex.ru, 0009-0003-0291-7576*

² *vsv1304@yandex.ru, 0000-0001-9860-0159*

Аннотация

Статья посвящена разработке описательной модели дневника фольклорной экспедиции как дискурсивной практики. Рассматриваются различные виды дневников, проблема их внутрижанровой типологии, аспекты изучения, номинации дискурсов, включающих тексты этого типа. Актуальность исследования определяется вниманием представителей разных гуманитарных наук к эго-текстам, созданным «простым» человеком, развитием междисциплинарных отраслей, таких как автоэтнография, автобиографические исследования, история повседневности, memory studies. Вместе с тем актуальность обусловлена необходимостью выявления и описания разных типов дискурса, в частности дневникового дискурса и его разновидностей. К исследованию привлекаются 56 дневников, созданных студентами филологического факультета Томского государственного университета во время летних фольклорных практик с 1960 по 1980 г., проходивших в селах Томской, Новосибирской, Кемеровской областей. В этих дневниках студенты фиксировали свои впечатления, описывали работу в селах, общение с носителями фольклора, а также собранный материал. Новизна исследования определяется аспектом их изучения – впервые дневник экспедиции рассматривается как дискурсивная практика и впервые изучаются данные дневниковые тексты. В работе рассматриваются ключевые маркеры дневника экспедиции как дискурсивной практики, а также обоснована необходимость их анализа с данной точки зрения. На основании существующих описательных моделей и особенностей исследуемого материала предлагается описательная модель дневника фольклорной экспедиции. Представляемая модель включает следующие параметры: социально-культурный контекст дискурсивной практики (сфера, институт, социальные группы, число коммуницирующих); коммуникативная цель, коммуникативные стратегии, описание интердискурсивных вкраплений; длительность дискурсивной практики; участники коммуникации (образы автора, адресата, информанта); композиция; хронотоп; речевые жанры; концептуальная насыщенность; задействованные средства (вербальные/невербальные). Данная модель апробирована на изучаемых дневниках: выявлено, что они отражают экстралингвистические условия их создания, в них автор и адресат не всегда совпадают, время и пространство выражены эксплицитно; в структуре дневника встречаются речевые жанры назидания, приветствия, прощания и др., одним из ключевых концептов выступает концепт «путь», языковое воплощение характеризуется богатым репертуаром лексических и грамматических средств.

Ключевые слова: дискурс, дискурсивная практика, дневниковый дискурс, дневник, дневник практики, дневник экспедиции, полевой дневник

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00466, <https://rscf.ru/project/25-18-00466/>

Для цитирования: Катышева Е.Н., Волошина С.В. Дневники экспедиции как дискурсивная практика (параметры описательной модели): постановка проблемы // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 6 (242). С. 85–95. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-6-85-95>

THE RUSSIAN LANGUAGE

Expedition diaries as a discursive practice (descriptive model parameters): problem statement

Ekaterina N. Katysheva¹, Svetlana V. Voloshina²

^{1,2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ uu-kate@yandex.ru, 0009-0003-0291-7576

² vsv1304@yandex.ru, 0000-0001-9860-0159

Abstract

The article is devoted to the development of a descriptive model of a folklore expedition diary as a discursive practice. Different types of diaries, the problem of their intra-genre typology, aspects of study, nomination of discourses that include texts of this type are considered. The relevance of such a study is determined by the attention of representatives of different humanities to ego-texts created by an 'ordinary' person, the development of interdisciplinary branches such as autoethnography, autobiographical studies, history of everyday life, and memory studies. At the same time, the relevance is conditioned by the need to identify and describe different types of discourse, in particular diary discourse and its varieties. The study involves 56 diaries created by students of the Faculty of Philology of Tomsk State University during summer folklore practices from 1960 to 1980 in the villages of Tomsk, Novosibirsk and Kemerovo regions. In these diaries the students recorded their impressions, described their work in the villages, communication with folklore bearers, as well as the collected material. The novelty of the study is determined by the aspect of their research – for the first time the expedition diary is considered as a discursive practice and for the first time diaries of this type are studied. The paper examines the key markers of the expedition diary as a discursive practice and substantiates the need to analyze them from this perspective. Based on the existing descriptive models and the peculiarities of the material under study, a descriptive model of the folklore expedition diary is proposed. The model includes the following parameters: socio-cultural context of discursive practice (sphere, institution, social groups, number of communicators); communicative purpose, communicative strategies, description of interdiscursive inclusions; duration of discursive practice; participants of communication (images of the author, addressee, informant); composition; chronotope; speech genres; conceptual saturation; means involved (verbal/non-verbal). This model has been tested on the diaries: it has been revealed that they reflect the extralinguistic conditions of their creation, the author and addressee do not always coincide, time and space are expressed explicitly; in the structure of the diary there are speech genres of edification, greeting, farewell, etc., one of the key concepts is the concept of "Way", the linguistic embodiment is characterized by a rich repertoire of lexical and grammatical means.

Keywords: *discourse, discursive practice, diary discourse, diary, practice diary, expedition diary, field diary*

Acknowledgments: This study was supported by grant No. 25-18-00466 from the Russian Science Foundation, <https://rscf.ru/project/25-18-00466/>

For citation: Katysheva E.N., Voloshina S.V. Dnevniky ekspeditsii kak diskursivnaya praktika (parametry opisatel'noy modeli): postanovka problemy [Expedition diaries as a discursive practice (descriptive model parameters): problem statement]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 6 (242), pp. 85–95 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-6-85-95>

Введение

Инвентаризация и описание различных типов дискурса, установление их взаимодействия являются актуальными задачами современного языкознания. По мнению А.А. Кибрика, «важно исследовать дискурсивное разнообразие как таковое» [1, с. 16].

Дневник – это не только «совокупность текстов, представляющих собой ежедневные записи, наблюдения дел, текущих событий, общественной или личной жизни, расположенных в последовательности, хронологически обуслов-

ленной»¹, но и сложный дискурсивный конструкт.

С одной стороны, существует многообразие типов дневников: бытовой дневник [2], личный дневник [3], сетевой дневник [4], духовный дневник [5], литературный и нелитературный дневники [6], блокадный дневник [7], полевой дневник [8], дневник экспедиции [9], дневник-путешествие [10], промысловый дневник [11],

¹ <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar-russkikh-sushhestvitelnykh>

крестьянский дневник [12], дневник наблюдений [13], географический дневник [14], дневник производственной практики [15], спортивный дневник [16], школьный дневник [17] и др.

Вследствие этого типологизация дневниковых текстов осуществляется на разных основаниях. Многие из них могут быть обозначены несколькими характеристиками – сетевой личный дневник, личный дневник подростка, личный дневник художника, производственный дневник наблюдений и т. п., а однотипные дневники могут иметь разные номинации. Е.Г. Новикова предлагает внутрижанровую классификацию дневниковых произведений на основании таких критериев, как критерий документальности (художественный, документальный, производственный дневники), психологический критерий (дневники экстравертивного, интравертивного и осциллирующего типа), возрастной критерий (дневники периода индивидуации, дневники зрелого возраста и дневники, начатые во второй половине жизни), структурно-организационный критерий (дневники с непрерывной и дискретной композицией), дискурсивный критерий (личные и общественные дневники), тематический критерий (бытовые, бытийные и общественно-политические дневники), критерий межжанрового взаимодействия (путевой дневник, дневник-летопись, дневник в письмах, творческие дневники, дневники-воспоминания) [18]. Таким образом, можно отметить, что дневниками называют очень разные тексты.

С другой стороны, столь разные типы дневников высвечивают проблему отнесения их к определенному типу дискурса. С.Ю. Неклюдов причисляет дневники вместе с другими типами рукописных текстов, созданных непрофессиональными авторами, к «наивному» дискурсу, отмечая, что еще не существует общепринятого обозначения для текстов дневникового типа и его предстоит найти [19]. А.В. Лашкевич определяет личные дневники как основной жанр «дискурса персональности» [20, с. 10]. Вместе с тем исследователи относят дневники к автобиографическому дискурсу [21], а также к дневниковому дискурсу [22–24].

Суммируя приведенные выше классификации, внутрижанровую характеристику дневника фольклорных экспедиций можно определить как производственный, путевой дневник, осциллирующего типа с непрерывной композицией, служебный, относящийся к дневниковому дискурсу, реализующемуся в различных дискурсивных практиках.

Цель данной статьи – разработать описательную модель дневника экспедиции как дискурсивной практики.

Материал и методы

Материалом исследования послужили 56 дневников (объемом от 4 до 40 тетрадных листов), созданных с 1960 по 1980 г., по итогам фольклорных экспедиций студентов Томского государственного университета (ТГУ) в села Томской, Новосибирской, Кемеровской областей. Студенты историко-филологического факультета ТГУ после первого курса обучения проходили ежегодную летнюю фольклорную практику, во время которой вели дневники и фиксировали в них от руки свои впечатления, описывали работу в селах, общение с носителями фольклора.

Актуальность исследования дневников такого типа связана с интересом современных гуманитарных наук к «простому» человеку и созданным им эго-текстам, с вопросами идентификации их жанровой, дискурсивной природы, поскольку они представляют собой дневники неклассического типа и возникают в определенной ситуации – во время фольклорной практики, являясь одним из вариантов дневников, требующих отдельного описания. Современные исследователи видят в подобных дневниках ценный источник для изучения региональной диалектологии [9, 25, 26]. Л.Ю. Зорина обращалась к изучению особенностей жанра и типологии дневниковых текстов студенческих диалектологических экспедиций [9]. Исследований, которые бы рассматривали дневники такого типа с точки зрения дискурсивного и лингвистического анализа, не проводилось.

На сегодняшний день нет единого подхода к определению понятия «дискурсивная практика». По мнению М. Фуко, дискурсивная практика есть «совокупность анонимных, исторических, всегда детерминированных во времени и пространстве правил, которые в данную эпоху и для данного социального, экономического, географического или лингвистического сектора определили условия осуществления функции высказывания» [27, с. 227]. Ученые дают различные трактовки данного понятия в зависимости от области исследования. В рамках социологического подхода Н.А. Ипатова определяет дискурсивную практику как один из «видов социальной практики, определенной наличием текстов (в широком смысле) как преимущественных средств реализации данной социальной практики» [28, с. 3]. Л.В. Куликова понимает дискурсивные практики «как социально устоявшиеся, конвенциональные и артикулируемые в речи действия по решению рекуррентных коммуникативных проблем и интенций в соответствующем лингвокультурном пространстве в сферах институционального

и неинституционального общения» [29, с. 10]. И.Е. Ильина, О.Н. Морозова отмечают, что «дискурсивная практика представляет собой общую тенденцию людей вести себя похожим образом в различных ситуациях, особенно в аспекте речи» [30]. О.С. Иссерс делает вывод, что «понимание дискурсивной практики – так же, как и любой социальной практики, – базируется на ее осмыслении как деятельности и социального опыта, данного в непосредственном наблюдении» [31]. У Е.Н. Молодыхенко и В.Е. Чернявской дискурсивная практика – это «социальная практика в ее речевом оформлении, т. е. как массив соотносимых с социальной практикой текстов» [32]. Суммируя приведенные определения, выскажем предположение, что дневники экспедиции можно рассматривать как дискурсивную практику: они обладают всеми названными исследователями признаками, а также основными маркерами дискурсивной практики, выделенными Е.А. Никоновой: участники практики используют повторяющиеся речевые модели, которые помогают объяснять, убеждать, договариваться с информантами; дискурсивная практика закреплена за конкретной коммуникативной ситуацией – фольклорной практикой; данная дискурсивная практика определяется социальной практикой (учебной студенческой практикой), в частности традициями общения старшего и младшего поколения, городского и сельского населения; дискурсивная практика характеризуется устойчивостью, но подвержена модификации; дискурсивная практика – не просто набор лексических единиц, а совокупность языковых средств для реализации речевых стратегий [33].

Дневник экспедиции можно квалифицировать как дискурсивную практику по ряду других оснований. Во-первых, рассматриваемые дневники сложно отнести к определенному типу дискурса. Как было упомянуто ранее, исследователи относят дневники к различным видам дискурса в зависимости от типа дневника, кроме того, «один и тот же речевой жанр может быть ядерным для одного дискурса и периферийным для другого» [34, с. 13]. Дневники студенческих фольклорных экспедиций, с одной стороны, можно отнести к дневниковому дискурсу как основному, охватывающему все многообразие дневниковых текстов, а с другой стороны, данные тексты находятся на периферии фольклорного, образовательного, туристического и научного дискурсов. Во-вторых, более тесная связь с социальным контекстом, конкретной ситуацией общения (фольклорная экспедиция), участниками, ориентация на социальные отношения позволяют рассматривать данные дневники в аспекте дис-

курсивной практики как более контекстно-зависимой структуры, следуя подходу Н. Фэркло, который определял уровень дискурсивной практики как связь текста и социальной практики [35]. В-третьих, дискурсивная практика в нашем случае выступает средством выражения нескольких дискурсов в контексте фольклорной экспедиции, что соответствует концепции Н. Фэркло о том, что анализ дискурсивной практики затрагивает вопрос интердискурсивности [35].

В процессе определения параметров для описания дневника экспедиции представляется целесообразным ориентироваться на трехмерную модель Н. Фэркло, сочетающую в себе три измерения: текст, дискурсивную практику, социальную практику. Все основные процессы, которые включает в себя дискурсивная практика, по мнению Н. Фэркло, связаны с производством, распространением и потреблением текста [35]. В свою очередь А.О. Стеблецова рассматривала любой письменный текст как «результат когнитивно-дискурсивной практики» [36].

При описании дискурсивных новаций О.С. Иссерс выделила следующие характеристики: 1) социальная сфера/институт; 2) коммуникативный канал/носитель сообщения; 3) установка/тональность; 4) взаимодействие дискурсов (интердискурсивность); 5) взаимодействие семиотических систем (интеркодовость); 6) социолингвистические характеристики; 7) лингвокогнитивные структуры (фреймы, сценарии, метафорические модели, базовые концепты); 8) коммуникативные стратегии и тактики; 9) жанровые особенности; 10) языковые маркеры [31].

В коллективной монографии «Дискурсивные практики современной институциональной коммуникации» предлагаются следующие факторы: интенциональная направленность в реализации дискурсивной практики, число коммуницирующих, каналы трансляции, задействованность вербальных и невербальных средств, протяженность/длительность дискурсивной практики по времени, основная сфера воспроизводства – институциональная, повседневная [29]. А.Г. Баранов утверждал, что «когнитивная иерархия дискурсивных практик служит базой для их разбиения на речевые жанры» [37, с. 50].

На уровне речевого жанра исследователи прибегают к использованию модифицированных описательных моделей, основанных на анкете речевого жанра, разработанной Т.В. Шмелевой. Е.В. Богданова предлагает следующие параметры: 1) личность автора, 2) цель написания дневника, 3) грамматические времена, 4) монолог, 5) семантические поля, 6) просторечия, 7) вульгаризмы, 8) восклицания, 9) повтор, 10) фразео-

логизмы [38]. И.М. Вознесенская, акцентируя внимание на рассмотрении семантики дневникового текста, выделяет в его структуре две основные составляющие: 1) информативную (представляющую события) и 2) рефлексивную (отражающую результат восприятия, осмысления и эмоциональной реакции автора в связи с тем или иным событием) [39, с. 42]. Т.А. Кальщикова считает, что необходимо анализировать следующие составляющие дневника как коммуникативной деятельности: адресант, адресат, текст, коммуникативная ситуация, цель, субъектно-адресные отношения [40].

Соглашаясь с О.В. Кублицкой о необходимости комплексного подхода к исследованию путевой прозы и «учета ее жанровой, стилистической, дискурсивной и нарративной специфики» [41], предлагаем использовать описательную модель дневника экспедиции, включающую следующие параметры. На уровне дискурсивной и социальной практик: социально-культурный контекст дискурсивной практики (сфера, институт, социальные группы, число коммуницирующих); интердискурсивность; коммуникативная цель; коммуникативные стратегии; длительность дискурсивной практики; социально-исторический и социально-культурный аспекты. Поскольку, на наш взгляд, дискурсивные и социальные практики неразрывно связаны, мы рассматриваем их в совокупности. На уровне текста: участники коммуникации (образы автора, адресата, информанта); композиция; хронотоп; концептуальная насыщенность; речевые жанры; задействованные средства (вербальные/невербальные); языковое воплощение.

Результаты и обсуждение

Опишем исследуемые дневники по указанной модели.

Сферой функционирования рассматриваемых дневников является научно-образовательная сфера, а в качестве социального института, который представляет исследуемая практика, выступает студенческая учебная практика в университете. Теоретические знания, сфера научных интересов, практический опыт, полученный на практике, влияют на производство текста.

В рассматриваемой дискурсивной практике участвуют студенты, преподаватели, сельские жители. В состав студенческой группы входят непосредственно студенты-первокурсники, участники текущей экспедиции, а также в начале практики могли быть студенты других специальностей и университетов, также направлявшиеся на практику: *Наша группа: Ерошкина Ира, Булаво Тамара, Говорухина Люда, Беляева Валя. Римма*

Ивановна сказала, что материала достаточно; С нами плывут политехники, строительный отряд.

В текстах детально описываются жители сельской местности: их возраст, национальность, состав семьи, небольшие биографии, внешность и т. д.: *Здесь живет Ошкина Мария. Она мордовка по национальности; В этом смысле наиболее однородной является деревня Ильинка, где большинство населения русские, хотя мы встречали и латышей, и поляков; Населяют Горск латыши и латгальцы, русские и украинцы.* Таким образом, число коммуницирующих выявить не всегда представляется возможным, отметим лишь, что почти всегда это группа людей (группа студентов, преподаватели, информанты, их соседи и др.).

Данные социальные группы иллюстрируют пересечение педагогического, научного, фольклорного дискурсов в конкретной социальной практике.

Коммуникативная цель носит комплексный характер: доминирует фиксация полученного опыта и информации в ходе экспедиции, а также передача своих впечатлений, переживаний и эмоций: *Столько впечатлений в этот день, так и хочется все собрать в кучу и рассказать немедленно; С огромным трудом нам удалось вытянуть из них всего 4 песни.*

В дневниках можно выделить следующие коммуникативные стратегии: стратегию самопрезентации, позволяющую авторам рассказать о себе, показать себя как исследователя-собираателя, студента и т. д., выразить свои мысли и чувства; стратегию осмысления опыта, используя которую, авторы выделяют наиболее важные и значимые для себя события; стратегию субъективизации, направленную на выражение личного отношения к информации.

Период создания материала охватывает 18 лет (1960–1978 гг.), что позволяет проследить изменение письменной речи, модификацию средств фиксации информации. Дневники одной практики велись от 7 до 14 дней. С точки зрения социально-исторического аспекта, они дают возможность узнать о повседневной жизни жителей сел и деревень, а также сохранить историческую память о каких-либо событиях, о населенных пунктах, в том числе о тех, которые уже не существуют: *И как раз в Ивана Купалу отправились в д. Полозово за 10 км. (Полозово – исчезнувшая деревня в Молчановском районе Томской области России. Упразднена в 1989 г.) Нарымский край, северная точка ссылки политических заключенных при царской власти, а позже, уже при Советах, ссылали сюда раскулаченных*

преступников. В исследуемом материале социально-культурный аспект раскрыт во взаимодействии студентов как представителей городской культуры и жителей деревень как представителей сельской культуры: *Но на сегодня у нас встал вопрос: «В чем варить кофе?!» Единственное, что у нас есть из посуды, это чугунок, естественно, из чугуна, который мы выпросили у одной старушки. Кто-то из нас сказал: «Что же делать? Придется варить кофе в чугушке!» Да, этого наверно, еще ни у кого не было; Страдали еще и от жары, и от того, что пришлось одеться в платья, чтобы вызывать, так сказать, симпатию у бабушек, а в таком костюме через заборы.*

Одним из жанровых признаков классического дневника, отмеченных А.А. Зализняк, является то, что автор одновременно выступает как непосредственный адресат и как потенциальный, косвенный адресат. В дневниках студенческих экспедиций наличие образа автора и адресата сохраняет условие классического коммуникативного акта, но при этом они имеют свою специфику, отличающую их от обычных бытовых дневников [42]. В них нет тождества автора и адресата, и если и существует данная дихотомия, но только в период написания дневника, так как после экспедиции дневники сдаются руководителям практики. Автор дневников выступает не один человек, а коллектив (группа студентов), что может быть выражено как эксплицитно, когда прямо указано имя пишущего, так и имплицитно, когда меняется почерк автора: *Но дневник затем решили вести вместе – так интереснее будет.* По своим коммуникативным намерениям автор может одновременно выступать в качестве автора-исследователя и автора-свидетеля происходящих событий [43]. Отметим наличие двух адресатов: прямого и косвенного. В качестве прямого адресата выступает преподаватель – руководитель практики, а в качестве косвенного – любой (предполагаемый) читатель дневников, а также будущие поколения студентов.

Основными единицами композиции в большинстве дневников выступают заголовок, введение, подневные записи, отражающие хронологию экспедиции, и заключение. Заголовок включает жанровое заглавие, состав группы и указание на место практики – номинацию географического названия: *Отчет о фольклорной практике студентов ИФФ Лисицы А. 385 Панченко Т. 383 Шелудковой Т. 383 июль 1969 г.* В некоторых дневниках жанровое название варьируется: *дневник, отчет, впечатления, записки, путевые заметки.*

Особенность хронотопа дневников экспедиции заключается в том, что время и пространство

в них выражены эксплицитно, начиная с самого заголовка, а также далее в тексте. Кроме того, каждая запись в дневнике содержит указание на конкретный день, что позволяет объективно отразить ход экспедиции во времени: *1 июля 1969 г. 2 июля. 3 июля. 4 июля. 5 июля. 6 июля. День седьмой. День восьмой. Двухнедельный труд завершен!* Вместе с тем есть дневники, в которых структура изложения отличается от общепринятой: в них отсутствует хронологический порядок, а каждый участник группы описывает свои впечатления о событиях, происходивших с ним.

Информацию о пространстве, маршрутах передвижения студентов во время практики представляет большой пласт топонимов: *Первые деревушки: Берлинка, Цыганово... Почти два часа просидели на мели около Кривошеино; Встали пораньше, пошли в соседнюю деревню Сарафановку, которая находится сравнительно недалеко от Тунгусова: 12 км.; Научились спасаться от собак (а они в каждом дворе, даже одна улица названа Собачья).* Авторы создавали дневники в ходе экспедиции, представляющей собой своего рода путешествие, поэтому значительная часть текста посвящена описанию пути, окружающего пространства, что делает концепт «путь» основным. Поскольку основная задача практики – сбор фольклорных материалов, то в центре внимания также оказывается лексико-семантическое поле «фольклор».

В результате взаимодействия различных дискурсов (дневникового, педагогического, фольклорного, научного) наблюдается внутрижанровое многообразие. В структуре комплексного речевого жанра дневника находят свое воплощение различные речевые жанры, такие как приветствия, прощания, назидания и агитации, отказа и др.: *Вечером мы пишем плакаты, зовущие нас к работе, например, «Даешь фольклор!» (агитация); «Здравствуйте, милые, здравствуйте (приветствие); Прощай, Елгай! (прощание); «В назидание следующим собирателям фольклора мы завещаем: 1) Обращайтесь к жителям 40–50 лет, потому что старушки, кроме молитв, ничего не помнят; 2) Имейте в виду, что со старичком легче договориться, чем со старушкой; <...> 4) Когда вы слышите ответы «не помню, не знаю», не верьте! Сидите и упорно выжидайте. От вашей назойливости сказитель поневоле запоем» (назидание).*

Для дневников экспедиций характерно сочетание вербальных и невербальных средств. В процессе написания первых дневников использовались только вербальные средства, но в более поздних дневниках представлены визуальные средства, такие как фотографии, рисунки, кар-

тинки: *Женя Зырянов щелкал своим фотоаппаратом направо и налево, стараясь запечатлеть самое интересное. На память мы запечатлели их фотоаппаратом.* В первых дневниках также отмечено, что из-за отсутствия в экспедиции магнитофона невозможно было использовать магнитофонную запись: *Наше пожелание: **необходим магнитофон**; Вместе со старушками мы сожалели о том, что **нет с нами магнитофона**, что, кроме нас, никто не услышит этих песен.*

Языковое воплощение дневников характеризуется обилием топонимов и антропонимов, оценочных лексических единиц, номинаций фольклорных жанров, информантов, самих авторов, специальной лексики, лексики, называющей чувства и переживания, фразеологизмов, метафор, эпитетов, сравнений: *«жемчужины для науки», идти на «промысел», «первый блин комом». Поют по всем правилам, с «зачином» и «выносом»; На практике мы встретились с различными видами устного народного творчества: **сказками,***

песнями, заговорами, частушками, былями. Широко представлено использование глаголов в форме настоящего и прошедшего времени, а также перформативных глаголов: *С наибольшей охотой население **исполняло частушки**; Поздние частушки **иллюстрируют** то, что народ определенным образом **отзывается** на вещи, происходящие в селе.*

Заключение

Итак, в проведенном исследовании дневник экспедиции рассмотрен как дискурсивная практика, предложена описательная модель ее анализа. Многоаспектность модели подтверждает тот факт, что дневник экспедиции – это не просто текст, фиксирующий хронологию событий, а сложный конструкт, отражающий взаимодействие дискурсивной и социальной практик. К перспективам данной работы относится более подробный анализ материала по предложенной модели.

Список источников

1. Кибрик А.А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. 2009. Т. 2, № 2. С. 3–21.
2. Воронова Н.Г. Заметки о речевом жанре дневника // Культура и текст. 2005. № 10. С. 194–200.
3. Рабенко Т.Г. Аксиологические доминанты дневникового жанра (на материале личных дневников) // Сибирский филологический журнал. 2020. № 2. С. 302–313.
4. Новикова Е.Г. Языковые особенности организации текстов классического и сетевого дневников: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2005. 21 с.
5. Смолина А.Н. Модель описания речевого жанра «духовный дневник»: основные параметры и воплощение (стилистический и теолингвистический аспекты) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15, № 3. С. 800–811.
6. Рейнгольд А.С. Жанровые особенности литературного дневника и дневник как нелитературный текст // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2010. № 11 (54). С. 118–129.
7. Громова Л.П. Блокадный дневник школьного учителя // Век информации. 2015. № 2. С. 239–272.
8. Максимова А.С. Анализ полевых дневников в контексте производства этнографических текстов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 1 (107). С. 128–140.
9. Зорина Л.Ю. Дневники студенческих диалектологических экспедиций: особенности жанра и типология текстов // Севернорусские говоры. 2015. № 14. С. 287–311.
10. Поплавская И.А. Печатные и рукописные травелоги в книжном собрании барона А.С. Строганова // Имагология и компаративистика. 2016. № 2 (6). С. 15–39.
11. Комелина Н.Г. Дневник охотника: прагматика, содержание, фольклор // Русский фольклор: материалы и исследования. 2022. № 39. С. 203–213.
12. Пигин А.В. Крестьянские дневники XIX–XX вв. как источники по изучению народной культуры (дневник Г.Я. Ситникова) // Кижский вестник / Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник Кижи. 2017. Вып. 17. С. 278–285.
13. Вернадский В.И. «Главная цель ведения таких дневников» (вводные замечания к дневникам наблюдения за развитием сына) // Исследователь/Researcher. 2023. № 1-2 (41-42). С. 152–154.
14. Толвайшис Л.Л., Филипова А.Г. Метод дневников, географический дневник // География детства: междисциплинарный синтез исследовательских подходов и практик: тематический словарь-справочник. СПб.: Центр науч.-производ. технологий «Астерион»; Владивосток. ун-т экономики и сервиса. 2020. С. 58–63.
15. Маджаева С.И., Епанчина Л.В. Композиционно-содержательная и речевая структура дневника практики студента-медика // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2019. Т. 18, № 2. С. 57–66.

16. Кедяров А.П. Спортивный дневник и его анализ как накопитель личного опыта // Мир спорта. 2021. № 1 (82). С. 102–105.
17. Тавасиева А.З. Замечания в школьных дневниках: лингвостилистические особенности // Риторика. Лингвистика. 2015. № 11. С. 62–67.
18. Новикова Е.Г. Особенности речевого жанра дневника // Язык. Текст. Дискурс. 2005. № 3. С. 80–89.
19. Неклюдов С.Ю. «Наивная литература»: исследования и тексты. М.: Московский общественный науч. фонд, 2001. Т. 129. С. 4–21.
20. Лашкевич А.В. Личный дневник и жанры «дискурса личности» в контексте межкультурной коммуникации. Ижевск: Удмуртский университет, 2014. 173 с.
21. Волошина С.В. Русские автобиографические практики XX–XXI вв.: когнитивно-дискурсивный аспект: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2024. 45 с.
22. Дейна Л.В. Интерпретация писательских дневников на фоне классификации дискурсов // Молодой ученый. 2015. № 4. С. 759–764.
23. Вознесенская И.М. Дневник: особенности семантической структуры и речевой организации // Мир русского слова. 2006. № 3. С. 41–48.
24. Леонова Е.В. Когнитивный механизм интериоризации в дневниковом дискурсе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2014. Т. 14, № 1. С. 34–38.
25. Федянина О.Н. «Интересная эта работа!» (дневник диалектологической экспедиции 1945 года) // Advanced science. 2017. № 2. С. 46–62.
26. Светозарова Н.Д. Отчеты об экспедициях как уникальный источник информации (на материале фольклорно-диалектологических экспедиций В.М. Жирмунского) // Magister Dixit. 2013. № 3. С. 117–123.
27. Фуко М.П. Археология знания / пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой. СПб.: Гуманитарная Академия: Университетская книга, 2004. 416 с.
28. Ипатова Н.А. Дискурсивные практики в формировании профессиональных сообществ: автореф. дис. ... канд. соц. наук. СПб., 2009. 23 с.
29. Дискурсивные практики современной институциональной коммуникации / Л.В. Куликова [и др.]. Красноярск: Сиб. федеральный ун-т, 2015. 180 с.
30. Ильина И.Е., Морозова О.Н. Профессиональный дискурс индустрии красоты: от терминологии к убеждению // Современные дискурсивные практики: подходы и решения / В.С. Григорьева, Н.Ю. Бородулина, М.Н. Макеева и др.; под общ. ред. Л.Г. Поповой. Тамбов: Изд. центр ТГТУ, 2023. С. 57–73. URL: <https://tstu.ru/book/elib1/pdf/2023/popova.pdf> (дата обращения: 21.01.2025).
31. Иссерс О.С. Дискурсивная практика как наблюдаемая реальность // Вестник Омского университета. 2011. № 4. С. 227–232.
32. Молодыхенко Е.Н., Чернявская В.Е. Социальная репрезентация через язык: теория и практика социолингвистики и дискурсивного анализа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2022. Т. 19, № 1. С. 103–124.
33. Никонова Е.А. Дискурсивная практика и коммуникативная стратегия: эклектика vs полипарадигматизм? // Научный диалог. 2023. Т. 12, № 6. С. 123–139.
34. Портреты речевых жанров: разные дискурсивные практики / Т.А. Демешкина, С.В. Волошина, Н.А. Карпова [и др.]; под ред. Т.А. Демешкиной. Томск: Изд-во Том. гос. ун-т, 2016. 278 с.
35. Fairclough N. Discourse and social change. Cambridge: Polity Press, 1992. 259 p.
36. Стеблецова А.О. Когнитивные структуры научного текста: этнолингвистический аспект // Вопросы психолингвистики. 2022. № 2 (52). С. 99–110.
37. Баранов А.Г. Речевой жанр в системе дискурсивных структур // Медиалингвистика. 2015. № 2 (8). С. 47–57.
38. Богданова Е.В. Языковые особенности жанра дневника // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2008. № 1–1. С. 28–33.
39. Вознесенская И.М. Дневник: особенности семантической структуры и речевой организации // Мир русского слова. 2006. № 3. С. 41–48.
40. Кальщикова Т.А. Дневник как вид коммуникативной деятельности (на материале «Дневника» А. Блока): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Тагил, 2012. 24 с.
41. Кублицкая О.В. Путевая проза: жанр, стиль, дискурс, нарратив (итоги и перспективы изучения) // Вестник Марийского государственного университета. 2019. Т. 13, № 1 (33). С. 76–84.

42. Зализняк А. Дневник: к определению жанра // Новое литературное обозрение. 2010. № 6 (106). С. 162–181.
43. Панцеров К.А. Путевой очерк: эволюция и художественно-публицистические особенности жанра: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2004. 24 с.

References

1. Kibrik A.A. Modus, zhanr i drugiye parametry klassifikatsii diskursov [Modus, genre and other parameters of discourse classification]. *Voprosy yazykoznaniya – Topics in the Study of Language*, 2009, vol. 2, no. 2, pp. 3–21 (in Russian).
2. Voronova N.G. Zametki o rechevom zhanre dnevnika [Notes on the speech genre of the diary]. *Kul'tura i tekst*, 2005, no. 10, pp. 194–200 (in Russian).
3. Rabenko T.G. Aksiologicheskiye dominanty dnevnikovogo zhanra (na materiale lichnykh dnevnikov) [Axiological dominants of the diary genre (on the material of personal diaries)]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*, 2020, no. 2, pp. 302–313 (in Russian).
4. Novikova E.G. *Yazykovyye osobennosti organizatsii tekстов klassicheskogo i setevogo dnevnikov. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Linguistic peculiarities of the organization of texts of classical and network diaries. Abstract of thesis cand. of phil. sci.]. Stavropol', 2005. 21 p. (in Russian).
5. Smolina A.N. Model' opisaniya rechevogo zhanra "dukhovnyy dnevnik": osnovnyye parametry i voploshcheniye (stilisticheskiy i teolingvisticheskiy aspekty) [Model of description of the speech genre 'spiritual diary': basic parameters and realization (stylistic and theolinguistic aspects)]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory and Practice*, 2022, vol. 15, no. 3, pp. 800–811 (in Russian).
6. Reyngol'd A.S. Zhanrovyye osobennosti literaturnogo dnevnika i dnevnik kak neliteraturnyy tekst [Genre features of the literary diary and the diary as a non-literary text]. *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedeniye*, 2010, no. 11 (54), pp. 118–129 (in Russian).
7. Gromova L.P. Blokadnyy dnevnik shkol'nogo uchitelya [Blockade diary of a schoolteacher]. *Vek informatsii – Information Age*, 2015, no. 2, pp. 239–272 (in Russian).
8. Maksimova A.S. Analiz polevykh dnevnikov v kontekste proizvodstva etnograficheskikh tekстов [Analysis of field diaries in the context of the production of ethnographic texts]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nye peremeny – Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2012, no. 1 (107), pp. 128–140 (in Russian).
9. Zorina L.Yu. Dnevniky studencheskikh dialektologicheskikh ekspeditsiy: osobennosti zhanra i tipologiya tekстов [Diaries of student dialectological expeditions: specific characteristics of the genre and typology of texts]. *Severnoruskiye govory*, 2015, no. 14, pp. 287–311 (in Russian).
10. Poplavskaya I.A. *Pechatnyye i rukopisnyye travelogi v knizhnom sobranii barona A.S. Stroganova* [Printed and manuscript travelogues in the book collection of Baron A.C. Stroganov]. *Imagologiya i komparativistika*, 2016, no. 2 (6), pp. 15–39 (in Russian).
11. Komelina N.G. Dnevnik okhotnika: pragmatika, sodержaniye, fol'klor [The hunter's diary: pragmatics, content, folklore]. *Russkiy fol'klor: materialy i issledovaniya*, 2022, no. 39, pp. 203–213 (in Russian).
12. Pigin A.V. Krest'yanskiye dnevniky XIX–XX vv. kak istochniki po izucheniyu narodnoy kul'tury (dnevnik G.Ya. Sitnikova) [Peasant diaries of the XIX–XX centuries as sources for the study of folk culture (diary of G.Y. Sitnikov)]. *Kizhskiy vestnik / Gosudarstvennyy istoriko-arkhitekturnyy i etnograficheskiy muzey-zapovednik Kizhi*, 2017, no. 17, pp. 278–285 (in Russian).
13. Vernadskiy V.I. "Glavnaya tsel' vedeniya takikh dnevnikov" (vvodnyye zamechaniya k dnevnikam nablyudeniya za razvitiyem syna) ["The main purpose of keeping such diaries" (introductory notes to the diaries of observing the development of the son)]. *Issledovatel' – Researcher*, 2023, no. 1–2 (41–42), pp. 152–154 (in Russian).
14. Tolvayshis L.L., Filipova A.G. *Metod dnevnikov, geograficheskiy dnevnik* [The diary method, geographical diary]. *Geografiya detstva: mezhdistsiplinarnyy sintez issledovatel'skikh podkhodov i praktik: Tematicheskiy slovar'-spravochnik* [Geography of childhood: an interdisciplinary synthesis of research approaches and practices: a thematic dictionary-reference book]. Saint Petersburg, Tsentr nauchno-proizvodstvennykh tekhnologiy "Asterion": Vladivostok university of economics and service Publ., 2020. Pp. 58–63 (in Russian).
15. Madzhaeva S.I., Epanchina L.V. Kompozitsionno-soderzhatel'naya i rechevaya struktura dnevnika praktiki studenta-medika [Compositional, meaningful, and speech structure of a medical student's practice diary]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznaniye – Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 2019, vol. 18, no. 2, pp. 57–66 (in Russian).
16. Kedyarov A.P. Sportivnyy dnevnik i yego analiz kak nakopitel' lichnogo opyta [Sports diary and its analysis as an accumulator of personal experience]. *Mir sporta*, 2021, no. 1(82), pp. 102–105 (in Russian).

17. Tavasieva A.Z. Zamechaniya v shkol'nykh dnevnikh: lingvostilisticheskiye osobennosti [Remarks in school diaries: linguistic and stylistic features]. *Ritorika. Lingvistika*, 2015, no. 11, pp. 62–67 (in Russian).
18. Novikova E.G. Osobennosti rechevogo zhanra dnevnika [Features of the diary's speech genre]. *Yazyk. Tekst. Diskurs*, 2005, no. 3, pp. 80–89 (in Russian).
19. Neklyudov S.Yu. "Naivnaya literatura": issledovaniya i teksty ["Naive literature": research and texts]. Moscow, Moskovskiy obshchestvennyy nauchnyy fond Publ., 2001. Vol. 129. Pp. 4–21 (in Russian).
20. Lashkevich A.V. *Lichnyy dnevnik i zhanry "diskursa personal'nosti" v kontekste mezhkul'turnoy kommunikatsii* [Personal diary and genres of "personality discourse" in the context of intercultural communication]. Izhevsk, Udmurt State Universitety Publ., 2014. 173 p. (in Russian).
21. Voloshina S.V. *Russkiye avtobiograficheskiye praktiki XX–XXI vv.: kognitivno-diskursivnyy aspekt. Avtoref. dis. dokt. filol. nauk* [Russian Autobiographical Practices of the XX–XXI centuries: cognitive-discursive aspect. Abstract of thesis doc. of philol. sci.]. Tomsk, 2024. 45 p. (in Russian).
22. Deyna L.V. Interpretatsiya pisatel'skikh dnevnikov na fone klassifikatsiy diskursov [Interpreting writer's diaries against the background of discourse classification]. *Molodoy uchenyy*, 2015, no. 4, p. 759–764 (in Russian).
23. Voznesenskaya I.M. Dnevnik: osobennosti semanticheskoy struktury i rechevoy organizatsii [Diary: peculiarities of semantic structure and speech organisation]. *Mir russkogo slova*, 2006, no. 3, pp. 41–48 (in Russian).
24. Leonova E.V. Kognitivnyy mekhanizm interiorizatsii v dnevnikovom disкурse [Cognitive mechanism of interiorisation in diary discourse]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filologiya. Zhurnalistika – Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2014. vol. 14, no. 1. Pp. 34–38 (in Russian).
25. Fedyanina O.N. "Interesnaya eta rabota!" (dnevnik dialektologicheskoy ekspeditsii 1945 goda) ["This job is interesting!" (diary of a dialectological expedition in 1945)]. *Advanced science*, 2017, no. 2, pp. 46–62 (in Russian).
26. Svetozarova N.D. Otchyoty ob ekspeditsiyakh kak unikal'nyy istochnik informatsii (na materiale fol'klorno-dialektologicheskikh ekspeditsiy V.M. Zhirmunskogo) [Expedition reports as a unique source of information (based on the folklore and dialectological expeditions of V.M. Zhirmunsky)]. *Magister Dixit*, 2013. no. 3, pp. 117–123 (in Russian).
27. Michel Foucault *L'archéologie du savoir*, Paris, Gallimard, coll. Bibliothèque des Sciences humaines, 1969. 288 p. (Russ. ed.: Fuko M.P. *Arkheologiya znaniya. Perevod s frantsuzskogo M.B. Rakovoy, A.Yu. Serebryannikovoy*. Saint Petersburg, Gumanitarnaya Akademiya Publ., Universitetskaya kniga Publ., 2004. 416 p.)
28. Ipatova N.A. *Diskursivnyye praktiki v formirovaniy professional'nykh soobshchestv. Avtoref. dis. kand. sots. nauk* [Discursive practices in the formation of professional communities. Abstract of thesis cand. soc. sci.]. Saint Petersburg, 2009. 23 p. (in Russian).
29. Kulikova L.V. et al. *Diskursivnyye praktiki sovremennoy institutsional'noy kommunikatsii* [Discursive practices of modern institutional communication]. Krasnoyarsk, Sib. feder. un-t Publ., 2015. 180 p. (in Russian).
30. Il'ina I.E., Morozova O.N. Professional'nyy diskurs industrii krasoty: ot terminologii k ubezhdeniyu [Professional discourse of the beauty industry: from terminology to persuasion]. *Sovremennyye diskursivnyye praktiki: podkhody i resheniya*. Eds. V.S. Grigor'yeva, N.Yu. Borodulina, M.N. Makeeva et al. Chief ed. L.G. Popova. Tambov, TSTU Publ., 2023. Pp. 57–73 (in Russian). URL: <https://tstu.ru/book/elib1/pdf/2023/popova.pdf> (accessed 21 January 2025).
31. Issers O.S. Diskursivnaya praktika kak nablyudayemaya real'nost' [Discursive practice as an observable reality]. *Vestnik Omskogo universiteta – Herald of Omsk University*, 2011. no. 4. Pp. 227–232 (in Russian).
32. Molodychenko E.N., Chernyavskaya V.E. Sotsial'naya reprezentatsiya cherez yazyk: teoriya i praktika sotsiolingvistiki i diskursivnogo analiza [Social Representation through Language: Theory and Practice in Sociolinguistics and Discourse Analysis]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura – Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 2022, vol. 19, no. 1, pp. 103–124 (in Russian).
33. Nikonova E.A. Diskursivnaya praktika i kommunikativnaya strategiya: eklektika vs poliparadigmatizm? [Discursive practice and communicative strategy: eclecticism vs polyparadigmatism?]. *Nauchnyy dialog – Scientific Dialogue*, 2023, vol. 12, no. 6, pp. 123–139 (in Russian).
34. Demeshkina T.A., Voloshina S.V., Karpova N.A. et al. *Portrety rechevykh zhanrov: raznyye diskursivnyye praktiki* [Portraits of speech genres: different discursive practices]. Ed. T.A. Demeshkina. Tomsk, TSU Publ., 2016. 278 p. (in Russian).
35. Fairclough N. *Discourse and social change*. Cambridge, Polity Press, 1992. 259 p.
36. Stebletsova A.O. Kognitivnyye struktury nauchnogo teksta: etnolingvisticheskiy aspekt [Cognitive structures of scientific text: ethnolinguistic aspect]. *Voprosy psikholingvistiki – Journal of Psycholinguistics*, 2022, no. 2 (52), pp. 99–110 (in Russian).

37. Baranov A.G. Rechevoy zhanr v sisteme diskursivnykh struktur [Speech genre in the system of discourse structures]. *Medialingvistika – Media Linguistics*, 2015, no. 2 (8), pp. 47–57 (in Russian).
38. Bogdanova E.V. Yazykovyye osobennosti zhanra dnevnika [Linguistic features of the diary genre]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory and Practice*, 2008, no. 1–1, pp. 28–33 (in Russian).
39. Voznesenskaya I.M. Dnevnik: osobennosti semanticheskoy struktury i rechevoy organizatsii [Diary: peculiarities of semantic structure and speech organisation]. *Mir russkogo slova*, 2006, no. 3, pp. 41–48 (in Russian).
40. Kal'shchikova T.A. Dnevnik kak vid kommunikativnoy deyatel'nosti (na materiale "Dnevnika" A. Bloka). Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Diary as a kind of communicative activity (on the material of A. Blok's 'Diary'). Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Nizhniy Tagil, 2012. 24 p. (in Russian).
41. Kublitskaya O.V. Putevaya proza: zhanr, stil', diskurs, narrativ (itogi i perspektivy izucheniya) [Travelling Prose: Genre, Style, Discourse, Narrative (Results and Prospects of Study)]. *Vestnik Mariyskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of the Mari State University*, 2019. vol. 13, no. 1 (33), pp. 76–84 (in Russian).
42. Zaliznyak A. Dnevnik: k opredeleniyu zhanra [Diary: towards the definition of a genre]. *Novoye literaturnoye obozreniye – New Literary Observer*, 2010, no. 6 (106), pp. 162–181 (in Russian).
43. Pantserev K.A. Putevoy ocherk: evolyutsiya i khudozhestvenno-publitsisticheskiye osobennosti zhanra. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Travelling essay: evolution and artistic and journalistic features of the genre. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Saint Petersburg, 2004. 24 p. (in Russian).

Информация об авторах

Катышева Е.Н., аспирант, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050).

E-mail: uu-kate@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-0291-7576>; SPIN-код: 4747-7963;

Researcher ID: MYS-4006-2025.

Волошина С.В., доктор филологических наук, доцент, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050).

E-mail: vsv1304@yandex.ru; ORCID 0000-0001-9860-0159; SPIN-код: 1615-2021; Researcher ID: O-5706-2014;

Scopus ID: 57194974788

Information about the authors

Katysheva E.N., graduate student, National Research Tomsk State University (pr. Lenina, Tomsk, Russian Federation, 634050).

E-mail: uu-kate@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-0291-7576>; SPIN-code: 4747-7963;

Researcher ID: MYS-4006-2025.

Voloshina S.V., Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634050).

E-mail: vsv1304@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9860-0159>; SPIN-code: 1615-2021;

Researcher ID: O-5706-2014, Scopus ID: 57194974788

Статья поступила в редакцию 02.06.2025; принята к публикации 26.09.2025

The article was submitted 02.06.2025; accepted for publication 26.09.2025

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-6-96-103>

Лингвокультурологическая специфика лексики, объективирующей ситуацию обонятельного восприятия в паремиях, собранных В.И. Далем

Ирина Венадьевна Башкова¹, У Цюн²

^{1,2} *Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия*

¹ *bbashkova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0318-1436>*

² *921409165@qq.com, <https://orcid.org/0009-0000-2320-0580>*

Аннотация

Рассматриваются паремии, репрезентирующие ситуацию обонятельного восприятия с позиций лингвокультурологического подхода. Актуальность работы определяется следующими факторами: активным развитием лингвосенсорики и лингвокультурологии, в фокусе внимания которых находится человек и то, как он интерпретирует факты окружающей действительности; интересом к фольклорным текстам, позволяющим провести реконструкцию народных представлений о мире; возможностью включения исследования в научный контекст и расширения представлений о реализации семантики обонятельного восприятия и ее национально-культурной специфики в народных изречениях. Цель работы – изучить прямые и переносные смыслы лексических единиц, объективирующих ситуацию обонятельного восприятия в паремиях, и выявить содержащуюся в них лингвокультурологическую информацию. Материалом исследования послужили паремии из сборника В.И. Даля «Пословицы русского народа», вербализирующие ситуацию обонятельного восприятия. Объем анализируемых народных изречений – 66 единиц. Работа выполнена посредством таких методов, как описательный метод, метод компонентного и контекстуального анализа. Проведенное исследование показало, что обонятельные глаголы в паремиях реализуют как прямые, так и переносные культурно обусловленные значения. В народной культуре глаголы *нюхать*, *чують*, *пахнуть*, *смердеть*, *нести* связаны с неприятными запахами и включаются в характеристику человека и его негативных качеств, социального статуса, в описание разных жизненных ситуаций. Глаголы *нюхать*, *смердеть*, *пахнуть* акцентируют внимание на низком социальном статусе человека, роде его занятий, объективируют такие качества, как двуличие, коварство, агрессия. Глаголы *нюхать* и *чують* подчеркивают несоответствие желаний человека его возможностям. Глаголы *пахнуть*, *вонять* – маркеры чего-то плохого, незаконного. В народном сознании плохое имеет свойство оставлять след, долго храниться в памяти. Глагол *пахнуть* вербализирует категории «жизнь» и «смерть», объективирует идею о том, что приближению некоторых событий (часто негативных) сопутствуют обонятельные признаки. Глагол *нюхать* обозначает не только ощущение запахов, но и ощущение нужды и лишений. Этот глагол ассоциируется с проявлением осторожности.

Ключевые слова: ситуация обонятельного восприятия, лингвокультурологический подход, глаголы восприятия запаха, глаголы распространения запаха, глаголы со значением «издавать запах», глаголы со значением движения запаха, прямые и переносные смыслы

Для цитирования: Башкова И.В., У Цюн. Лингвокультурологическая специфика лексики, объективирующей ситуацию обонятельного восприятия в паремиях, собранных В.И. Далем // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 6 (242). С. 96–103. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-6-96-103>

Linguocultural Specificity of Vocabulary Objectifying the Situation of Olfactory Perception in Proverbs Collected by V.I. Dal

Irina V. Bashkova¹, Wu Qiong²

^{1,2} *Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation*

¹ *bbashkova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0318-1436>*

² *921409165@qq.com, <https://orcid.org/0009-0000-2320-0580>*

Abstract

The study examines proverbs that represent the situation of olfactory perception from a linguocultural perspective. The relevance of the work is determined by the following factors: the active development of linguistic sensory studies and linguoculturology, which focus on humans and how they interpret the facts of the surrounding

reality; the interest in folklore texts that allow for the reconstruction of folk representations of the world; and the possibility of integrating the research into the scientific context and expanding the understanding of the semantics of olfactory perception and its national-cultural specificity in folk sayings. The aim of the study is to investigate the literal and figurative meanings of lexical units that objectify the situation of olfactory perception in proverbs and to identify the linguocultural information they contain. The research material consists of proverbs from V.I. Dal's collection "Proverbs of the Russian People", which verbalize the situation of olfactory perception. The analyzed corpus of folk sayings comprises 66 units. The study employs methods such as the descriptive method, component and contextual analysis, and semantic analysis. The research demonstrates that olfactory verbs in proverbs realize both literal and figurative, culturally conditioned meanings. In folk culture, verbs such as *sniff*, *sense*, *smell*, *stink*, *emit a smell* are associated with unpleasant odors and are used to characterize individuals, their negative traits, social status, and various life situations. The verbs *sniff*, *stink*, *smell* emphasize a person's low social status, occupation, and objectify qualities such as duplicity, cunning, and aggression. The verbs *sniff* and *sense* highlight the discrepancy between a person's desires and their capabilities. The verbs *smell* and *reek* – serve as markers of something bad or illegal. In folk consciousness, negative things tend to leave traces and persist in memory for a long time. The verb *smell* verbalizes the categories of "life" and "death", objectifying the idea that the approach of certain events (often negative) is accompanied by olfactory signs. The verb *sniff* denotes not only the perception of smells but also the experience of need and deprivation. This verb is associated with the manifestation of caution.

Keywords: *situation of olfactory perception, linguocultural approach, verbs of smell perception, verbs of smell diffusion, verbs meaning "emit a smell", verbs meaning "movement of smell", literal and figurative meanings*

For citation: Bashkova I.V., Wu Qiong. Lingvokulturologicheskaya spetsifika leksiki, ob'yektiviruyushchey situatsiyu obonyatel'nogo vospriyatiya v paremiyakh, sobrannykh V.I. Dalem [Linguocultural Specificity of Vocabulary Objectifying the Situation of Olfactory Perception in Proverbs Collected by V.I. Dal]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 6 (242), pp. 96–103 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-6-96-103>

Введение

Восприятие – это процесс отражения в сознании человека внешних признаков предметов и явлений, совершающийся при помощи органов чувств и завершающийся созданием образа воспринимаемого предмета и оперированием этим образом [1, с. 44–45].

К проблемам чувственного восприятия обращаются ученые из различных отраслей знаний, в том числе и лингвисты. В настоящее время в науке о языке накопился значительный пласт работ, посвященных ситуации восприятия, поэтому исследователи предлагают выделять лингвосенсорику как особую отрасль языкознания и определять ее как область «лингвистического знания, которая занимается языком перцепции, вербальной репрезентацией показаний пяти органов чувств: зрения, слуха, осязания, вкуса и обоняния» [2, с. 6].

Как отмечает О.Ю. Авдевина, «самыми генерализованными и категоризованными в языке оказываются, конечно, зрительные и слуховые впечатления в силу целостности их образов и более тесной, по сравнению с другими формами чувствительности, связи с мышлением» [3, с. 22]. В то же время ученые указывают, что обонятельное восприятие менее всего связано с вербальными процессами [4, с. 144]. Этот модус восприятия считается самым скрытым, что обусловлено рядом факторов. Во-первых, обонятельные процессы плохо осмысливаются, поэтому многими лингвистами ставится под сомнение возможность

обонятельного опыта быть представленным полноценными ментальными репрезентациями. Во-вторых, в современном обществе не принято обсуждать запахи, особенно естественные запахи тела. В-третьих, восприятие запахов сложно подвергнуть научным исследованиям, так как есть трудности со сбором объективного материала для изучения [5, с. 47–49]. В-четвертых, словарь обонятельной лексики весьма скуден, для многих наименований запаха в языке не существует вербального воплощения [4; 5, с. 47–49].

Несмотря на сложность и специфичность ситуации обонятельного восприятия, современными лингвистами на материале различных дискурсов и языков описана семантическая структура лексемы «запах»; проанализировано лексико-семантическое поле «запах»; рассмотрены когнитивные механизмы, принимающие участие в категоризации запаха; изучено формирование оценок в высказываниях, содержащих информацию о запахах; раскрыт метафорический потенциал компонентов пропозиции обонятельного восприятия; охарактеризованы синтаксические конструкции, репрезентирующие обонятельное восприятие [4, 6–13].

Общепризнанно, что запахам присущи «культурно релевантные значения, они являются неотъемлемой частью общественной жизни, участвуют в процессах идентификации мира и взаимодействия с ним» [14, с. 47–48]. При изучении ситуации обонятельного восприятия язык играет немаловажную роль, поскольку фиксирует

роль запахов в человеческой жизни и отношение к обонятельным впечатлениям, характерное для разных стран и эпох, а также сохраняет традиции использования запахов [15]. Замечено, что лексика, вербализирующая обонятельное восприятие, имеет различный национально-специфический потенциал – от закреплённого, устойчивого, до ситуативно обусловленного [16, с. 50].

Вышеперечисленные факторы предопределили возникновение лингвокультурологического подхода к изучению ситуации обонятельного восприятия. Так, в настоящее время описан концепт «запах», объективирующий фрагмент русской языковой картины мира [17]. Проанализированы концепты «запах» и «мирис» в русской и сербской лингвокультурах, что позволило выделить сходные и отличительные черты указанного фрагмента концептосфер [18]. На материале текстов, извлечённых из интернет-дискурса, охарактеризованы особенности проявления национально-культурного компонента в высказываниях, содержащих информацию о запахах, касающиеся «своего» пространства (родины, города, страны и пр.) [16]. Проведена систематизация лексических единиц, вербализирующих запах в русской лингвокультуре и выступающих средствами объективации ольфакторного культурного кода [19].

Изучение национально-культурной специфики ситуации обонятельного восприятия возможно на материале паремий.

Цель работы – изучить прямые и переносные смыслы лексических единиц, объективирующих ситуацию обонятельного восприятия в паремиях, и выявить содержащуюся в них лингвокультурологическую информацию.

Актуальность проводимого исследования определяют следующие положения:

1. Исследование ситуации обонятельного восприятия выполнено в русле таких лингвистических направлений, как лингвосенсорика и лингвокультурология, в фокусе внимания которых находится человек и то, как он интерпретирует факты окружающей действительности через язык.

2. В настоящее время фольклорные тексты вызывают все больший интерес, так как на их основе можно провести реконструкцию народных представлений о мире.

3. Полученные результаты позволяют включить данное исследование в научный контекст и расширить представления об объективации семантики обонятельного восприятия и ее лингвокультурологической специфике в паремиях.

Материал и методы

Материалом для исследования послужили паремии из сборника В.И. Даля «Пословицы рус-

ского народа», вербализирующие ситуацию обонятельного восприятия. Объем анализируемых народных изречений – 66 единиц. Работа выполнена посредством таких методов, как описательный метод, метод компонентного и контекстуального анализа.

Результаты и обсуждение

Лингвисты отмечают, что в сознании носителей русского языка обонятельное восприятие связано со способностью человека ощущать запахи, а также с проявлением ольфакторных свойств предметов [6, с. 9].

Ситуация обонятельного восприятия состоит из следующих компонентов: 1) объект восприятия – источник запаха; 2) субъект восприятия – лицо, ощущающее запах; 3) процесс восприятия или движения запаха; 4) факультативные компоненты (различные определители при любом из названных базовых компонентов) [4, с. 144–145].

Анализ паремий, в которых представлена ситуация обонятельного восприятия, показал следующее количество употреблений обонятельной лексики:

1) глаголы: *чуть* – 2, *вонять* – 9, *нести* – 2, *нюхать/понюхать* – 6, *пахнуть* – 23, *смердеть* – 1, *донюхаться* – 1, *обнюхать* – 1, *запахнуть* – 3;

2) существительные: *вонь* – 1, *запах* – 1, *ароматы* – 1, *нос* – 1, *чутье* – 1, *дух* – 3, *псина* – 1, *кислятина* – 1;

3) прилагательные: *тухлый* – 1, *гнилой* – 1, *кисельный* – 1, *овечий* – 1;

4) деепричастия: *нюхая* – 1, *обнюхав* – 1;

5) наречия: *смердно* – 1, *вонько* – 1.

Предметом нашего внимания в рамках данной работы избираем предикаты, характеризующие ситуацию обонятельного восприятия. В качестве предикатов, как правило, выступают глаголы, которые лингвисты объединяют в лексико-семантические группы. Так, Н.С. Павлова называет следующие группы предикатов: 1) глаголы восприятия запаха: *нюхать*, *обонять*, *понюхать* и др.; 2) глаголы проявления запаха: *пахнуть*, *разить*, *благоухать* и др.; 3) глаголы распознавания по запаху: *разнюхать*, *расчухать*, *причухать* и др.; 4) глаголы проявления свойства: *испустить*, *изливать*, *источаться* и др.; 5) глаголы обладания запахом: *отдавать*, *отзывать* и др.; 6) глаголы распространения запаха: *навонять*, *накурить* и др.; 7) глаголы пропитывания объекта: *пропитать*, *продушить* и др.; 8) глаголы покрытия одного объекта другим: *пахнуть*, *обдать*; 9) глаголы распространения: *распространять*, *разлить*, *напоить*, *идти* и др. [6, с. 9–10].

Е.В. Гейко, изучая ситуацию обонятельного восприятия, распределяет глаголы, участвующие

в ее репрезентации, по следующим группам: 1) глаголы со значением процесса восприятия (глаголы обоняния): *нюхать, понюхать, принюхаться* и др.; 2) глаголы со значением «издавать запах»: *пахнуть, благоухать, вонять* и др.; 3) аналитические предикаты с глаголами бытийно-посессивной семантики: *иметь запах, обладать запахом* и др.; 4) глаголы со значением движения и положения запаха в пространстве: *стоять, исходить, нести* и др.; 5) глаголы со значением воздействия запаха на окружающих/окружающее: *щекотать, тревожить, сливаться* и др. [4, с. 147–148].

В настоящей статье рассмотрим наиболее частотные языковые единицы, которые являются компонентами пропозиции обонятельного восприятия, представленной в народных изречениях. Следует заметить, что ситуация обонятельного восприятия в паремиях не получила широкого распространения по сравнению с другими видами.

Среди глаголов обонятельного восприятия в паремиях выделяются:

1) глаголы со значением процесса восприятия (глаголы обоняния): *нюхать, понюхать, обнюхать, донюхаться, чуют*;

2) глаголы со значением «издавать запах»: *пахнуть, вонять, смердеть*;

3) глагол со значением движения запаха в пространстве: *нести*.

У глагола *нюхать* в толковых словарях зафиксировано два значения. Ситуацию обонятельного восприятия отражает следующее значение: «1. Вдыхать через нос для распознавания запаха, обонять» [20, с. 424].

Анализируемый глагол и его дериваты в ряде паремий употребляются в прямом значении и обозначают процесс восприятия запахов через нос, однако паремия в целом может метафорически описывать ту или иную жизненную ситуацию. Так, в изречениях «*И собака к собаке не подойдет, не обнюхав ее*», «*Собака собаку с хвоста обнюхивает*» через глагол *обнюхать* демонстрируется проявление осторожности по отношению к малознакомым людям. В паремиях «*Пóлно гнилым-то носом кипарис нюхать*», «*Не свиным рылом лимоны нюхать*» посредством ситуации обонятельного восприятия выражается идея о том, что человеку, имеющему низкий социальный статус, не следует появляться в обществе, в котором состоят люди, занимающие высокое положение.

В паремиях глагол *нюхать* и его производные также реализуют переносное значение «испытывать что-либо (нужду, лишения)»: «*Понюхай, чем пахнет (прочайся да оклемайся)*», «*Он и не понюхал порошу*». Кроме того, рассматриваемый

глагол и его дериваты в составе паремии приобретают значение «получить что-либо»: «*Ему этого и понюхать не удастся, «Не по шерсти рыло: этого не донюхаешься*». Обычно данные изречения используются, если нужно подчеркнуть несоответствие амбициозных желаний возможностям. В некоторых случаях глагол обоняния *понюхать* может обозначать «узнать что-либо»: «*Бей жену обухом, припади да понюхай: дышит да морочит, еще хочет*».

По данным толковых словарей, у глагола *чуять* выявляются четыре значения, из них два связаны с ситуацией обонятельного восприятия: «1. Распознавать чутьем (о животных). 2. Ощущать запах, обонять (о человеке)» [21].

Глагол *чуять* употребляется в паремиях для обозначения процесса восприятия запаха животным или человеком, в то же время он в сознании носителей русского языка включается в метафорическое осмысление мира. Так, в паремии «*Чует кот в кувшине молоко, да рыло коротко*» восприятие запаха соотносится с желанием человека обладать чем-либо. При этом у него не имеется возможностей, чтобы осуществить его. В паремии «*Где чует кутью, туда и идет*» через ситуацию обонятельного восприятия дается негативная оценка церковнослужителей (кутейников), которых народ осуждал за жадность, обжорство, страсть к наживе [22].

Глагол *пахнуть* имеет два значения, при этом только одно из них связано с ситуацией обонятельного восприятия: «1. Издавать запах» [20, с. 496].

В ряде паремий глагол *пахнуть* реализует прямое значение, однако такие изречения могут образно представлять ту или иную ситуацию. Так, в пословице «*Спаленное (пожарище) долго пахнет. Нет огня, да огнище знать*» говорится, что последствия каких-либо событий, особенно негативных, долго хранятся в памяти людей и могут оказывать влияние на последующие действия. В паремии «*Узнаешь, чем крапива пахнет*» указывается на возможность получить наказание за проступок. «*Не жареное – не пахнет*», «*Не собачий нос – не услышишь*» означают, если нет явных признаков чего-либо, то человек и не узнает об этом.

В традиционной культуре глагол *пахнуть* получает метафорическое осмысление. Посредством данного глагола могут быть представлены такие категории, как жизнь и смерть: «*Дом пахнет дымом, гроб ладаном*», «*Изба жилком (жилем, жилым местом) пахнет*», «*Пахнут ладаном*», «*Дышать на ладан*», «*От него ладаном пахнет*», «*Он на ладан дышит*». Жизнь ассоциируется с избой и большой семьей, а также с печью, которую регулярно топят, чтобы обогреть

жилище и приготовить пищу. Смерть связывается с ладаном, так как его используют во время обрядов, когда человек умирает.

Запах также служит характеристикой материального, социального положения человека: «Мажь мужика маслом, а он все дегтем **пахнет**», «Сколько ни вари мужика, он все сырым (сырьем) **пахнет**», «В нем кислая шерсть есть», «Нагольным тулупом **пахнет**». Запахи шерсти, овчины, дегтя, как правило, свойственны бедному крестьянскому или солдатскому быту.

Через метафору запаха в народной культуре описывается характер человека и его намерения. Паремии «Глядит лисой, а **пахнет** волком», «Волчья кайка, да лисья незнайка» содержат предостережение о том, что за приятной внешностью людей могут быть скрыты коварство и агрессия.

Глагол **пахнуть** в народной культуре используется в переносном значении «свидетельствовать о возможности чего-либо, о приближении чего-либо» [23]: «А знаешь ли, чем это **пахнет**» (т. е. чего ожидать), «Это не тем **пахнет**», «Я слышу, чем это **пахнет**». В паремиях «Святым духом (ладаном) **запахло**», «Никто не курил, не кадил, а ладаном **запахло**» говорится о возможности скорого разоблачения обмана. «Это **пахнет** бедой» (или: тем и тем) – значит, что в ближайшее время может произойти что-то плохое. «У нищего взять – сумой **пахнет**» – значит, что в будущем есть вероятность тоже стать бедным, лишиться имущества.

Кроме перечисленных выше значений глагола **пахнуть**, в народных афоризмах зафиксирован еще один смысл – «иметь приметы, признаки или черты чего-либо» [21]: «Чу! – здесь русским духом **пахнет**».

Глагол **вонять** толкуется лексикографическими источниками следующим образом: «Издавать вонь» [20, с. 96]. Вонь – это «отвратительный запах, зловоние» [20, с. 96].

Анализируемый глагол в паремиях используется в прямом значении, т. е. указывает на распространение очень неприятных запахов. В то же время в народных изречениях, куда он включается, метафорически осмысливается тот или иной фрагмент действительности. Как правило, подобные паремии выражают негативную оценку человека и его поступков. Так, в выражении «Не ела душа чесноку, так и **не воняет**» упоминается овощ чеснок, которому свойственен сильный и резкий запах. Если человек употребляет его, то начинает распространять подобный запах и скрыть его трудно. В народной культуре такой запах становится признаком чего-либо плохого. В целом же данная паремия обозначает то, что «вызывает подозрения, выдает человека, совер-

шившего что-либо плохое, недостойное; то, что невозможно скрыть» [24, с. 3060].

В паремиях «Не тронь, так **не воняет**», «Не замай дерьма, так **не воняет**», «Грязью играть – руки марасть» содержится рекомендация не вмешиваться в какие-либо сомнительные, опасные, конфликтные ситуации, чтобы не усугубить их или не повлечь негативных последствий. Однако если человек все же будет заниматься чем-то нехорошим, то негативные последствия будут неизбежны: «От дегтярного торгаша дегтем и **воняет**».

В народном изречении «Козла выжили, а все псиной **воняет**» характеризуется ситуация, когда после ухода неприятного человека долго сохраняется результат его неблагоприятных деяний.

Паремия «И хохуля (выхухоль) себя не хулит, даром что **воняет**» содержит идею о том, что даже человек, обладающий недостатками, не будет себя критиковать.

Глагол **смердеть** имеет значение «Испускать зловоние, смрад» [20, с. 734]. Через ситуацию обонятельного восприятия, предикатом которой является приведенный глагол, человеку дается социальная характеристика. Так, в паремии «Как смерд ни моется, а все **смердит**» выражается презрительная оценка простолюдина.

Глагол **нести** многозначен. Среди его 12 значений обнаруживаются такие, которые связаны с ситуацией обонятельного восприятия: «3. Передвигать, увлекать с собой своим движением (о ветре, течении воды и т. п.) // Распространять (звук, запах). 5. Передаваться по воздуху, быть ощутимым; веять, тянуть (о запахе, тепле, холоде и т. п.)» [21].

Посредством ситуации обонятельного восприятия, в состав которой входит глагол **нести**, осмысливается поведение человека и его деятельность. Так, обонятельный глагол **нести** позволяет описать лицемерие как отрицательное нравственно-этическое качество человека: «Речами тих, да сердцем лих», «Тихо кадит, да вонько **несет**». Кроме того, через названный глагол представляется профессиональная деятельность человека, которая в той или иной степени накладывает на него отпечаток: «От козла псиной, от скорняка кислятиной (**несет**)».

Заключение

В паремиях ситуация обонятельного восприятия представлена широким кругом лексических единиц разных частей речи, среди которых наиболее частотными являются глаголы **нюхать**, **чуять**, **пахнуть**, **смердеть**, **нести**.

В народной культуре глаголы **нюхать**, **чуять**, **пахнуть**, **смердеть**, **нести** связаны с неприят-

ными запахами и включаются в характеристику человека и его негативных качеств, его социального статуса, в описание разных жизненных ситуаций. Глаголы *нюхать*, *смердеть*, *пахнуть* позволяют акцентировать внимание на низком социальном статусе человека, роде его занятий, объективируют такие качества, как двуличие, коварство, агрессия. Как правило, данные аспекты получают негативную оценку. Глаголы *нюхать* и *чуять* помогают подчеркнуть несоответствие желаний человека его возможностям. Глаголы *пахнуть*, *вонять* являются маркерами чего-то плохого, незаконного. При этом в народном сознании плохое имеет свойство оставлять след, долго храниться в памяти. Глагол *пахнуть* вербализирует категории «жизнь» и «смерть». Также с помощью данного глагола объективируется идея о том, что приближению некоторых событий (часто негативных) сопутствуют обонятельные признаки. В то же время, если нет таких признаков, невозможно узнать о происходящем.

В народных изречениях содержится мысль о том, что глагол *нюхать* обозначает не только ощущение запахов, но и ощущение нужды и лишений. Кроме того, этот глагол ассоциируется с проявлением такого свойства, как осторожность.

Таким образом, перечисленные обонятельные глаголы в поговорках реализуют как прямые смыслы, связанные с восприятием, распространением и движением запахов, так и переносные, культурно обусловленные, позволяющие более точно описать человека, его поведение, образ жизни.

Работа вносит вклад в разработку проблем паремии, семантического синтаксиса, лингвокультурологии, дополняет базу знаний о ситуации восприятия и возможностях ее репрезентации в языке. Полученные результаты исследования могут быть включены в курсы по лингвофольклористике, лингвокультурологии, семантике и синтаксису. Данные исследования могут быть положены в основу лингвокультурологических словарей, словарей пословиц и поговорок.

Список источников

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий. М.: ИКАР, 2009. 448 с.
2. Харченко В.К. Лингвосенсорика: фундаментальные и прикладные аспекты. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 216 с.
3. Авдеев О.Ю. Перцептивные значения в социальной сфере: от действия к деятельности // Язык науки и профессиональная коммуникация. 2020. № 1 (2). С 18–33.
4. Гейко Е.В. Метафорический потенциал компонентов пропозиции обонятельного восприятия // Уральский филологический вестник. Серия: Психолингвистика в образовании. 2014. № 2. С. 144–150.
5. Нагорная А.В. Лингвосенсорика как перспективное направление современных лингвистических исследований: аналит. обзор / отв. ред. Э.Б. Яковлева. М., 2017. 86 с.
6. Павлова Н.С. Лексика с семой «запах» в языке, речи и тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. 20 с.
7. Одинокова М.В. Художественно-стилевая роль слов лексико-семантического поля «Запах» в произведениях И.А. Бунина (аспекты номинации и предикации): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 28 с.
8. Молодкина Ю.Н. Синестетическая метафора запаха (корпусное исследование): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2010. 20 с.
9. Бубырева Ж.А. Когнитивные основы номинаций осязательного восприятия (на материале русского, французского, английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2011. 23 с.
10. Булюбаш А.Ю. Перцептивный модус «запах» и средства его языкового означивания в поэтической речи И.А. Бунина и Н.А. Заболоцкого // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 8 (50), ч. 5. С. 90–93.
11. Брылева Р.Ф. Функционально-семантическое исследование ольфакторной лексики в русском, французском и башкирском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2016. 26 с.
12. Башкова И.В., Фельде О.В. Синтаксис обонятельного восприятия в повести В.П. Астафьева «Последний поклон» // Сибирский филологический форум. 2024. № 3 (28). С. 4–15.
13. Басалаева Е. Г. Динамические процессы в содержании оценочной семантики (на материале лексики обонятельного восприятия) // Terra Linguistica. 2025. Т. 16, № 1. С. 19–29. doi: 10.18721/JHSS.16102
14. Классен К., Хоувз Д., Синнотт Э. Значение и власть запаха // Ароматы и запахи в культуре. 2-е изд., испр. Кн. 1 / сост. О.Б. Вайнштейн. М.: Новое лит. обозрение, 2010. С. 43–51.
15. Шилина А.В. Лингвокультурологический аспект изучения лексики ольфакторного восприятия // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturologicheskiy-aspekt-izucheniya-leksiki-olfaktornogo-voispriyatiya> (дата обращения: 30.01.2025).
16. Басалаева Е.Г. Национально-культурная специфика лексики обонятельного восприятия // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2016. № 2 (30). С. 49–60.

17. Колупаева А.А. Концепт запах и способы его репрезентации в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2009. 24 с.
18. Медведева Д.И. Концептуализация запаха в русской и сербской лингвокультурах // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2016. № 1. С. 115–125.
19. Передриенко Т.Ю. Парадигматические отношения в лексико-семантической группе «запах» // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 5. С. 81–94. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-5-81-94>
20. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
21. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. Авторская редакция, 2000. 1536 с. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=%D0%BA%D1%80%D0%B0%D1%81%D0%BD%D1%8B%D0%B9&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=%D0%BA%D1%80%D0%B0%D1%81%D0%BD%D1%8B%D0%B9&mode=slovari&dicts[]=42) (дата обращения: 29.01.2025).
22. Запальский Г.М. Концепт «кутейник» в русском литературном обиходе // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19, № 4. С. 215–233. doi: 10.15393/j9.art.2021.9783
23. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984. URL: <https://www.slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068> (дата обращения: 29.01.2025).
24. Нань Яньхуа. Паремии с компонентами – названиями овощных культурных растений в русском языке (на фоне китайского и корейского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14, вып. 10. С. 3057–3062.

References

1. Azimov E.G., Schukin A.N. *Novyy slovar' metodicheskikh terminov i ponyatiy* [New dictionary of methodological terms and concepts]. Moscow, IKAR Publ., 2009. 448 p. (in Russian).
2. Harchenko V.K. *Lingvosensorika: fundamental'nyye i prikladnyye aspekty* [Lingvosensorics: Fundamental and Applied Aspects]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2012. 216 p. (in Russian).
3. Avdevnina O.Yu. *Pertseptivnyye znacheniya v sotsial'noy sfere: ot deystviya k deyatel'nosti* [Perceptual meanings in the social sphere: from action to activity]. *Yazyk nauki i professional'naya kommunikatsiya*, 2020, no. 1 (2), pp. 18–33 (in Russian).
4. Geyko E.V. *Metaforicheskiy potentsial komponentov propositsii obonyatel'nogo vospriyatiya* [Metaphorical potential of the components of the proposition of olfactory perception]. *Ural'skiy filologicheskiy vestnik. Seriya: Psikholingvistika v obrazovanii*, 2014, no. 2, pp. 144–150 (in Russian).
5. Nagornaya A.V. *Lingvosensorika kak perspektivnoye napravleniye sovremennykh lingvisticheskikh issledovaniy: analiticheskiy obzor* [Lingvosensorics as a promising direction of modern linguistic research: Analytical review]. Ed. Ye.B. Yakovleva. Moscow, 2017. 86 p. (in Russian).
6. Pavlova N.S. *Leksika s semoy "zapakh" v yazyke, rechi i tekste. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Vocabulary with the seme "smell" in language, speech and text. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Yekaterinburg, 2006. 20 p. (in Russian).
7. Odintsova M.V. *Khudozhestvenno-stilevaya rol' slov leksiko-semanticheskogo polya "Zapakh" v proizvedeniyakh I.A. Bunina (aspekty nominatsii i predikatsii). Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Artistic and stylistic role of words of the lexical-semantic field "Smell" in the works of I.A. Bunin (aspects of nomination and predication). Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Moscow, 2008. 28 p. (in Russian).
8. Molodkina Yu.N. *Sinesteticheskaya metafora zapakha (korpusnoye issledovaniye). Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Synesthetic metaphor of smell (corpus study). Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Kursk, 2010. 20 p. (in Russian).
9. Bubyreva Zh.A. *Kognitivnyye osnovy nominatsiy osyazatel'nogo vospriyatiya (na materiale russkogo, frantsuzskogo, angliyskogo yazykov). Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Cognitive foundations of tactile perception nominations (based on Russian, French, and English languages). Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Belgorod, 2011. 23 p. (in Russian).
10. Bulyubash A.Yu. *Pertseptivnyy modus "zapakh" i sredstva yego yazykovogo oznachivaniya v poeticheskoy rechi I.A. Bunina i N.A. Zabolotskogo* [Perceptual modus "smell" and means of its linguistic designation in the poetic speech of I.A. Bunin and N.A. Zabolotsky]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal – International Research Journal*, 2016, no. 8 (50), pp. 90–93 (in Russian).
11. Bryleva R.F. *Funktsional'no-semanticheskoye issledovaniye ol'faktornoy leksiki v russkom, frantsuzskom i bashkirskom yazykakh. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Functional and semantic study of olfactory vocabulary in Russian, French and Bashkir languages. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Ufa, 2016. 26 p. (in Russian).
12. Bashkova I.V., Fel'de O.V. *Sintaksis obonyatel'nogo vospriyatiya v povesti V.P. Astaf'yeva "Posledniy poklon"* [Syntax of olfactory perception in V. P. Astafiev's story "The Last Bow"]. *Sibirskiy filologicheskiy forum – Siberian philological forum*, 2024, no. 3 (28), pp. 4–15 (in Russian).
13. Basalaeva E.G. *Dinamicheskiye protsessy v sodержanii otsenочноy semantiki (na materiale leksiki obonyatel'nogo vospriyatiya)* [Dynamic processes in the content of evaluative semantics (based on the vocabulary of olfactory perception)]. *Terra Linguistica*, 2025, vol. 16, no. 1, pp. 19–29 (in Russian). doi: 10.18721/JHSS.16102

14. Klassen K., Houvz D., Sinnott E. Znachenije i vlast' zapakha [The Meaning and Power of Smell]. *Aromaty i zapakhi v kul'ture* [Aromas and smells in culture]. Izd. 2-e, ispr. Kniga 1. Comp. O.B. Vaynshteyn. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2010. Pp. 43–51 (in Russian).
15. Shilina A.V. Lingvokul'turologicheskiy aspekt izucheniya leksiki ol'faktornogo vospriyatiya [Linguocultural Aspect of Studying the Lexicon of Olfactory Perception]. *Aktual'nyye problemy gumanitarnykh i yestestvennykh nauk*, 2013, no. 6 (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturologicheskiy-aspekt-izucheniya-leksiki-olfaktornogo-vospriyatiya> (accessed 30 January 2025).
16. Basalaeva E.G. Natsional'no-kul'turnaya spetsifika leksiki obonyatel'nogo vospriyatiya [National and cultural specificity of the vocabulary of olfactory perception]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Science for Education Today*, 2016, no. 2 (30), pp. 49–60 (in Russian).
17. Kolupaeva A.A. *Kontsept zapakh i sposoby yego reprezentatsii v russkom yazyke. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [The concept of smell and ways of its representation in the Russian language. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Tambov, 2009. 24 p. (in Russian).
18. Medvedeva D.I. Kontseptualizatsiya zapakha v russkoy i serbskoy lingvokul'turakh [Conceptualization of smell in Russian and Serbian linguocultures]. *Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika – RUDN Journal of Language Studies, Smiotics and Semantics*, 2016, no. 1, pp. 115–125 (in Russian).
19. Peredrienko T.Yu. Paradigmaticheskiye otnosheniya v leksiko-semanticheskoy gruppe “zapakh” [Paradigmatic relations in the lexical-semantic group “smell”]. *Voprosy sovremennoy lingvistiki – Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2024, no. 5, pp. 81–94 (in Russian). doi: <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-5-81-94>
20. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. 4-e izd., dop. Moscow, Azbukovnik Publ., 1999. 944 p. (in Russian).
21. Kuznetsov S.A. *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. Avtorskaya redaktsiya [Large explanatory dictionary of the Russian language. Author's edition]. 2000. 1536 p. (in Russian). URL: [https://gramota.ru/poisk?query=%D0%BA%D1%80%D0%B0%D1%81%D0%BD%D1%8B%D0%B9&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=%D0%BA%D1%80%D0%B0%D1%81%D0%BD%D1%8B%D0%B9&mode=slovari&dicts[]=42) (accessed 29 January 2025).
22. Zapal'skiy G.M. Kontsept “kuteynik” v russkom literaturnom obikhode [The concept of “kuteynik” in Russian literary use]. *Problemy istoricheskoy poetiki – The Problems of Historical Poetics*, 2021, vol. 19, no. 4, pp. 215–233 (in Russian). doi: 10.15393/j9.art.2021.9783
23. *Slovar' russkogo yazyka: v 4 tomakh*. AN SSSR, Institut russkogo yazyka [Dictionary of the Russian language: in 4 volumes. USSR Academy of Sciences, Institute of Russian Language]. Ed. A.P. Evgen'eva. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1981–1984. URL: <https://www.slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068> (accessed 29 January 2025).
24. Nan' Jan'hua. Paremii s komponentami – nazvaniyami ovoshchnykh kul'turnykh rasteniy v russkom yazyke (na fone kitayskogo i koreyskogo yazykov) [Proverbs with components - names of vegetable crops in the Russian language (against the background of the Chinese and Korean languages)]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology: Theory and Practice*, 2021, vol. 14, no. 10, pp. 3057–3062 (in Russian).

Информация об авторах

Башкова И.В., доктор филологических наук, доцент, Сибирский федеральный университет (пр. Свободный, 79, Красноярск, Россия, 660041).

E-mail: bbashkova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0318-1436>; SPIN-код: 8357-3333

У Цюн, аспирант, Сибирский федеральный университет (пр. Свободный, 79, Красноярск, Россия, 660041).

E-mail: 921409165@qq.com; ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-2320-0580>; SPIN-код: 2507-3332;

Researcher ID: NJS-9365-2025

Information about the authors

Bashkova I.V., Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Siberian Federal University (pr. Svobodnyy, 79, Krasnoyarsk, Russian Federation, 660041).

E-mail: bbashkova@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0318-1436>; SPIN-code: 8357-3333.

Wu Qiong, graduate student, Siberian Federal University (pr. Svobodnyy, 79, Krasnoyarsk, Russian Federation, 660041).

E-mail: 921409165@qq.com; ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-2320-0580>; SPIN-code: 2507-3332;

Researcher ID: NJS-9365-2025

Статья поступила в редакцию 11.06.2025; принята к публикации 26.09.2025

The article was submitted 11.06.2025; accepted for publication 26.09.2025

УДК 811.161.1'38'42

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-6-104-113>

Коммуникативная стилистика текста: регулятивные модели в поэтическом творчестве Н.А. Заболоцкого

Нина Сергеевна Болотнова¹, Ольга Викторовна Исаева²

^{1,2} *Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия*

¹ *nsb@tspu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4655-5194>*

² *solvayg@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-0041-5702>*

Аннотация

В статье рассмотрены регулятивные модели, отражающие особенности поэтической картины мира Н.А. Заболоцкого и динамику его творчества. Актуальность исследования связана с необходимостью изучения эффективности творческого диалога автора и адресата на основе использованных автором языковых средств и их особой организации. Это связано с разработкой глобальной проблемы понимания и специфики эстетического воздействия на читателя. Цель статьи – уточнить определение регулятивной модели и выявить особенности их использования в стихах Н.А. Заболоцкого, написанных в разные годы. Материалом для статьи послужили стихотворения Н.А. Заболоцкого разных лет из авторских сборников «Столбцы и поэмы» (1926–1933) и «Стихотворения (1932–1958)». Исследование основано на использовании методологии коммуникативной стилистики текста, включая методы семантико-стилистического, контекстуального и сравнительно-сопоставительного анализа. Установлено, что среди регулятивных структур, отражающих взаимосвязь отдельных регулятивных средств на уровне элементов текста, в коммуникативной стилистике выделено понятие *регулятивная модель*. В отличие от других исследователей, работающих в рамках данного научного направления, регулятивные модели рассмотрены в статье на уровне отдельных, относительно автономных в ассоциативно-смысловом отношении фрагментов текста, соответствующих определенной микроцели автора в процессе общего текстового развертывания. Данные регулятивные модели смешанного промежуточного типа отражают взаимосвязь различных регулятивных средств и стилистических приемов и рассмотрены как один из этапов в реализации общей целевой программы текста в соответствии с авторским замыслом. У разных авторов они имеют свою специфику. Их выявление важно в интерпретационном плане для понимания идиостиля автора в его диалоге с читателем и изучения особенностей поэтической картины мира автора. В лирике Н.А. Заболоцкого к доминантным моделям этого типа можно отнести регулятивные модели, включающие, кроме разных видов тропеических блоков, прием персонификации. Наиболее частотными в ранней лирике являются регулятивные модели, в состав которых входят тропеические блоки и гротеск. В поздней лирике среди регулятивных моделей данного промежуточного типа преобладают комбинации тропеических блоков, нередко включающие удвоение тропов одного вида. По характеру смысловых отношений и функций в лирике поэта эти регулятивные модели являются моделями усилительно-конвергентного типа. Проведенное исследование позволило выявить некоторые особенности идиостиля Н.А. Заболоцкого в коммуникативно-деятельностном аспекте с точки зрения словесного мастерства автора в организации им диалога с читателем. Дальнейшее изучение разных аспектов регулятивности поэтических текстов представляет интерес для коммуникативной теории текста, лингвистической прагматики и коммуникативной стилистики.

Ключевые слова: коммуникативная стилистика текста, теория регулятивности, регулятивная модель, регулятивные средства, стилистический прием, Н.А. Заболоцкий

Для цитирования: Болотнова Н.С., Исаева О.В. Коммуникативная стилистика текста: регулятивные модели в поэтическом творчестве Н.А. Заболоцкого // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 6 (242). С. 104–113. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-6-104-113>

Communicative stylistics of the text: regulative models in N.A. Zabolotsky's poetic creations

Nina S. Bolotnova, Olga V. Isaeva

^{1,2} *Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *nsb@tspu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4655-5194>*

² *solvayg@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-0041-5702>*

Abstract

The article considers regulatory models reflecting the features of N.A. Zabolotsky's poetic worldview and the dynamics of his creations. The relevance of the research is related to the need to study the effectiveness of the

creative dialogue between the author and the addressee based on the linguistic means used by the author and their special foundation. This is due to the development of a global problem of understanding and specificity of aesthetic impact on the reader. The goal of the article is to clarify the definition of the regulatory model and to identify the features of their release in N.A. Zabolotsky's poems written in different years. As material for the article used N.A. Zabolotsky's poems of various years from the author's collections Columns and Poems (1926–1933) and Poems (1932–1958). The research based on the use of the methodology of the communicative stylistics of the text, including the methods of semantic-stylistic, contextual and comparative analysis. It is stated that among the regulatory structures reflecting the interrelation of individual regulatory means at the level of text elements, the concept of a regulatory model is highlighted in the communicative style. Unlike other researchers worked within this scientific field, regulatory models are considered in the article at the level of separate relatively autonomous fragments of text in associative-semantic terms, corresponding to a certain micro-goal of the author in the process of general textual deployment. These mixed intermediate regulatory models reflect the interrelation of various regulatory tools and stylistic techniques and are considered as one of the stages in the implementation of the overall target program of the text in accordance with the author's intention. They have their own specifics for different authors. Their identification is important interpretatively for understanding the author's idiosyncrasy in his dialogue with the reader and studying the features of the author's poetic worldview. In N.A. Zabolotsky's lyrics, the dominant models of this type include regulatory models that include, in addition to various types of tropic blocks, the method of personification. The most frequent in early lyrics are regulatory models, which include tropic blocks and the grotesque. In the late lyric, among the regulatory models of this intermediate type, combinations of tropeic blocks predominate, often including the doubling of trails of the same type. By the nature of semantic relations and functions in the poet's lyrics, these regulatory models are models of an amplifying-convergent type. The conducted research revealed some features of N.A. Zabolotsky's idiosyncrasy in the communicative and activity aspect from the point of view of the author's verbal skill in organizing a dialogue with the reader. Further study of various aspects of the regularity of poetic texts is of interest for the communicative theory of text, linguistic pragmatics and communicative stylistics.

Keywords: *communicative stylistics of the text, theory of regularity, regulatory model, regulatory tools, stylistic device, N.A. Zabolotsky*

For citation: Bolotnova N.S., Isaeva O.V. Kommunikativnaya stilistika teksta: regulativnye modeli v poeticheskom tvorchestve N.A. Zabolotskogo [Communicative stylistics of the text: regulative models in N.A. Zabolotsky's poetic creations]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 6 (242), pp. 104–113 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-6-104-113>

Введение

Теоретическая база коммуникативной стилистики текста [1] опирается не только на достижения функциональной стилистики (работы М.Н. Кожиной и ученых ее школы), стилистики декодирования (труды М. Риффатера, И.В. Арнольд), функциональной лексикологии (исследования В.В. Степановой, Н.Е. Сулименко, В.Д. Черняк и др.). Основные научные направления коммуникативной стилистики формировались в русле новой лингвистической парадигмы на стыке со смежными областями знания: с лингвистической прагматикой (теория регулятивности), психолингвистикой (теория текстовых ассоциаций), филологической герменевтикой (теория смыслового развертывания текста).

При коммуникативно-деятельностном подходе к тексту за исходные в теории регулятивности взяты понятия регулятивной функции текста и регулятивности как одного из его системных качеств [2–7]. В рамках теории регулятивности разработан особый понятийно-терминологический аппарат: *регулятивные средства, регулятивные структуры, доминанты регулятивности, способы регулятивности, регулятивные стратегии* [6], *регулятивные модели* [8, 9], *регулятивные универсалии* [10].

В соответствии с целью статьи остановимся подробнее на понятии *регулятивная структура*.

В коммуникативной стилистике текста выделены разные регулятивные структуры, отражающие взаимосвязь различных элементов текста (регулятивных средств), выполняющих регулятивную функцию в диалоге с адресатом (работы Н.С. Болотновой [3, 4, 6], Н.Г. Петровой [8, 9, 11], И.Н. Тюковой [12], Ю.Е. Бочкаревой [13], П.А. Становкина [14], А.В. Громовой [15], И.В. Кочетовой [16] и др.). К основным регулятивным структурам относятся стилистические приемы, типы выдвижения, текстовые парадигмы. Наряду с этим исследованы частные регулятивные структуры, такие как регулятивные цепочки [11], тропеические блоки [12], регулятивные структуры атрибутивного типа [15], колоративного типа [16].

Среди регулятивных структур выделены определенные *регулятивные модели*. Они могут быть рассмотрены не только на уровне целого текста (как в работах Н.Г. Петровой [8], И.Н. Тюковой [12], П.А. Становкина [14]), но и в рамках отдельных, относительно автономных в ассоциативно-смысловом отношении фрагментов текста, соответствующих определенной микроцели автора в процессе общего текстового развертывания.

Этому сюжету и посвящена данная статья. Речь идет о *регулятивных структурах смешанного промежуточного типа*, объединяющих регулятивные средства (тропы и т. д.) и регулятивные микроструктуры на уровне стилистических приемов (градации, повторов, персонификации, антитезы и т. д.). Данная регулятивная модель соотносится с актуализацией в сознании читателя определенных ситуаций или фрагментов ситуаций, объединена определенной микроцелью и отражает отдельный промежуточный этап общей целевой программы текста в процессе его развертывания в соответствии с авторским замыслом.

Кратко представим историю вопроса.

Н.Г. Петрова рассматривала *лексическую регулятивную модель* на уровне целого текста, определяя ее как «коммуникативно значимую, концептуально обусловленную сопряженность определенных типов лексических регулятивов, способных наполняться различным лексическим материалом, и создающую объективные условия для постижения концептуального содержания текста» [8, с. 12]. На материале лирики К. Бальмонта исследователем выделены определенные типы данных регулятивных моделей. В исследуемом автором материале все они связаны с заглавием текста и регулятивной структурой, основанной на принципе синтаксического параллелизма: «1) сопряженность заглавия с лексической регулятивной цепочкой; 2) сопряженность заглавия с лексической регулятивной структурой, основанной на принципе синтаксического параллелизма; 3) сопряженность заглавия с лексическими регулятивными структурами, основанными на принципе синтаксического параллелизма; 4) сопряженность заглавия с регулятивной цепочкой и лексической регулятивной структурой, основанной на принципе синтаксического параллелизма» [8, с. 12].

Регулятивные цепочки определялись исследователем на уровне повторов, «представляющих собой союзные и бессоюзные объединения семантически близких или тождественных лексических единиц, которые могут быть как в объеме слов, так и сверхсловных единиц, обусловленных микростратегией автора – актуализировать в сознании читателя важные в коммуникативном отношении элементы ситуации» [11, с. 54].

И.Н. Тюковой были выделены *тропеические блоки*: «Под тропеическим блоком понимается регулятивная структура, включающая совокупность эстетически актуализированных тропов, объединенных в рамках одного или нескольких высказываний функционально и по смыслу» [12, с. 49]. Тропеические блоки рассмотрены как разновидность регулятивных моделей, представлена

их классификация на основе отношений усиления, дополнения и контраста и специфики их проявления («однородности/неоднородности», «стандартности/нестандартности») в последовательно развертывающихся и сопрягающихся лексических тропеических микроструктурах. Исследователем выделены «компаративные регулятивные структуры и тематические блоки, конституированные комбинацией разных видов тропов – смешанные (синкретичные) тропеические регулятивные структуры» [12, с. 50].

С опорой на работы Н.С. Болотновой [3, с. 184; 17, с. 193] в аспекте регулятивности были описаны сильные и слабые тропеические блоки, однородные усилительно-конвергентные структуры и неоднородные (смешанные) структуры парадоксального (парадоксально-антиномичного) типа [12, с. 50–51].

Регулятивные модели интертекстуального типа на уровне целого текста выделил и описал на материале творчества О.Э. Мандельштама П.А. Становкин [14, с. 260–262]. По мнению исследователя, «...под регулятивной моделью (макроструктурой) интертекстуального типа понимается комплекс единиц (заглавия-интертексты, эпиграфы, аллюзии, цитаты, реминисценции) интертекстуального и иного характера, объединенный общей целевой программой, способный управлять познавательной деятельностью читателя в разной степени, в зависимости от индивидуальной манеры автора и коммуникативной компетенции читателя» [14, с. 260]. В зависимости от разной группировки интертекстом как регулятивных средств в стихотворениях автора на уровне целого текста исследователем выделены четыре регулятивные модели интертекстуального типа. Среди них: «1. Лексические регулятивные модели, построенные на сочетании эпиграфа, текстовых ассоциатов и интертекстов разных типов; 2. Лексические регулятивные модели, в состав которых входят заглавие-интертекст, эпиграф, текстовые ассоциаты и интертексты разного типа» и др. [14, с. 260–261].

В качестве специфики данных регулятивных моделей в рамках целого текста исследователем были определены: «1) системность и регулярность их реализации в творчестве автора; 2) наличие в структуре данных моделей различных комплексов регулятивных средств (аллюзий, реминисценций, заглавий-интертекстов, мифологических антропонимов, имен известных писателей и деятелей культуры и т. д.) и формирующихся на их основе регулятивных структур интертекстуального типа (сравнений, обращений, риторических вопросов и т. д.); 3) актуализация регулятивными моделями интертекстуального

типа общей идеи целого текста; 4) использование интертекстуальности как доминанты регулятивности в ряде поэтических текстов автора в связи с их насыщенностью интертекстами; 5) преобладание в лирике О.Э. Мандельштама стихотворений, регулятивные модели которых формируются без опоры на элементы претекста, на основании текстовых ассоциаций и интертекстов разных видов» [14, с. 262].

Подведем некоторые итоги представленного обзора относительно понятия *регулятивная модель* и ее разновидностей. Существуют *регулятивные модели промежуточного типа* на уровне отдельных текстовых фрагментов и *регулятивной макромоделей* целого текста, связанные с его общей лексической структурой. В рассмотренных выше концепциях выделены, во-первых, комбинации регулятивных средств тропеического и нетропеического типа (И.Н. Тюкова); во-вторых, регулятивные модели на уровне микроструктур – повторов (регулятивные цепочки), стилистических приемов, текстовых парадигм; в-третьих, возможны *регулятивные модели смешанного типа на уровне комбинации регулятивных средств и структур* (стилистических приемов). Как показало исследование, модели этого типа характерны для лирики Н.А. Заболоцкого.

Цель статьи – не только уточнить определение регулятивной модели, но и выявить особенности их использования в стихах Н.А. Заболоцкого, написанных в разные годы.

Материал и методы

Материалом для исследования послужили стихотворения разных лет из авторских сборников Н.А. Заболоцкого «Столбцы и поэмы» (1926–1933) и «Стихотворения (1932–1958)» [18]. Исследование основано на использовании методологии коммуникативной стилистики, включая методы семантико-стилистического, контекстуального и сравнительно-сопоставительного анализа.

Результаты и обсуждение

Среди видов регулятивных моделей, репрезентированных на уровне фрагментов поэтического текста, связанных с актуализацией определенных ситуаций или их элементов, в лирике Н.А. Заболоцкого наиболее часто наряду с *тропеическими блоками* (эпитет + сравнение; эпитет + метафора; метафора + сравнение; метафора + метафора) используются регулятивные модели, включающие *сочетания тропеических блоков и стилистических приемов*, среди которых особенно частотна персонификация. В тропеических блоках отмечается использование двойных и

тройных эпитетов, а также двойных сравнений в целях усиления художественно-образной конкретизации объекта описания и его характеристики и оценки.

Как показал анализ, тропеические блоки могут усиливать друг друга и противопоставляться. Из стилистических приемов в рамках регулятивных моделей автор использует не только персонификацию, но и гротеск, инверсию, антитезу, синтаксический параллелизм. Некоторые приемы в составе регулятивных моделей отмечаются в определенных периоды творчества поэта. Это касается, в частности, гротеска.

На раннем этапе творчества Н.А. Заболоцкий стремился поразить читателя, заострить внимание на проблемах бездуховной жизни периода НЭПа, вступить в горячий спор с действительностью. Высветить недостатки миропорядка поэту помогает стилистический прием гротеска, но и этого оказывается мало: чтобы усилить эффект, автор связывает данный художественный прием с другими, чаще всего с метафорой. Так возникает регулятивная модель «метафора + гротеск». В стихотворении «Футбол» (1926) она соединяется с другой регулятивной моделью «метафора + персонификация». Мяч, летящий по футбольному полю, представлен поэтом следующим образом: «*Но к ним через моря и реки, / Просторы, площади, снега, / Расправив пышные доспехи / И накрываясь в меридиан, / Несется шар <...> А шар вертится между стен, / Дымится, пучится, хохочет*» [18, с. 34]. Футбольный мяч, ни разу не названный так (автор обозначает его «шар»), вызывает ассоциации с шаровой молнией, Солнцем и Землей. В «Русском ассоциативном словаре» на слово-стимул «шар» в качестве наиболее частых реакций указаны «земной» (18) и «Земля» (6). Реакция «мяч» в словаре отмечена как единичная [19, с. 729].

Шар персонифицирован, он будто живой, и не просто движущийся, но даже имеющий цель, он «*форварда замучить хочет*». Метафора в связке с персонификацией и гротеском (мяч, запущенный футболистом, летит не просто в пределах поля, а «*через моря и реки, / Просторы, площади, снега*») создает образ обезумевшего, ожившего предмета, метафору Земли, нового мира и устройства жизни.

Прием персонификации используется Н.А. Заболоцким на разных этапах творчества, чаще в связке с метафорой. Так, в стихотворении «Прогулка» (1929) поэт описывает природу, которая могущественна на первый взгляд, но при ближайшем рассмотрении оказывается хрупкой и уязвимой, испытывающей те же муки, что и ее животные, птицы, у которых нет имен, «нет

названия». В описании природы используются алогизм и контраст. Так, река в стихотворении одновременно одушевляется и сопоставляется с девочкой в рамках регулятивной модели «эпитет + + сравнение + персонификация + антитеза»: *«Речка девочкой невзрачной / Притаилась между трав, / то смеется, то рыдает, / Ноги в землю закопав»* [18, с. 81]. Эта регулятивная модель актуализирует в сознании читателя тему природы и ее незащищенности, подчеркивает невинность и уязвимость. Однако уже в следующих строках наблюдаем контрастное сравнение: *«Вся природа улыбнулась, / Как высокая тюрьма»* [18, с. 81]. Природа – своего рода неволя для безымянных животных и птиц. Противоречивость образа природы, подчеркнутая использованием указанной регулятивной модели, делает его более сложным, живым и ярким.

Примеры использования регулятивных моделей «метафора + гротеск», «метафора + эпитет» и «метафора + сравнение» находим также в стихотворении «Цирк» (1928). Автор рисует характерный для стихов раннего творчества фантасмагоричный карнавал, используя сниженную лексику («верещит», «нагишом», «девку» и др.) и большое количество художественных средств и стилистических приемов в описании различных ситуаций. Стихотворение открывается характеристикой представления: *«Цирк сияет, словно щит, / Цирк на пальцах верещит, / Цирк на дудке зазывает, / Душу в душу ударяет!»* [18, с. 74]. Поэт изображает цирковое представление и зрителей: *«Толпа встает. Все дышат, как сапожники, / во рту слюны навар кудрявый»* [18, с. 74]. Здесь автор в связке использует сразу несколько регулятивных средств и структур (сравнение + метафора + эпитет + анафора + синтаксический параллелизм), образующих многокомпонентную регулятивную модель, с помощью которой поэт подчеркивает приземленность, бездуховность общества. Описывая один из цирковых номеров, автор вновь обращается к регулятивной модели, соединяя метафоры и сравнения: *«Тут девочка, пресветлый ангел, / Виясь, плясала вальс-казак. / Она среди густого пара / Стоит, как белая гагара, / То с гитарой у плеча / Реет, ноги волоча»* [18, с. 74].

Таким образом, Н.А. Заболоцкий часто использует регулятивные модели, которые направляют восприятие читателя, способствуют раскрытию авторского замысла при описании ключевых или даже второстепенных образов. Изображение безумного, фантастически преувеличенного представления завершается краткой характеристикой мира, в котором происходит действие: *«Над ними небо было рыто / Веселой*

руганью двойной, / И жизнь трещала, как корыто, / Летая книзу головой» [18, с. 76]. Характерное для эпохи НЭПа и раннего творчества Н.А. Заболоцкого представление о «перевернутости» мира реализуется в данном стихотворении с помощью приемов метафоризации, гротеска (*«небо рыто веселой руганью двойной»; «жизнь трещала, летая книзу головой»*) и усиливается сравнением *«как корыто»*, что в совокупности создает впечатление безумия, балагана, хрупкости жизни.

Регулятивная модель «двойная/тройная метафоризация + стилистический прием гротеска» характерна для ранней лирики, тяготеющей к авангардизму (ср. стихотворения «Белая ночь», «Болельщик», «На рынке», «Свадьба» и др.). Остальные выделенные регулятивные модели активно используются поэтом на всех этапах творчества.

Поздняя лирика Н.А. Заболоцкого характеризуется отказом от эпатажа и склонностью к философскому осмыслению мира и вечных категорий, таких, как жизнь, смерть, любовь, красота и других. В стихотворении «Север» (1936) можно выделить ряд регулятивных моделей. Чаще всего поэтом используются здесь комбинации тропических блоков «метафора + эпитет» и «эпитет + + сравнение». Н.А. Заболоцкий рисует в тексте картину холодного и опасного края. Первая часть стихотворения изображает персонифицированную северную природу, *«где волка валит с ног дыханием пурги», «где люди с ледяными бородами»*. Вторая часть стихотворения посвящена воспеванию силы человеческого разума, создавшего самолет и ледокол, которые оказываются сильнее природы, покоряющейся им.

Первая часть стихотворения богата эпитетами, подчеркивающими труднодоступность и суровость северных земель: *«в желобах гробообразных», «воздух, острый и блестящий», «люди с ледяными бородами», «оледенелый дух»* и др. С эпитетами здесь часто тесно связана метафора. Сравним: *«Где самый воздух, острый и блестящий, / Дает нам счастье жизни настоящей, / Весь из кристаллов холода сложен»* [18, с. 182]. Комбинации нескольких тропических блоков «метафора + эпитет», «эпитет + сравнение» в описании и оценке ситуаций позволяют передать колорит местности, выразить восхищение происходящим, усиливают эстетическое воздействие на читателя: *«Разрезав моря каменную грудь, / Флотилии огромных ледоколов / Необычайный вырубili путь. / Как бронтозавры каменного века, / Они прошли, создания человека, / Плавающие вместилища чудес»* [18, с. 183]. Здесь, описывая флотилии ледоколов, поэт использует также ре-

гулятивную модель «метафора + сравнение». Текст завершается картиной покорения природы человеческому разуму, репрезентантами которой становятся регулятивные модели тропеических блоков и стилистического приема персонификации: «метафора + метафора + эпитет + сравнение + персонификация»: *«И вся природа мертвыми руками / Простерлась к ним, но, брошенная вспять, / Горой отчаянья легла над берегами / И не посмела головы поднять»* [18, с.183].

Регулятивная модель «эпитет + сравнение + сравнение» характерна для творчества Н.А. Заболоцкого разных лет, но наиболее ярко проявляется в поздней лирике. В стихотворении «Весна в лесу» (1935) пробуждающаяся жизнь изображается поэтом с помощью не отдельных художественных средств, а их комбинаций на уровне регулятивных моделей: *«В каждом маленьком растении, / Слово в колбочке живой, / Влага солнечная пенится / И кипит сама собой. / Эти колбочки исследовав, / Слово химик или врач, / В длинных перьях фиолетовых / По дороге ходит грач»* («эпитеты + сравнения») [18, с. 175]. Автору важно заострить внимание читателя на необыкновенной красоте растений, на том, что они полны жизни и у каждого растения, животного или птицы, как и у людей, есть дела, интересы и заботы. Н.А. Заболоцкий стремится к персонификации не только природы в целом, но и отдельных ее частей, и в этом ему помогает наизывание тропов и стилистических приемов в рамках регулятивных моделей.

Другие примеры моделей находим в стихотворении «Снежный человек»: *«Он живет, неведомый для света, / Первобытный выкормыш зверей»* [18, с. 305] («двойной эпитет + метафора»); *«Безмятежный, белый и косматый, / Он порой спускается с высот, / И танцует, словно бесноватый, / И в снежки играет у ворот»* [18, с. 305] («тройные эпитеты + сравнение»). Поэт использует для описания снежного человека сразу несколько регулятивных моделей с целью подчеркнуть его невинность, близость к природе, отличие его жизни и жизни современных людей. Снежный человек сторонится общества, его пугают даже трубы буддийских монахов. А люди не могут его увидеть, потому что он скрытный. Но отгороженность снежного человека от прогресса мнимая: *«Он и знать не знает, что под ним / Громятся атомные бомбы, / Верные хозяевам своим»* [18, с. 305] (регулятивная модель «метафора + персонификация»). Противопоставление силы природы и силы человеческого разума, контраст между ними в этом стихотворении организуется поэтом на уровне лексических регулятивных средств и стилисти-

ческих приемов, образующих регулятивные модели.

Регулятивные модели «метафора + двойной эпитет» выделены нами в стихотворении «Воздушное путешествие» (1947), посвященном полету на самолете. Природа, которую лирический герой видит из иллюминатора, здесь вновь предстает как живой организм: *«Туманно-синий лес, прижатый к организму / Моей живой земли, гнезился между нив»* [18, с. 205]. Метафора организм Земли в сочетании с эпитетом живой наделяет природу способностями размышлять и чувствовать. Ее сила и могущество подчеркиваются регулятивной моделью, включающей тропеические блоки из эпитетов и метафор: *«Блистательных хребтов суровые вершины, / Торжественно скользя под грозный рев машины, / Дохнули мне в лицо дыханьем ледяным»* [18, с. 205]. Метафора хор винтов дополнена эпитетом согласный, эта регулятивная модель усиливает впечатление от сочетания художественных приемов. Винты, словно живые, поют вместе, более того, делают они это в унисон, что не всегда доступно даже людям: *«Я к музыке винтов прислушивался, я / Согласный хор винтов распределял на части»* [18, с. 205]. Комбинация художественных средств позволяет поэту более ярко изобразить предметы, которые, по его замыслу, ведут себя как живые, персонифицировать их.

В стихотворении «Голос в телефоне» (1957) из цикла «Последняя любовь» первая и вторая строфы противопоставлены друг другу: описание голоса в телефонной трубке раньше и сейчас построено по принципу антитезы. В состав двух регулятивных моделей, использованных в первой строфе, входят метафоры и сравнения, усиливающие друг друга: *«Раньше был он звонкий, точно птица, / Как родник, струился и звенел, / Точно весь в сиянии излиться / По стальному проводу хотел»* [18, с. 284]. Вторая строфа описывает голос в телефонной трубке через некоторое время – он стал далеким, предвещающим печаль, а затем и вовсе пропал: *«А потом, как дальнее рыданье, / Как прощанье с радостью души, / ... / Сгинул он в каком-то диком поле, / беспощадной вьюгой занесен...»* [18, с. 284]. Регулятивная модель «сравнение + сравнение + метафора» подчеркивает особую важность голоса для лирического героя: он теряет не просто его, но и любовь, последнюю любовь, если принять во внимание название цикла, а с ней и надежду на счастье.

Стихотворение «Ночной сад» (1936) практически в каждой строке содержит как минимум одно художественное средство. Автор широко

использует эпитеты, метафоры, сравнение и прием персонификации («сад ночной, таинственный орган», «толпы лип вздымали кисти рук» и др.); «Железный Август в длинных сапогах / Стоял вдали с большой тарелкой дичи» (регулятивная модель «метафора + эпитеты + персонификация») [18, с. 179]. В этом стихотворении вновь находим примеры расширения регулятивных моделей: «О, сад ночной, таинственный орган, / Лес длинных труб, приют виолончелей! / О, сад ночной, печальный караван / Немых дубов и неподвижных елей!» [18, с. 179]. Комбинации тропических блоков в сочетании с анафорой и синтаксическим параллелизмом здесь персонифицируют сад, передают восхищение лирического героя могущественными деревьями, которые он видит уснувшими до утра после дневной битвы с приближающейся осенью.

«Грузинские» стихи Н.А. Заболоцкого, вошедшие в сборник «Стихотворения 1932–1958», также богаты яркими и неожиданными эпитетами, сравнениями и метафорами, которые часто объединяются поэтом, образуя регулятивные модели из тропических блоков «метафора + эпитет», «метафора + сравнение», «эпитет + сравнение», стимулируя читателей к вдумчивому анализу, философским размышлениям не только над общей идеей стихотворения, но и над отдельными образами. Так, в стихотворении «Сагурамо» (1947) встречаем комбинацию регулятивных моделей «метафора + эпитеты + сравнение»: «Здесь гор изумрудная гряда / В одежде из груш и кизила, / Как некое древнее чудо, / Навек мое сердце пленила» [18, с. 209]. Лирический герой в журчании источника слышит голоса грузинских поэтов Д. Гурамишвили и его спутников, И. Чавчавадзе, которым в разное время принадлежало имя Сагурамо.

Н.А. Заболоцкий обращает внимание читателей не только на красоту природы, но и на богатство исторического и культурного фона этих мест: «И мир превращался в огромный / Певчий источник величья, / И, песней его изумленный, / Хотел его тайну постичь я» [18, с. 209] (регулятивная модель «метафора + эпитеты + прием инверсии»).

В другом стихотворении, «Храмгэс» (1947), используется антитеза, образованная регулятивными моделями «метафора + сравнение» и «метафора + эпитеты»: «Здесь История пела, как дева, вчера, / Но сегодня от грохота дрогнули горы, / Титанических взрывов взвились веера, / И взметнулись ракет голубых метеоры» [18, с. 207]. Пример регулятивной модели «сравнение + эпитеты» встречаем в стихотворении «Ночь в Пасанаури» (1947): «И вышел я на берег, словно воин, / Холодный, чистый, сильный и земной» [18,

с. 211]. Ряд эпитетов, завершающийся неожиданным определением *земной*, усиленный сравнением «словно воин», выполняет характеризующую и оценочную функции, подчеркивает простоту лирического героя, возвышая при этом сказочно прекрасную природу.

Заключение

Н.А. Заболоцкий не только стремится разнообразить язык своей поэзии, подбирая неожиданные и яркие эпитеты, метафоры, сравнения, но и создает различные комбинации этих и других художественных средств, которые представляют собой регулятивные модели, стимулирующие активную мыслительную деятельность читателей и позволяющие более ярко представить изображаемую картину и события, а также глубже понять авторский замысел. Комбинации тропических блоков в лирике поэта разнообразны, но наиболее частотными можно считать шесть моделей, встречающихся в стихотворениях разных лет: «эпитет + сравнение», «эпитет + метафора», «метафора + сравнение», «метафора + персонификация», «метафора + метафора». Модель «метафора + гротеск» в большей степени характерна для ранней лирики периода авангардизма и членства в литературной организации ОБЭРИУ. В некоторых стихотворениях можно наблюдать использование как одной регулятивной модели, так и нескольких.

В целом к доминантным моделям в творчестве поэта можно отнести регулятивные модели, включающие, кроме разных видов тропических блоков, прием персонификации. В поздней лирике преобладают комбинации тропических блоков, нередко включающие удвоение тропов одного вида. Для творчества автора характерны регулятивные модели с тремя и даже четырьмя компонентами, например: «метафора + двойной эпитет», «эпитет + сравнение + сравнение», «тройной эпитет + сравнение».

Чаще всего поэт использует регулятивные модели с целью акцентировать внимание читателя на образах и идеях, важных для понимания авторского замысла. Нередко с помощью регулятивных моделей, отраженных на уровне отдельных фрагментов текста, Н.А. Заболоцкий усиливает контраст или персонификацию в рамках целого текста. По характеру смысловых отношений и функций в лирике поэта данные регулятивные модели принадлежат к моделям усиительно-конвергентного типа.

Дальнейшее изучение различных регулятивных моделей представляется актуальным для разработки проблемы интерпретации поэтических текстов и анализа идиостилевых особенностей автора.

Список источников

1. Болотнова Н.С., Болотнов А.В., Карпенко С.М. Коммуникативная стилистика текста: биобиблиографический указатель по научному направлению. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2024. 316 с.
2. Сидоров Е.В. Проблемы речевой системности. М.: Наука, 1987. 140 с.
3. Болотнова Н.С. О теории регулятивности художественного текста // *Stylistyka: Stylistika Slowianska – Slavic Stylistics*. Вып. VII. 1998. Opole, 1998. С. 179–188.
4. Болотнова Н.С. Регулятивность // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 328–331.
5. Болотнова Н.С. О связи регулятивной и концептуальной структур поэтического текста // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). Серия: Гуманитарные науки (филология). 2006. Вып. 5 (56). С. 108–113.
6. Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2008. 384 с.
7. Коммуникативная стилистика текста: лексическая регулятивность в текстовой деятельности / Н.С. Болотнова, И.И. Бабенко, Е.А. Бакланова и др.; под ред. Н.С. Болотновой. Томск: Изд-во ТГПУ, 2011. 492 с.
8. Петрова Н.Г. Регулятивная модель как основа смысловой интерпретации поэтических текстов К. Бальмонта // Диалог с текстом: проблемы обучения смысловой интерпретации: материалы V науч.-практ. семинара (25 апреля 2002 г.) / под ред. проф. Н.С. Болотновой. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2002. С. 11–15.
9. Петрова Н.Г. Типы лексических регулятивных структур в поэзии К. Бальмонта // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). Серия: Гуманитарные науки (филология). 1998. Вып. 6 (9). С. 23–29.
10. Кабанина О.Л. Контраст как лексическая регулятивная универсалия в поэзии М.И. Цветаевой: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2022. 23 с.
11. Петрова Н.Г. Лексические регулятивные цепочки в аспекте читательского восприятия // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). Серия: Гуманитарные науки (филология). 2005. Вып. 3 (47). С. 53–58.
12. Тюкова И.Н. Особенности функционирования тропов как лексических регулятивов в поэтических текстах Б. Пастернака (на материале книги «Сестра моя – жизнь») // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). Серия: Гуманитарные науки (филология). 2005. Вып. 3 (47). С. 49–53.
13. Бочкарева Ю.Е. Вариативные лексические повторы как средство регулятивности в лирике М.И. Цветаевой: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск. 2007. 23 с.
14. Становкин П.А. Регулятивные модели интертекстуального типа в лирике О.Э. Мандельштама // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2012. Вып. 1 (116). С. 260–262.
15. Громова А.В. Регулятивный потенциал прилагательных в поэтическом дискурсе М.И. Цветаевой: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2010. 27 с.
16. Кочетова И.В. Регулятивный потенциал цветоименований в поэтическом дискурсе Серебряного века (на материале лирики А. Белого, Н. Гумилева, И. Северянина): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск. 2010. 26 с.
17. Болотнова Н.С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. Томск: Изд-во ТГУ, 1992. 312 с.
18. Заболоцкий Н.А. Столбцы и поэмы 1926–1933. Стихотворения 1932–1958. Стихотворения разных лет. Проза // Собрание сочинений: в 3 т. М.: Художественная литература, 1983. Т. 1. 655 с.
19. Русский ассоциативный словарь. Т. 1: От стимула к реакции: около 7 000 стимулов / Ю.Н. Караулов [и др.]; РАН. М.: АСТ: Астрель, 2002. 781 с.

References

1. Bolotnova N.S. *Kommunikativnaya stilistika teksta: biobibliograficheskiy ukazatel' po nauchnomu napravleniyu* [The communicative stylistics of the text: a bio-bibliographic guide in the scientific field]. Ed. N.S. Bolotnova, A.V. Bolotnov, S.M. Karpenko. Tomsk, TSPU Publ., 2024. 316 p. (in Russian).
2. Sidorov E.V. *Problemy rechevoy sistemnosti* [Problems of speech consistency]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 140 p. (in Russian).
3. Bolotnova N.S. O teorii regul'yativnosti khudozhestvennogo teksta [On the theory of regularity of a literary text]. *Stylistyka: Stylistika Slowianska – Slavic Stylistics*. 1998, Vol. VII. Opole, 1998. Pp. 179–188 (in Russian).

4. Bolotnova N.S. Regulativnost' [Regularity]. In: Kozhina M.N. (ed.) *Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka*. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2003. Pp. 328–331 (in Russian).
5. Bolotnova N.S. O svyazi regulativnoy i kontseptual'noy struktur poeticheskogo teksta [On the relationship between the regulatory and conceptual structures of the poetic text]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2006, vol. 5 (56), pp. 108–113 (in Russian).
6. Bolotnova N.S. *Kommunikativnaya stilistika teksta: slovar'-tezaurus* [Communicative stylistics of the text: thesaurus dictionary]. Tomsk, Tomsk State Pedagogical Sciences Publ., 2008. 384 p. (in Russian).
7. Bolotnova N.S., Babenko I.I., Baklanova E.A. et al. *Kommunikativnaya stilistika teksta: leksicheskaya regulativnost' v tekstovoy deyatel'nosti* [Communicative stylistics of the text]. Ed. N.S. Bolotnova. Tomsk, TSPU Publ., 2011. 492 p. (in Russian).
8. Petrova N.G. Regulativnaya model' kak osnova smyslovoy interpretatsii poeticheskikh tekstov K. Bal'monta [The regulatory model as the basis of semantic interpretation of K. Balmont's poetic texts]. *Dialog s tekstom: problemy obucheniya smyslovoy interpretatsii: materialy V nauchno-prakticheskogo seminara (25 aprelya 2002 g.)* [Dialogue with the text: problems of teaching semantic interpretation: materials of the 5th scientific and practical seminar (April 25, 2002)]. Ed. prof. N.S. Bolotnova. Tomsk, Tomsk State Pedagogical Sciences Publ., 2002. Pp. 11–15 (in Russian).
9. Petrova N.G. Tipy leksicheskikh regulativnykh struktur v poezii K. Bal'monta [Types of lexical regulatory structures in K. Balmont's poetry]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 1998, vol. 6. Seriya: Gumanitarnyye nauki (filologiya). Pp. 23–29 (in Russian).
10. Kabanina O. L. *Kontrast kak leksicheskaya regulativnaya universal'ya v poezii M.I. Tsvetaevoy. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Contrast as a lexical regulatory universal in M.I. Tsvetaeva's poetry. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Tomsk, 2022. 23 p. (in Russian).
11. Petrova N.G. Leksicheskiye regulativnyye tseppochki v aspekte chitatel'skogo vospriyatiya [Lexical regulatory chains in the aspect of reader perception]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2005, vol. 3 (47), pp. 53–58 (in Russian).
12. Tyukova I.N. Osobennosti funktsionirovaniya tropov kak leksicheskikh regulativov v poeticheskikh tekstakh B. Pasternaka (na materiale knigi "Sestra moyá – zhizn'") [An artistic text in a communicative aspect and a comprehensive analysis of lexical level units. Features of the functioning of tropes as lexical regulatives in Boris Pasternak's poetic texts (based on the book "My Sister is Life")]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2005, vol. 3 (47), pp. 49–53 (in Russian).
13. Bochkareva Yu.E. *Variativnyye leksicheskiye povtory kak sredstvo regulativnosti v lirike M.I. Tsvetaevoy. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Variable lexical repetitions as a means of regularity in M. I. Tsvetaeva's lyrics. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Tomsk, 2007. 23 p. (in Russian).
14. Stanovkin P.A. Regulativnyye modeli intertekstual'nogo tipa v lirike O.E. Mandel'shtama [Regulatory models of the intertextual type in O.E. Mandelstam's lyrics]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2012, vol. 1 (116), pp. 260–262 (in Russian).
15. Gromova A.V. *Regulativnyy potentsial prilagatel'nykh v poeticheskom diskurse M.I. Tsvetaevoy. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [The regulatory potential of adjectives in the poetic discourse of M.I. Tsvetaeva. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Tomsk, 2010. 27 p. (in Russian).
16. Kochetova I.V. *Regulativnyy potentsial tsvetonaimenovaniy v poeticheskom diskurse Serebryanogo veka (na materiale liriki A. Belogo, N. Gumilyova, I. Severyanina). Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [The regulatory potential of color names in the poetic discourse of the Silver Age (based on the lyrics of A. Bely, N. Gumilev, I. Severyanin). Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Tomsk, 2010. 26 p. (in Russian).
17. Bolotnova N.S. *Khudozhestvennyy tekst v kommunikativnom aspekte i kompleksnyy analiz edinit leksicheskogo urovnya* [An artistic text in a communicative aspect and a comprehensive analysis of lexical level units]. Tomsk, TSU Publ., 1992. 312 p. (in Russian).
18. Zabolotskiy N.A. Stolbtsy i poetry 1926–1933. Stikhotvoreniya 1932–1958. Stikhotvoreniya raznykh let. Proza [Columns and poems 1926–1933. Poems from 1932 to 1958. Poems from different years. Prose]. *Sobraniye sochineniy: v 3 t.* [Collected Works: in 3 volumes]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1983. Vol. 1. 655 p. (in Russian).
19. Karaulov Yu.N. et al. *Russkiy assotsiativnyy slovar'* [Russian associative dictionary]. Vol. 1. Ot stimula k reaktzii: okolo 7 000 stimulov. Moscow, AST: Astrel' Publ., 2002. 781 p. (in Russian).

Информация об авторах

Болотнова Н.С., доктор филологических наук, профессор, завкафедрой, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

E-mail: nsb@tspu.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4655-5194>; SPIN-код: 3708-6465; ResearcherID: C-4107-2018; Scopus Author ID: 57110427900

Исаева О.В., аспирант, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

E-mail: solvayg@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-0041-5702>; PIN-код: 9012-4732

Information about the authors

Bolotnova N.S., Doctor of Philological Sciences, Professor, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

E-mail: nsb@tspu.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4655-5194>; SPIN-code: 3708-6465; Researcher ID: C-4107-2018; Scopus Author ID: 57110427900

Isaeva O.V., graduate student, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

E-mail: solvayg@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-0041-5702>; SPIN-code: 9012-4732

Статья поступила в редакцию 04.08.2025; принята к публикации 26.09.2025

The article was submitted 04.08.2025; accepted for publication 26.09.2025

УДК 811.161.1'38'42

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-6-114-125>

Средства воздействия в медиадискурсе ведущего Telegram-канала

Алексей Владимирович Болотнов¹, Ольга Сергеевна Галанова²

^{1,2} *Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия*

¹ *avb@tspu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7442-9115>*

² *olga.galanova.04@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-7629-6696>*

Аннотация

Изучение средств и способов речевого воздействия остается актуальной проблемой для разных сфер общения, так как во все времена человеку важно оказывать влияние на собеседников и быть понятым. Особой прагматикой обладают лексические средства, учитывая их многоаспектную сущность и базовый характер для передачи информации и воздействия на адресата. Современная цифровая эпоха не стала исключением, хотя спектр используемых средств общения значительно расширился в связи с новыми информационно-компьютерными технологиями. Антропоцентризм современной научной лингвистической парадигмы, недостаточная изученность информационного и воздействующего потенциала новых медиажанров, новых каналов коммуникации и форматов общения, которые реализуются в Telegram-канале, определяют необходимость исследования медиадискурса ведущего Telegram-канала, оказывающего воздействие на массовую аудиторию. Несмотря на имеющиеся исследования, посвященные медиадискурсу и средствам воздействия в нем, вопрос о средствах воздействия в медиадискурсе ведущих Telegram-каналов остается недостаточно изученным. Это обусловлено новизной платформы и ее спецификой, которая требует отдельного анализа. Цель статьи – выявить и проанализировать основные средства воздействия, используемые в медиадискурсе ведущего Telegram-канала, а также определить их эффективность и влияние на массового адресата. В статье исследуются два публичных открытых Telegram-канала – «Я в меле» и «Кнопочка». Исследование основано на использовании теории речевого воздействия, методов контент-анализа, дискурс-анализа, семиотического и сравнительного анализа каналов. Разработан алгоритм анализа Telegram-каналов, актуальный для изучения прагматики использованных ведущим средств речевого воздействия. Он включает следующие параметры: 1. Содержание и структура: а) цель канала и выбор стратегии; б) формат публикаций; в) разделы/рубрики; г) ключевые темы. 2. Социология канала, соотношение форматов публикаций. 3. Анализ средств воздействия: а) стилистические черты и тип речи; б) лексика с точки зрения употребления, активного/пассивного запаса, экспрессивно-стилистической маркированности; в) визуальные акценты текста; г) интерактивные элементы. 4. Анализ реакции аудитории на публикации (комментарии, репосты). В ходе исследования было выявлено, что использование разнообразных средств воздействия, таких как эмоционально окрашенный текст, визуальные элементы и интерактивные форматы, значительно повышает интерес аудитории. Наиболее эффективными оказались комбинированные подходы, сочетающие текст с визуальными средствами и интерактивными элементами. Визуальные элементы, включая изображения, видео и инфографику, играют ключевую роль в привлечении внимания и улучшении восприятия информации. Посты, содержащие, кроме текстовых сообщений, различный визуальный контент, пользуются большим вниманием и интересом пользователей, имеют больше просмотров. Активность аудитории повышается, если автор использует диалог и обращения, экспрессивно-эмоциональную лексику, риторические вопросы, восклицательные предложения. Эффективное использование языковых и визуальных средств воздействия, диалогических форм общения в медиадискурсе ведущего Telegram-канала привлекает аудиторию, повышает ее интерес к Telegram-каналу. Необходимо учитывать фактор адресата и особенности целевой аудитории в использовании средств воздействия. Полученные результаты могут представлять интерес для функциональной лексикологии, коммуникативной теории текста, медиастилистики.

Ключевые слова: *Telegram-канал, медиадискурс, средства воздействия, методика анализа медиадискурса ведущего*

Для цитирования: Болотнов А.В., Галанова О.С. Средства воздействия в медиадискурсе ведущего Telegram-канала // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 6 (242). С. 114–125. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-6-114-125>

Means of influence in the media discourse of the leading Telegram channel

Alexey V. Bolotnov¹, Olga S. Galanova²

^{1,2} Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

¹ avb@tspu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7442-9115>

² olga.galanova.04@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-7629-6696>

Abstract

The study of means and methods of speech influence remains a pressing issue for various areas of communication, since at all times it is important for a person to have an effect on interlocutors and be understood. Lexical means have special pragmatics, given their various nature and basic character for transmitting information and influencing the addressee. The modern digital age is no exception, although the range of communication tools used has expanded significantly due to new information and computer technologies. The anthropocentrism of the modern scientific linguistic paradigm, the insufficient study of the information and influence potential of new media genres, new communication channels and communication formats that are implemented in the Telegram channel, determines the need to study the media discourse of the leading Telegram channel that has an impact on the mass audience. Despite the existing studies devoted to media discourse and the means of exposure on it, the issue of means of influence in the media discourse of leading Telegram channels remains insufficiently studied. These factors determine the novelty of the platform and its specificity, which requires separate analysis. The purpose of the article is to identify and analyze the main means of influence used in the media discourse of the leading Telegram channel, as well as to determine their effectiveness and impact on the mass addressee. The article examines two public open Telegram channels – “I am in chalk” and the Telegram channel – “Button”. The study is based on the use of speech influence theory, methods of content analysis, discourse analysis, semiotic and comparative analysis of channels. An algorithm for analyzing Telegram channels has been developed, which is relevant for studying the pragmatics of the speech influence tools used by the presenter. It includes the following parameters: 1) content and structure: a) channel purpose and choice of strategy; b) publication format; c) sections/headings; d) key topics; 2) sociology of the channel, the relationship between publication formats; 3) analysis of means of influence: a) stylistic features and type of speech; b) vocabulary in terms of usage, active/passive vocabulary, expressive-stylistic marking; c) visual accents of the text; d) interactive elements; 4) analysis of the audience's reaction to publications (comments, reposts). The study found that using a variety of media, such as emotionally marked text, visual elements and interactive formats, significantly increased audience interest. The most effective approaches were those that combined text with visuals and interactive elements. Visual elements, including images, videos and infographics, are of consequence in attracting attention and improving the perception of information. It has been established that posts with visual content receive more views and audience reactions compared to text publications. Posts that have, in addition to text messages, various visual content, enjoy greater attention and interest from users, and have more views. Audience activity increases if the author uses dialogue and appeals, expressive-emotional vocabulary, rhetorical questions, and exclamatory sentences. Effective use of linguistic and visual means of influence, dialogic forms of communication in the media discourse of the leading Telegram channel attracts the audience, increases its interest in the Telegram channel. It is necessary to take into account the addressee factor and the characteristics of the target audience in the use of means of influence. The results of the study are of interest for functional lexicology, communicative theory of text, and media stylistics.

Keywords: Telegram channel, media discourse, means of influence, methods of analyzing the presenter's media discourse

For citation: Bolotnov A.V., Galanova O.S. Sredstva vozdeystviya v mediadiskurse vedushchego Telegram-kanala [Means of influence in the media discourse of the leading Telegram channel]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 6 (242), pp. 114–125 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-6-114-125>

Введение

Популярность Telegram-канала связана с возможностью быстрого общения и доступностью реакции пользователей на публикуемые материалы независимо от времени. В свете этого изучение средств воздействия в медиадискурсе канала позволяет понять, как формируется мнение массовой аудитории, какова эффективность используемых ведущими языковых и неязыковых средств, что определяет оценку ведущих

Telegram-канала подписчиками, как воспринимается ими предлагаемая информация.

Telegram-канал – это возможность обмена информацией и привлечения общественного внимания как к представленной в нем информации, так и к личности ведущего, который может стать популярным. У каждого канала есть своя целевая аудитория, которую может привлекать личность ведущего и тематика: политика, спорт, финансы, культура, образование (см., например:

[1, 2] и др.). Авторы предлагают свои идеи, общаются новости, получают ответные реакции.

Ведущий Telegram-канала определяет тематику и содержание материалов и публикует их в информационном ресурсе на базе мессенджера Telegram, вступает в диалог с аудиторией. Изучение медиадискурса ведущего Telegram-канала позволяет выявить не только специфику данного типа языковой личности [3], но и определить информационный и прагматический эффект его дискурсивной деятельности.

Медиадискурс – «совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия» [4, с. 152]. Исследователи рассматривают данное понятие по-разному. Наряду с термином *медиадискурс* используется термин *массмедийный дискурс* [5, 6]. Как «тематически сфокусированную, социокультурно обусловленную речемыслительную деятельность в информационном поле массмедиа» рассматривают данное понятие Е.А. Кожемякин и Е.В. Переверзев [7, с. 39]. И.В. Анненкова также связывает данное понятие с языком массовой коммуникации [8, с. 4]. Особая позиция у В.И. Конькова, который связывает понятие «медийный дискурс» с понятием «медийная речь», отмечая, что «основу этого типа речи составляет то, что раньше называли публицистическим стилем» [9, с. 15]. Исследователь допускает и включение в понятие «медийная речь» «повседневной речи социума... в коммуникативной среде интернета» [9, с. 16].

В широком смысле медиадискурс трактуется как «открытое, динамично развивающееся коммуникативное пространство, репрезентируемое каналами массовой коммуникации, характеризующееся нелинейностью, открытостью, поликодовостью» [10, с. 265]. Вслед за Н.С. Болотновой, считаем, что «медиадискурс является более широким по содержанию понятием, так как включает в себя коммуникативные события, осуществляемые не только в СМИ, но и на других информационных площадках (в блогосфере, на форумах и т. д.)» [11, с. 21].

Медиадискурс реализуется в разнообразных жанрах и форматах, таких как новости, статьи, блоги, видео, аудио и другие формы представления информации, характеризуется определенной структурой, стилем и тематикой, которые формируются под влиянием различных факторов, таких как аудитория, цели и задачи информационных продуктов, а также социокультурные и политические контексты их использования.

К особенностям медиадискурса в Telegram можно отнести:

1. Быстроту информационного общения ведущего с подписчиками канала.

2. Возможность интерактивного общения и реакций между ними с учетом взаимных интересов и потребностей.

3. Возможность использования в процессе диалогического общения не только текстовых сообщений, но и видео, аудио, ссылок, фотографий, рисунков и т. д.

4. Анонимность и конфиденциальность, которые могут помочь создать атмосферу доверия и открытости, а также способствовать более свободному выражению мнений.

Изучение средств и способов воздействия медиадискурса в Telegram представляет значительный интерес для разных областей знания, включая функциональную лексикологию, коммуникативную теорию текста, медиастилистику.

В развитие теории речевого воздействия значителен вклад И.А. Стернина. Ученый выделял основные разделы науки о речевом воздействии: риторику как науку «об эффективной публичной речи»; деловое общение (в широком смысле) как науку «об эффективном общении при достижении предметной или информационной цели»; рекламу как науку «об эффективном продвижении товара на рынке (в ее текстовой, языковой составляющей)» [12, с. 4–5]. Среди основных целей речевого воздействия [12, с. 63] им выделяются информационные, предметные и коммуникативные цели речевого воздействия. Информационные цели заключаются в получении или передаче информации. Предметные цели преследуют получение конкретных неязыковых результатов. Коммуникативные цели связаны с установлением и поддержанием контакта с собеседником. К основным способам речевого воздействия исследователем отнесены: доказательство, убеждение, уговаривание, внушение, приказ, просьба, принуждение [12, с. 61–62].

Под речевым воздействием в медиа Ж. Сладкевичем понимается «речевая коммуникация посредством медиаресурсов, взятая в аспекте ее целенаправленности, мотивационной обусловленности и планируемой эффективности; влияние на широкую аудиторию при помощи языковых и других семиотических средств для достижения поставленной адресантом цели [13, с. 96].

Средства воздействия – это лингвистические и экстралингвистические элементы и приемы, используемые для восприятия аудитории и влияния на нее. Средства и способы воздействия в Telegram могут включать в себя различные экспрессивные языковые элементы разных уровней

и техники, такие как аргументация, убеждение, манипуляция, использование авторитетных источников. Средства воздействия играют важную роль в медиадискурсе, помогая авторам формировать определенное отношение аудитории к транслируемой информации о различных фактах, событиях и явлениях.

В работах таких авторов, как Т.Г. Добросклонская [14], М.Р. Желтухина [15], Л.Б. Темникова [16] и др., конкретизируются основные характеристики медиадискурса, его функции и цели, типы. Исследователи отмечают, что медиадискурс отличается от других видов дискурса своей массовостью, публичностью и ориентацией на формирование общественного мнения. Рассматриваются различные языковые и речевые средства, которые используются для воздействия на аудиторию, в работах М.Ю. Федосюка [17], И.В. Анненковой [8] и др.

Например, по характеру воздействия М.Ю. Федосюк [17] выделил семантические, прагматические и стилистические средства эмоционального воздействия. Семантические связаны с содержанием высказывания, прагматические обусловлены характером речевого поведения говорящего, а стилистические зависят от особенностей выбора языковых средств.

На зависимость выбора средств воздействия в разных видах массмедийного дискурса от коммуникативного контекста и интенций участников общения указывают Н.Д. Павлова и А.А. Григорьева [18, с. 124].

В последние годы все больше внимания уделяется изучению средств воздействия в социальных сетях и мессенджерах, включая Telegram. Исследования показывают, что в этих каналах коммуникации используются специфические средства воздействия, которые учитывают особенности аудитории и формат общения.

Цель статьи – выявить и проанализировать основные средства воздействия, используемые в медиадискурсе ведущего Telegram-канала, а также определить их эффективность и влияние на массового адресата.

Материал и методы

В статье исследуются два публичных открытых Telegram-канала: «Я в меле» [19] и «Кнопочка» [20]. В качестве материала в первом взяты медиатексты за месяц (с 03.02.2025 по 03.03.2025) в количестве 84 публикаций разного формата (информация о просмотрах, комментариях, реакциях). В качестве материала в Telegram-канале «Кнопочка» рассмотрены медиатексты за три месяца (с 07.12.2024 по 07.03.2025) в количестве восьми публикаций

разного формата, включая информацию о просмотрах, комментариях, реакциях.

Исследование опирается на теорию речевого воздействия, использование методов контент-анализа публикаций канала для выявления основных тем, ключевых слов и фраз, а также определения частоты их использования; дискурс-анализ – для изучения языковых и стилистических особенностей текстов и выявления стратегий и тактик воздействия на аудиторию; семиотический анализ визуальных элементов (изображений, видео, инфографики) – для оценки их роли в восприятии информации; сравнительный анализ каналов для определения уникальных особенностей и специфики воздействия данного канала.

Результаты и обсуждение

Для изучения особенностей воздействия Telegram-каналов с точки зрения использованных ведущими различных средств и способов нами предложен алгоритм анализа. Он основан на ранее выделенных [21] общих принципах и методике дискурсивного анализа и включает следующие параметры:

1. Содержание и структура: а) цель канала и выбор стратегии; б) формат публикаций, жанровая специфика; в) разделы/рубрики; г) ключевые темы.
2. Социология канала, соотношение форматов публикаций.
3. Анализ средств воздействия: а) стилевые черты и тип речи; б) лексика с точки зрения употребления, активного/пассивного запаса, экспрессивно-стилистической маркированности; в) визуальные акценты текста; г) интерактивные элементы.
4. Анализ реакции аудитории на публикации (комментарии, репосты).

Данный алгоритм имеет комплексный характер, включает акценты на цели и содержании (тематике) материалов, их структуре и жанровых особенностях, форме выражения (лингвистических и экстралингвистических средствах и способах), а также анализе обратной связи (коммуникативно-прагматическом эффекте).

В качестве примера представим анализ материалов публичного открытого Telegram-канала «Я в меле» [19] (далее материал цитируется из этого источника). Это медиатексты, размещенные в течение месяца (с 03.02.2025 по 03.03.2025), в количестве 84 публикаций разного формата с информацией о просмотрах, комментариях, реакциях.

1. Содержание и структура.

А. Цель канала – просвещение, формирование имиджа, личного бренда. Стратегии информиро-

вания и самопрезентации. Основная тематика и жанр: личный блог с использованием образовательного контента в направлении СММ-копирайтинга, развития соцсетей и пресс-служб.

Б. Формат публикаций: текстовые посты, видеосообщения, аудиосообщения, фотографии.

В. Разделы/рубрики:

– «Жизнь в картинках» (*«Продолжаю запечатлевать все, что в течение каждого дня кажется мне хорошим и прекрасным»*);

– «Фоточки с мероприятия».

Г. Ключевые темы: воспитание и образование детей, СММ-продвижение, личная история, создание личного бренда, ведение социальных сетей, работа с общественностью.

2. Социология канала. Соотношение форматов публикаций.

На момент сбора материала на канал были подписаны 247 человек. За взятый для анализа период времени в Telegram-канале было выпущено 84 медиапоста, из которых: 39 % – текстовые, 28 % – с фотографиями, 27 % – видеосообщения, 1 % и 3 % – опрос и аудиосообщения соответственно. В среднем каждая публикация собирала 184 просмотра при 247 подписчиках. Среднее количество комментариев – 6, среднее количество «реакций» – 19.

3. Анализ средств воздействия.

А. Стилиевые черты и тип речи.

Стиль текста – разговорный. К характерным чертам можно отнести: использование неполных предложений (*«Возможности – огонь»*; *«Медиа игра для детей – все!»*), а также восклицательных/вопросительных/побудительных предложений (*«Друзья, приготовьтесь!»*; *«Юные медики, внимание!»*; *«Как же так могло случиться?»*); использование частиц и междометий (*«Ох»*, *«Эх!»*; *«Ау!»*).

Присутствуют разные типы речи.

Повествование. Рубрика «Жизнь в картинках» подчинена этому типу речи, потому что содержит в себе последовательный краткий рассказ о событиях. Характерно преобладание глаголов, преимущественно прошедшего времени (*«думала»*, *«снимали»*, *«провела»*, *«подавали»*), последовательное повествование о событиях (зачастую оно дробится на дни недели и соответствует каждой прикрепленной фотографии), определение места и времени (*«конец недели»*, *«Северское медиа»*, *«на работе»*) указывают на данный тип речи (рис. 1 [19]).

Рассуждение. Касается медиапостов на тему обучения, воспитания, СММ-продвижения. Один из таких медиапостов повествует о выборе рода деятельности ведущим (<https://t.me/alinaavmele/897>). Имеется акцент на последовательности изложе-

ния (*«Путешествуя...»* – *«Возвращаясь...»* – *«Так в первый же год...»* – *«Да, пока что...»*) с выводами в конце (*«Вот такая у меня мечта. Мечтаем по-крупному»*).

Как я запомню эту неделю:

1. Понедельник был прекрасен! Только работы много в этот день недели. Хотя была возможность поймать утренние лучи.

2. День съемок и записей. Ходили с ребятами на радио, записывать вторую программу уже! Горжусь и радуюсь.

3. Наша медиа-игра. Такой получился кайфурик! Люблю я все-таки подобные движняки. Меня зарядило настолько, что даже хочется завтра работать.

4. По четвергам у нас занятия в региональном медиа. В этот раз занятие вела я, но не одна, а с секретарем-любимкой. Помощник неплох, но иногда лает на солнечных зайчиков и пищит игрушки во время занятий.

5. Завершился курс повышения квалификации! Осталось только получить сертификат. Было полезно, но не очень интересно.

6. Выходной не может быть плохим, ведь он выходной! Субботнее утро растянулось на 1,5 часа лежания в кровати с чашкой кофе. Прекрасное было утро!

7. Любимую вернул из командировки! И привез мне снова капсулу по Гарри Поттеру. Пищащий восторг!

Я уже два месяца тщательно фиксирую все, что со мной происходит. И это помогает мне не забывать, что в жизни кроме работы еще столько всего значимого и классного! Вот сколько было в одной этой неделе! Надеюсь, мне не надоест

Рис. 1. Пост от 24.02.2025 (@alinaavmele)

Б. Автор использует эмоционально окрашенные слова, включая просторечные, индивидуально-авторские и жаргонизмы: *«хуки»*, *«зумерское клиповое мышление»*, *«тип схавал»*, *«чудище»* (по отношению к термину «баннерная слепота»), *«нельзяграм»*, *«любимки»* (по отношению к ученикам), *«мошкин»* (по отношению к возлюбленному), *«татухи»*, *«перебдеть»*, *«сторителлинг»*, *«плюс вайб»*.

В. Визуальные акценты текста.

В большинстве медиапостов присутствует деление текста на абзацы. Начальные строки медиапоста выделяются курсивом или жирным шрифтом.

Достаточно часто в ряде постов присутствуют фотографии автора и рисунки [19].

В конце рассуждений часто используются фразы, стимулирующие аудиторию к рассуждениям по теме в комментариях (*«Вот такие рассуждения с утра. Как думаете, что нас ждет дальше?»*; *«А пока вопрос! Как вы думаете, попадется ли мне профессор Трилони, как я хотела,*

или нет?»; «Хочу узнать ваше мнение – что вы подумали обо мне, когда впервые мы с вами встретились?»). Начальные строки медиапоста выделяются курсивом (рис. 2).

На этой неделе я немножко предала свое обещание фиксировать все в своей жизни несмотря и вопреки. Но что-то все же удалось поймать.

Рис. 2. Пост от 02.03.2025 (@alinavmele)

Жирным шрифтом выделяются как начальные строки медиа-постов, так и начало абзаца (рис. 3).

Еще одни любимки — Каргасокский район. Говорят, каждую субботу смотрят лекции с нашего обучения. Сегодня у них на повестке моя про телеграм.

Рис. 3. Пост от 01.03.2025

Г. Интерактивные элементы.

В Telegram-канале имеется возможность оставлять реакции на медиапосты и комментировать их.

Присутствуют опросы. Один из таких — «Знали про „баннерную слепоту“?», который служил сюжетной подводкой к знакомству ведущего с этим понятием, а впоследствии — аудитории. В опросе проголосовало 42 человека («Да» — 10 %, «Нет» — 33 %, «Ну, видимо, от тебя и узнаем» — 57 %).

4. Анализ реакции аудитории на публикации (реакции, комментарии, репосты).

Рубрика «Жизнь в картинках» пополняется еженедельно, собирает среднее количество реакций (<https://t.me/alinaavmele/922> — 27, <https://t.me/alinaavmele/942> — 16), не собирает комментарии, просмотры составляют ниже среднего. Здесь используется больше повествовательный тип речи, в медиатексте ведущий не призывает к взаимодействию, поэтому активность с данной формой медиапоста небольшая.

Специальные фразы, стимулирующие аудиторию («Кидайте огни, если хотите, чтобы я вам тоже рассказала», «Если хотите ссылку на мой запрещеннограм — дайте знать огоньками»), которые применяет ведущий, положительно сказываются на активности: количество реакций увеличивается в несколько раз (<https://t.me/alinaavmele/959> — 52, <https://t.me/alinaavmele/905> — 36), количество просмотров возрастает (рис. 4).

В медиатекстах, где автор использует эмоционально окрашенные слова, жаргонизмы, заимствованные слова (<https://t.me/alinaavmele/892>: «татушка», «сторителлинг», «кидайте» (в отношении взаимодействия аудитории с «реакциями»)) и пользуется форматированием текста, ак-

тивность аудитории значительно возрастает: увеличивается количество реакций и комментариев (в данном случае превышает средние показатели на 12 и 1 соответственно).

В Telegram-канале присутствуют «плохие» реакции (смайлики, воспринимаемые субъектом с негативной коннотацией: клоун, палец вниз (дизлайк) и др.), однако аудитория данного канала не пользуется ими при реагировании на информацию ведущего. Можно сделать вывод, что ведущий доносит информацию ясно, аргументирует свою точку зрения, является «лидером мнений».

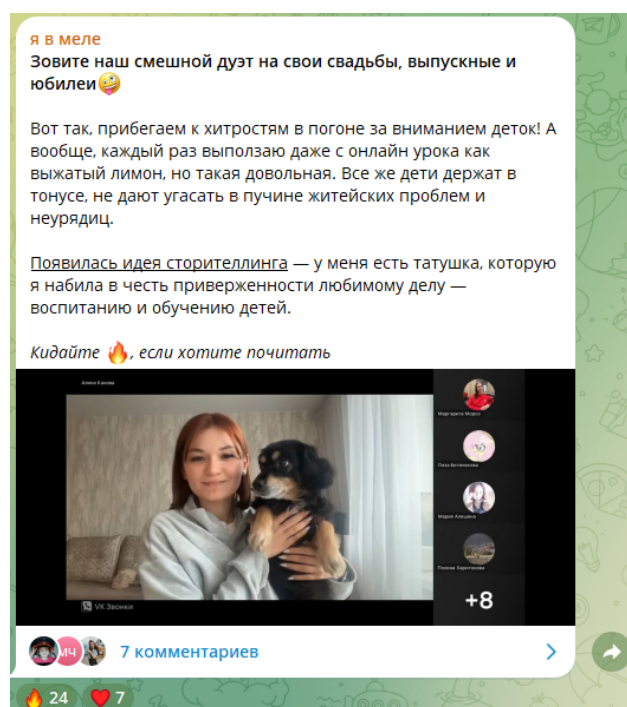

Рис. 4. Пост от 20.02.2025 (@alinavmele)

Ведущий часто обращается к аудитории за обратной связью, советом или мнением, пользуясь абзачным членением, смайликами и фразами-стимуляторами, предлагая вступить в диалог. В комментариях часто можно увидеть ответы ведущего на комментарии своих подписчиков, что говорит о взаимодействии и заинтересованности обеих сторон (ср. обсуждение в комментариях под постом от 19.02.2025).

В результате анализа Telegram-канала «Я в меле» [19] можно сделать выводы о том, что его ведущий, сочетая разные средства взаимодействия и понимая запросы его аудитории, актуальность тем и форматов, смог выстроить эффективную стратегию ведения Telegram-канала.

Рассмотрим особенности еще одного из публичных открытых Telegram-каналов — «Кнопочка» [20] (далее материал цитируется из этого источника). В качестве материала взяты медиатексты за три месяца (с 07.12.2024 по 07.03.2025)

в количестве восьми публикаций разного формата, информация о просмотрах, комментариях, реакциях.

1. Содержание и структура.

А. Цели: информационно-рекламная, образовательная, маркетинговая. Стратегии информирования, воздействия, продвижения товара. Основная тематика: образовательный контент в СММ, дизайне и рекламе.

Б. Формат публикаций: текстовые публикации с инфографикой (статистические схемы, наглядные примеры для доказательства изложенного в тексте).

В. Разделы/рубрики: «Новогодний розыгрыш среди подписчиков» («В этом канале есть новогодняя традиция – каждый год я разыгрываю небольшие подарки среди подписчиков... Расскажите, какие хорошие события случились с вами в 2024. А я 5 января случайным образом выберу 3 победителей»).

Г. Ключевые темы: образование, социология, исследования, дизайн, маркетинг, текст.

2. Социология канала. Соотношение форматов публикаций.

На момент сбора материала для статьи на канал были подписаны 6 601 человек. За рассматриваемый период времени в Telegram-канале было выпущено восемь медиапостов, из которых: 100 % – текстовые, 92 % – с фотографиями, 8 % – с видео. В среднем каждая публикация собирала 4 128 просмотров при 6 601 подписчике. Среднее количество комментариев – 10, среднее количество «реакций» – 104.

3. Анализ средств воздействия.

А. Стилиевые черты и тип речи.

Стиль речи – синкретичный, это сочетание элементов научного, делового, публицистического и разговорного стилей. Для материалов характерны: информационная насыщенность (в одном медиатексте раскрывается суть единичного исследования; отсутствует сюжетная связь между медиатекстами – они могут существовать обособленно друг от друга), доступность изложения (в тексте присутствуют специальные слова, однако медиапосты ориентированы на широкую аудиторию, поэтому таких лексем не очень много или они понятны большому количеству пользователей), структурированность текста (в каждом медиатексте присутствует вступление, основная часть, выводы/результаты и послесловие ведущего, в котором он дает свои комментарии).

Основной тип речи – *рассуждение*. Ведущий Telegram-канала представляет обзор уже проведенных исследований, у которых есть гипотеза, задачи, ход экспериментов, результаты. Для этого типа речи характерно наличие вводных/заключительных

частей («Исследователи решили проверить, как разные формулировки про скидки влияют на размер корзины пользователей»; «Участникам эксперимента сказали...»; «Результат:

Напиток с сопоставленным описанием выбрали значительно чаще. Рина купили 74 % участников, а Soti – 26 %»; «Еще есть исследования о том, как обещание вознаграждения за отзыв влияет на пользователей. Расскажу в следующий раз»). Используются ссылки на исследования (см. ниже).

Б. Анализ средств воздействия: словоупотребление.

В тексте присутствует книжная лексика («качество», «компетентность»), специальная, характерная для журналистики («респондентам», «эффект якоря», «однонаправленные сообщения»), экспрессивно и стилистически маркированные слова («милая штука» (по отношению к приложению), «ребятки»), заимствованные слова («бренд», «лояльность», «клиенты», «бейдж», «лейбл», «ноунейм-бренд»).

Дополнительно можно отметить, что в каждом тексте присутствуют цифры, которые конкретизируют разные данные: количество человек или показателей («600 респондентов», «63 балла», «8 экспериментов», «2 группы»), проценты («74 %», «26 %», «27 %»), денежные суммы («\$2538», «10850P»). Ведущий таким образом подчеркивает опору на точные показатели, статистику. Фактическая точность – важный критерий содержания.

В. Визуальные акценты текста.

Каждый медиатекст разделен на абзацы, что соответствует содержанию и специфике канала, служит смысловому разделению текста и лучшему восприятию. При выделении пунктов («Эксперимент 1», «Результат»), терминологии («Тупоход»), вступлений («Одно сообщение – одно направление») используются: форматирование текста (жирный шрифт, курсив, подчеркивание), специальные символы (стрелочки, тире, кружочки, треугольники), смайлики («взгляд», «деньги», различные варианты смайликов с изображением рук) (рис. 5 [20]).

Каждый медиатекст сопровождается изображением, которое соответствует содержанию исследования, описываемого в посте. Большая часть – схемы и гистограммы, используемые для наглядности и привлечения внимания (рис. 6 [20]).

Г. Интерактивные элементы.

Основные интерактивные элементы – активные ссылки на исследования-источники, которые присутствуют в каждом медиатексте. Они выделены голубым цветом, зачастую акцентированы словами «исследователи», «в блоге», «эксперимент», «в другом исследовании» и т. д. (рис. 7 [20]).

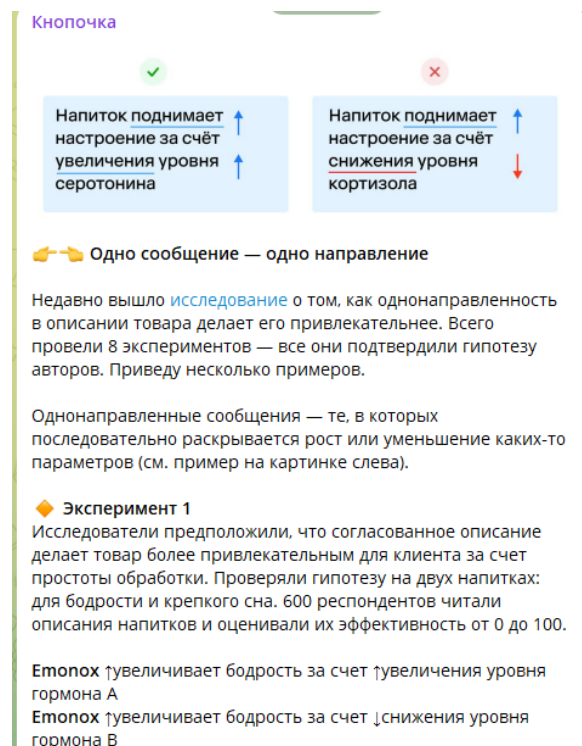

Рис. 5. Пост от 04.02.2025 (@microcopy)

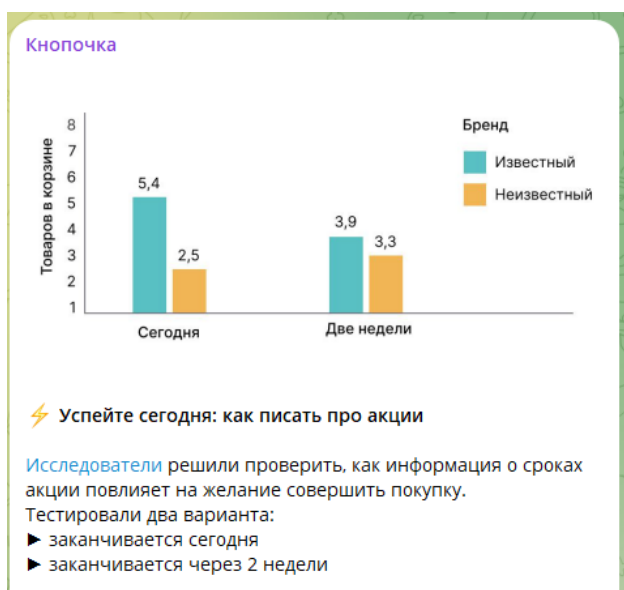

Рис. 6. Пост от 20.12.2024 (@microcopy)

Результат
В обоих случаях пользователи занижали итоговую стоимость. Для 9 компонентов — на 27%, для 2 компонентов — на 14,6%. Исследователи объясняют это эффектом якоря. Цена с 9 компонентами казалась более справедливой и привлекательной, чем с 2 — 6 баллов против 5.

Кстати, в другом исследовании проверяли, что будет, если в детализации отразить так называемые «этические компоненты». Например, углеродный налог. Эффект был противоположным — пользователям цена казалась менее справедливой. То есть такие детали выгоднее не показывать отдельно

Рис. 7. Пост от 27.01.2025 (@microcopy)

4. Анализ реакции аудитории на публикации (реакции, комментарии, репосты).

В Telegram-канале отсутствуют отрицательные реакции, открыты комментарии, поэтому свою реакцию на информацию пользователи могут высказать в обсуждениях. Ведущий активно взаимодействует с комментаторами, отвечая на комментарии с советами, вопросами и просьбами (рис. 8 [20]).

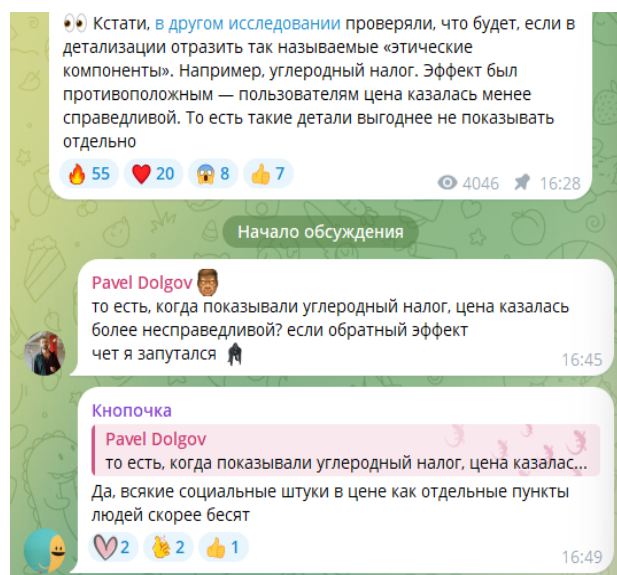

Рис. 8. Обсуждение в комментариях под постом от 27.01.2025 (@microcopy)

Больше всего комментариев получил пост про новогодний розыгрыш. Ведущий применил фразу-стимул («В прошлом году я уже просила поделиться классными событиями, которые произошли с вами за год. Комментарии были просто волшебными — я их потом даже несколько раз перечитывала. Давайте повторим?»). Было указано вознаграждение за проявление активности («Расскажите, какие хорошие события случились с вами в 2024. А я 5 января случайным образом выберу 3 победителей»).

Количество реакций зависит от темы медиатекста: чем актуальнее тема исследования, тем больше активность. Однако постоянно удерживается уровень среднего количества.

В целом ведущий Telegram-канала «Кнопочка» [20] использует одни и те же средства воздействия: форматирование текста, одно изображение для иллюстрации, одни и те же значки и смайлики. Это отражается на неизменной статистике показателей. Стоит отметить, что пользователи оставляют объемные комментарии в обсуждениях под медиатекстами, открыто вступают в дискуссию, делятся своими эмоциями по теме, что говорит о правильно выстроенной

коммуникации между адресатом и адресантом медиатекста.

Заключение

Telegram-каналы играют важную роль в современном медиапространстве, обеспечивая доступ к разнообразной информации, способствуя формированию общественного диалога. Ключевым аспектом эффективного использования средств воздействия в медиадискурсе является определение и понимание целевой аудитории канала. Это позволяет адаптировать контент и используемые методы воздействия в соответствии с интересами, потребностями и предпочтениями читателей.

Сравнительный анализ двух Telegram-каналов «Я в меле» и «Кнопочка», отличающихся по количеству подписчиков, целям, тематике и стилю медиапостов, позволил выделить некоторые общие особенности в использовании средств воздействия на массового адресата.

Судя по ответной реакции подписчиков Telegram-канала, экспрессивно и стилистически маркированные слова и выражения, различные предложения ведущего поучаствовать в опросах, конкурсах, обращения, восклицания и риторические вопросы, отражающие доброжелательную тональность диалога ведущего с аудиторией, усиливают влияние на нее. Важным фактором является также использование аудио, видео, различных графических средств и изображений.

Полученные результаты представляют интерес для функциональной лексикологии, коммуникативной теории текста, медиастилистики. В дальнейшем можно обратиться к детальному анализу эффективности средств воздействия в зависимости от тематики и аудитории канала, к выявлению наиболее эффективных методов коммуникации с различными группами пользователей, имеющих разные параметры.

Список источников

1. Малышева Е.Г. Telegram-канал ХК «Авангард»: тематические доминанты, форматы и жанры. Стилистические особенности медиатекстов // Теория медиа и медиалингвистики: научно-исследовательские подходы, достижения, перспективы: сб. материалов I Всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 5–6 марта 2025 г.) / отв. ред. Е.Г. Малышева. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та им. Ф.М. Достоевского, 2025. ICD-ROM. загл. с титульного экрана. С. 111–113.
2. Рябцев А.А., Гуров С.В., Лисовская Е.С. Telegram как способ для развития личного бренда // Теория медиа и медиалингвистики: научно-исследовательские подходы, достижения, перспективы: сб. материалов I Всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 5–6 марта 2025 г.) / отв. ред. Е.Г. Малышева. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та им. Ф.М. Достоевского, 2025. ICD-ROM. загл. с титульного экрана. С. 108–110.
3. Извекова Ю.Б., Болотнова Н.С. Особенности коммуникативного стиля писателя Анны Матвеевой в Telegram-канале // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 4 (240). С. 78–85. doi: 10.23951/1609-624X-2025-4-78-85
4. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (современная английская медиаречь): учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2008. 263 с.
5. Добросклонская Т.Г. Массмедийный дискурс в системе медиалингвистики // Медиалингвистика. 2015. № 1 (6). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/massmediyny-diskurs-v-sisteme-medialingvistiki> (дата обращения: 09.07.2025).
6. Добросклонская Т.Г. Массмедийный дискурс как объект научного описания // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 13 (184). Вып. 22. С. 181–187. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/massmediyny-diskurs-kak-objekt-nauchnogo-opisaniya> (дата обращения: 09.07.2025).
7. Кожемякин Е.А., Переверзев Е.В. Подходы к изучению медиадискурса в современной междисциплинарной среде // Журналистика и медиаобразование. Белгород, 2008. С. 39–44.
8. Анненкова И.В. Риторика как универсальная основа описания медиадискурса // Стилистика сегодня и завтра: медиатекст в прагматическом, риторическом и лингвокультурологическом аспектах: доклады Междунар. науч. конф. М.: Факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, 2010. С. 3–6.
9. Коньков В.И. Медийный дискурс: содержание понятия // Теория медиа и медиалингвистики: научно-исследовательские подходы, достижения, перспективы: сборник материалов I Всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 5–6 марта 2025 г.) / отв. ред. Е.Г. Малышева. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та им. Ф.М. Достоевского, 2025. ICD-ROM. загл. с титульного экрана. С. 15–16.
10. Болотнов А.В. Текстовая деятельность как отражение коммуникативного и когнитивного стилей информационно-медийной языковой личности. Томск: Изд-во Томского ЦНТИ, 2015. 274 с.
11. Болотнова Н.С. Методики смыслового и лингвопрагматического анализа медиатекста: учебное пособие. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2019. 156 с.
12. Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. Воронеж: Истоки, 2001. 232 с.

13. Сладкевич Ж. Речевое воздействие в медиа // Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник / под ред. Л.Р. Дускаевой. М.: ФЛИНТА, 2018. С. 96–99.
14. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: теория, методы, направления. Интеллектуальная издательская система Ridero, 2020. 180 с.
15. Желтухина М.Р. Медиадискурс // Дискурс-Пи. 2016. № 3-4. С. 292–296. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediadiskurs-1> (дата обращения: 10.03.2025).
16. Темникова Л.Б. К вопросу о типологии медиадискурса // Научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. № 119. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-tipologii-mediadiskursa> (дата обращения: 23.02.2025).
17. Федосюк М.Ю. Исследование средств речевого воздействия и теория жанров речи // Жанры речи. 1997. № 1. С. 66–88.
18. Павлова Н.Д., Григорьева А.А. Средства воздействия в массмедийном дискурсе: сравнительный анализ теледебатов, телебесед и ток-шоу // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 2. С. 122–125. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-vozdeystviya-v-mass-mediynom-diskurse-sravnitelnyy-analiz-teledebatov-telebesed-i-tok-shou> (дата обращения: 10.07.2025).
19. Я в меле: Telegram-канал. URL: <https://t.me/alinavmele> (дата обращения: 09.02.2025).
20. Кнопочка: Telegram-канал. URL: <https://t.me/microcopy> (дата обращения: 09.02.2025).
21. Болотнов А.В. Общие принципы и методика дискурсивного анализа // Русская речевая культура и текст: материалы XIII Междунар. науч. конф. (Томск, 16–17 мая 2024 г.) / под общ. ред. проф. Н.С. Болотновой; Томский государственный педагогический университет. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2024. С. 25–31.

References

1. Malysheva Ye.G. Telegram-kanal KHK “Avangard”: tematischekiye dominanty, formaty i zhanry, stilisticheskiye osobennosti mediatekstov [Telegram channel of the Avangard hockey club: thematic dominants, formats and genres. Stylistic features of media texts]. *Teoriya media i medialingvistiki: nauchno-issledovatel'skiye podkhody, dostizheniya, perspektivy: sbornik materialov I Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Omsk, 5–6 marta 2025 g.)* [Media Theory and Media Linguistics: Research Approaches, Achievements, Prospects: Collection of Materials of the I All-Russian Scientific and Practical Conference (Omsk, March 5–6, 2025)]. Editor-in-chief E.G. Malysheva. Omsk, Publishing House of Omsk State University named after F.M. Dostoevsky Publ., 2025. 1CD-ROM. title from the title screen. Pp. 111–113 (in Russian).
2. Ryabtsev A.A., Gurov S.V., Lisovskaya Ye.S. Telegram kak sposob dlya razvitiya lichnogo brenda [Telegram as a way to develop a personal brand]. *Teoriya media i medialingvistiki: nauchno-issledovatel'skiye podkhody, dostizheniya, perspektivy: sbornik materialov I Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Omsk, 5–6 marta 2025 g.)* [Media Theory and Media Linguistics: Research Approaches, Achievements, Prospects: Collection of Materials of the I All-Russian Scientific and Practical Conference (Omsk, March 5–6, 2025)]. Editor-in-chief E.G. Malysheva. Omsk, Publishing House of Omsk State University named after F.M. Dostoevsky Publ., 2025. 1CD-ROM. title from the title screen. Pp. 108–110 (in Russian).
3. Izvekova Yu.B., Bolotnova N.S. Osobennosti kommunikativnogo stilya pisatelya Anny Matveyevoy v Telegram-kanale [Features of the communicative style of the writer Anna Matveeva in the Telegram channel]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 4 (240), pp. 78–85 (in Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2025-4-78-85
4. Dobrosklonskaya T.G. *Medialingvistika: sistemnyy podkhod k izucheniyu yazyka SMI (Sovremennaya angliyskaya mediarech')*: uchebnoye posobiye [Medialinguistics: a systematic approach to studying the language of the media (Modern English media speech): a textbook manual]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2008. 263 p. (in Russian).
5. Dobrosklonskaya T.G. Massmediynyy diskurs v sisteme medialingvistiki [Mass media discourse in the system of medialinguistics]. *Medialingvistika – Medialinguistics*, 2015, no. 1 (6) (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/massmediynyy-diskurs-v-sisteme-medialingvistiki> (accessed 9 July 2025).
6. Dobrosklonskaya T.G. Massmediynyy diskurs kak ob'yekt nauchnogo opisaniya [Mass media discourse as an object of scientific description]. *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki – Scientific bulletin of Belgorod State University. Series: Humanities*, 2014, no. 13 (184), issue 22, pp. 181–187 (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/massmediynyy-diskurs-kak-obekt-nauchnogo-opisaniya> (accessed 07 September 2025).
7. Kozhemyakin Ye.A., Pereverzev Ye.V. Podkhody k izucheniyu mediadiskursa v sovremennoy mezhdistsiplinarnoy srede [Approaches to the study of media discourse in a modern interdisciplinary environment]. *Zhurnalistika i mediaobrazovaniye* [Journalism and media education]. Belgorod, 2008. Pp. 39–44 (in Russian).

8. Annenkova I.V. Ritorika kak universal'naya osnova opisaniya mediadiskursa [Rhetoric as a universal basis for describing media discourse]. *Stilistika segodnya i zavtra: mediatekst v pragmaticheskom, ritoricheskom i lingvokul'torologicheskom aspektakh. Doklady Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Stylistics today and tomorrow: media text in pragmatic, rhetorical and linguocultural aspects. Reports of the International Scientific Conference]. Moscow, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University Publ., 2010. Pp. 3–6 (in Russian).
9. Kon'kov V.I. Mediynny diskurs: sodержaniye ponyatiya [Media discourse: the content of the concept]. *Teoriya media i medialingvistiki: nauchno-issledovatel'skiye podkhody, dostizheniya, perspektivy: sbornik materialov I Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Omsk, 5–6 marta 2025 g.)* [Media Theory and Media Linguistics: Research Approaches, Achievements, Prospects: Collection of Materials of the I All-Russian Scientific and Practical Conference (Omsk, March 5–6, 2025)]. Editor-in-chief E.G. Malysheva. Omsk, Publishing House of Omsk State University named after F.M. Dostoevsky Publ., 2026. 1CD-ROM. title from the title screen. Pp. 15–16 (in Russian).
10. Bolotnov A.V. *Tekstovaya deyatel'nost' kak otrazheniye kommunikativnogo i kognitivnogo stiley informatsionno-mediynoy yazykovoy lichnosti* [Text activity as a reflection of the communicative and cognitive styles of the information and media linguistic personality]. Tomsk, Tomsk Scientific and Technical Information Center Publ., 2015. 274 p. (in Russian).
11. Bolotnova N.S. *Metodiki smyslovogo i lingvopragmaticheskogo analiza mediateksta* [Methods of semantic and linguopragmatic analysis of media text: a tutorial]. 2nd ed., reprinted. Moscow, FLINTA Publ., 2019. 156 p. (in Russian).
12. Sternin I.A. *Vvedeniye v rechevoye vozdeystviye* [Introduction to speech influence]. Voronezh, Istoki Publ., 2001. 232 p. (in Russian).
13. Sladkevich Zh. Rechevoye vozdeystviye v media [Speech impact in the media]. In: Duskaeva L.R. (ed.) *Medialingvistika v terminakh i ponyatiyakh: slovar'-spravochnik* [Media linguistics in terms and concepts: dictionary-reference book]. Moscow, FLINTA Publ., 2018. Pp. 96–99 (in Russian).
14. Dobrosklonskaya T.G. Medialingvistika: teoriya, metody, napravleniya [Medialinguistics: theory, methods, directions]. *Intellectual publishing system Ridero*, 2020. 180 p. (in Russian).
15. Zheltukhina M.R. Mediadiskurs [Media discourse]. *Diskurs-Pi – Discourse-Pi*, 2016, no. 3-4, pp. 292–296 (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediadiskurs-1> (accessed 10 March 2025).
16. Temnikova L.B. K voprosu o tipologii mediadiskursa [On the issue of the typology of media discourse]. *Nauchnyy zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta – Scientific journal of the Kuban State Agrarian University*, 2016, no. 119 (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-tipologii-mediadiskursa> (accessed 23 February 2025).
17. Fedosyuk M.Yu. Issledovaniye sredstv rechevogo vozdeystviya i teoriya zhanrov rechi [Research of means of speech influence and theory of speech genres]. *Zhanry rechi – Speech genres*, 1997, no. 1, pp. 66–88 (in Russian).
18. Pavlova N.D., Grigor'yeva A.A. Sredstva vozdeystviya v mass-mediynom diskurse: sravnitel'nyy analiz teledebatov, telebesed i tok-shou [Means of influence in mass media discourse: a comparative analysis of television debates, television conversations and talk shows]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – The World of Science, Culture, Education*, 2012, no. 2, pp. 122–125 (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-vozdeystviya-v-mass-mediynom-diskurse-sravnitelnyy-analiz-teledebatov-telebesed-i-tok-shou> (accessed 10 July 2025).
19. *Ya v mele: Telegram-kanal* [I am in chalk: Telegram channel] (in Russian). URL: <https://t.me/alinaavmele> (accessed 9 February 2025).
20. *Knopochka: Telegram-kanal* [Button: Telegram channel] (in Russian). URL: <https://t.me/microcopy> (accessed 9 February 2025).
21. Bolotnov A.V. Obshchiye printsipy i metodika diskursivnogo analiza [General principles and methods of discourse analysis]. *Russkaya rechevaya kul'tura i tekst: materialy XIII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Tomsk, 16–17 maya 2024 g.)* [Russian speech culture and text: materials of the XIII International scientific conference (Tomsk, May 16–17, 2024)]. Ed. by prof. N.S. Bolotnova; Tomsk State Pedagogical University. Tomsk, Tomsk State Pedagogical University Publ., 2024. Pp. 25–31 (in Russian).

Информация об авторах

Болотнов А.В., доктор филологических наук, профессор, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

E-mail: avb@tspu.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7442-9115>; SPIN-код: 2816-0080; Researcher ID: C-7210-2018; Scopus ID: 56642753200

Галанова О.С., студент, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

E-mail: olga.galanova.04@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-7629-6696>

Information about the authors

Bolotnov A.V., Doctor of Philological Sciences, Professor, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

E-mail: avb@tspu.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7442-9115>; SPIN-code: 2816-0080; Researcher ID: C-7210-2018; Scopus ID: 56642753200

Galanova O.S., undergraduate student, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

E-mail: olga.galanova.04@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-7629-6696>

Статья поступила в редакцию 01.08.2025; принята к публикации 26.09.2025

The article was submitted 01.08.2025; accepted for publication 26.09.2025

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ МИРА

УДК 821.112.2

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-6-126-134>

Арлекинадный гротеск в новеллах Людвиг Тика

Анна Александровна Косарева

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия, kosareva.anna@urfu.ru; ORCID 0000-0002-9712-9251

Аннотация

Данная статья посвящена исследованию арлекинадного гротеска в творчестве Людвиг Тика, представителя немецкой романтической традиции. Материал исследования – новеллы Тика «Бокал» и «Любовные чары». Автор статьи устанавливает, что в «Бокале» прототипами Фердинанда и Франциски являются Влюбленные комедии дель арте, а прототипом Альберта – Панталоне. Тик модифицирует традиционный для комедии масок сюжет о конфликте Влюбленных и Панталоне (молодые сбегают от старого деспота, который препятствует их браку), превращая классическую историю о победе любви над расчетом в трагикомедию, в которой эгоцентризм, иллюзии и страхи Влюбленного разрушают его личное счастье. Панталоне в новелле предстает в амплу алхимика, что является прямой отсылкой к творчеству английского драматурга Бена Джонсона. Предложенное Тиком искажение дельартовского сюжета становится в произведении инструментом передачи романтической иронии, а также веры писателя в то, что неготовность бороться за любовь является противостественной и приводит к трагедии. Введение дельартовских образов и мотивов в новелле Тика «Любовные чары» также работает на романтическую иронию, с помощью которой Тик раскрывает сложность и абсурдность человеческих поступков. Прообразами Эмиля, его невесты, Родериха и Алексии являются Пьеро, Пьеретта, Арлекин и Руффиана соответственно. Родерих-Арлекин – носитель карнавального мироощущения (обновляющего, витального и раскрывающего человеческий потенциал), а Эмиль-Пьеро – маскарадного (наполненного страхом, подозрением и потребностью в сокрытии). Арлекинадный гротеск в произведении рождается в точке столкновения этих двух типов мироощущения. Таким образом, в творчестве Тика гротеск проявляется на персонажном и сюжетном уровнях; он рождается при наложении буффонной дельартовской эстетики на мрачный фон изображаемых событий. Функции арлекинадного гротеска в творчестве Тика сводятся к театрализации художественного текста; противопоставлению карнавального и маскарадного мироощущений; трансляции романтической иронии; созданию эффекта отчуждения; передаче мировоззрения Тика.

Ключевые слова: гротеск, комедия дель арте, Тик, романтизм, немецкая литература

Для цитирования: Косарева А.А. Арлекинадный гротеск в новеллах Людвиг Тика // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 6 (242). С. 126–134. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-6-126-134>

RUSSIAN AND WORLD LITERATURE

Harlequinade grotesque in the short stories by Ludwig Tieck

Anna A. Kosareva

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Eltsyn,
Ekaterinburg, Russian Federation, kosareva.anna@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9712-9251>

Abstract

This article is devoted to the study of the harlequinade grotesque in the short stories by Ludwig Tieck, a representative of the German romantic tradition. The research material is Tieck's works "The Goblet" and "The

Lovecharm". The author of the article establishes that in "The Goblet" the prototypes of Ferdinand and Francesca are the Lovers of the commedia dell'arte, and the prototype of Albert is Pantaloon. Tieck modifies the traditional commedia plot about the conflict between the Lovers and Pantaloon (the young people run away from the old despot who does not let them get married), turning the classic story about the victory of love over calculation into a tragicomedy in which the egocentrism, illusions and fears of the Lover destroy his personal happiness. Pantaloon in the short story appears in the role of an alchemist, which is a direct reference to the work of the English playwright Ben Jonson. Tieck's distortion of the commedia plot becomes a tool for conveying romantic irony in the work, as well as the writer's belief that the unwillingness to fight for love is unnatural and leads to tragedy. The introduction of commedia images and motifs in Tieck's short story "The Lovecharm" also works for romantic irony, with the help of which Tieck reveals the complexity and absurdity of human actions. The prototypes of Emilius, his bride, Roderick and Alexia are Pierrot, Pierrette, Harlequin and Ruffiana, respectively. Roderick-Harlequin is the bearer of a carnival worldview (renewing, vital and revealing human potential), and Emilius-Pierrot is the bearer of a masquerade worldview (filled with fear, suspicion and the need to conceal). The Harlequinade grotesque in the work is born at the point of collision of these two types of worldview. Thus, in Tieck's work, the grotesque manifests itself at the character and plot levels; it is born when the buffoonish commedia aesthetics is superimposed on the gloomy background of the events depicted. The functions of the harlequinade grotesque in Tieck's work are reduced to the theatricalization of the artistic text; the opposition of the carnival and masquerade worldviews; the transmission of romantic irony; the creation of the effect of alienation; the transmission of Tieck's worldview.

Keywords: *grotesque, commedia dell'arte, Tieck, romanticism, German literature*

For citation: Kosareva A.A. Arlekinadnyy grotesk v novellakh Lyudviga Tika [Harlequinade grotesque in the short stories by Ludwig Tieck]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 6 (242), pp. 126–134 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-6-126-134>

Введение

Последнее десятилетие в российском и зарубежном литературоведении было ознаменовано подъемом интереса к комедии дель арте: были проведены исследования, посвященные как традициям комедии дель арте в русских литературе и театре (А.В. Голубцова [1], Ч. Канюй [2], Н.Г. Коптелова [3], А.А. Николаева [4]), так и зарубежных (А.Е. Качоровская [5], М.В. Новак [6], М. Феррацци [7], Н.В. Щербакова [8], E. Jaffe-Berg [9], M. Marrapodi [10], J. Rudlin [11], K.T. Raizen [12]). Преломление традиций комедии масок в произведениях, относящихся к самым разным эпохам, изучается многими историками литературы, однако неисследованным остается феномен арлекинадного гротеска.

Гротеск и комедия дель арте всегда были тесно взаимосвязаны. Комедия дель арте, гротескная по своей сути, вдохновила Жака Калло (1592–1635) на создание серии гравюр о персонажах комедии масок, которые в итоге сделали его главным иллюстратором данного вида театрального представления. Арлекинадный гротеск – художественный прием, предполагающий наложение дельартовской эстетики на описание трагических или страшных событий, заостряющий противоречия и повышающий модус театральности не только в драматургии, но и в прозе, – впервые был использован в творчестве У. Шекспира и расцвел в искусстве немецкого романтизма, однако в теории заявил о себе еще в 1761 г. Именно тогда известный немецкий публицист и историк Юстус Мезер (1720–1794) опубликовал

эссе «Арлекин, или Защита гротескного реализма», представлявшее собой защиту гротеска от нападок классицистов. Мезер назвал мир комедии дель арте «гротескным»: его Арлекин объявил, что гротеск – единственная стихия, в которой он, самый яркий персонаж комедии масок, может полноценно существовать. Вольфганг Кайзер, чье исследование гротеска ныне считается классическим, также отмечал значительное влияние Шекспира, мастера гротеска, и комедии дель арте на творчество немецких романтиков [13, с. 41]. Наиболее ярко арлекинадный гротеск представлен в творчестве Э.Т.А. Гофмана («Синьор Формика» (1800); «Принцесса Бландина» (1815); «Принцесса Брамбилла» (1820)), но, как будет показано далее, присутствовал и в творчестве Людвиг Тика (1773–1853).

Цель данной статьи – рассмотреть особенности арлекинадного гротеска в прозе Тика и сформулировать главные функции этого приема. Актуальность исследования обусловлена стабильным интересом зарубежных литературоведов к выявлению дельартовских традиций в европейской литературе, а новизна заключается в том, что впервые новеллы Тика («Бокал» и «Чары любви») интерпретируются через призму дельартовской эстетики.

Людвиг Тик, самый яркий представитель раннего немецкого романтизма, обращался к эстетике комедии дель арте в своих пьесах неоднократно. На его творчество оказали влияние комедии Карло Гоцци, немецкий кукольный театр и год жизни в Италии (1805–1806), во время которого

он смог в полной мере насладиться итальянским искусством [14, с. 134]. Как отмечает Паулин Роджер, пьесы Тика – «приглашение присутствовать на Сатурналиях, перевернуть мир с ног на голову, возвести на трон повелителя беззакония, объявить Джека таким же хорошим, как его хозяин, разрешить возмутительное, распущенное, даже непристойное – до тех пор, пока как длится карнавал или фарс» [15, с. 63]. Истинно дельартовскими считаются комедии Тика «Мир наизнанку» (*Die verkehrte Welt* (1799); Арлекин, Пьеро, Скарамуч, немецкий аналог итальянского Скарамуччи, и Панталоне – действующие лица этой комедии), «Кот в сапогах» (*Der gestiefelte Kater* (1797); дельартовские герои здесь – Леандр и Влюбленные), «Принц Цербино, или Путешествие за хорошим вкусом» (1796–1798) (Цербино, Доктор в этой пьесе также родом из комедии дель арте), стилистически схожие с фьябами Гоцци. Примечательно, что в пьесе Тика «Кот в сапогах» указано, что произведение было опубликовано в Бергамо, на родине комедии дель арте, в то время как в действительности публикация в Бергамо – вымысел. Цель подобной мистификации – подчеркнуть родство пьесы Тика с итальянской народной комедией: «Кот в сапогах» замышлялся как «современная версия комедии масок» [15, с. 63]. Гротескное в творчестве Тика обязано не только комедии масок, но и мастеру гротеска – Уильяму Шекспиру, творчеством которого Тик интересовался с юных лет: писатель читал произведения драматурга в оригинале и переводил «Бурю» с английского на немецкий [16, с. 10]. Таким образом, в драматургии Тика и его культурном опыте наличествовали все предпосылки к формированию арлекинадного гротеска – приема, к которому он обратился в своих новеллах «Бокал» (*Der Pokal*, 1812) и «Любовные чары» (*Liebes Zauber*, 1812).

Материал и методы

Теоретическая база исследования – работы, посвященные творчеству Л. Тика (Е.Н. Zeydel, О. Walzel, Р. Roger), а также монографии историков комедии дель арте (А. Preeshl, Р. Jordan). В работе применяется сравнительно-сопоставительный метод: выявление параллелей между дельартовскими образами и сюжетами и теми, что представлены в творчестве Тика, раскрывает трагикомический потенциал и философскую глубину немецкой романтической прозы.

Результаты и обсуждение

Сюжет «Бокала» [17] своим рождением обязан тривиальному эпизоду, когда, живя во Флоренции, Тик помог подняться девушке, споткнувшейся на ступенях церкви (с аналогичного эпизода начинается новелла), а также несчастной любви, которую пережил современник Тика – Малер Мюллер (1749–1825), поэт, драматург и художник [18, с. 198]. В основе новеллы – типичный дельартовский сюжет о преследовании Влюбленных (в новелле это Франциска и Фердинанд) стариками. Фердинанд беден, а потому родители Франциски препятствуют ее браку с юношей. Более того, они находят для дочери выгодную партию, богача. Однако разрушают отношения влюбленных в итоге не родственники девушки, а знакомый Фердинанда, Альберт – старик-алхимик, который по просьбе юноши с помощью магического ритуала являет взору влюбленного образ Франциски. Юноша обещает старику, что будет наблюдать за работой невидимого оракула спокойно, но сдержать слово ему не удается. Прикоснувшись в запале к прекрасному видению и уничтожив его, герой приходит к выводу, что и его отношениям с любимой грозит неминуемое разрушение. Расстроенный юноша покидает город, где его мечтам о взаимной любви пришел конец. Лишь годы спустя, в старости, Фердинанд встречает Франциску и узнает, что, не покинь он в молодости город, его любимая никогда бы не вышла замуж за ревнивца, с которым провела всю жизнь. Фантазии героя, подкрепленные неодобрением Альберта, лишили его счастья быть с любимой женщиной в годы их молодости. Как бы то ни было, встретившись в старости, Фердинанд и Франциска воссоединяются и обретают гармонию, которой им так долго не хватало.

«Бокал» вошел в сборник Людвиг Тика «Фантазус», состоящий из семи новелл, сквозным мотивом в которых является корреляция человеческих фантазий и иллюзий с действительностью. Старичок по имени Фантазус, которому Тик посвятил стихотворение, – воплощение человеческого воображения, способного как создавать прекрасное, так и приводить к гибели. Иллюзии, проникающие во взаимоотношения людей и не связанные с творчеством, в художественных мирах Тика часто выступают в качестве триггеров, запускающих деструктивные процессы. Основными ошибками всех героев «Фантазуса» являются либо заблуждения и неадекватное восприятие реальности, либо неспособность ценить то, что у них есть, и непреодолимое желание заполучить нечто большее, существующее лишь в их фантазиях. Введение аллюзий на персонажей комедии дель арте в такого рода дискурсе представляется оправданным, ведь противопоставление театра и жизни сродни антиномии иллюзии и реальности.

В комедии дель арте прекрасную Коломбину и нищего Арлекина, желавшего на ней жениться, обычно преследовал Панталоне – старик, приходившийся Коломбине либо отцом, либо опекуном. Он выступал в качестве воплощения зимы, сражающейся с весной и обновлением. В новелле Тика функцию Панталоне выполняет Альберт, и пересечение образа алхимика с образом Панталоне неслучайно: наложение дельартовской эстетики на алхимическую тематику имелось в комедии Бена Джонсона «Алхимик» (1610). Персонаж по имени Саттл (Subtle), плут и мошенник, выдающий себя за мага и алхимика, был списан Джонсоном с Панталоне комедии дель арте: по дряхлости, болтливости, длинной черной мантии и бархатной шапочке английский зритель мгновенно узнавал этого знаменитого итальянского персонажа. Людвиг Тик, изучавший английскую драматургию в университете Геттингена, не мог не знать этой комедии и, вводя в сюжет новеллы старика-алхимика, своим вмешательством разрушающего отношения влюбленных, очевидно, держал в памяти героя Джонсона. Кроме того, Панталоне неоднократно сравнивался с алхимиками на символическом уровне: «Обладая деньгами, Панталоне может перевернуть реальность с ног на голову и, подобно алхимику, превратить свинец в золото» [19, с. 136]. Деньги Панталоне сравнивались с силой алхимии и потому, что они превращали старость в молодость: делали старика привлекательным для молодых женщин.

Отсылки к дельартовской эстетике прослеживаются и в образах Франциски и Фердинанда: для них характерна комическая серьезность Влюбленных комедии дель арте (*Innamorati*), и источником их общей беды является их чрезмерная поглощенность собой, как и в случае с Влюбленными комедии масок. *Innamorati*, обожая и идеализируя своего партнера, по сути, не видят его и целиком погружаются в свое состояние влюбленности, вместо того чтобы услышать близкого человека и понять его. Фердинанд так увлечен своими фантазиями о Франциске, вовлечен в созданное им самим печальное романтическое повествование о любви, что не способен увидеть то, что происходит в объективной реальности. Самопоглощенность в «Бокале» не высмеивается напрямую, однако аллюзии на комедию дель арте свидетельствуют о том, что поведение героя Тика является источником романтической иронии в произведении.

Арлекинадный гротеск в новелле складывается из аллюзий на дельартовский сюжет о Влюбленных, помноженных на мрачную тональность повествования. Мораль этой новеллы-сказки (а у каждой из сказок Тика есть дидактическая

составляющая) достаточно проста: она призывает любящих бороться за свою любовь и никогда не сдаваться. Влюбленные комедии дель арте – авантюристы, и воссоединяются они не только благодаря силе своих чувств, но и потому, что в стремлении быть вместе проявляют упорство и оптимизм. Стоит Влюбленным утратить веру и надежду, и Панталоне победит, по крайней мере, временно. Что и происходит в новелле «Бокал». Таким образом, Тик видоизменяет дельартовский сюжет с целью подчеркнуть витальность итальянского оригинала, указать на его «правильность» с точки зрения философии жизни.

Новелла «Любовные чары» начинается с карнавала и заканчивается им: тема масочности, истинного и ложного является лейтмотивом произведения. Главный герой – Эмиль, «богатый молодой человек впечатлительного и меланхолического темперамента» [20], который после смерти родителей отправляется в путешествие и прибывает в город, где проходит карнавал. Там он знакомится с беззаботным и общительным Родерихом, который безуспешно пытается привлечь Эмиля к участию в празднествах: отрешенный и печальный юноша предпочитает проводить время в уединении и писать стихи. Танцы, музыка и карнавальное веселье его отвращают. Усиливает меланхолию Эмиля и безответная любовь: он увлечен красавицей, живущей по соседству, но не решается с ней познакомиться. Во французской разновидности комедии дель арте такому типу соответствует Пьеро – печальный, рафинированный, одинокий и влюбленный без взаимности. Пьеро наблюдает за безумствами других персонажей комедии масок с презрением. Таков и Эмиль: «Все должно быть благородным, великим, возвышенным, его сердце должно отзываться на все, стой даже он перед кукольным театром; и, если игра не отвечает его претензиям, в сущности, совершенно сумасбродным, он впадает в трагическое настроение, и весь мир кажется ему жестоким и варварским; а там он уж, конечно, будет требовать, чтобы под маской какого-нибудь Панталоне или Полишинеля пылало сердце, полное тоски и неземных порывов, и чтобы Арлекин глубокомысленно философствовал о ничтожестве мира, а если эти ожидания не оправдаются, то, несомненно, из глаз его выступят слезы, и он сокрушенно и презрительно отвернется от пестрого зрелища» [20]. «Непоседливый» и «чрезмерно подвижный» Родерих, в полной мере наслаждающийся как маскарадом, так и царящим в городе веселым хаосом, рядом с Эмилем-Пьеро смотрится Арлекином и действительно наделен качествами легкомысленного жизнерадостного и находчиво-

го Арлекина: «Непостоянный, ветреный, поддающийся каждому первому впечатлению и мгновенно загорающийся, он брался за все, знал толк во всем» [20]. Арлекин и Пьеро воплощают два разных способа восприятия карнавала жизни: Арлекин, вечный победитель, видит в жизни многообразие возможностей, а Пьеро, вечный проигравший, – пугающее нагромождение трудностей. Таковы и Эмиль с Родерихом. Родерих смел и рвется в бой («ни одно начинание не было ему слишком трудным, никакие препятствия не были ему страшны» [20]), а Эмиль «во всех делах и случаях жизни находил столько трудностей, столько непреодолимых препятствий, что, казалось, иронический каприз судьбы послал ему этого Родериха» [20]. Родерих-Арлекин влюбляется постоянно, но привязанности его недолговечны («во многих сразу и, по его собственным словам, до отчаяния, что, однако, не мешало ему через неделю снова забывать всех» [20]), в то время как Эмиль-Пьеро предан одному единственному объекту обожания и полагает, что его восхищение и есть настоящая любовь.

Девушка, в которую влюблен Эмиль (ее имя читатель так и не узнает), испытывает к нему ответные чувства, однако пребывает в отчаянии от того, что юноша никак не делает первого шага. Отчаяние подталкивает ее обратиться к старой ведьме, Алексии, и приворожить любимого с помощью черной магии. Колдовской ритуал, организованный старухой, включает убийство невинного ребенка, и девушка соглашается умертвить живущую у нее маленькую девочку, сироту. Эмиль становится свидетелем черного ритуала и приходит в ужас. У него начинается нервная горячка, и он чуть не сходит с ума.

Здесь следует отметить, что образ старухи Алексии имеет те же дельартовские корни, что и образы Эмиля и Родериха. В комедии масок XVI в. старуха-сводница (а Алексия с ее магическим приворотом выполняет функцию сводни) звалась Руффианой (La Ruffiana). Руффиана также выступала в качестве посредницы Влюбленной и пользовалась у итальянского зрителя таким успехом, что Ипполито Сальвиани (Ippolito Salvini) даже посвятил ей одноименную пьесу [21, с. 46]. Впоследствии функцию сводницы и советчицы Влюбленной стал выполнять другой персонаж – Коломбина, а старуха Руффиана покинула дельартовские труппы. Как мы видим, в XIX в., благодаря У. Шекспиру, которого Тик боготворил, память о Руффиане была еще жива: Шекспир обращался к этому образу неоднократно. Введение персонажа, похожего на Руффиану, в сюжет новеллы о демоническом, берущем верх над ангельским в человеческой натуре, было для

Тика логичным ходом, ведь в центре повествования – Влюбленные, которые, как и в «Бокале», так поглощены своими переживаниями и так невнимательны к потенциальному партнеру (ни Эмиль, ни его объект страсти не подозревают о том, что влюблены друг в друга взаимно), что в итоге губят друг друга.

Поправившись, Эмиль совершенно забывает чуть не доведшие его до безумия события и, встретив красивую соседку, немедленно зовет ее замуж. Юноша приобретает в живописной местности большое поместье, которое во время свадебных приготовлений кажется театром: «из каждой комнаты выходили все новые лица и появлялись то сверху, то снова внизу, чтобы скрыться в других дверях; сюда же сходилось общество для чая или игр, и потому снизу все принимало вид театра, перед которым каждый останавливался с удовольствием и мысленно ожидал сверху каких-то необычайных и привлекательных происшествий» [20]. События, следовавшие за радостной свадебной суетой, действительно театральны: Эмиля и его гостей ждет драма. Неминуемой трагедии предшествует ряд микроэпизодов, каждый из которых в полной мере раскрывает истинную натуру Эмиля и Родериха. Родерих перед свадьбой друга развлекает слуг карточными фокусами, которые Эмиль возмущенно называет шарлатанством: «мой друг среди прочих своих талантов не пренебрегает также и шарлатанством, чтобы совершенствоваться в нем» [20]. На этот упрек Родерих весело отвечает: «в наши дни не следует ничем гнушаться, ведь неизвестно, что к чему еще может пригодиться» [20]. Этот эпизод – еще один штрих в портрете Арлекина, плута, мошенника и артиста. Не менее красноречиво и отношение Родериха к паре нищих крестьян, которые вступают в брак в тот же день, что и Эмиль. Их нищета и некрасивость вызывают у него смех («нужно не пропустить этого зрелища, потому что оно, без сомнения, весьма занятно»), и в самой истории этого союза он видит только комическое: «Один молодой работник от скуки и одиночества спутался с противной служанкой, и теперь этот дуралей считает себя обязанным жениться на ней» [20]. Напротив, Эмиль-Пьеро, глубокий и тонкий, сочувствует молодой чете, осыпанной насмешками соседей, и дарит им сто дукатов – огромную сумму, достаточную не только для празднования свадьбы, но и последующей совместной жизни: «Чем заслужил я, что покоюсь на пуховиках и ношу шелк, что виноград отдает мне свою драгоценную кровь и все настойчиво предлагают и несут мне любовь и честь? Эти бедняки лучше и благороднее меня, и

нищета – их кормилица, а насмешка и ядовитая издевка – их поздравления» [20]. Лунный Пьеро, склонный видеть мрачную, трагическую сторону жизни, способен к сопереживанию в большей степени, чем солнечный Арлекин, который воспринимает происходящее с ним и вокруг него с юмором. Необъяснимая потребность Эмиля и Родериха быть вместе, невзирая на противоречия и непонимание («то, что по видимости разделяло их, связывало обоих особенно тесно» [20]), собственно, объясняется тем, что суть жизни, ее трагикомическая природа постигается ими обоими лишь в процессе взаимодействия друг с другом.

Еще один микроэпизод связан с невестой Эмиля, которая, несмотря на долгожданную свадьбу, печальна и бледна: «всегда так грустна, от души смеющейся ее никогда не увидишь» [20]. Угрызения совести и неотступное присутствие рядом старухи Алексии, которая теперь состоит у нее, невесты богача, в услужении, не дают ей покоя. В этом женском образе угадываются черты Пьеретты, спутницы Пьеро в комедии дель арте. Пьеретта так же меланхолична и пессимистична, как и ее возлюбленный, и, по сути, является его отражением. Безымянная невеста Эмиля, совершившая убийство во имя любви, – женская версия самого Эмиля, который в финале новеллы убивает свою невесту ради торжества справедливости. Идеалистичность Пьеро, его готовность пожертвовать человеческой жизнью во имя светлых идеалов имеют темную страшную сторону, которая в полной мере раскрылась благодаря Жану-Батисту-Гаспару Дебюро (1796–1846), самому известному исполнителю роли Пьеро эпохи романтизма. Любопытно, что амплуа Пьеро-убийцы появилось в репертуаре Дебюро уже после того, как «Любовные чары» были опубликованы, что указывает на колоссальную психологическую интуицию Тика, увидевшего раньше, чем кто-либо, в образе изысканного меланхолика-идеалиста потенциального убийцу.

Мотив маскарада пронизывает как движение к финалу, так и развязку истории: Родерих ради смеха наряжается в тот костюм Алексии, в котором старуха убила ребенка, и тайно проникает в комнату, где невеста готовится к церемонии бракосочетания. Увидев любимую рядом с отвратительной старухой в красном, Эмиль тут же вспоминает сатанинский ритуал, свидетелем которого он стал, и, схватив кинжал, пытается убить невесту. Погоня за испуганной девушкой сопровождается шествием масок – гостей: «Родерих в образе красной старухи впереди, следом за ним горбуны, толстопузые уроды, чудовищные парики, Тартальи, Полишинели и призрачные Пьеро, женщины в топорчащихся кринолинах и с высо-

ченными прическами, – отвратительнейшие фигуры, все словно из какого-то жуткого сна. Паясничая, вертясь и раскачиваясь, семена и рисуясь, они прошли через галерею и исчезли в одной из дверей. Лишь немногие из зрителей засмеялись, так поразило всех странное зрелище» [20]. Жуткое шествие символизирует триумф зла (переодетые гости даже сравниваются с «адскими демонами»), питающегося обманом, жестокостью и лицемерием. Маскарад на свадьбе, затеянный Родерихом, изначально имел цель освободиться, раскрепоститься и почувствовать стихию жизни: «теперь живо каждый в свой маскарадный костюм, чтобы как можно ярче и безумнее провести эту ночь! Что только вам ни взбредет на ум – не стесняйтесь, чем пуще, тем лучше! <...> Свадьба ведь такое удивительное событие; совершенно новый, необычный порядок вещей, точно в сказке, сваливается на голову повенчавшихся так внезапно, что этот праздник надо справлять как можно сумбурнее и глупее, хоть как-нибудь мотивируя этим в глазах новобрачных внезапную перемену, чтобы они, словно в фантастическом сне, перенеслись в новое состояние» [20]. Однако зло, положившее начало союзу Эмиля и его возлюбленной, превращает разгул в пляску ужаса, и то, что должно было нести жизнь, приносит смерть. Здесь Тик размышляет о многогранной природе масочности: о том, что маска может как способствовать обновлению, так и через сокрытие преступления вести к уничтожению. Итальянские карнавалы эпохи Ренессанса изобиловали не только романтическими историями любви, когда люди в гуще толпы встречали свои «вторые половинки», но и преступлениями самого разного толка – от воровства до изнасилований и убийств. В результате совершенного невестой Эмиля злодеяния (масочного по своей сути, ведь девушка скрывала свой истинный лик, притворяясь добрым ангелом, охраняющим одинокую сиротку) погибают и сама невеста, и старуха, и Эмиль. Новелла завершается словами: «Старуха, умирая, подтвердила совершенное преступление, и весь дом погрузился в скорбь, горе и отчаяние» [20]. Таким образом, обращение Тика к эстетике комедии дель арте в «Любовных чарах» порождает арлекинадный гротеск: ужасное (убийства и смерть) в синтезе с комическим (образностью комедии дель арте) раскрывают сложность человеческого поведения, тех помыслов и поступков, которые становятся причинами трагедий. Романтическая ирония Тика в этой новелле также реализуется за счет аллюзий на дельартовские сюжеты и характеры: трагедия в жизни Эмиля запускается его меланхоличностью и нерешительностью. Если бы он проявил инициативу в

отношениях с красивой соседкой и выразил свои чувства открыто, она бы и не подумала обращаться за помощью к черной ведьме. Определенную роль играет и тяготение Эмиля-Пьеро ко всему трагическому, исполненному страданий и недобрых предчувствий: выбирая в спутницы Пьеретту, а не Коломбину, он бессознательно усиливает те темные импульсы, которые заложены в нем самом.

Заключение

У Людвиг Тика арлекинадный гротеск реализуется на персонажном и сюжетном уровнях, за счет проведения параллелей между героями и образами комедии масок, отсылок на дельартовские сюжеты и мотивы. Функции, которые такой вид гротеска выполняет, разнообразны: 1) он разворачивает метафору мира как театра; 2) противопоставляет карнавальную масочность (обновляющую и раскрывающую истинный лик ге-

роя) маскарадной (связанной с сокрытием мыслей, поступков и чувств и ведущую к разрушению); 3) является проводником романтической иронии; 4) интеллектуализирует повествование, создает эффект отчуждения; 5) транслирует мировоззрение Тика, для которого жизнь – трагикомедия, обе стороны которой, смешную и страшную, необходимо научиться осознавать и принимать. Тик видит в «масочном» компоненте арлекинадного гротеска потенциал для развития тем, связанных со сложностью человеческой природы и неизбежностью проявления людьми их темной стороны в критических ситуациях – будь то невозможность быть с любимым человеком («Бокал») или открытие демонической грани в партнере («Любовные чары»). Арлекинадный гротеск позволяет Тику высветить странные и пугающие аспекты человеческого бытия и ответить на вопрос о том, какой должна быть дорога к настоящей любви – к себе и другим.

Список источников

1. Голубцова А.В. Комедия дель арте в развитии драматургической системы М. Горького // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 423. С. 20–24.
2. Канюй Ч. Отражение концепции комедии дель арте в «Вишневом саде» // Чеховские чтения в Ялте: XXXIX Междунар. науч.-практ. конф., Ялта, 15–19 апреля 2019 года. Вып. 24. Ялта: Крымский литературно-художественный мемориальный музей-заповедник, 2020. С. 190–200.
3. Коптелова Н.Г. Образы и мотивы комедии дель арте в поэтическом осмыслении А. Блока (1900-е годы) // Вестник Костромского государственного университета. 2018. Т. 24, № 4. С. 108–113.
4. Николаева А.А. Творчество А.Б. Мариенгофа имажинистского периода и традиции комедии дель арте // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2022. № 4. С. 81–89.
5. Качоровская А.Е. Интермедальность и метод импровизации комедии дель арте в постмодернизме (на материале романа Умберто Эко «Остров накануне») // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2015. Т. 1, № 3. С. 65–71.
6. Новак М.В. Маски итальянского театра комедии дель арте // Наука. Искусство. Культура. 2018. № 2 (18). С. 23–39.
7. Феррацци М. Комедия дель арте и Кальдерон де ла Барка в России XVIII века // XVIII век. 2017. № 29. С. 212–229.
8. Щербакова Н. «Театр Арлекина», или Карьера второго дзанни итальянской комедии масок на парижской сцене и в изобразительном искусстве Франции в конце XVI–XVII вв. Ч. 1 // Вопросы театра. 2021. № 1–2. С. 196–227.
9. Jaffe-Berg Erith. Commedia dell' Arte and the Mediterranean: Charting Journeys and Mapping 'Others'. Ashgate: Ashgate Publishing, 2015. 184 p.
10. Marrapodi Michele. The Routledge Research Companion to Anglo-Italian Renaissance Literature and Culture. New York: Routledge, 2019. 544 p.
11. Rudlin John. The Metamorphoses of Commedia dell'Arte: Whatever Happened to Harlequin? Springer Nature, 2022. 249 p.
12. Raizen Karen T. Pulcinella's Brood: Popular Culture in the Enlightenment. Toronto, Buffalo, London: University of Toronto Press, 2024. 344 p.
13. Kayser W.J. The grotesque in art and literature. Bloomington: Indiana University Press, 1963. 224 p.
14. Walzel Oskar. German Romanticism. New York: Capricorn Books, 1932. 314 p.
15. Roger Paulin. Ludwig Tieck: a literary biography. Oxford [Oxfordshire]: Clarendon Press, 1986. 434 p.
16. Zeydel Edwin H. Ludwig Tieck and England. Princeton: Princeton University Press, 1931. 263 p.
17. Тик Людвиг. Бокал / Немецкая романтическая повесть. Т. 1. М.; Л.: Academia, 1935. URL: http://az.lib.ru/t/tik_l/text_1802_bokal.shtml (дата обращения: 10.04.2025).
18. Zeydel Edwin H. Ludwig Tieck, the German Romanticist: a Critical Study. Hildesheim, New York: G. Olms, 1971. 406 p.

19. Jordan Peter. *The Venetian Origins of the Commedia dell'Arte*. London and New York: Routledge, 2013. 272 p.
20. Тик Людвиг. Любвные чары / Немецкая романтическая повесть. Т. 1. М.; Л.: Academia, 1935. URL: http://az.lib.ru/t/tik_l/text_1804_lubovnye_chary.shtml (дата обращения: 10.04.2025).
21. Preeshl Artemis. *Shakespeare and Commedia dell'Arte: Play by Play*. London and New York: Routledge, 2017. 320 p.

References

1. Golubtsova A.V. Komediya del' arte v razvitii dramaturgicheskoy sistemy M. Gor'kogo [Commedia dell'arte in the development of M. Gorky's dramatic system]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2017, no. 423, pp. 20–24 (in Russian).
2. Kanyuy C. Otrazheniye kontseptsii komedii del' arte v "Vishnevom sade" [Reflection of the concept of commedia dell'arte in The Cherry Orchard]. *Chekhovskiye chteniya v Yalte: XXXIX Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya*, Yalta, 15–19 aprelya 2019 g. T. Vyp. 24. [Chekhov readings in Yalta: XXXIX International scientific and practical conference, Yalta, April 15–19, 2019]. Yalta, GBUK RK "Krymskiy literaturno-khudozhestvennyy memorial'nyy muzey-zapovednik" Publ., 2020. Pp. 190–200 (in Russian).
3. Koptelova N.G. Obrazy i motivy komedii del' arte v poeticheskom osmyslenii A. Bloka (1900-ye gody) [Images and motives of the commedia dell'arte in the poetic understanding of A. Blok (1900s)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of Kostroma State University*, 2018, vol. 24, no. 4, pp. 108–113 (in Russian).
4. Nikolayeva A.A. Tvorchestvo A.B. Mariyengofa perioda imazhinizma i traditsii komedii del' arte [Creativity of A.B. Mariengof of the imagist period and the traditions of the commedia dell'arte]. *Filologicheskiye nauki. Nauchnyye doklady vysshey shkoly – Philological sciences. Scientific Essays of Higher Education*, 2022, no. 4, pp. 81–89 (in Russian).
5. Kachorovskaya A.E. Intermedial'nost' i metod improvizatsii komedii del' arte v postmodernizme (na materiale romana Umberto Eko "Ostrov nakanune") [Intermediality and the method of improvisation of the commedia dell'arte in postmodernism (based on Umberto Eco's novel "The Island the Day Before")]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*, 2015, vol. 1, no. 3, pp. 65–71 (in Russian).
6. Novak M.V. Maski ital'yanskogo teatra komedii del' arte [Masks of the Italian Theater of Commedia dell'Arte]. *Nauka. Iskustvo. Kul'tura – Science. Art. Culture*, 2018, no. 2 (18), pp. 23–39 (in Russian).
7. Ferrazzi M. Komediya del' arte i Kal'deron de la Barka v Rossii XVIII veka [Commedia dell'arte and Calderon de la Barca in Russia of the 18th century]. *XVIII vek [18th century]*. 2017, no. 29, pp. 212–229 (in Russian).
8. Shcherbakova N. "Teatr Arlekina", ili Kar'yera vtorogo Dzanni ital'yanskoy komedii masok na parizhskoy stsene i v izobrazitel'nom iskusstve Frantsii kontsa XVI–XVII vv. Chast' 1 ["Harlequin Theater", or the Career of the Second Zanni of the Italian Comedy of Masks on the Parisian Stage and in the Fine Arts of France in the Late 16th–17th Centuries. Part 1]. *Voprosy teatra – Questions of the Theatre*, 2021, no. 1–2, pp. 196–227 (in Russian).
9. Jaffe-Berg Erith. *Commedia dell'Arte and the Mediterranean: Charting Journeys and Mapping 'Others'*. Ashgate, Ashgate Publishing, 2015. 184 p.
10. Marapodi M. *The Routledge Research Companion to Anglo-Italian Renaissance Literature and Culture*. New York, Routledge, 2019. 544 p.
11. Rudlin J. *The Metamorphoses of Commedia dell'Arte: Whatever Happened to Harlequin?* Springer Nature, 2022. 249 p.
12. Raizen K.T. *Pulcinella's Brood: Popular Culture in the Enlightenment*. Toronto, Buffalo, London, University of Toronto Press, 2024. 344 p.
13. Kayser W.J. *The grotesque in art and literature*. Bloomington, Indiana University Press, 1963. 224 p.
14. Walzel O. *German Romanticism*. New York, Capricorn Books, 1932. 314 p.
15. Roger Paulin. *Ludwig Tieck: a literary biography*. Oxford [Oxfordshire], Clarendon Press, 1986. 434 p.
16. Zeydel Edwin H. *Ludwig Tieck and England*. Princeton, Princeton University Press, 1931. 263 p.
17. Tieck L. *Bokal*. Nemetskiy romanticheskiy roman. Tom 1 [The Goblet. German romantic novel. Vol. 1]. Moscow, Leningrad, Akademiya Publ., 1935 (in Russian). URL: http://az.lib.ru/t/tik_l/text_1802_bokal.shtml. (accessed 10 April 2025).
18. Zeydel Edwin H. *Ludwig Tieck, the German Romanticist: a Critical Study*. Hildesheim, New York, G. Olms, 1971. 406 p.
19. Jordan Peter. *The Venetian Origins of the Commedia dell'Arte*. London and New York, Routledge, 2013. 272 p.
15. Roger P. *Ludwig Tieck: a literary biography*. Oxford [Oxfordshire], Clarendon Press, 1986. 434 p.
16. Zeydel Edwin H. *Ludwig Tieck and England*. Princeton, Princeton University Press, 1931. 263 p.

17. Tieck L. *Bokal. Nemetskaya romanticheskaya povest'*. Tom 1 [The Glass. German romantic novel. Vol. 1]. Moscow, Leningrad, Akademiya Publ., 1935. URL: http://az.lib.ru/t/tik_1/text_1802_bokal.shtml (accessed 10 April 2025).
18. Zeydel E. H. *Ludwig Tieck, the German Romanticist: a Critical Study*. Hildesheim, New York, G. Olms, 1971. 406 p.
19. Jordan P. *The Venetian Origins of the Commedia dell'Arte*. London and New York, Routledge, 2013. 272 p.
20. Tieck L. *Lyubovnye chary. Nemetskaya romanticheskaya povest'*. Tom 1 [Love Spells. German Romantic Novel. Vol. 1]. Moscow; Leningrad, Akademiya Publ., 1935. URL: http://az.lib.ru/t/tik_1/text_1804_lyubovnye_chary.shtml (accessed 10 April 2025).
21. Preeshl A. *Shakespeare and Commedia dell'Arte: Play by Play*. London and New York, Routledge, 2017. 320 p.

Информация об авторе

Косарева А.А., кандидат филологических наук, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (ул. Мира, 19, Екатеринбург, Россия, 620002).

E-mail: kosareva.anna@urfu.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9712-9251>; SPIN-код: 7606-1258;

Researcher ID: HOA-7413-2023

Information about the author

Kosareva A.A., Candidate of Philological Sciences, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Eltsyn (ul. Mira, 19, Ekaterinburg, Russian Federation, 620002).

E-mail: kosareva.anna@urfu.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9712-9251>; SPIN-code: 7606-1258;

Researcher ID: ID HOA-7413-2023

Статья поступила в редакцию 14.04.2025; принята к публикации 26.09.2025

The article was submitted 14.04.2025; accepted for publication 26.09.2025

Сюжет нравственного взросления в рассказах А. Штейгера

Степан Николаевич Давыдов

*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия,
stepan.7plus@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-9056-2114>*

Аннотация

В статье представлены результаты исследования сюжета нравственного взросления в рассказах поэта Анатолия Штейгера «Кирпичики» (1933) и «Жид» (1934). Штейгер – один из главных представителей «парижской ноты», ведущего младоэмигрантского литературного течения, пропагандировавшего эстетику «человеческого документа» как оптимальную для русской молодежи, лишившейся родины и переживающей духовный кризис. Рассказы Штейгера, с одной стороны, вписаны в поэтическую систему данного автора, что делает их репрезентативными для его уникального творческого мировоззрения, а с другой – существуют в контексте малой прозы влиятельного журнала «Числа», публиковавшего произведения «молодых» и ставшего местом кристаллизации пессимистического мироощущения и эго-документальной поэтики «парижской ноты». Центральной для художественной прозы «Чисел» является проблема личностного и поколенческого самоопределения: жизненная и творческая сверхзадача младоэмигрантов состоит в интеграции в окружающую действительность, которая, будучи представлена пространством современного многонационального индустриального Запада, воспринимается ими как чужеродная и враждебная. В рассказах Штейгера условием обретения автобиографическим и автопсихологическим героем «своего места» в мире является установление духовного диалога с персонажем-Другим, в образе которого объективирована идеальная ипостась авторского альтер эго. Повзрослеть для героев Штейгера означает реализоваться во внешнем мире, сохранив верность универсальным гуманистическим ценностям. Взаимодействие с идеальным Другим составляет испытание для формирующейся нравственности героя, которое он неспособен выдержать по причине духовной слабости, онтологически присущей всем людям и в то же время являющейся свойством его натуры, обнаруживаемым в ситуации нравственного выбора. В свою очередь этический идеал (и Бог как его олицетворение) изображается Штейгером как трансцендентный земному миру, а его воплощение в образе изначально несовершенного человека носит преходящий либо иллюзорный характер. Недостижимость Абсолюта, по мнению Штейгера, является причиной всеобщего морального релятивизма и внутреннего несоответствия героев своему социальному и культурному статусу.

Ключевые слова: Анатолий Штейгер, «парижская нота», малая проза журнала «Числа», сюжет нравственного взросления, диалог с идеальным Другим

Для цитирования: Давыдов С.Н. Сюжет нравственного взросления в рассказах А. Штейгера // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 6 (242). С. 135–145. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-6-135-145>

The moral maturation plot in the short stories of the A. Shteiger

Stepan N. Davydov

*National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,
stepan.7plus@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0009-9056-2114>*

Abstract

The article presents the results of a study of the moral maturation plot in the short stories of the poet Anatoly Shteiger “Bricks” (1933) and “The Jew” (1934). Shteiger is one of the main representatives of the “Paris note”, the leading young émigré literary movement that promoted the aesthetics of the “human document” as optimal for Russian youth who had lost their homeland and were experiencing a spiritual crisis. Shteiger’s stories, on the one hand, are inscribed in the poetic system of this author, which makes them representative of his unique creative worldview, and on the other hand, they exist in the context of short fiction of the influential magazine “Numbers”, which published the works of the “young” and became the place of crystallization of the pessimistic worldview and ego-documentary poetics of the “Paris note”. The central problem of the fiction of “Numbers” is the problem of personal and generational self-determination: the vital and creative super-task of young emigrants consists of integration into the surrounding reality, which, being represented by the space of the modern multinational industrial West, is perceived by them as alien and hostile. In the stories of Shteiger, the condition for the autobiographical and autopsychological hero to find “his place” in the world is the establishment of a spiritual dialogue with the character-

Other, in whose image the ideal hypostasis of the author's alter ego is objectified. Growing up for Shteiger's heroes means realizing themselves in the outside world, while remaining faithful to universal humanistic values. Interaction with the ideal Other constitutes a test for the hero's developing morality, which he is unable to withstand due to spiritual weakness, ontologically inherent in all people and at the same time being a property of his nature, revealed in a situation of moral choice. In turn, the ethical ideal (and God as its personification) is depicted by Shteiger as transcendental to the earthly world, and its embodiment in the image of an initially imperfect person is of a transitory or illusory nature. The unattainability of the Absolute, according to Shteiger, is the cause of universal moral relativism and the internal discrepancy between the heroes and their social and cultural status.

Keywords: Anatoly Shteiger, "Paris note", short fiction from the magazine "Numbers", the moral maturation plot, dialogue with the ideal Other

For citation: Davydov S.N. Syuzhet нравственного взросления в рассказах А. Штейгера [The moral maturation plot in the short stories of the A. Shteiger]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 6 (242), pp. 135–145 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-6-135-145>

Введение

Анатолий Штейгер – поэт младшего, «незамеченного» поколения первой волны эмиграции, являющийся одним из основных представителей ведущего младоэмигрантского литературного течения «парижская нота». Помимо четырех лирических сборников¹, перу Штейгера принадлежат два рассказа – «Кирпичики» [1, с. 141–148] и «Жид» («Встречи», № 3, 1934). Они вписываются в контекст малой прозы журнала «Числа» (Париж, 1930–1934) – самого авторитетного и долговечного издания русского зарубежья, на страницах которого активно публиковались проникнутые пессимизмом и нацеленные на углубленный самоанализ произведения «молодых», воплощавшие эгодокументальную эстетику «парижской ноты» [2, с. 113]. Постоянными авторами «Чисел» являлись как «старшие», в том числе идейный вдохновитель течения Г. Адамович, его единомышленник и кумир эмигрантской поэтической молодежи Г. Иванов, главный редактор журнала Н. Оцуп, так и «младшие» – последовательные приверженцы Г. Адамовича А. Штейгер и Л. Червинская [3–5], яркий выразитель атмосферы «русского Монпарнаса» Б. Поплавский, близкие к «ноте» Д. Кнут [3, 4, 6], Б. Закович [3, 4] и И. Чиннов [3, 6] и др.

Художественную прозу «Чисел» объединяет актуальная для младоэмигрантов проблема личностной и поколенческой самоидентификации [7–10]. Покинув Россию в детско-юношеском возрасте, молодые писатели не успели аккумулировать в себе тот объем национальной культуры (представленной триединством «Слова, России, Веры» [11]), который обеспечил бы им духовную независимость от влияний Запада, характерную для представителей старшего поколения – И. Бунина, И. Шмелева, А. Куприна, Д. Мережковского. Кроме того, русская молодежь в своем боль-

шинстве сопротивлялась ассимиляции в иностранной среде, вследствие чего авторы, находившиеся в процессе личностного формирования, оказывались в ситуации тотального культурного отчуждения и были вынуждены самостоятельно устанавливать ценностные ориентиры. Помимо молодых писателей, к «незамеченному» поколению принадлежат и те, кто эмигрировал взрослым, но разделял умонастроения молодежи, также страдавшая из-за отсутствия «своего места» в мире (А. Буров, С. Горный, Е. Бакунина). Закономерно, что причинами экзистенциального беспокойства героев автопсихологической прозы «числовцев» являются *взросление* (В. Варшавский «Из записок бесстыдного молодого человека», А. Штейгер «Кирпичики», Е. Бакунина «Шторм», Б. Сосинский «Пан Станислав» и др.), *утрата национальной почвы* (А. Буров «С одинокими Господь», В. Яновский «Тринадцатые», А. Алферов «Дурачье», Г. Газданов «Водяная тюрьма» и др.) и *сознание изначальной дисгармоничности бытия* (С. Горный «Три отрывка», Ю. Фельзен «Неравенство», Г. Адамович «Рамон Ортис», Н. Татищев «Кривой» и др.).

Экзистенциальные поиски героев Штейгера, биографически и психологически близких к автору, направлены на интеграцию в окружающую действительность. По словам М. Васильевой, «для молодого эмигрантского писателя небытие – это эмпирический опыт и первичный строительный материал» [8, с. 51]. У Штейгера залогом обретения «своего места» в мире является установление духовного диалога с Другим, представляющим собой объективацию идеального начала главного героя.

Материал и методы

Материалом исследования являются два опубликованных рассказа А. Штейгера «Кирпичики» (1933) и «Жид» (1934), представляющие собой «прозу поэта» и способные оказать влияние на литературоведческую рецепцию творче-

¹ «Этот день» (1928), «Эта жизнь» (1932), «Неблагодарность» (1936) и «2х2=4» (издан посмертно, 1950).

ства данного автора. С одной стороны, рассказы интегрированы в поэтическую систему Штейгера, с другой – существуют в широком контексте малой прозы журнала «Числа», главного печатного органа «парижской ноты», что в совокупности позволяет выявить своеобразие прозы Штейгера как представителя ведущего младоэмигрантского течения.

В исследовании используются герменевтический, структурно-семиотический и биографический методы анализа художественного текста, и направлено оно на интерпретацию сюжета рассказов, организованного в обоих случаях диалогическим взаимодействием автобиографического и автопсихологического героя (Я) с персонажем – носителем нравственного идеала (Другим).

Результаты и обсуждение

Опыт Штейгера-прозаика не ограничивается двумя рассказами: им написаны также отдельные главы «Воспоминаний» – неоконченного автобиографического повествования, посвященного раннему детству на родине, жизни в предреволюционном Петербурге и судьбоносной эвакуации из России. Кроме того, из письма Штейгера к В. Злобину (1927 г.) становится известно о создании еще четырех рассказов, которые, очевидно, так и не были опубликованы: «Сейчас пишу прозу. Целый ряд небольших рассказов из эмигрантской гимназической жизни – собственно, отделанных и обработанных страниц дневника. Очень личных и интимных. Уже написано четыре – „Город“, „Аточ“, „День“ и „Бродячая труппа“» [12]. Многократное обращение Штейгера к жанру рассказа свидетельствует о его органичности для творческой системы данного автора: во-первых, в исповедальной малой прозе поэт, преодолевая дневниковую интимность изложения, реализует эстетическую стратегию «человеческого документа», предполагающую вытеснение вымысла как способа создания художественности отбором и организацией материала [13, с. 10–11]; во-вторых, краткость как жанровое требование рассказа отвечает стремлению поэта к предельному лаконизму, которое продиктовано лирическим каноном «парижской ноты» [3, 4].

Действие рассказа «Кирпичики» (1933) развивается в пространстве провинциальной эмигрантской гимназии. Данный хронотоп имеет немалое значение для жизни и творчества Штейгера: поэт окончил такую же гимназию, поступив в нее в Константинополе и последовав за нею при переводе ее в Чехию; гимназическим годам посвящены два стихотворения, принадлежащие к различным творческим этапам, – «Гимназическое» (1927) [12] и «Баллада о гимназисте»

(1934) [14, с. 162–163], а также, как утверждает автор, весь ряд неизданных рассказов (см. выше). Образ гимназии является метонимическим обозначением процесса духовного становления, который у Штейгера, как и у других младоэмигрантов, вышел далеко за рамки юношеского возраста и определил специфику художественного видения: согласно О. Кочетковой, «для поэта его поколение („мы“ в лирических текстах) – это взрослые, оказавшиеся детьми, заброшенными во „внешний“ мир, оставленными в нем наедине со своей беспомощностью...» [15].

В рассказе «Кирпичики» гимназия изображена как «анклав» русского менталитета в неизвестной читателю европейской стране, отдаленный от культурных центров и претендующий на идеологическую самостоятельность. Главным героем является гимназист 6-го класса Иван Петрович, успевший отчаяться в жизни и думающий о самоубийстве: юноша мучительно переживает расставание с детством – периодом душевной гармонии и беззаботности. В своем дневнике он признается: «Лучше умереть, чем так жить. Я больше не верю ни в любовь, ни в чудо. Уроки, уроки, издевательства товарищей, таких пустых и грубых» [14, с. 167]. Чтобы укрепиться во внешнем мире и обрести себя, Ивану Петровичу нужно суметь сохранить в суровых условиях гимназического быта верность духовному идеалу, которым является христианская любовь.

Ивана Петровича можно считать авторским альтер эго. Во-первых, перед героем-гимназистом встают те же «проклятые» вопросы, что и перед лирическим героем Штейгера: о разграничении добра и зла, соотношении души и тела, правильности нравственного выбора, ответственности и вине, сущности веры и истинной любви. Во-вторых, Иван Петрович, подобно биографическому автору, ведет личный дневник, в котором фиксирует подлинные реакции на окружающий мир и тем самым раскрывает свой душевный облик. В-третьих, как было отмечено, Штейгер окончил эмигрантскую гимназию, аналогичную той, в которой учится его герой.

Иван Петрович «назначен помощником воспитателя в отделение малышей», где служит наставником и блюстителем порядка, – именно этим обусловлено использование в рассказе полного имени героя. Приняв на себя социальную роль «старшего», Иван Петрович приобщается к миру взрослых и сталкивается с его бездуховностью. Внутренне герой все еще занимает детскую, пассивно-созерцательную позицию и воспринимает действительность исключительно критически, остро реагируя на окружающее несовершенство – жестокость, грубость и лицемерие.

Личностное самосознание просыпается у шестиклассника с появлением в гимназии сублимного 10-летнего мальчика, приехавшего из Парижа и получившего среди одноклассников прозвище Француз. Очевидно, Француз является русским по происхождению, однако хорошо говорит по-французски и одет в английский спортивный костюм, что указывает на отсутствие у него национальной идентичности. При этом Француз уподобляется ангелу: он похож на него внешне («Волосы были светлые, очень тонкие и мягкие, а глаза серые и большие» [14, с. 169]), а главное – поет «ангельским голосом», что наделяет его образ семантикой трансцендентности. Данный герой олицетворяет оторванность от национальной почвы и верность универсальным духовным ценностям.

Француз отдан в русскую гимназию ради получения «национального воспитания». За «русским аттестатом зрелости» после недолгой учебы в Германии туда возвращается и Иван Петрович. Мать Француза – гастролирующая артистка, «красивая накрашенная дама», ведущая столичную жизнь – «настоящую, полную и красивую», по мнению воспитателя гимназии. Штейгер считает, что искусство, будучи областью духовной жизни, обрекает своих приверженцев на бездомность, противоречащую естественной потребности человека в «своем месте», которым в первую очередь является родина с ее национальной культурой.

Изначально Иван Петрович тяготится пребыванием в «русском» локусе гимназии, воспринимая его как средоточие безнравственности. Национальная ориентированность гимназии, предполагающая этническую обусловленность социальной и культурной жизни (в приоритете находится природная данность, предшествующая самосознанию и личностному выбору), сопряжена с признанием социальной значимости физической силы: во главе коллектива оказывается обидчик Француза Стеблев, чьи «мускулы и кулаки славились во всем классе» и чье «влияние на товарищей и власть были безграничны». Кроме того, уклад гимназической жизни в межвоенный период проникнут милитаризмом, подчиняющим себе образование и религию, которые призваны нести гуманистические ценности (в частности, Иван Петрович, как помощник воспитателя, «выстраивал их (мальчиков. – С.Д.) по-военному для вечерней и утренней молитвы»). Как националистическое (Иван Петрович), так и космополитическое (Француз) мировоззрение, в силу своей ограниченности, не может обеспечить героям интеграцию в окружающую социокультурную реальность. Это становится причиной отчуждения ге-

роев от исходных идеологических парадигм и, как следствие, их одиночества, способствующего их взаимному сближению.

Попав в русскую гимназию, Француз не только оказывается под присмотром Ивана Петровича, но и становится его другом: в уязвимом ангелоподобном ребенке герой видит хрупкое воплощение Абсолюта, нуждающееся в самоотверженной защите, причем не только от разрушительного воздействия со стороны коллектива, но и от негативных качеств самого героя. Находясь среди русских сверстников, Француз подвергается жестокой травле, вызванной его непохожестью на остальных: «И в серой рубашке... он казался Ивану Петровичу не совсем таким, как другие» [14, с. 171–172]. Неслучайно в фамилии и портрете Стеблева, главного противника Француза, акцентирована близость к земле (низкий рост и коренастость дополнены ассоциацией с растением – «стебель»), символизирующая духовную приземленность, являющуюся, по мысли автора, основным источником зла. Иван Петрович, желая вступить за подопечного в драке, ощущает подозрительную скованность, имеющую двойственную природу: с одной стороны, «Аксенов и Демидов скрутили ему руки за спину», с другой – действовать мешает инстинкт самосохранения («Так бывает иногда во сне, во время тяжелого кошмара: хочешь ринуться, броситься, помочь... а что-то держит, не пускает, чьи-то руки, камень?») [14, с. 170–171]). В данной ситуации Иван Петрович впервые сталкивается с противоречивостью человеческой природы, сочетающей в себе благородство и трусость.

Забота об изувеченном Французе ухудшает взаимоотношения Ивана Петровича с другими «малышами»-гимназистами. Применение героем как старшим по должности наказаний к нарушителям порядка свидетельствует о невозможности добиться послушания и справедливости мирными средствами и неизбежности насилия, что уничтожает надежду юного героя на самостоятельную гармонизацию социальных отношений: «Когда его назначили помощником воспитателя, он хотел обращаться с мальчиками не так, как обращались с ним „старшие“, когда он был в подготовительном классе» [14, с. 171].

Дружба с Французом является испытанием для формирующейся нравственности Ивана Петровича. Духовная близость между героями, ставшая для них взаимным спасением, воплощает ту идеальную любовь, о которой шестиклассник тосковал в минуты отчаяния: «...нельзя умереть, пока не узнаешь, что такое любовь» [14, с. 167]. Однако сохранить связь с мальчиком-ангелом, а значит, и с высшими силами возмож-

но, лишь преодолев собственное малодушие. Француз, тяжело заболевший от полученных побоев, просит Ивана Петровича передать Стеблеву в карцер бумажный сверток с загадочными стеклянными шариками, добавляя при этом: «Вы можете, если вы меня любите» [14, с. 174]. Спустя несколько лет разлуки выясняется, что Иван Петрович не выполнил просьбы, не сумев переступить личной обиды за друга и тем самым проявив неготовность к всепрощающей христианской любви, а также – к подлинному диалогу. Таким образом, в результате общения с идеальным Другим герой, страдающий от безнравственности социума, понимает, что сам не соответствует своим представлениям о добре, вследствие чего наряду с виной за несдержанное слово начинает испытывать экзистенциальную вину.

Название рассказа «Кирпичики» отсылает к исполняемому Французом русскому городскому романсу периода НЭПа «Песня о кирпичном заводе» (1924, автор слов – П.Д. Герман), в котором «соединились официальная пропаганда с искренней еще верой в правильность советского пути» [16]. Кирпичики в романсе являются символом послереволюционного строительства нового, справедливого мира, в котором личный успех (семейное счастье, достаток) будет сочетаться с общественным признанием (общепольность труда, высокое социальное положение). Находясь одновременно в двух контекстах – песни и рассказа, образ кирпичиков приобретает сложную семантику. В рассказе кирпичики коррелируют со стеклянными шариками – таинственным атрибутом Француза, напоминающим бусины четок, но лишенным практического предназначения. Шарика указывают на причастность мальчика к высшей сфере, воплощая ее совершенство (гармонична сама форма шара) и одновременно непроницаемость для обычного человека (неслучайно соотношение шариков с глазами: «...глаза этого мальчика на шарики не были похожи. Просто для Ивана Петровича в них не было места» [14, с. 169]). Шарика как характерная деталь в финале сменяются кирпичиками, что говорит об изменениях, произошедших с ангелоподобным ребенком: он выздоровел, возмужал и «одичал» (играет в футбол, а футбольный мяч – еще одна вариация образа шариков), утратив связь с божественным и приняв законы эмигрантской гимназии. Следовательно, земное существование идеала, по мнению Штейгера, имеет преходящий и одновременно иллюзорный характер: с одной стороны, взросление Француза изображено как результат невыполнения Иваном Петровичем данного ему обещания, с другой стороны, символизирует трагедийность времени,

с течением которого неизбежно развеиваются юношеские иллюзии.

Исполняемый Французом фрагмент романса («И вот за Сеничку, / Да за кирпичики, / Полубила я этот / Завод» [14, с. 176]) фиксирует момент принятия действительности, аналогичный тому, который переживает Иван Петрович при встрече с повзрослевшим другом: глубокая личная привязанность к Французу заставляет Ивана Петровича смириться с нежизнеспособностью идеала и всеобщим моральным релятивизмом.

Деятельность эмигрантской гимназии направлена на поддержание жизни дореволюционной русской культуры в изоляции от советской России. В стенах гимназии данная установка реализуется в «национальном воспитании» и соблюдении патриотических ритуалов, таких как «праздник Русской Культуры». Однако в ситуации пребывания Ивана Петровича и Француза в кабинете учителя истории (хронотоп задает исторический аспект прочтения) в образе младшего героя – представителя нового поколения – «боярский костюм» сменяется советским фольклором, что означает закономерность утверждения на родине нового политического строя и бессмысленность вмешательства в ход истории. В рассказе звучит авторская ирония, подобная той, какой проникнуты многочисленные пародии на «Песню о кирпичном заводе», высмеивающие советскую действительность и обнаруживающие утопизм коммунистического проекта [16, 17].

Посредством образа кирпичиков создается лейтмотивная организация повествования, что свидетельствует о важности для прозы Штейгера поэтической логики, основанной на ассоциативном мышлении. В целом сюжет рассказа может быть рассмотрен как лирический: эпический план в «Кирпичиках» редуцирован, развитие действия находится в тесной связи с душевной жизнью главного героя, а ключевым событием является «преодоление внутренних границ мира и сознания героя актом его самосознания» [18, с. 115], что соответствует родовой специфике лирического произведения.

В рассказе «Жид» (1934) изображается путь к самоубийству молодого эмигрантского писателя Карнаца. Ключевым для рассказа является вопрос об истинной причине или цели поступка юноши, измученного бедностью, одиночеством и непониманием окружающих. События рассказа разворачиваются в Париже – современном мультикультурном мегаполисе, пребывание в котором внушает молодым русским людям сознание непрочности земного существования и относительности духовных ценностей. К тому же Карнац – еврей, что усугубляет для героя проблему

отчужденности и становится дополнительным предметом рефлексии автора.

В рассказе воссоздается картина литературного быта писателей младшего поколения, стоящих на пути личного и творческого самоопределения. На собраниях «Кружка» встречаются около пятнадцати «очень молодых людей и барышень», из которых в центре авторского внимания находятся начинающие писатель Карнац и критик Кирилл, имеющий «репутацию злого остроумца». Между ними завязывается непростой диалог, обнаруживающий противоречия во взглядах на изгнанническую судьбу и христианство.

Изображение литературного вечера в кругу эмигрантской молодежи также ценно тем, что оно дает представление о литературных вкусах 1930-х гг. Над «устарелой манерой» Карнаца в духе Леонида Андреева «было принято смеяться», о чем знали «все присутствующие», ведь они «аккуратно ходили на собрания, на которых выступали настоящие писатели с именами»; также участники «Кружка» считали неприемлемым писать с заглавной буквы, подобно символистам, абстрактные понятия, такие как «Человек», «Город» и «Судьба», и «брать такие мелодраматические темы: – одиночество, мрак, непонятая душа, против него весь мир...» [14, с. 180]. Соответственно, по мнению публики, рассказ Карнаца, нарушавший все перечисленные «запреты», «ни в одном из хороших эмигрантских журналов... не мог быть напечатан» [14, с. 179–180].

На заседании «Кружка» декларируется отказ от индивидуального пессимизма и экзистенциальной проблематики, широкое обращение к которой в творчестве младшего поколения эмиграции обусловлено культурной беспочвенностью. При этом подчеркивается, что инициатива идеологических изменений исходит от литературных авторитетов, сумевших, как правило, еще на родине достигнуть внутренней независимости. Нежелание самих младоэмигрантов оставаться в унынии и бездействии также побуждает их к поиску собственной созидательной стратегии. Однако, как показано на примере участника кружка Гельферда, исповедующего то марксизм, то христианство, эмигрантская молодежь отличается нестабильностью убеждений. Неготовность к выбору мировоззрения свидетельствует об инфантилизме молодых людей и замедленности их нравственного взросления, причиной чему является череда пережитых ими социально-исторических потрясений (революция, гражданская война, эмиграция).

Образы юных литераторов Кирилла и Карнаца противопоставлены друг другу по таким критериям, как национальность, вера в Бога, семья и

материальное положение. Карнац, живущий в бедности на квартире у сестры и не имеющий постоянного заработка, демонстрирует неспособность адаптироваться к эмигрантскому быту, тогда как Кирилл живет в достатке вместе с родителями на семейной вилле, купленной до революции. Карнац – еврей, убежденный в преображающем действии веры и любви, а Кирилл – русский, отчаявшийся в жизни и приверженный религиозному скептицизму. Помимо этого, герои занимают различные позиции на литературной арене. Карнац является писателем трагического склада, чье мироощущение выражается в неактуальных в эмиграции крайних («леонидандреевских») формах Серебряного века, при этом, по замечанию Кирилла, его произведениям свойствен «благородный и верный тон». Сам же Кирилл выступает на собраниях в качестве не творца, а критика, однако еще не имеет устойчивых ценностных ориентиров ни в творчестве, ни в жизни.

Повествование начинается с того, что на очередном заседании кружка Карнац читает свой рассказ, при этом автор не предваряет непосредственное цитирование текста героя ни описанием внешней обстановки, ни указанием на авторство. Неопределенность субъекта речи приводит к совмещению планов автора-повествователя и персонажа-писателя, за счет чего выявляется одинаковость положения всех младоэмигрантов (в том числе автора и персонажа) в пространстве индустриального Запада, сопряженном с чувством бесприютности: «Кругом... шумел все тот же огромный и равнодушный город. По мосту с оглушительным треском и звоном летели трамваи и такси, прохожие шли сплошной стеною, усталые, озабоченные и хмурые. На правом берегу Сены, в небе ярко и назойливо горели рекламы универсальных магазинов» [14, с. 178].

Мировоззрение Карнаца, на первый взгляд, зиждется на ощущении тотального одиночества и отчаяния, ввиду чего самоубийство выглядит закономерным итогом его существования. Кирилл, изначально готовившийся раскритиковать исполненное безнадежности сочинение Карнаца, в котором близкий к автору герой-Человек решает покончить с собой, проникается сочувствием к герою и, как следствие, к самому автору, наивно полагая, что это одно лицо. Кирилл видит в Карнаце собственное отражение – человека, страдающего от одиночества и безверия, и считает, что он нуждается в помощи. При этом, по мнению Кирилла, состояние Карнаца усугубляется принадлежностью к еврейской нации, нередко дискриминируемой в русской диаспоре.

Однако после неудачной беседы за обедом в доме Кирилла, куда он пригласил Карнаца, «гор-

дьясь левизной своих взглядов и щеголяя терпимостью к евреям», выясняется, что роль страдальца принадлежит не столько Карнацу, сколько самому Кириллу, чуждому религии и уверенному, что «никому ни лучше, ни легче от того не живется, был ли Христос или нет»; Карнац же убежден: «...как хорошо, когда люди в него веруют и как все тогда меняется» [14, с. 185]. По поводу своего пессимистического рассказа Карнац говорит, что «теперь никогда бы не написал такого», ведь уже «совершенно иначе думает». В сложившейся ситуации самоубийство Карнаца не выглядит жестом самоотрицания, выражающим духовную слабость, и приобретает характер инициации: смерть в рассказе трактуется как переход в идеальный мир, наличие которого не вызывает сомнений у верующего. Неслучайно молодой писатель сбрасывается с моста со словами: «А все-таки, Гельферд (кружковец – религиозный идеолог. – С.Д.) прав, и Бог есть» [14, с. 190]), а перед этим беспокоится о понимании мотивов суицида знакомыми: «Самое ужасное, – думал Карнац, – что все подумают, что я это оттого, что у меня нет денег, а Кирилл, верно, подумает, что я разочаровался в христианстве, или еще что-нибудь» [14, с. 189].

Символичен хронотоп самоубийства. Карнац принимает судьбоносное решение, находясь «на середине моста» и двигаясь в направлении правого берега Сены. Мост через реку в данном контексте является символом границы между жизнью и смертью, а правый берег (правый в значении «правильный») символизирует добро и истину, к которым стремится герой, и указывает на нравственность его поступка (вопреки негативной оценке самоубийства с точки зрения религии) в понимании самого героя и повествователя, чьи позиции в текущем эпизоде неразличимы. В свою очередь, весенний вечер («ветренный и вечерний май», вызывающий «полное ощущение весны, несмотря... на холод») знаменует конец земной жизни (вечернее время суток – символ скорого финала в перспективе эмпирического существования) и начало загробной (весна) – подлинной жизни души. Неслучаен здесь и образ девочки, торгующей ландышами: детство в поэтическом мире Штейгера всегда связано с духовной чистотой и близостью к Богу.

Кроме того, весенний пейзаж рождает у героя и повествователя ассоциацию с изображением Парижа на открытках. В стереотипном образе города для интерпретации самоубийства важен такой элемент пейзажа, как ярко-синий прорыв в затянутом тучами небе над Нотр-Дам: подразумеваемый на картинке шпиль собора традиционно символизирует связь с небесным миром и

стремление человека к Богу, тогда как «ветренный и влажный ультрамарин» неба, создающий ощущение морского простора, говорит о предстоящем обретении духовной свободы.

Бытовая неустроенность Карнаца (бедность, отсутствие работы и своего места жительства) – следствие целенаправленного игнорирования героем материального аспекта жизни. Неприятие житейской суеты, напоминающее христианский аскетизм, свидетельствует о внутренней свободе и силе Карнаца, тогда как недоумение окружающих по поводу материального неблагополучия молодого еврея, опровергающего привычное мнение об особой жизнестойкости и находчивости его народа, вызвано непониманием глубинных мотивов поведения Карнаца, выбравшего, с его точки зрения, самую «выгодную» позицию – жить в стремлении к Богу.

Уже при описании первого литературного вечера в доме Зинаиды Пассовер автором вводится библейский код: фамилия хозяйки переводится с английского как Песах, или еврейская Пасха. Она является важным иудейским праздником в память об Исходе – освобождении евреев из египетского рабства, которое позволило им вернуться в Землю Обетованную. В контексте рассказа Исход ассоциируется с желаемым для эмигрантов концом пребывания на чужбине. Самоубийство Карнаца, означающее для него освобождение и приобщение к Богу, предстает как исключительный поступок, доступный только глубоко верующему представителю еврейского народа. Таким образом, автор проводит мысль о том, что избавиться от страданий возможно лишь при наличии искренней веры, которой, с его точки зрения, не обладает русская эмигрантская молодежь. Связь веры и национальности в образе Карнаца указывает на амбивалентность человеческой сущности: свобода воли неотделима от онтологической предопределенности. При этом Бог как олицетворение нравственного идеала трансцендентен земной реальности, в связи с чем любые попытки эмигрантов обрести «свое место» в человеческом мире, согласно автору, обречены на неудачу.

Карнац, будучи истинным приверженцем общечеловеческих ценностей, способен к доверию и прощению, чем разительно отличается от Кирилла. Последнего «втайне... всегда раздражало, когда евреи рассуждали о канонах или преувеличенно восхищались православием», что свидетельствует о национальной нетерпимости Кирилла, осуждаемой им публично. Неприязнь к евреям (причем открытая) свойственна и старшему брату Кирилла – Алексею, который «успел повоевать в Крыму и на Кавказе» и в чьей комнате

«висели портреты белых генералов». Антисемизм Алексея оказывается напрямую связан с патриотической гражданской позицией, которая, согласно Штейгеру, предполагает ограниченность сознания национально-государственными стереотипами восприятия и является признаком духовной незрелости. В свою очередь, мировоззрение Кирилла крайне индивидуалистично, поэтому «маска» прогрессивного транснационального литератора, готового к культурному диалогу, не совпадает с его истинным человеческим лицом.

Можно утверждать, что рассказ «Жид» посвящен процессу личностного и творческого становления Кирилла. Его напряженные поиски духовной опоры и неудачные попытки самоопределения воплощают экзистенциальную драму литераторов младшего поколения эмиграции, не находящих «своего места» в поле живой межкультурной коммуникации, каким является западный мегаполис [19, с. 48]. На собраниях литературного кружка Кирилл выступает либо в роли критика, либо – докладчика: он не создает художественных произведений, т. е. не является творцом. Герой еще только готовится к решающему выбору индивидуального жизнетворческого принципа, анализируя литературную ситуацию и состояние нравов в эмигрантском сообществе.

Считая невозможным следовать примеру еврея Карнаца и отчаявшись удовлетворить свой нравственный максимализм, Кирилл намерен обратиться к влиятельному в межвоенной Европе сюрреализму – искусству без рациональных и этических границ, что говорит о неизбежности ассимиляции русской молодежи в иностранной среде. О таком решении Кирилла свидетельствует финальная сцена, когда герой предпочитает самоубийству выступление в «Кружке» с докладом о сюрреализме: «Ехать или не ехать, – думал он. – Если не ехать, то надо быть последовательным: не есть, не пить, не спать, не курить, прекратить все вообще, потому что иначе все не имеет смысла. – Доклад у него уже был готов, и ему не нужно было к нему подготавливаться» [14, с. 192].

Резонанс, произведенный самоубийством Карнаца в обществе участников «Кружка», обнаруживает бытующее среди молодежи многообразие взглядов на собственную судьбу, истоки духовного кризиса и оптимальный способ существования. В числе возможных причин гибели Карнаца называют нищету и несчастную любовь, однако данные предположения, по мнению Зинаиды Захаровны – юной устроительницы литературного салона, не выдерживают критики: «Всем сейчас трудно, но от этого не стреляются и не

идут бросаться в воду» [14, с. 191]. Девушка определяет поступок Карнаца как проявление ненавидимых ею «неврастении», «распушенности», «безволия» и «слабости». Незнакомый собеседник утверждает, что самовольный уход Карнаца из жизни – «это только лишнее доказательство разложения эмиграции... отсутствие руководящей идеи, какой в наше время может быть лишь идея классовой борьбы, неизбежно заводит личность в тупик» [14, с. 191]. Недавний марксист, а ныне христианин Гельферд отмечает, что «православная церковь... считает теперь самоубийство за безумие и не запрещает молиться за упокой души самоубийц» [14, с. 191]. Суждения «молодых» свидетельствуют об эмигрантском идеологическом кризисе, влекущем за собой нравственную дезориентацию, моральный упадок и бытовое неблагополучие младшего поколения, для которого самопроизвольный уход из жизни становится обыденным явлением.

В обоих рассказах Штейгера исследуется динамика русских патриотических умонастроений, которые за рубежом нередко выливались в национализм. Проблема национального самосознания, являясь одной из ведущих в эмигрантской среде, способствовала возрастанию политической активности молодежи. В. Варшавский в книге «Незамеченное поколение» пишет о частой «подмене „белой“ любви к России „черным“ национализмом правых», когда «к жертвенному героическому вдохновению Белого движения все более примешивались другие чувства – человеконенавистничество черной сотни» [20, с. 23–26]. Именно эти реалии эмигрантского существования получают осмысление в рассказах, отражаясь в быте провинциальной эмигрантской гимназии («Кирпичики») и поведении белогвардейца Алексея («Жид»). Для русских героев – Ивана Петровича и Кирилла – идея превосходства собственной нации становится одним из препятствий на пути приобщения к Абсолюту.

Заключение

Таким образом, в основе сюжета рассказов Штейгера лежит диалогическое взаимодействие героя, биографически и психологически близкого к автору, с Другим, который субъективно воспринимается как идеальный. Другие (Француз и Карнац), по мнению главных героев (Ивана Петровича и Кирилла), являются носителями универсальных духовных ценностей и обладают той цельностью натуры, к которой русские герои, переживающие конфликт идеального и реального, лишь безуспешно стремятся. В ходе общения с мнимо идеальным Другим герои чувствуют внутреннюю необходимость отстаивать и выра-

жать в поступках свое представление о нравственности, однако они не выдерживают подобного испытания, обнаруживая свое фатальное несоответствие собственному идеалу. Абсолют, в свою очередь, получая воплощение в образе несовершенно от природы человека, лишается незыблемости, что говорит о временности и иллюзорности его существования в пределах земной реальности. Итогом каждого рассказа является признание героем – двойником автора – недостижимости идеала и его смирение с несовершенством человеческой сущности.

Суть нравственного взросления, согласно Штейгеру, заключается в определении человеком ценностных ориентиров и формировании критического взгляда на самого себя, что, однако, не гарантирует достижения гармонии между внутренним и внешним миром. Главные герои не в силах преодолеть духовную слабость, которая, с одной стороны, онтологически присуща всему

людскому роду, но с другой – является свойством характера и обнаруживается в ситуации нравственного выбора. В «Кирпичиках» это не сдержанное Иваном Петровичем обещание передать Стеблеву стеклянные шарики, что говорит о неспособности героя подняться над личными обидами, в «Жиде» – бездействие Кирилла при виде нищеты Карнаца и нежелание продолжать общение после осознания «инаковости» собеседника. Бог как персонификация нравственного идеала в первую очередь является порождением сознания героев, поэтому его фигура выносится за пределы человеческого мира, что обуславливает господство в нем морального релятивизма и компромиссность положения героев в социуме и культуре. Именно существование без внешней нравственной опоры составляет основную драму жизни и творчества молодых писателей «парижской ноты» и А. Штейгера как ее последовательного представителя.

Список источников

1. Числа. Книга 7–8. Париж: Cahiers de l'Étoile, 1933. 306 с.
2. Летаева Н.В. Молодая эмигрантская литература 1930-х годов: проза на страницах журнала «Числа»: дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 180 с.
3. Коростелев О.А. «Парижская нота» и противостояние молодежных поэтических школ русской литературной эмиграции // Литературоведческий журнал. 2008. № 22. С. 3–50.
4. Ратников К.В. «Парижская нота» в поэзии русского зарубежья. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1998. 162 с.
5. Чагин А.И. Горизонты прекрасной ясности. Акмеизм, петербургская школа в 1920–1930-е гг. М.: ИМЛИ РАН, 2021. 320 с.
6. Зобнин Ю.В. Поэзия «младшего» поколения // Литература русского зарубежья (1920–1940): учебник для высших учебных заведений Российской Федерации. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. 848 с.
7. Назаренко И.И. Кризис самоидентичности в сюжетах прозы младоэмигрантов: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2023. 345 с.
8. Васильева М.А. «Незамеченное поколение» русской эмиграции: поиски своего места в мире // Феномен поколений в русской и венгерской литературной практике XX–XXI веков. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та; Санкт-Петербург: Алетейя, 2022. 444 с.
9. Матвеева Ю.В. Самосознание поколения в творчестве писателей-младоэмигрантов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2008. 196 с.
10. Каспэ И.М. Искусство отсутствовать: Незамеченное поколение русской литературы. М.: НЛО, 2005. 192 с.
11. Чагин А.И. Пути и лица: о русской литературе XX в. М.: ИМЛИ РАН, 2008. 600 с. URL: https://www.phantastike.com/ru/puti_i_litca_o_russkoi_literature_xx_ve/pdf/ (дата обращения: 20.03.2025).
12. Pachmuss Temira. Из архивных материалов В.А. Злобина: поэт Анатолий Штейгер // Cahiers du monde russe et soviétique. 1985. Т. 26, № 3–4. С. 479–492.
13. Гинзбург Л. О психологической прозе. 2-е изд. Л.: Художественная литература, 1976. 448 с.
14. Штейгер А. Этот день: Избранное. М.: Престиж Бук, 2017. 480 с.
15. Кочеткова О.С. Проблема внутреннего и внешнего пространства в судьбе и творчестве А.С. Штейгера // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2010. № 2. С. 81–94.
16. Бахтин В.С. «Кирпичики»: история песни // Нева. 1997. № 10. С. 225–229.
17. Неклюдов С.Ю. «Все кирпичики, да кирпичики...» // Шиповник. Историко-филологический сборник к 60-летию Р.Д. Тименчика. М.: Водолей Publishers, 2005. С. 271–303.

18. Малкина В.Я. Лирический сюжет // Поэтика: слов. актуал. терминов и понятий. М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. 358 с.
19. Рубин М.О. Русский Монпарнас. Парижская проза 1920–1930-х годов в контексте транснационального модернизма. М.: НЛЮ, 2017. 328 с.
20. Варшавский В.С. Незамеченное поколение. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына: Русский путь, 2010. 544 с.

References

1. *Chisla. Kniga 7–8* [Numbers. Book 7–8]. Paris, Cahiers de l'Étoile, 1933. 306 p. (in Russian).
2. Letaeva N.V. *Molodaya emigrantskaya literatura 1930-kh godov: proza na stranitsakh zhurnala "Chisla". Dis. kand. filol. nauk* [Young émigré literature of the 1930s: prose on the pages of the magazine "Numbers". Diss. cand. philol. sci.]. Moscow, 2003. 180 p. (in Russian).
3. Korostelev O.A. "Parizhskaya nota" i protivostoyaniye molodezhnykh poeticheskikh shkol russkoy literaturnoy emigratsii ["Paris Note" and the Confrontation of Youth Poetic Schools of the Russian Literary Emigration]. *Literaturovedcheskiy zhurnal – The Journal of Literary History*, 2008, no. 22, pp. 3–50 (in Russian).
4. Ratnikov K.V. "Parizhskaya nota" v poezii russkogo zarubezh'ya ["Paris Note" in the Poetry of the Russian Diaspora]. Chelyabinsk, Chelyabinsk State University Publ., 1998. 162 p. (in Russian).
5. Chagin A.I. *Gorizonty prekrasnoy yasnosti. Akmeizm, peterburgskaya shkola v 1920–1930-e gg.* [Horizons of Beautiful Clarity. Acmeism, the St. Petersburg School in the 1920s–1930s.]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2021. 320 p. (in Russian).
6. Zobnin Yu.V. *Poeziya "mladshego" pokoleniya* [Poetry of the "younger" generation]. *Literatura russkogo zarubezh'ya (1920–1940): uchebnik dlya vysshikh uchebnykh zavedeniy Rossiyskoy Federatsii* [Literature of the Russian Diaspora (1920–1940): textbook for higher educational institutions of the Russian Federation]. Saint Petersburg, Filological fakulty SPbGU Publ., 2013. 848 p. (in Russian).
7. Nazarenko I.I. *Krizis samoidentichnosti v syuzhetakh prozy mladoemigrantov. Dis. kand. filol. nauk* [Crisis of self-identity in the plots of prose by young migrants. Diss. cand. philol. sci.]. Tomsk, 2023. 345 p. (in Russian).
8. Vasil'eva M.A. "Nezamechennoye pokoleniye" russkoy emigratsii: poiski svoego mesta v mire [The "Unnoticed Generation" of Russian Emigration: Searching for Their Place in the World]. *Fenomen pokoleniy v russkoy i vengerskoy literaturnoy praktike XX–XXI vekov* [The Phenomenon of Generations in Russian and Hungarian Literary Practice 20th–21st Centuries]. Yekaterinburg, Ural university Publ.; Saint Petersburg, Aleteyya Publ., 2022. 444 p. (in Russian).
9. Matveeva Yu.V. *Samosoznaniye pokoleniya v tvorchestve pisateley-mladoemigrantov* [Self-awareness of a generation in the works of young migrant writers]. Yekaterinburg, Ural university Publ., 2008. 196 p. (in Russian).
10. Kaspé I.M. *Iskusstvo otsutstvovat': Nezamechennoye pokoleniye russkoy literatury* [The Art of Absence: The Unnoticed Generation of Russian Literature]. Moscow, NLO Publ., 2005. 192 p. (in Russian).
11. Chagin A.I. *Puti i litsa: o russkoy literature XX v.* [Paths and Faces: about Russian Literature of the 20th Century]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2008. 600 p. (in Russian). URL: https://www.phantastike.com/ru/puti_i_litca_o_russkoi_literature_xx_ve/pdf/ (accessed 20 March 2025).
12. Pachmuss Temira. Iz arkhivnykh materialov V.A. Zlobina: poet Anatoliy Shteyger [From the archival materials of V.A. Zlobin: poet Anatoly Shteiger]. *Cahiers du monde russe et soviétique*, 1985, vol. 26, no. 3–4, pp. 479–492 (in Russian).
13. Ginzburg L. *O psikhologicheskoy proze* [About psychological prose]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1976. 448 p. (in Russian).
14. Shteyger A. *Etot den': Izbrannoye* [This day: Featured]. Moscow, Prestizh Buk Publ., 2017. 480 p. (in Russian).
15. Kochetkova O.S. Problema vnutrennego i vneshnego prostranstva v sud'be i tvorchestve A.S. Shteygera [The problem of internal and external space in the fate and work of A.S. Shteiger]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya – Bulletin of Moscow University. Series I: Philology*, 2010, no 2, pp. 81–94 (in Russian).
16. Bakhtin V.S. "Kirpichiki": istoriya pesni ["Bricks": the history of the song]. *Neva*, 1997, no. 10, pp. 225–229 (in Russian).
17. Neklyudov S.Yu. "Vse kirpichiki, da kirpichiki..." ["All bricks, and bricks..."]. *Shipovnik. Istoriko-filologicheskii sbornik k 60-letiyu R.D. Timenchika* [Rosehip. Historical and philological collection for the 60th anniversary of R.D. Timenchik]. Moscow, Vodoley Publishers Publ., 2005. Pp. 271–303 (in Russian).
18. Malkina V.Ya. *Liricheskiy syuzhet* [Lyrical plot]. *Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatiy* [Poetics: verbal. actual. terms and concepts]. Moscow, Izdatel'stvo Kulaginoy; Intrada Publ., 2008. 358 p. (in Russian).

19. Rubins M.O. *Russkiy Montparnas. Parizhskaya proza 1920–1930-kh godov v kontekste transnatsional'nogo modernizma* [Russian Montparnasse. Parisian Prose of the 1920s–1930s in the Context of Transnational Modernism]. Moscow, NLO Publ., 2017. 328 p. (in Russian).
20. Varshavskiy V.S. *Nezamechennoye pokoleniye* [The unnoticed generation]. Moscow, Dom russkogo zarubezh'ya imeni Aleksandra Solzhenitsyna: Russkiy put' Publ., 2010. 544 p. (in Russian).

Информация об авторе

Давыдов С.Н., аспирант, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 34, Томск, Россия, 634050).

E-mail: stepan.7plus@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-9056-2114>; SPIN-код: 5976-6061

Information about the author

Davydov S.N., graduate student, National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 34, Tomsk, Russian Federation, 634050).

E-mail: stepan.7plus@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-9056-2114>; SPIN-code: 5976-6061

Статья поступила в редакцию 19.04.2025; принята к публикации 26.09.2025

The article was submitted 19.04.2025; accepted for publication 26.09.2025

Специфика детективной интриги в неомодернистском романе Лены Элтанг «Картахена»

Елена Александровна Полева

*Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия,
polewaea@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4224-8456>*

Аннотация

Анализ «Картахены» Лены Элтанг произведен с учетом работ о трансформации детективного романа под влиянием модернистской эстетики. Модернистский роман строится с опорой на постклассическую «философскую метафизику» (М.А. Можейко), что обуславливает отказ от традиционных для детектива категорий (поиска и утверждения истины, восстановления объективной картины происшествия и справедливости). Акцент смещается с результата расследования на процесс. В статье ставится проблема определения эстетической природы анализируемого романа и разграничения (нео)модернизма и постмодернизма, характеризующихся использованием схожих приемов (игры, интертекстуальности, полисематичности образов), но для выражения принципиально различных мировоззренческих представлений. Детективная интрига выстраивается в романе посредством нарратологической стратегии «переклички» голосов фокализованных персонажей, каждый из которых выдает фрагментированную, субъективную и отличную от других версию событий, при этом меняющуюся со временем. Кроме этого, образы персонажей «Картахены» наделены амбивалентной семантикой и совмещают противоположные значения: жертвы и следователя, убийцы и жертвы, детектива и убийцы. Для создания детективной интриги Л. Элтанг использует разные приемы нарушения коммуникации между персонажами-нарраторами (неверное установление авторства, подмена адресата, несвоевременное получение информации, ошибка в определении фикциональной или документальной природы текста). В романе отсутствует рамка концептированного повествования, однако первые и последние записи принадлежат Маркусу, который в финальной главе раскрывает свой замысел создания романа о расследовании череды убийств, произошедших в «Бриатико», и намекает, что тексты других нарраторов созданы им. Это позволяет интерпретировать «Картахену» как метароман, в центре которого оказывается сюжет рождения и становления писателя, процесс создания фикционального текста, построенного на детективном расследовании. Специфика развития детективной интриги, темы отношения художника с окружающей его действительностью и «переплавки» реальности в текст, рефлексия гносеологических возможностей и ограничений человека в постижении реальности, приемы, раскрывающие субъективное мировосприятие, доказывают модернистскую природу «Картахены».

Ключевые слова: Л. Элтанг, современная литература, (нео)модернистский детектив, неомодернизм, детективная интрига, мотив ошибки

Для цитирования: Полева Е.А. Специфика детективной интриги в неомодернистском романе Лены Элтанг «Картахена» // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 6 (242). С. 146–155. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-6-146-155>

The specifics of detective intrigue in Lena Eltang's neo-modern novel “Cartagena”

Elena A. Poleva

*Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation,
polewaea@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4224-8456>*

Abstract

The analysis of Lena Eltang's “Cartagena” is made taking into account the works on the transformation of the detective novel under the influence of modernist aesthetics. The modernist novel is based on postclassical “philosophical metaphysic” (M.A. Mozheyko), which leads to the rejection of traditional detective categories (the search for and affirmation of the truth, the restoration of an objective picture of the incident and justice). The article raises the problem of defining the aesthetic nature of the analyzed novel and distinguishing between (neo)modernism and postmodernism, characterized by the use of similar techniques (play, intertextuality, polysemy of images), but for the expression of fundamentally different worldviews. The detective intrigue is built in the novel through a narratological strategy of “calling out” the voices of focalized characters, each of whom gives a fragmented, subjective and different version of events, while changing over time. In addition, the images of the characters of “Cartagena” are endowed with ambivalent semantics and combine opposite meanings: victim and investigator, murderer and victim, detective and murderer. To create a detective intrigue, L. Eltang uses various techniques of

disrupting communication between the narrator characters (incorrect attribution of authorship, substitution of the addressee, untimely receipt of information, error in determining the fictional or documentary nature of the text). The novel lacks the framework of a conceptualized narrative, but the first and last entries belong to Marcus, who explains his idea of creating a novel about the investigation of a series of murders that occurred at Briatico. This allows us to interpret “Cartagena” as a meta-novel, which focuses on the plot of the writer’s birth and formation, the process of creating a fictitious text based on a detective investigation. The specifics of the development of detective intrigue, the themes of the artist’s relationship with the surrounding reality and the “melting down” of reality into text, the reflection of the epistemological possibilities and limitations of man in comprehending reality, techniques that reveal the subjective worldview prove the modernist nature of “Cartagena”.

Keywords: *L. Eltang, contemporary literature, (neo)modernist detective story, neomodernism, detective intrigue, error motive*

For citation: Poleva E.A. Spetsifika detektivnoy intrigi v neomodernistskom romane Leny Eltang “Kartakhena” [The specifics of detective intrigue in Lena Eltang’s neo-modern novel “Cartagena”]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 6 (242), pp. 144–153 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-6-146-155>

Введение

Лена Элтанг – современный автор пяти романов, в каждом из которых критики и литературоведы отмечают наличие детективной интриги. Это отражается уже в заглавии рецензий: Г. Юзефович «Сладкоголосая сирена исполнила виртуозный детектив» (о «Каменных кленах») [1], И. Гулин «Ненасущный детектив» (о «Картахене») [2]. В. Топоров в «Побеге куманики» выделяет «криптодетективную линию» [3]; С. Секретов отмечает, что все романы Л. Элтанг «в своей основе имеют детективную ось» [4].

Хотя в рецензиях и научных статьях отмечены некоторые специфические черты «детективной» линии и есть попытка обозначить прозу Л. Элтанг как «постмодернистский детектив» [5], эта тема пока фрагментарно комментируется и недостаточно исследована.

Материал и методы

Материал исследования – роман Лены Элтанг «Картахена», работы о ее творчестве. Применены сравнительно-сопоставительный, жанровый, семиотический виды анализа художественного текста. Теоретический контекст работы – исследования детективного жанра в литературе.

Результаты и обсуждение

Н.Н. Вольский [6] и П. Моисеев [7] считают, что есть устойчивые жанрообразующие характеристики детектива, которые нужно учитывать в совокупности. Отсутствие хотя бы одного из них, по их мнению, означает, что произведение нельзя отнести к этому жанру. Среди основных выделяются: решение сложной, нетривиальной задачи-загадки, содержательно связанной с нарушением закона, как основа сюжета; «когда загадка отсутствует, или не является детективной, или играет второстепенную роль, произведение нельзя считать детективом» [7]. Классическому де-

тективу чужда поэтика психологизма, роль жертвы в сюжете второстепенна или совсем не значима, расследование должно проводиться именно частным сыщиком, завершаться разгадыванием загадки, связанной с преступлением, и, соответственно, обнаружением истины, установлением порядка, справедливости [6, 7].

Появление новых жанровых модификаций обусловлено двумя разного рода процессами. С течением времени появились (появляются) близкие формульные жанры [8], не соответствующие в полной мере классическому детективу (полицейский/милиейский, шпионский роман и т. д.) [9]. Второй процесс вызван переносом элементов детективной поэтики, реалистической или романтико-рациональной (Н. Зоркая со ссылкой на работы Р. Алевина [10]) по своей сути, в произведения другой эстетической природы. С точки зрения Н.Н. Вольского [6], П. Моисеева [7], Н.Н. Кириленко [9], такие тексты уже нельзя считать детективами. Но, по мнению М.А. Можейко [11, 12], А.В. Казачковой [13], уместно выделять «модернистские» и «постмодернистские» детективы, понимая, что такое обозначение условно и относимые к ним тексты имеют сложную жанровую природу, особенно в силу специфики постмодернизма, предполагающего коллажность, соединение и смешение жанров, стилей, элементов элитарной и массовой культуры.

М.А. Можейко объясняет трансформацию детективного жанра принципиальной сменой философско-мировоззренческих парадигм. Изменения функций и принципов развертывания в наррации детективной интриги в нереалистической современной литературе по сравнению с классической важны для понимания не только истории развития жанра, но и изменения картины мира, онтологических и аксиологических представлений, выраженных в творчестве конкретных авторов.

Традиционно детектив строился «по законам классической философской метафизики, фундированной презумпцией наличия онтологического смысла бытия... открытого реконструирующему его когнитивному усилию. Применительно к детективу это означает, что повествование неукоснительно базируется на имплицитной презумпции того, что существует объективная... «истинная» картина преступления», которую сыщик должен раскрыть, сложить пазл [12]. Вторая презумпция – справедливости. Эти презумпции неактуальны для модернистского и постмодернистского детектива, для которых свойственна опора на постклассическую метафизику, на принцип отказа от истины, а значит, и от объективно установленной справедливости: в логике модернизма – вследствие веры в наличие множества версий и оценок реальности в зависимости от воспринимающего ее субъекта, а в постмодернизме – в силу понимания симулятивности любых представлений о реальности. Поэтому детективная интрига в модернистских и постмодернистских романах не разрешается установлением истины; смысловые акценты смещены с результата на процессуальность разгадывания загадки [11, 12]. Добавим, что, если формально преступление и раскрывается, это не вызывает у ведущих расследование персонажей чувства удовлетворенности, так как внешнее завершение расследования не означает постижения смыслов, упорядочивания, складывания картины целого. Постигнутые смыслы воспринимаются как фрагментарные, не окончательные. Это в целом согласуется с основным принципом модернистского художественного сознания, как его определил А.А. Житенев: «отказ от “финализма”» и от «универсальных решений» [14, с. 5].

Сказанное относится к романам Л. Эланг. Проблема интерпретации ее романов лежит, на наш взгляд, в плоскости разграничения (нео)модернизма и постмодернизма. Ключевой, повторяющейся не только в каждом ее романе, но и во многих интервью является фраза «на самом деле нет никакого дела». С одной стороны, ее можно рассматривать как аллюзию на роман Виктора Пелевина «Чапаев и Пустота» – признанный образец постмодернистской литературы, так как герои Эланг дословно повторяют высказывание Чапаева. С другой стороны, эту фразу можно толковать двояко: как указание на симулятивность реальности вообще (что свойственно постмодернизму) либо на несовпадение объективной реальности с субъективными представлениями о ней (характерное для модернистской литературы). Критики и малочисленные по-

ка литературоведы чаще склоняются к постмодернизму. Нам же представляется, что Эланг посредством неомодернистской поэтики, предполагающей использование как модернистских, так и постмодернистских приемов, художественно осмысляет ряд тем модернистской литературы, связанных с ограниченностью сознания в возможностях познания реальности и верификации событий, явлений, фактов.

При этом у Л. Эланг сохраняется атрибутивная характеристика детективной прозы – ее адресованность читателю, настроенному на интеллектуальную игру, сконструированную автором [15, с. 156]. Значимость игровой интенции в нарративе подчеркнула сама Л. Эланг: «...я всегда хотела писать детективы, еще в школе. <...> я упрямо начинала каждый сюжет с детективной завязки, постепенно выскальзывая из нее, увлекаясь самим течением драмы. <...> Все изменилось после “Картахены”. Я поняла, что Борхес прав: жанр связан не столько с самим текстом, сколько со способом его прочтения» [16]. Цель такой игры – не привести читателя к ясной, понятной разгадке, а наоборот, запутать его: «И вот – автор всех обманул и счастлив, как ребенок!» [16]. Поэтому развитие детективной интриги в романах Эланг противоположно жанровому канону: усилия тех, кто расследует «дело», ведут не ко все объясняющей версии, а к множеству ответвлений, вариантов, отражений. Реализации такой авторской стратегии способствует нарративная структура романов.

Нарративная стратегия и приемы разворачивания детективной интриги в «Картахене»

М.С. Мозжерина отметила (со ссылкой на работу А.В. Ждановой [17]) «взаимосвязь детективного жанра и особенностей ненадежной нарратации» в романах Л. Эланг [18, с. 462]. Действительно, писатель отказался от концептированного повествования, используя «ненадежных рассказчиков», многоголосье, но не полифонию. Роман построен по нарративному принципу параллельности голосов нескольких фокализованных персонажей, каждый из которых имеет кругозор, ограниченный его биографическим опытом. Персонажи создают тексты, фиксирующие события *с их точки зрения*.

Текст каждого имеет разную жанрово-функциональную природу. Петра Понте пишет отчет-дневник для полиции, желая распутать тайну убийства своего брата, связанного с чередой других смертей в отеле-богательне «Бриатико». Комиссар полиции – «воскресные письма к падре Эулалио». Сознание персонажа-писателя

представлено двумя по-разному именованными «голосами»: 1) вначале в повествование вводится «голос» Маркуса (псевдоним и подложное имя, заимствованное у друга – Маркуса Фиддла [19, с. 62]; подлинное имя не называется), его текст написан от третьего лица в 2014 г. и нацелен на расследование загадочных убийств в отеле «Бриатико» и 2) «голос» Садовника, ведущего записи от первого лица, который фиксирует события 2008 г. и прошлого (относительно времени создания текста), связанного с тайной исчезновения его возлюбленной в 1999 г.

flautista_libico (ливийский флейтист) ведет интернет-блог, в котором фиксирует продвижение к цели: возвращения своего наследства – поместья, превращенного в «Бриатико». Это текст потенциального преступника, поэтому он интересен и Маркусу, и Петре. Но использование «сетевого ника» и отраженные в тексте биографические данные не дают читающей блог Петре, а затем Маркусу верифицировать пол пишущего, соотнести текст с его автором (внучка бывшей владелицы поместья Вирга работала в «Бриатико» библиотекаршей и была знакома и Петре, и Маркусу). Финальные записи «флейтиста» даны не под ником flautista_libico, а под именем Вирджинии Хейтс. Это может быть объяснено тем, что она завела новый блог и наметила новый образ себя и своего будущего, распрощалась со старым блогом, связанным с мучительным прошлым, с неудачной попыткой обрести дом: «Вирджиния не хочет быть забитой Джиджи... не хочет быть душевной Виргой, а хочет быть прекрасной Виви»¹ [19, с. 495].

Пересечение их сознаний и голосов минимально, и только физическое сближение, прямое, а не опосредованное текстом общение дает неожиданный эффект: Петра рассказывает, как ее брат запер в часовне девушку, – так Садовник узнает, что его возлюбленная не бросила его внезапно, а сгорела в пожаре; мать Петры, принимая Маркуса за призрак сына, признается ему в убийстве Ли Сопры (убийцы Бри).

Тексты всех персонажей-нарраторов располагаются мозаично и не связаны принципом хронологического параллелизма, т. е. соседние фрагменты, принадлежащие Петре, Маркусу, Садовнику, flautista_libico (Вирге), комиссару, могут относиться к разным временным пластам (воспоминаниям событий 1999 г., фиксации произошедшего в 2008 г. и «расследованию» Маркуса в 2014 г.). Так возникает калейдоскоп точек зре-

ния, и читатель вынужден соотносить события разных сюжетных линий во времени, да и хронология создания текстов также оказывается под вопросом. Тексты Садовника, вероятно, предшествуют текстам Маркуса, так как из прозрений первого рождается второй (писатель полновесного романа), но их тексты равноценно, а не соподчиненно расположены в одном нарративном пространстве романа, читаются в той последовательности, которую определил автор. И сознание (текст) Маркуса, осмысляющее опыт Садовника, т. е. себя в прошлом, включено в повествование первым.

Это, с одной стороны, демонстрирует моноличность, свойственную поэтике модернизма, отражающей «поток сознания», индивидуальные иллюзии, мифы, своеобразие мышления отдельного человека. С другой стороны, такое построение наррации служит поддержанию детективной интриги: обмен информацией минимален, что осложняет составление целостной и объективной картины того, что «было на самом деле».

Но возможна иная интерпретация. В последней главе Маркус описывает процесс создания романа по событиям, произошедшим в «Бриатико» в 2008 г., и тогда композиционная рамка (начало и завершение повествования, которые принадлежат Маркусу) может указывать на то, что весь текст создан им, и версии расследования убийств – многоголосие не разных субъектов, а разных персонажей, вымышленных одним сознанием – автора. И в этом случае использованная нарративная стратегия указывает на отсутствие дистанции между автором романа «Картахена» и персонажем-писателем, что свойственно модернизму: собственный художественный метод демонстрируется в писательской практике персонажа.

С точки зрения развития детективной интриги, это усложняет верификацию читателем статуса описываемых событий: подлинно ли они произошли в художественном мире романа, т. е. относятся к фабульно-сюжетному уровню, или внутри романа являются фикциональными, вымышленными одним из персонажей. Например, исчезновение Паолы является причиной возвращения Садовника в «Бриатико» и «пружиной» его первого писательского опыта. Вначале он верит, что она его бросила, затем в то, что погибла при пожаре. Однако комиссар в своих письмах к падре вспоминает о счастливом спасении девушки: «его невеста подожгла часовню Святого Андрея. Это случилось в мае девяносто девятого, и сама она чудом там не сгорела» [19, с. 510]. Если «голос» комиссара – не вымысел Маркуса,

¹ Отметим, что в редакции романа 2022 г. Л. Элтанг отказалась от переименования автора блога в финальной главе, оставив ник flautista_libico.

то эта информация находится вне сознания Садовника, и она равноценна другим версиям. А значит, чей вариант событий подлинный, неизвестно. Однако Маркус пишет, что это он «сочинил» письма комиссара к падре [19, с. 502]. Соответственно, чудесное спасение Паолы, возможно, вымысел Маркуса, и его выбор, какую из версий принять за подлинную или выдумать свою [19, с. 498]. Перевод расследуемой реальности в эстетическую смещает акценты: важным становится не этический аспект, а экзистенциальный выбор писателем той версии постижения реальности, которую он закрепил в слове.

Тексты персонажей существуют параллельно, и только ближе к финалу наррации возникает попытка обмена текстами, но не диалога. Петра читает блог «флейтиста», но ошибочно приписывает авторство Садовнику (т. е. Маркусу). Веря, что сетевой текст – доказательство вины, и неверно определяя автора «признания», Петра называет Садовника *убийцей брата* и *посылает* ему свой дневник-расследование и фрагменты из блога Вирги по адресу, принадлежащему семье умершего друга, чьим именем он пользовался, когда жил в «Бриатико» в 2008 г. С существенным запозданием, через несколько лет, и случайно текст Петры попадает к Маркусу. Тот в ответ отправляет Петре свой роман, в котором открывается правда (в представлении Маркуса) о *виновности брата Петры в непредумышленном убийстве его возлюбленной*. Точка зрения Маркуса основывается на рассказе самой Петры: она случайно раскрыла Садовнику-Маркусу причину исчезновения его девушки (Паола не бросила его, а сгорела в часовне, где ее запер Бри).

Бандероль с романом, в котором брат Петры выступает не как жертва, а как преступник, случайно погубивший Паолу, пролежала в старом почтовом ящике, не дойдя до адресата. Это Маркус выясняет, только приехав на место событий в 2014 г. *Вместо Петры роман прочитала Вирга*, устроившаяся работать на почту в деревне возле «Бриатико». Сама Петра прочла роман гораздо позднее, в 2014 г., и это обусловило новый поворот в ее расследовании убийства брата, о чем повествует комиссар в письмах к падре: «Вчера ночью она прочитала его книгу, оставленную в участке, и поняла, что сетевой дневник, который она считала главным доказательством, принадлежал не писателю, а неизвестно кому. И теперь нужно искать этого неизвестно кого» [19, с. 523].

Интенция дать информацию Другому не дает ожидаемого адресантом эффекта. Этому есть несколько причин. Во-первых, текст отражает не объективную картину, а субъективный взгляд на события. Во-вторых, в планы персонажей вме-

шивается случай, из-за которого тексты или попадают не к своему адресату, или к своему, но с существенным опозданием. В-третьих, из-за того, что персонажи кем-то притворяются, используют псевдоним или анонимное письмо, читающему сложно установить подлинного автора текста, т. е. адресанта. Расследуемое «дело» для персонажей складывается в разные картины, которые обладают подлинностью только в их сознании и на определенное время, пока не «рассыплются» из-за новой информации, новых версий.

Л. Элтанг использует «перекрещивающиеся» точки зрения, или полископическую перспективу видения, когда одно и то же событие рассказывается или комментируется разными персонажами, что свойственно детективному роману [20, с. 131]. Но такая стратегия усложняется использованием приемов нарушенной коммуникации (задержка информации; ошибка установления отношений «адресант – адресат»; неверное определение фикциональной или документальной природы событий, описанных в тексте; затруднение в атрибуции авторства), обусловивших своеобразие развития детективной интриги в романе.

О.А. Мельничук и Т.А. Мельничук выделяют интригообразующие и интригозавершающие стратегии в детективных текстах [20, с. 131]. Л. Элтанг воплощает поэтику открытого финала, и, несмотря на то что у персонажей возникают версии, раскрывающие преступления, в развязке проявляется модус незавершенности. В «Картахене» познанная истина известна лишь адресанту, поэтому не возникает ощущения установления справедливости, что отличает роман Л. Элтанг от классического детектива. Маркус не говорит Петре, что ее брат отомщен, и Ли Сопру убила ее мать, а Вирге – что у нее есть дед Пенникелла (Меркуцио), который является владельцем «Бриатико». В финале он намеревался рассказать Пенникелле, что у того есть внучка, но текст романа завершается смысловым многоточием. В версии романа 2015 г. Маркус, направляясь к деду Вирги в финале, обозревает безлюдный пейзаж, т. е. герой опоздал – клошар осуществил свою мечту и отправился в Картахену на поиски своего наследника [19, с. 541]. В редакции романа 2022 г. момент упущенной встречи конкретизируется: «...где раньше был пришвартован катер Пенникеллы, виднелись два кнехта, обмотанные полосатым канатом...» [21].

Закрытость сознаний и недоступность текстов друг для друга не позволяют каждому из нарраторов корректировать свою версию событий; персональных расследований недостаточно для полно-

го понимания ситуации. Но даже с позиции читательской вменяемости персонажному миру имеющейся у разных героев информации недостаточно для оформления целостной картины происходящего. Она остается фрагментарной и текучей: финальные позиции героев не окончательны и, пользуясь терминологией М. Бахтина, принципиально не завершены.

Интенция писателя к расследованию объясняется его желанием уловить, представить сознания Других, но они не диалогичны, остаются автономными, хотя и сведены в единое пространство фикционального текста, 'питающегося' «капля<ми> реальности», «крошками» постижения того, как «было на самом деле» [19, с. 521].

Если принять версию, что весь текст «Картахены» – это роман, который пишется Маркусом, то можно отметить мировоззренческую близость автора-Элтанг и персонажа ее романа: герой-писатель воплощает авторскую концепцию творчества. И в этой мировоззренческой близости, в отсутствии дистанции между автором и героем мы видим аргумент в пользу модернистской эстетики романа Л. Элтанг. Роман о расследовании убийств превращается в метароман, в котором содержится рефлексия процесса письма и творческая лаборатория писателя, работающего над новым произведением.

Амбивалентность функций персонажей в романе

Отдельного внимания заслуживает система персонажей в связи с детективной тематикой. Во-первых, в романе отсутствует профессиональный сыщик. Расследованием занимаются не только недоучившийся следователь Петра (решившая, что она нашла преступника и дело завершено), но и писатель Маркус, видя в тайнах служащих отеля источник вдохновения, материал для нового романа. Комиссар полиции не так прост и глуп, как в классическом детективе. При этом мотивы его поведения больше определяются пониманием национальных традиций и экзистенциальной целью, связанной не с восстановлением справедливости по закону, а с желанием спасти деревню, снять с нее «проклятье», восстановив разрушенную пожаром часовню. В редакции романа 2022 г. это сформулировано прямо: «Какой мне толк Диакони арестовывать? Мне часовню в порядок привести надо...» [21]. Полиция занимает маргинальное место в расследовании, но на первый план выходит не собственно детектив, а пишущий субъект.

Кроме этого, в классическом детективе есть четкое распределение ролей персонажей, а в «Картахене» персонажи совмещают в себе не-

сколько функций в восприятии разных субъектов речи.

Антиномичность образов подчеркивается разными художественными средствами. Например, через семантику имени: Вирджиния Хейтс, автор блога, в котором содержится признание в убийстве, соединяет в имени значения безвинности («Вирга – это от Виргиния, что значит *сама невинность*», – отмечает Маркус [19, с. 392] (курсив Элтанг. – Е.П.)) и агрессии (Хейтс от английского Hates – ненависть, ненавидеть). Она берет себе ник flautista libico, обозначающий античное название ветра сирокко, образ которого в культуре связан с семантикой преступления¹. Фамилия Маркуса указывает на подложность (от англ. fiddle – «скрипка», что связано с его ролью пианиста в «Бриатико», но также «обман, надувательство»).

Многие персонажи соединяют в своих образах признаки жертвы/убийцы/детектива. Вирга, flautista libico (ливийский флейтист) в одной из своих записей в блоге пишет: «Когда становишься жертвой, убивать легко» [19, с. 286]. Петра отмечает: «Ли Сопра оказался жертвой, но это не значит, что он не убивал» [19, с. 335]. Маркус выполняет функции детектива, но он подозревается Петрой в убийстве, он же жертва (точнее, 'представитель' жертвы – Паолы, погибшей из-за Бри). Брат Петры – вор, погибший от рук убийцы, Аверичи – убийца Стефании и сам жертва убийцы; Маркус допускает, что убийцей Ли Сопры мог быть ведущий расследование комиссар полиции, и т. д.

Сыщик и подозреваемый в преступлении сливаются в одно действующее лицо, но в романе это соединение ролей обусловлено не только детективной интригой. Оно связано с осмыслением разных перспектив восприятия одного и того же объекта реальности разными сознаниями, а также нетождественности человека в восприятии себя и других. Направляя расследование на обнаружение проступков другого, персонажи романа получили обратный эффект: другой указывает тебе на твою вину, подлинную или существующую только в его сознании, как это произошло в отношениях Садовника и Петры.

Объяснение замысла романа, который представляет собой «Картахена», Л. Элтанг формулирует в тексте Маркуса, описывая совмещение

¹ В частности, существуют легенды о том, что сирокко вызывал волну преступлений, которые, однако, прощались, так как объяснялись сводящим с ума действием этого ветра. В этом контексте образ сирокко использовал, например, М. Алданов в повести «Бельведерский торс». Эту легенду упоминает «флейтист» в «Картахене» 2022 г. редакции: «В старые времена людей не судили, если они под влиянием сирокко натворили дел» [21].

семантики образов и функций автора и персонажа, преступника и детектива: «Для того чтобы написать детектив, в котором ты одно из действующих лиц, надо определиться с лицом. Я хотел быть внутри сюжета, глядеть из всех его щелей и бубнить из всех отверстий. Слияние автора и персонажа – да еще подозреваемого! – казалось мне свежим приемом...» [19, с. 436–437].

Кроме этого, Л. Эланг использует прием смещения на периферию читательского внимания персонажей, которые связаны и с завершением детективной истории, и с внутренней пружиной сюжетных событий. Это в целом соответствует поэтике классического детектива, где внимание направлено на персонажей, выдвинутых в центр сюжетных событий, находящихся в основном месте действия. А самые незаметные, не привлекающие к себе внимания персонажи оказываются основными действующими лицами. В «Картахене» это клошар Пеникелла и мать Петры. Относительно клошара Маркус заметил: «Жаль, что он не имеет отношения к моей истории. Но я непременно возьму его в эпизод» (курсив мой. – Е.П.) [19, с. 245]. Однако в процессе «расследования» выясняется, что эпизодический персонаж – это в далеком прошлом возлюбленный Стефании, брат Аверичи, отец Ли Сопры (Луки Диакони), внук Вирджинии, подлинный хозяин «Бриатико» на протяжении многих лет, хотя и ведущий образ жизни бездомного, а значит, играет основную, хотя и неочевидную роль в сюжете, в который может быть «воткнута спица счастливого финала» [19, с. 533].

Убийца убийцы также смещена на периферию и фигурирует, скорее, в статусе жертвы, вызывающей сочувствие. Этот персонаж лишь эпизодически упоминается в записях Петры, он занимает маргинальное место и в социальной структуре жителей деревни, и в сознании всех, кто причастен к развитию детективной интриги в романе: сумасшедшая, тихая мать Петры, от которой дочь скрывает, что ее сын умер. Уверенность Петры, что ее мать не знает о гибели сына, не дает ей посмотреть на ситуацию шире, увидеть то, что открылось Маркусу.

Зашоренность восприятия Петры, играющей роль следователя, противоположна открытости к прозрениям или вымыслу персонажей, создающих фикциональные тексты (Вирге и Маркусу). Тема рамки, ограниченности восприятия ассоци-

ативно связана с одним из центральных образов романа – открыткой (фотографией) с дыркой вместо раритетной марки, из-за которой и случилась череда убийств в «Бриатико». Этот артефакт задает образ границ, ограниченного зрения, расширить которое можно только при помощи творческого сознания, открывающего другое видение, «другие возможности» [19, с. 199]. Так Маркус, узнав, кто отомстил за смерть Бри, увидел ускользающую от всех расследователей марку в образе итальянского пейзажа: «Сицилийская ошибка – вот она, стоит только открыть *окно* и посмотреть на гранитную скалу, отделяющую северный склон холма от лагуны. Взгляни на то, что осталось от марки: размытый профиль усадьбы, зазубренные края кипарисов, известь и шафран, клейкая изнанка липнет к рукам, почтовый штемпель стоит высоко в зените» (курсив мой. – Е.П.) [19, с. 535].

Заключение

Л. Эланг использует нарративный прием возвращения к одним и тем же событиям в тексте персонажей, каждый раз по-разному оформляющих их описание и интерпретацию. Это объясняется, на наш взгляд, не постмодернистской игрой, а модернистским мировоззрением писателя: при константном *образе мышления* человека создаваемый им текст текуч, как сама реальность (социальная и ментальная), за которой автор тщетно пытается успеть, поэтому текст пишется и *переписывается*; автор текста, как детектив, устремляется вслед недоступной объективному познанию социальной реальности, но не поспевает за ней. Возникает понимание, но не завершенное и исчерпывающее, а ситуативное, которое разрушается на новом витке «расследования» своего сознания и обстоятельств жизни своей и другого.

Неспособность сознания полностью восстановить, как было дело, компенсируется творческим воображением (недостающие сведения можно придумать, пересочинить действительность). Отсюда специфика завершения детективной интриги в финале: версию раскрытия преступления предлагает не следователь, а писатель. Поиск «капель реальности» подпитывает писательский «жар», а детективная интрига в «Картахене» служит созданию метаромана, воспроизводящего процесс написания художественного текста.

Список источников

1. Юзефович Г. Сладкоголосая сирена исполнила виртуозный детектив // Ведомости. 2008. URL: https://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2008/11/21/sladkogolosaya-sirena-ispolnila-virtuoznyj-detektiv?from=copy_text (дата обращения: 12.09.2024).

2. Гулин И. Ненастоящий детектив // Коммерсантъ Weekend. 2015. № 18. С. 25. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2725493> (дата обращения: 05.10.2024).
3. Топоров В. Сколько стоит шедевр: рец. на кн.: Элтанг Л. Побег куманики. СПб.: Амфора, 2006. 448 с. // Взгляд. 2006. С. 20. URL: vz.ru/columns/2006/11/5/55467.html (дата обращения: 12.09.2024).
4. Секретов С. Заросший парк: рец. (Лена Элтанг. Картахена. М.: РИПОЛ Классик, 2015) // Знамя. 2016. № 1. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=6165> (дата обращения: 05.10.2024).
5. Мозжерина М.С. Жанровые особенности романа Л. Элтанг «Другие барабаны» // INITIUM. Художественная литература: опыт современного прочтения: сборник статей молодых ученых. Екатеринбург: Урал. фед. ун-т им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2019. С. 123–125.
6. Вольский Н.Н. Легкое чтение: работы по теории и истории детективного жанра. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2006. 280 с.
7. Моисеев П. Поэтика детектива. М.: Высшая школа экономики, 2017. 240 с.
8. Cawelti J.G. The Formula of the Classical Detective Story // Adventure, Mystery, and Romance: Formula Stories as Art and Popular Culture. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1976. P. 106–110.
9. Кириленко Н.Н. «Детектив» в критике, науке и паранауке (обзор основных тенденций) // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2017. № 2 (23). С. 19–34.
10. Зоркая Н.А. Проблемы изучения детектива // Новое литературное обозрение. 1996. № 22. С. 65–78.
11. Можейко М.А. Детектив как художественный жанр и его трансформации в современной культуре // Керуен. 2009. № 1. С. 63–70.
12. Можейко М.А. «Философия детектива»: классика – неклассика – постнеклассика // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия: Педагогические науки. 2012. № 15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-detektiva-klassika-neklassika-postneklassika> (дата обращения: 19.07.2025).
13. Казачкова А.В. Жанровая стратегия детективных романов Бориса Акунина 1990 – начала 2000-х гг.: дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2015. 203 с.
14. Житенев А.А. Порождающие модели и художественная практика в поэзии неомодернизма 1960-х – 2000-х гг.: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2012. URL: https://new-dissert.ru/_avtoreferats/01005092614.pdf (дата обращения: 12.07.2025).
15. Мельничук О.А., Мельничук Т.А. Стратегии детективного дискурса (на примере романов А. Кристи) // Вопросы психолингвистики. 2012. № 15. С. 156–167.
16. Л. Элтанг: «Все будет, просто гений запаздывает»: интервью // Литература. 02.12.2017. URL: <https://litteratura.org/non-fiction/2063-lena-eltang-vse-budet-prosto-geniy-zapazdyvaet.html> (дата обращения: 12.07.2025).
17. Жданова А.В. К истории возникновения литературного феномена ненадежной наррации // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2009. № 2. С. 151–164.
18. Мозжерина М.С. Категория «ненадежного нарратора» в романном творчестве Л. Элтанг // Вестник Башкирского университета. 2021. Вып. 26, № 2. С. 460–466.
19. Элтанг Л. Картахена: роман. М.: РИПОЛ классик, 2015. 544 с.
20. Мельничук О.А., Мельничук Т.А. Стратегии художественного дискурса // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 1 (34). С. 125–135.
21. Элтанг Л. Картахена: роман. М.: Альпина нон фикшн, 2022. URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8908947 (дата обращения: 18.06.2025).

References

1. Yuzefovich G. *Sladkogolosaya sirena ispolnila virtuosnyy detektiv* [Sweet-voiced siren performed a virtuoso detective story]. *Vedomosti*, 2008 (in Russian). URL: https://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2008/11/21/sladkogolosaya-sirena-ispolnila-virtuosnyj-detektiv?from=copy_text (accessed 12 September 2024).
2. Gulin I. *Nenastoyashchiy detektiv* [Fake detective]. *Kommersant Weekend*, 2015, no. 18, p. 25 (in Russian). URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2725493> (accessed 5 October 2024).
3. Toporov V. *Skol'ko stoit shedevr: retsenziya na knigu: Eltang L. Pobeg kumaniki*. Saint Petersburg: Amfora Publ., 2006. 448 p. [How much is a masterpiece worth: review of the book: Eltang L. *Escape of the bush*. SPb: Amphora, 2006. 448 p.]. *Vzglyad*, 2006. P. 20 (in Russian). URL: vz.ru/columns/2006/11/5/55467.html (accessed 12 September 2024).

4. Sekretov S. Zarosshiy park: rets. (Lena Eltang. Kartakhena. M.: RIPOL Klassik, 2015) [Overgrown Park: review. (Lena Eltang. Cartagena. Moscow: RIPOL Classic, 2015)]. *Znanya*, 2016, no. 1 (in Russian). URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=6165> (accessed 5 October 2024).
5. Mozzherina M.S. Zhanrovyye osobennosti romana L. Eltang “Drugie barabany” [Genre Features of L. Eltang’s Novel “Other Drums”]. *INITIUM. Khudozhestvennaya literatura: opyt sovremennogo prochteniya: sbornik statey molodykh uchyonikh* [INITIUM. Fiction: An Experience of Contemporary Reading: A Collection of Articles by Young Scientists]. Ekaterinburg, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin Publ., 2019. Pp. 123–125 (in Russian).
6. Vol’skiy N.N. *Lyogkoye chteniye: raboty po teorii i istorii detektivnogo zhanra* [Easy Reading: Works on the Theory and History of the Detective Genre]. Novosibirsk, Izd-vo NGPU Publ., 2006. 280 p. (in Russian).
7. Moiseev P. *Poetika detektiva* [The Poetics of the Detective.]. Moscow, Vysshaya shkola ekonomiki Publ., 2017. 240 p. (in Russian).
8. Cawelti J.G. The Formula of the Classical Detective Story. *Adventure, Mystery, and Romance: Formula Stories as Art and Popular Culture*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1976. P. 106–110.
9. Kirilenko N.N. “Detektiv” v kritike, nauche i paranauche (obzor osnovnykh tendentsiy) [“Detective” in Criticism, Science, and Parascience (Review of the Main Trends)]. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedeniye. Yazykoznanie. Kul’turologiya – Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Literary Studies. Linguistics. Cultural Studies*, 2017, no. 2 (23), pp. 19–34 (in Russian).
10. Zorkaya N.A. Problemy izucheniya detektiva [Problems of Detective Fiction Study]. *Novoye literaturnoye obozreniye*, 1996, no. 22, pp. 65–78 (in Russian).
11. Mozheyko M.A. Detektiv kak khudozhestvennyy zhanr i yego transformatsii v sovremennoy kul’ture [Detective Fiction as an Artistic Genre and Its Transformations in Contemporary Culture]. *Keruen*, 2009, no. 1, pp. 63–70 (in Russian).
12. Mozheyko M.A. “Filosofiya detektiva”: klassika – neklassika – postneklassika [“The Philosophy of Detective”: classics – non-classics – post-non-classics]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogicheskiye nauki*, 2012, no. 15 (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-detektiva-klassika-neklassika-postneklassika> (accessed 19 July 2025).
13. Kazachkova A.V. *Zhanrovaya strategiya detektivnykh romanov Borisa Akunina 1990 – nachala 2000-kh gg. Dis. kand. filol. nauk* [Genre strategy of detective novels by Boris Akunin of the 1990s – early 2000s. Diss. cand. of philol. sci.]. Saransk, 2015. 203 p. (in Russian).
14. Zhitenev A.A. *Porozhdayushchiye modeli i khudozhestvennaya praktika v poezii neomodernizma 1960-kh – 2000-kh gg. Avtoref. dis. dokt. filol. nauk* [Generative models and artistic practice in the poetry of neomodernism of the 1960s – 2000s. Abstract of thesis doc. of philol. sci.]. Voronezh, 2012 (in Russian). URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01005092614.pdf (accessed 12 July 2025).
15. Mel’nichuk O.A., Mel’nichuk T.A. Strategii detektivnogo diskursa (na primere romanov A. Kristi) [Strategies of detective discourse (on the example of A. Christie’s novels)]. *Voprosy psikholingvistiki – Journal of Psycholinguistics*, 2012, no. 15, pp. 156–167 (in Russian).
16. Lena Eltang: “Vsyo budet, prosto geniy zapazdyvayet”: interv’yu [Lena Eltang: “Everything will happen, the genius is just late”: interview]. *Litteratura*, 2 December 2017 (in Russian). URL: <https://litteratura.org/non-fiction/2063-lena-eltang-vse-budet-prosto-geniy-zapazdyvaet.html> (accessed 12 July 2025).
17. Zhdanova A.V. K istorii vozniknoveniya literaturnogo fenomena nenadyozhnoy narratsii [On the history of the emergence of the literary phenomenon of unreliable narration]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva – Bulletin of the Volga University named after V.N. Tatishchev*, 2009, no. 2, pp. 151–164 (in Russian).
18. Mozzherina M.S. Kategoriya “nenadyozhnogo narratora” v romannom tvorchestve L. Eltang [The category of “unreliable narrator” in the novels of L. Eltang]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta – Bulletin of the Bashkir University*, 2021, iss. 26, no. 2, pp. 460–466 (in Russian).
19. Eltang L. *Kartakhena* [Cartagena]. Moscow, RIPOL klassik Publ., 2015. 544 p. (in Russian).
20. Mel’nichuk O.A., Mel’nichuk T.A. Strategii khudozhestvennogo diskursa [Strategies of artistic discourse]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*, 2013, no. 1 (34), pp. 125–135 (in Russian).
21. Eltang L. *Kartakhena* [Cartagena]. Moscow, Al’pina non fikshn Publ., 2022 (in Russian). URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8908947 (accessed 18 June 2025).

Информация об авторе

Полева Е.А., кандидат филологических наук, доцент, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

E-mail: polewaea@rambler.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4224-8456>; SPIN-код: 2384-2459

Information about the author

Poleva E.A., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

E-mail: polewaea@rambler.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4224-8456>; SPIN-code: 2384-2459

Статья поступила в редакцию 20.08.2025; принята к публикации 26.09.2025

The article was submitted 20.08.2025; accepted for publication 26.09.2025

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ

УДК 378.147[811.161.1:81 243]
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-6-156-164>

Краткое обсуждение нескольких интерактивных методов обучения на занятиях аудирования в африканской аудитории

Ольга Николаевна Болдырева¹, Евгения Владимировна Голубева²

^{1,2} *Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, Элиста, Россия*

¹ *olya.boldyreva2013@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-5590-0098>*

² *lisa101@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3279-0361>*

Аннотация

В данной статье на основе принципов обучения аудированию и практического опыта преподавания обобщаются эффективные способы обучения данному виду освоения русской речи иностранными слушателями, в частности африканцами. Цель данного исследования – рассмотреть интерактивные методы в процессе аудирования и модифицировать языковые навыки и приемы. Для достижения поставленной цели использовались следующие методы исследования: наблюдение, статистические методы обработки результатов, сопоставление, обобщение практического опыта преподавания русского языка иностранным обучающимся. Исследование процесса обучения аудированию может проводиться с помощью контент-анализа и методического, психологического, лингвистического и психолингвистического анализа литературы; эмпирических методов исследования (наблюдения, сравнения, эксперимента); количественных и качественных методов обработки данных; теоретических методов (анализа, синтеза, обобщения, прогнозирования, формулирования гипотез); практических методов (описания, анкетирования, опросов, моделирования материалов). Результаты исследования: важным принципом обучения аудированию является предоставление иностранцам понятной информации. Целью обучения аудированию является улучшение микронавыков слушания у иностранных граждан, в нашем случае у африканских обучающихся. К интерактивным методам аудирования относятся тренировка слов, которая включает повторение после прослушивания, прослушивание и объяснение слов, словесную ассоциацию, последовательное произношение цифр, произношение непохожих слов и выявление лишнего слова, а также тренировка предложений, представляющая собой замену состава предложения, ответы на вопросы, переписку предложений в соответствии с требованиями. Авторы статьи приходят к выводу, что адаптация представленных методов в обучении РКИ способно повысить эффективность аудирования звучащей русской речи. Мы считаем, что преподавание аудирования все еще очень поверхностно и нуждается в постоянном изучении и доработке, апробации новых методов и использовании дополнительных инструментов, обмене опытом с другими коллегами.

Ключевые слова: занятия по аудированию, принципы обучения аудированию, русский язык как иностранный, африканцы

Для цитирования: Болдырева О.Н., Голубева Е.В. Краткое обсуждение нескольких интерактивных методов обучения на занятиях аудирования в африканской аудитории // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 6 (242). С. 156–164. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-6-156-164>

METHODOLOGICAL ASPECTS OF MODERN PHILOLOGY

Brief discussion of several interactive teaching methods in listening classes in an African audience

Olga N. Boldyreva¹, Evgeniya V. Golubeva²

^{1,2} Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Elista, Russian Federation

¹ olya.boldyreva2013@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-5590-0098>

² lisa101@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3279-0361>

Abstract

This article summarizes effective methods of teaching this type of Russian speech acquisition to foreign listeners, in particular Africans, based on the principles of teaching listening and practical teaching experience. The purpose of this study is to consider interactive methods in the listening process and modify language skills and techniques. To achieve the set goal, the following research methods were used: observation, statistical methods of processing the results, comparison, generalization of the practical experience of teaching Russian to foreign students. The study of the process of teaching listening can be carried out using content analysis and methodological, psychological, linguistic and psycholinguistic analysis of literature; empirical research methods (observation, comparison, experiment); quantitative and qualitative methods of data processing; theoretical methods (analysis, synthesis, generalization, forecasting, formulating hypotheses); practical methods (description, questionnaires, surveys, modeling of materials). Research results: an important principle of teaching listening is to provide foreigners with understandable information. The purpose of teaching listening is to improve the micro-skills of listening in foreign citizens, in our case, in African students. Interactive listening methods include word training, which includes repetition after listening, listening and explanation of words, word association, sequential pronunciation of numbers, pronunciation of dissimilar words and identification of an extra word, as well as sentence training, which is a replacement of the sentence structure, answers to questions, rewriting sentences in accordance with the requirements. The authors of the article come to the conclusion that the adaptation of the presented methods in teaching Russian as a foreign language can improve the effectiveness of listening to spoken Russian. We believe that teaching listening is still very superficial and requires constant study and refinement, testing of new methods and use of additional tools, exchange of experience with other colleagues.

Keywords: listening classes, principles of teaching listening, Russian as a foreign language, Africans

For citation: Boldyreva O.N., Golubeva E.V. Kratkoye obsuzhdeniye neskol'kikh interaktivnykh metodov obucheniya na zanyatiyakh audirovaniya v afrikanskoj auditorii [Brief discussion of several interactive teaching methods in listening classes in an African audience]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 6 (242), pp. 156–164 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-6-156-164>

Введение

Ежегодно около 150 представителей африканских стран (Кот-д'Ивуара, Бенина, Мали, Камеруна, Конго и др.) проходят обучение в Калмыцком государственном университете имени Б.Б. Городовикова (г. Элиста) на факультете довузовской подготовки и обучения иностранных граждан. Они осваивают языковой курс по пяти аспектам изучения русского языка как иностранного: лексика/грамматика, чтение, аудирование, письмо и разговорная практика. В преподавании русского языка как иностранного аудирование является одним из важнейших видов речевой деятельности, играет большую роль в процессе обучения иностранцев. Обучение русскому аудированию строится на начальном, среднем и продвинутом уровнях. Аудирование – это сложная самостоя-

тельная дисциплина. Преподаватели, у которых в нагрузке в основном занятия по аудированию, знают, что эффект обучения не всегда бывает идеальным, при этом делается все возможное для достижения результата при активном сотрудничестве слушателей. Почему так происходит? Вероятно, это связано с тем, что слушание – это рецептивный вид деятельности, в условиях пассивного восприятия и распознавания звучащей речи иностранцам порой трудно проявлять энтузиазм и инициативу. Из-за этого атмосфера в аудитории не позволяет им быть активными и на занятиях часто бывает скучно. Кроме того, прогресс в аудировании не так очевиден, как в чтении, письме и разговорной речи. Восприятие и понимание звучащей речи происходит медленно, незаметно и зачастую его трудно обнаружить.

Это также одна из причин, почему некоторые люди не любят слушать аудиоуроки. В связи с переходом на новые образовательные стандарты сейчас активно разрабатываются и апробируются эффективные методы и способы преподавания, направленные на формирование у студентов необходимых профессиональных навыков и знаний. Российские университеты, принимающие студентов со всего мира, начинают образовательный процесс с обучения русскому языку [1, с. 138]. Учет особенностей конкретной группы учащихся критически важен для эффективного обучения. Он влияет:

- на потребности в общении: какие темы и формы общения будут наиболее актуальны и интересны для них;

- способы представления и отработки материала: как лучше всего подавать информацию и закреплять знания, учитывая их стиль обучения и уровень подготовки;

- поддержку взаимодействия: как организовать общение между учащимися, чтобы создать благоприятную атмосферу для обучения и обмена опытом;

- методику изучения языка: какие подходы и приемы будут наиболее эффективны для достижения поставленных целей в изучении иностранного языка [2, с. 140].

Современное преподавание русского языка как иностранного (РКИ) опирается на прочный научный фундамент, сформированный предшествующими исследованиями. Этот фундамент, в свою очередь, включает в себя достижения смежных дисциплин, таких как социолингвистика, психолингвистика, лингводидактика, методика преподавания и педагогика в целом. Без этого научного базиса эффективное преподавание РКИ сегодня просто немыслимо [3, с. 91].

Интерактивные методы обучения иностранному языку ценятся прежде всего за то, что они формируют в аудитории благоприятную атмосферу для творчества и раскрепощения. Это помогает иностранцам преодолеть страх ошибиться в присутствии других, что, в свою очередь, способствует более эффективному усвоению материала. Кроме того, эти методы сочетают индивидуальную и коллективную работу, предоставляя учащимся возможность самостоятельно принимать решения и активно участвовать в процессе обучения [4, с. 84].

Материал и методы

В результате изучения существующих подходов к обучению русскому языку как иностранному были выявлены следующие основные направления методики:

- лингвистическое: акцент на изучении языка как системы;

- коммуникативное: развитие навыков общения на русском языке;

- культуроведческое: знакомство с культурой России и русскоязычных стран;

- антропоцентрическое: учет индивидуальных особенностей и потребностей учащихся;

- тестологическое: использование тестов для оценки знаний и навыков;

- технологическое: применение современных технологий в обучении;

- этноориентированное: учет этнической принадлежности и культурного опыта учащихся;

- профессионально ориентированное: подготовка к использованию русского языка в профессиональной деятельности;

- концептуальное: разработка и применение общих принципов и подходов к обучению [5, с. 250].

Исследование процесса обучения аудированию может проводиться с помощью:

- контент-анализа и методического, психологического, лингвистического и психолингвистического анализа литературы;

- эмпирических методов исследования (наблюдения, сравнения, эксперимента);

- количественных и качественных методов обработки данных;

- теоретических методов (анализа, синтеза, обобщения, прогнозирования, формулирования гипотез);

- практических методов (описания, анкетирования, опросов, моделирования материалов).

В процессе практики преподавания мы пришли к выводу, что главное – это не только слушать, но и говорить. Интерактивный метод обучения аудированию, сочетающий в себе аудирование, чтение и диктант, может дать эффективные результаты. Использование вышеуказанных методов является важным для улучшения микронавыков слушания в аудитории слушателей из африканских стран. Атмосфера в аудитории, стимулирующая интерес учащихся к обучению, имеет определенный эффект.

В процессе преподавания дисциплины «Аудирование» мы опираемся в основном на отечественные разработки и собственный педагогический опыт. Базовым учебником является «Дорога в Россию» В.Е. Антоновой [6]. Немаловажное значение в нем придается фонетике, а также формированию акустической и артикуляционной компетенций носителей иностранных языков. Задания на аудирование многократно повторяются и оказывают положительное влияние на формирование у иностранца навыков речепроиз-

водства. От иностранца требуется не только извлечь необходимую информацию из прослушанного разговора, но и понять представленную в нем ситуацию в более широком коммуникативном контексте и ответить на вопросы типа «Где эти люди?» [6, с. 147, 173, 202, 288, 289]. Аудиоматериал из книги С.Г. Коншиной и Е.С. Мариной «Диалог. Русский язык для начинающих. Практический курс (начальный уровень)» [7] построен на принципах коммуникативной педагогики (в нем представлены диалоги мужчин и женщин на различные темы: еда, досуг, профессия и т. д.). Пособие Н.Б. Каравановой «Слушаем живую русскую речь» [8] является частью учебника *Survival Russian*, но может быть использовано и самостоятельно. Цель данного пособия – научить иностранных студентов слушать и понимать русскую речь на слух. Для этого автор предлагает общую систему обучения аудированию. Звучащий материал дается сначала в виде отдельных фраз с различной интонацией, затем в виде диалогов (диалогическая речь) и далее в виде текста (монологическая речь). Принцип отбора материалов для аудирования заключается в том, что они должны быть основаны на коммуникативном методе, направлены на скорейший «выход в речь» у иностранного слушателя. Пособие содержит 16 уроков по наиболее актуальным темам общения. Особенностью пособия является включение основных сведений о русской интонации и упражнений на различение смысловой интонации в русском языке.

Результаты и обсуждение

Представим несколько теоретических основ обучения аудированию.

Принципы обучения аудированию.

Важным принципом обучения аудированию является предоставление иностранцам понятной информации. Американский психолингвист Стивен Крэбб рассматривал лучший способ преподавать второй язык – предоставить учащимся понятную информацию. Он предположил, что режим понятного ввода – это $i + 1$, где i – текущий уровень языка учащегося. При значении $i + 1$ существующий уровень владения языком учащегося увеличивается на один шаг, поэтому преподаватели предоставляют иностранцам только понятные языковые материалы, которые они смогут запомнить. В таком случае можно говорить о повышении уверенности и мотивации к обучению [9, с. 56].

Ключевые моменты и трудности в обучении аудированию.

Целью обучения аудированию является улучшение микронавыков слушания у иностранных

граждан, в нашем случае у африканских обучающихся. Занятия по аудированию призваны улучшить способность памяти, ассоциативного угадывания, способности к быстрому реагированию на разные ситуации, умения запоминать во время прослушивания, а также повторения и обобщения информации после прослушивания.

Американский эксперт по методике преподавания Джоан Морли интерпретирует аудирование как «слушание и понимание». Она считает, чтобы получить информацию, надо «прислушиваться» к требованиям, «принятие» требует «мышления», а «мышление» требует запоминания, но нельзя совмещать «слушание», «мышление» и «память» [10, с. 500].

Русский физиолог И.М. Сеченов говорил: «Корень всякой мудрости кроется в памяти» [11, с. 260]. Из этих высказываний можно сделать вывод, что в обучении аудированию особенно важны способности к запоминанию. Таким образом, ключевым моментом обучения иностранных граждан является тренировка памяти, которая заключается в умении слушать.

Ассоциации и размышления – обычная психологическая деятельность человека. После непосредственного получения сигнала они сразу же будут связаны с другими передачами сигналов – это психологическая деятельность, направленная на установление связей. Размышлять – значит опираться на реальное восприятие и прошлый опыт, которые используются для создания новых образов и основываются на воображении.

Память состоит из трех частей: сенсорная память – кратковременная память – долговременная память. Понимание достигает лишь стадии сенсорной памяти. Оттуда информация, находящаяся в зрительной памяти, переносится в кратковременную память, а затем в долговременную память [12, с. 175].

Если информацией не пользоваться, то она забудется и не сможет быть использована в качестве опыта. Чтобы преодолеть забывчивость во время аудирования, необходимо делать записи представленной преподавателем устной информации, преобразуя звуковые сигналы в письменные символы [13, с. 100].

Обучение аудированию должно научить африканских слушателей пройти определенные препятствия. Они должны научиться преодолевать новые словесные барьеры в зависимости от контекста. Улучшение способности запоминать во время аудирования также является ключевым моментом обучения. Таким образом, аудирование требует от слушателей не только понимания, но и запоминания.

Еще одним направлением обучения аудированию является улучшение способности подражать после прослушивания. Имитация после прослушивания – это метод перевода сенсорной памяти в кратковременную.

Сенсорную память можно восполнить, подражая после непрерывного прослушивания. Временная память – процесс преобразования долговременной памяти.

Эти микронавыки не являются отдельными. Они пересекаются и взаимодействуют друг с другом.

Представим методы тренировки слов и предложений в процессе аудирования.

Методы тренировки слов.

1. Повторение после прослушивания.

Воспроизведение после прослушивания может тренировать способность к анализу, может способствовать увеличению объема памяти. Метод состоит в том, что африканец слушает запись или преподавателя один-два раза, потом повторяет несколько раз. Представляемый контент включает слова и фразы. Основное внимание уделяется произношению, интонации и ударению и т. д. Например: 1) ударение ставится на первый слог: *Нáша, нáше, нáши, вáша, вáше, вáши, ўши, шáпка*; 2) ударение ставится на второй слог: *Шанхáй, яйцó, Баку́, язýк, шоссé*.

2. Прослушивание и объяснение слов.

Прослушивание с объяснением слов может тренировать навыки ассоциативного угадывания, быстрого реагирования на разные языковые ситуации и запоминания. Метод заключается в следующем: слушатели произносят (угадывают) слово после его объяснения. Слова можно произносить в разном порядке, чтобы поддерживать концентрацию внимания всей аудитории и не позволять отдельным слушателям отвлекаться [14, с. 40]. Например: Преподаватель: «Это дети, которые учатся в одном классе». – Слушатель: «Одноклассники». Преподаватель: «Это юноши и девушки, которые учатся на одном курсе». – Слушатель: «Однокурсники».

3. Словесная ассоциация.

Словесные ассоциации могут тренировать навыки угадывания и память. Метод заключается в том, что преподаватель произносит слово и просит слушателей сказать ассоциации, которые у них возникают с этим словом. Учащийся может сказать несколько ассоциаций [15, с. 154]. Однако повторы не допускаются. Например: Преподаватель: «Фрукты». – Слушатель: «Яблоко, груша, мандарин, виноград, банан, персик, абрикос, арбуз, дыня, фруктовое дерево, фруктовый сад».

4. Последовательное произношение цифр.

Произнесение последовательных чисел может тренировать способность идентифицировать и анализировать, ассоциативно угадывать, навыки быстрой реакции и запоминания. Метод включает в себя следующие элементы: преподаватель называет число, а слушатели его произносят [16, с. 248]. Затем преподаватель произносит цифры, стоящие до и после произнесенного ранее числа. Это повторяет вся аудитория. Например: Преподаватель: «Пятнадцать». – Слушатели: «Четырнадцать, шестнадцать». Преподаватель: «Тринадцать, пятнадцать, семнадцать». – Слушатели: «Двенадцать, шестнадцать, восемнадцать».

5. Произношение непохожих слов и выявление лишнего слова.

Произношение слов, разных по звучанию, но имеющих одно общее значение, может тренировать способность различать и анализировать, а также быстро реагировать в сложившихся обстоятельствах, способность угадывать ассоциации и запоминать. Метод заключается в том, что преподаватель произносит группу слов, а слушатели говорят, какое слово лишнее и почему. Например: Преподаватель: «Волосы, бровь, глаза, нос, рука, рот, ухо». – Слушатели: «Рука». Преподаватель: «Яблоко, груша, мандарин, виноград, банан, персик, абрикос, арбуз, дыня, томат». – Слушатели: «Томат».

Методы тренировки предложений.

1. Заменить состав предложения.

Цель замены компонентов предложения – тренировка умения определять и анализировать, возможность имитации после прослушивания и способность сохранения в памяти. Метод заключается в том, что преподаватель читает примеры предложений, чтобы познакомить учащихся с их грамматической структурой и уменьшить сложность разговорной речи, затем меняет их структуру и произносит замененную часть.

Африканские слушатели должны произнести полное замененное предложение. Далее преподаватель, исправив ошибку, просит всю аудиторию повторить это предложение еще раз. Например: Преподаватель читает: «Карта висит в моей комнате». Просьба: заменить «в моей комнате». Преподаватель: «Твоя комната». Слушатель: «Карта висит в твоей комнате». Преподаватель: «Карта висит в твоей комнате». Вся аудитория: «Карта висит в твоей комнате». Преподаватель: «Наша аудитория». Слушатель: «Карта висит в нашей аудитории». Преподаватель: «Карта висит в нашей аудитории». Вся аудитория: «Карта висит в нашей аудитории».

2. Ответить на вопросы.

Цель ответов на вопросы – тренировка аналитических способностей и памяти, навыков воспро-

изведения после прослушивания и быстрого реагирования в разных ситуациях. Метод состоит из того, что преподаватель произносит предложение, а иностранные граждане слушают. Далее преподаватель задает вопрос, слушатель отвечает.

Преподаватель повторяет фразу с правильной интонацией, исправляет ошибки, если таковые имеются. Вся аудитория повторяет конструкцию. Интонация предложения является центральной частью, в которой представлена основная информация, обязательная для усвоения слушателями. Например: Преподаватель: «Аня и Антон поехали на юг в летние каникулы». Преподаватель спрашивает: «Кто поехал на юг в летние каникулы?» Ответ слушателя: «Аня и Антон поехали на юг в летние каникулы». Преподаватель спрашивает: «Куда Аня и Антон поехали в летние каникулы?» Ответ слушателя: «Аня и Антон поехали на юг в летние каникулы».

3. Переписать предложение в соответствии с требованиями.

Цель переписывания предложений – тренировка памяти, умения воспроизводить информацию после прослушивания и способности быстро реагировать. Метод таков: преподаватель меняет предложение с конкретным действием на предложение с неуверенной постановкой цели, слушатели его повторяют и записывают. Например: Преподаватель: «Я устал и хочу спать». Слушатель записывает: «Я устал и хочу спать». Преподаватель: «Я устал и мне хочется спать». Вся аудитория повторяет и пишет предложение: «Я устал и мне хочется спать».

Эти методы, разработанные с учетом современных достижений в области этнолингводидактики, этнопедагогики и методики преподавания русского языка как иностранного, соответствуют целям внешней образовательной политики России. Они направлены на укрепление положительного образа страны на мировой арене, в частности в странах Африки, через использование русского языка и национальной культуры [17, с. 152].

Для эффективного обучения, нацеленного на ускоренное усвоение материала, необходимо учитывать следующие факторы, ориентированные на африканскую аудиторию:

– культурную адаптацию: программа должна учитывать культурные особенности африканских

студентов, сравнивая и сопоставляя русскую и африканскую культуру;

– мультимедийность: широкое использование визуальных и аудиальных материалов, включая аутентичные записи, для наглядности и лучшего восприятия;

– ритм и мелодию: применение приемов, основанных на ритме и мелодии, для облегчения запоминания и усвоения информации;

– игровой подход: включение игровых элементов для повышения мотивации и вовлеченности в процесс обучения [18, с. 140].

В процессе выполнения разнообразных упражнений студенты не только усваивают русский язык, но и развивают ключевые навыки, необходимые для успешного межкультурного взаимодействия. Основные методы работы включают:

– сопоставление и сравнение: анализ сходств и различий между элементами родной и российской культуры;

– наблюдение и практика: общение с носителями изучаемой культуры, работа с аутентичными материалами (СМИ, литература);

– анализ и систематизация: классификация социокультурной информации, полученной из различных источников, включая интернет [19].

Заключение

В статье приведены некоторые методы обучения, которые мы обобщили в собственной практике аудирования в группах слушателей из африканских стран, проходящих обучение русскому языку как иностранному на подготовительном этапе. Адаптация представленных методов в обучении РКИ способна повысить эффективность аудирования звучащей русской речи. Мы считаем, что преподавание аудирования все еще очень поверхностно и нуждается в постоянном изучении и доработке, апробации новых методов и использовании дополнительных инструментов, обмене опытом с другими коллегами. Устная коммуникация преобладает над другими формами общения (визуальной, тактильной, звуковой) по частоте использования и скорости передачи информации. Говорящий, как правило, в устной речи делает меньше ошибок, меньше устаёт и быстрее реагирует на обратную связь. Однако устная речь имеет один существенный недостаток: услышанное нельзя прослушать повторно [20, с. 100].

Список источников

1. Савина И.С. Развитие критического мышления с помощью визуализации грамматического материала в процессе изучения русского языка как иностранного // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2024. Вып. 5 (235). С. 138–146. doi:10.23951/1609-624X-2024-5-138-146
2. Азимов Э.Г., Кулибина Н.В., Ван В. Лингводидактический потенциал социальных сетей в обучении русскому языку как иностранному // Русистика. 2023. Т. 21, № 2. С. 133–147. doi: 10.22363/2618-8163-2023-21-2-133-147

3. Вишняков С.А., Махаева Р.С. Современная парадигма преподавания и изучения русского языка как иностранного в России и европейских странах // Наука и школа. 2020. № 1. С. 90–94.
4. Максимова В.Д., Восковская А.С. Использование интерактивных методов при обучении иностранному языку в неязыковом вузе // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 2 (99). С. 82–85.
5. Горбенко В.Д., Доминов Т.Н., Ильина Н.О., Кумбашева Ю.А., Митяков М.В. Актуальные направления методики преподавания русского языка как иностранного: результаты контент-анализа // Перспективы науки и образования. 2021. № 1 (49). С. 249–264. doi: 10.32744/pse.2021.1.17
6. Антонова В.Е., Нахабина М.М., Толстых А.А. Дорога в Россию: учебник русского языка: в 2 ч. Ч. 1–2: элементарный уровень. СПб., 2019. 344 с.
7. Коншина С.Г., Марьина Е.С. Диалог. Русский язык для начинающих: практический курс (элементарный уровень). М., 2019. 191 с.
8. Караванова Н.Б. Слушаем живую русскую речь. Пособие по аудированию для иностранцев, изучающих русский язык. М.: Русский язык. Курсы, 2009. 120 с.
9. Новак М. Культурно-семиотический анализ идеологем общества потребления // Современный дискурс-анализ: электронный научный журнал. 2012. Вып. 2 (7). С. 53–60
10. Morley J. The Pronunciation Component in Teaching English to Speakers of Other Languages // TESOL Quarterly 25. 1991. P. 481–520.
11. Сеченов И.М. Рефлексы головного мозга. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 416 с.
12. Boldyreva O.N., Suntsova M.V., Vidanov E.Yu., Staroverkina L.A., Abeeveva O.N. Innovative methods, technologies and techniques for teaching Russian as a foreign language // International Conference “Humanity in the Era of Uncertainty” (ICHEU 2021). Proceedings of the International Conference “Humanity in the Era of Uncertainty” (ICHEU 2021). European Publisher, 2021. С. 174–179.
13. Важенина М.С. Особенности преподавания русского языка как иностранного курсантам из стран Африки // Научно-практическая конференция профессорско-преподавательского и научного составов Военного института физической культуры: сборник статей материалов конференции, Санкт-Петербург, 1 марта 2023 года: в 2 ч. / под ред. В.Л. Пашута. Ч. 2. СПб.: Воен. ин-т физкультуры, 2023. С. 98–102.
14. Голубева Е.В. Трудности в формировании произносительных навыков у франкофонов // РКИ: лингвометодическая образовательная платформа: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Белгородский государственный национальный исследовательский университет. Белгород, 24 мая 2024 года. 250 с. С. 39–43.
15. Староверкина Л.А., Болдырева О.Н. Актуальность использования дистанционных технологий в обучении РКИ на довузовском этапе (на примере КалмГУ) // Русский язык как родной, неродной и иностранный в трансграничном Прикаспийском регионе: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Элиста, 2023. С. 152–156.
16. Староверкина Л.А., Болдырева О.Н. Применение дистанционных технологий в обучении русскому языку как иностранному на довузовском этапе (на примере Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова) // Довузовская подготовка иностранных граждан: проблемы и перспективы: сб. науч. материалов II Междунар. науч.-практ. конф. Казань, 2023. С. 246–248.
17. Сокол М.А., Лукьянова К.А. Особенности преподавания русского языка в африканской аудитории // Морозовские чтения: Международный научно-практический семинар, Иваново, 10 декабря 2021 года. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2022. С. 151–156
18. Гапонова Ж.К., Серогодская А.А. Обучение студентов-африканцев русскому языку как иностранному в Центре открытого образования в Республике Кот-д’Ивуар // Педагогика и просвещение. 2023. № 4. С. 137–147.
19. Сухова О.В., Думбия С. Обучение русскому языку как иностранному за рубежом (на примере образовательных учреждений Республики Мали) // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 8 (134). URL: <https://research-journal.org/archive/8-134-2023-augustA0.23670ZIRJ.2023.134.93> (дата обращения: 28.03.2025).
20. Сатретдинова А.Х. Специфика обучения русскому произношению иностранных студентов из стран Африки // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика. 2020. № 4. С. 98–106.

References

1. Savina I.S. Razvitiye kriticheskogo myshleniya s pomoshch'yu vizualizatsii grammaticheskogo materiala v protsesse izucheniya russkogo yazyka kak inostrannogo [Development of critical thinking through visualization of grammatical material in the process of learning Russian as a foreign language]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk*

- State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 5 (235), pp. 138–146 (in Russian). doi: 10.23951/1609-624X-2024-5-138-146
2. Azimov E.G., Kulibina N.V., Van V. Lingvodidakticheskiy potentsial sotsial'nykh setey v obuchenii russkomu yazyku kak inostrannomu [Lingvodidactic potential of social networks in teaching Russian as a foreign language]. *Rusistika – Russian studies*, 2023, vol. 21, no. 2, pp. 133–147 (in Russian). doi: 10.22363/2618-8163-2023-21-2-133-147
  3. Vishnyakov S.A., Makhaeva R. S. Sovremennaya paradigma prepodavaniya i izucheniya russkogo yazyka kak inostrannogo v Rossii i evropeyskikh stranakh [Modern paradigm of teaching and learning Russian as a foreign language in Russia and European countries]. *Nauka i shkola*, 2020, no. 1, pp. 90–94 (in Russian).
  4. Maksimova V.D., Voskovskaya A.S. Ispol'zovaniye interaktivnykh metodov pri obuchenii inostrannomu yazyku v neyazykovom vuze [Using interactive methods in teaching a foreign language in a non-linguistic university]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – The world of science, culture and education*, 2023, no. 2 (99), pp. 82–85 (in Russian).
  5. Gorbenko V.D., Dominov T.N., Il'ina N.O., Kumbasheva Yu.A., Mityakov M.V. Aktual'nyye napravleniya metodiki prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo: rezul'taty kontent-analiza [Current trends in the methodology of teaching Russian as a foreign language: results of content analysis]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya – Perspectives of Science and Education*, 2021, no. 1 (49), pp. 249–264 (in Russian). DOI: 10.32744/pse.2021.1.17
  6. Antonova V.E., Nakhabina M.M., Tolstykh A.A. Doroga v Rossiyu: uchebnik russkogo yazyka: v 2 chastyakh. Chast' 1–2: elementarnyy uroven' [Road to Russia: Russian language textbook: in 2 parts. Parts 1–2: elementary level]. Saint Petersburg, 2019. 344 p. (in Russian).
  7. Konshina S.G., Mar'ina E.S. *Dialog. Russkiy yazyk dlya nachinayushchikh: prakticheskiy kurs (elementarnyy uroven')* [Dialogue. Russian for Beginners: Practical Course (Elementary Level)]. Moscow, 2019. 191 p. (in Russian).
  8. Karavanova N.B. Slushayem zhivuyu russkuyu rech'. Posobiye po audirovaniyu dlya inostrantsev, izuchayushchikh russkiy yazyk [Listening to Live Russian Speech. A Listening Guide for Foreigners Studying Russian]. Moscow, *Russkiy yazyk. Kursy*, 2009. 120 p. (in Russian).
  9. Novak M. Kul'turno-semioticheskiy analiz ideologem obshchestva potrebleniya [Cultural and semiotic analysis of consumer society ideologies]. *Sovremennyy diskurs-analiz*, 2012, vol. 2 (7), pp. 53–60 (in Russian).
  10. Morley J. The Pronunciation Component in Teaching English to Speakers of Other Languages. *TESOL Quarterly* 25. 1991. Pp. 481–520.
  11. Sechenov I.M. *Refleksy golovnoy mozga* [Brain reflexes]. Moscow, AN SSSR Publ., 1961. 416 p. (in Russian).
  12. Boldyreva O.N., Suntsova M.V., Vidanov E.Yu., Staroverkina L.A., Abeeva O.N. Innovative methods, technologies and techniques for teaching Russian as a foreign language. In: *International Conference “Humanity in the Era of Uncertainty” (ICHEU 2021). Proceedings of the International Conference “Humanity in the Era of Uncertainty” (ICHEU 2021)*. European Publisher, 2021. Pp. 174–179.
  13. Vazhenina M.S. Osobennosti prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo kursantam iz stran Afriki [Peculiarities of Teaching Russian as a Foreign Language to Students from African Countries]. *Nauchno-prakticheskaya konferentsiya professorsko-prepodavatel'skogo i nauchnogo sostavov Voennoy akademii fizicheskoy kul'tury: sbornik statey materialov konferentsii*. Sankt-Peterburg, 1 marta 2023 goda: v 2 ch. Ch. 2 [Scientific and practical conference of the faculty and research staff of the Military Institute of Physical Culture: collection of articles from the conference materials. Saint Petersburg, March 1, 2023. In 2 parts. Part 2]. Ed. by V.L. Pashuta. Saint Petersburg, Military Institute of Physical Education Publ., 2023. Pp. 98–102 (in Russian).
  14. Golubeva E.V. Trudnosti v formirovaniy proisnositel'nykh navykov u frankofonov [Difficulties in developing pronunciation skills in Francophones]. *RKI: lingvometodicheskaya obrazovatel'naya platforma: materialy III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Belgorodskiy gosudarstvennyy natsional'nyy issledovatel'skiy universitet. Belgorod, 24 maya 2024 goda* [RKI: A Linguistic and Methodological Educational Platform: Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference, Belgorod State National Research University. Belgorod, May 24, 2024]. 250 p. Pp. 39–43 (in Russian).
  15. Staroverkina L.A., Boldyreva O.N. Aktual'nost' ispol'zovaniya distantsionnykh tekhnologiy v obuchenii RKI na dovuzovskom etape (na primere KalmGU) [The relevance of using distance technologies in teaching Russian as a foreign language at the pre-university stage (using KalmSU as an example)]. *Russkiy yazyk kak rodnoy, nerodnoy i inostranny v transgranichnom Prikaspiyskom regione: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Russian as a native, non-native and foreign language in the transboundary Caspian region: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference]. Elista, 2023. Pp. 152–156 (in Russian).

16. Staroverkina L.A., Boldyreva O.N. Primeneniye distantsionnykh tekhnologiy v obuchenii russkomu yazyku kak inostrannomu na dovuzovskom etape (na primere Kalmytskogo gosudarstvennogo universiteta im. B.B. Gorodovikova) [The use of distance technologies in teaching Russian as a foreign language at the pre-university stage (on the example of Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov)]. *Dovuzovskaya podgotovka inostrannykh grazhdan: problemy i perspektivy: sbornik nauchnykh materialov II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Pre-university training of foreign citizens: problems and prospects: collection of scientific materials of the II International scientific and practical conference]. Kazan, 2023. Pp. 246–248 (in Russian).
17. Sokol M.A., Luk'yanova K.A. Osobennosti prepodavaniya russkogo yazyka v afrikanskoj auditorii [Peculiarities of Teaching Russian to an African Audience]. *Morozovskiye chteniya: mezhdunarodnyy nauchno-prakticheskiy seminar, Ivanovo, 10 dekabrya 2021 goda* [Morozov Readings: International Scientific and Practical Seminar, Ivanovo, December 10, 2021]. Ivanovo, Ivanovo State University Publ., 2022. P. 151–156 (in Russian).
18. Gaponova Zh.K., Serogodskaya A.A. Obucheniye studentov-afrikantsev russkomu yazyku kak inostrannomu v Tsentre otkrytogo obrazovaniya v respublike Kot-d'Ivuar [Teaching African students Russian as a foreign language at the Open Education Centre in the Republic of Côte d'Ivoire]. *Pedagogika i prosveshcheniye – Pedagogy and Education*, 2023, no. 4, pp. 137–147 (in Russian).
19. Sukhova O.V., Dumbiya S. Obucheniye russkomu yazyku kak inostrannomu za rubezhom (na primere obrazovatel'nykh uchrezhdeniy respubliki Mali) [Teaching Russian as a Foreign Language Abroad (using the example of educational institutions in the Republic of Mali)]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal – International Research Journal*, 2023, no. 8 (134) (in Russian). URL: <https://research-journal.org/archive/8-134-2023-augustA0.23670ZIRJ.2023.134.93> (accessed 28 March 2025).
20. Satretidinova A.H. Spetsifika obucheniya russkomu proiznosheniyu inostrannykh studentov iz stran Afriki [Specifics of Teaching Russian Pronunciation to Foreign Students from African Countries]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Pedagogika*, 2020, no. 4, pp. 98–106 (in Russian).

Информация об авторах

Болдырева О.Н., кандидат исторических наук, старший преподаватель, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова (ул. Пушкина, 11, Элиста, Россия, 358000).

E-mail: olya.boldyreva2013@yandex.ru; ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5590-0098>; SPIN-код: 8867-3758

Голубева Е.В., кандидат филологических наук, доцент, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова (ул. Пушкина, 11, Элиста, Россия, 358000).

E-mail: lisa101@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3279-0361>; SPIN-код: 1614-1034

Information about the authors

Boldyreva O.N., Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov (ul. Pushkina, 11, Elista, Russian Federation, 358000).

E-mail: olya.boldyreva2013@yandex.ru; ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5590-0098>; SPIN-code: 8867-3758

Golubeva E.V., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov (ul. Pushkina, 11, Elista, Russian Federation, 358000).

e-mail: lisa101@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3279-0361>; SPIN-code: 1614-1034

Статья поступила в редакцию 28.03.2025; принята к публикации 26.09.2025

The article was submitted 28.03.2025; accepted for publication 26.09.2025

УДК 372.881.161.1

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-6-165-173>

Сопоставительный анализ методов преподавания русского языка как иностранного в китайских и российских вузах (на примере Цзилиньского университета иностранных языков и Томского государственного педагогического университета)

Ван Бин¹, Ирина Константиновна Забродина²

¹ *Цзилиньский университет иностранных языков, Чанчунь, Китай*

² *Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия*

¹ *1321666299@qq.com, <https://orcid.org/0000-0003-4222-8591>*

² *zabrodinairina@tspu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5080-2237>*

Аннотация

В условиях углубляющейся глобализации международное образовательное сотрудничество стало важным инструментом подготовки высококвалифицированных специалистов. Особенно активно развивается партнерство между Китаем и Россией в сфере образования, где программы двойных дипломов предоставляют студентам уникальные возможности для межкультурного обучения и профессионального роста. Особую актуальность приобретает сравнительное исследование методик преподавания русского языка в Китае и в России. Данная работа направлена на выявление сходств и различий в подходах к обучению русскому языку как иностранному в двух странах, а также на определение возможностей взаимного обогащения педагогических практик. Методологической основой данного исследования выступают принципы сравнительной дидактики, компаративного анализа образовательных систем и межкультурной коммуникации, дополненные эмпирическими методами сбора и анализа данных. В рамках работы проводится системный анализ когнитивно-методических моделей преподавания РКИ, включая традиционные и инновационные методы, используемые в китайских и российских вузах. Особое внимание уделяется выявлению латентных дидактических резервов, которые могут быть заимствованы из одной образовательной системы в другую для повышения эффективности обучения. В работе рассматриваются такие аспекты, как роль грамматико-переводного метода в китайской системе преподавания, коммуникативно-деятельностный подход в российской методике. В рамках данного исследования проведено анкетирование среди студентов, обучающихся по совместной программе «3 + 1», для оценки динамики языковых навыков, уровня межкультурной адаптации и удовлетворенности программой на разных этапах обучения (в Китае и в России). Результаты исследования помогут оптимизировать модель совместной подготовки специалистов, повысить качество международного образования, а также могут быть полезны для реализации аналогичных образовательных проектов. Данное исследование может служить примером совершенствования программ преподавания РКИ, разработки учебных материалов и повышения квалификации преподавателей. Практическая значимость работы заключается в предложении конкретных рекомендаций по интеграции наиболее эффективных методических стратегий в образовательные системы обеих стран.

Ключевые слова: преподавание русского языка как иностранного, межкультурная коммуникация, методы обучения, образовательные системы Китая и России, программа двойных дипломов, эмпирическое исследование

Благодарности: Статья подготовлена при поддержке Государственного комитета КНР по управлению фондом для обучения за границей (CSC).

Для цитирования: Ван Бин, Забродина И.К. Сопоставительный анализ методов преподавания русского языка как иностранного в китайских и российских вузах (на примере Цзилиньского университета иностранных языков и Томского государственного педагогического университета) // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 6 (242). С. 165–173. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-6-165-173>

Comparative analysis of Russian as a foreign language teaching methods in Chinese and Russian universities: a case study of Jilin International Studies University and Tomsk State Pedagogical University

Wang Bing¹, Irina K. Zabrodina²

¹ Jilin International Studies University, Changchun, China

² Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

¹ 1321666299@qq.com, <https://orcid.org/0000-0003-4222-8591>

² zabrodinairina@tspu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5080-2237>

Abstract

In the context of deepening globalization, international educational cooperation has become an important tool for training highly qualified specialists. The partnership between China and Russia is particularly active in the field of education, where double degree programs provide students with unique opportunities for intercultural learning and professional growth. A comparative study of Russian language teaching methodologies in China and Russia is of particular relevance. This work is aimed at identifying similarities and differences in approaches to teaching Russian as a foreign language in the two countries, as well as determining the possibilities for mutual enrichment of pedagogical practices. The methodological basis of this study is the principles of comparative didactics, comparative analysis of educational systems and intercultural communication, supplemented by empirical methods of data collection and analysis. The work includes a systemic analysis of cognitive-methodological models of teaching Russian as a foreign language, including traditional and innovative methods used in Chinese and Russian universities. Particular attention is paid to identifying latent didactic reserves that can be borrowed from one educational system to another to improve the effectiveness of learning. The paper examines such aspects as the role of the grammar-translation method in the Chinese teaching system, and the communicative-activity approach in the Russian methodology. In this study, a questionnaire was compiled among students studying under the joint program "3+1" to assess the dynamics of language skills, the level of intercultural adaptation and satisfaction with the program at different stages of study (in China and Russia). The results of the study will help optimize the model of joint training of specialists, improve the quality of international education, and can also be useful for the implementation of similar educational projects. This study can serve as an example of improving programs for teaching Russian as a foreign language, developing teaching materials and improving the qualifications of teachers. The practical significance of the work lies in offering specific recommendations for integrating the most effective methodological strategies into the educational systems of both countries.

Keywords: teaching Russian as a foreign language, intercultural communication, teaching methods, educational systems in China and Russia, joint degree program, empirical research

Acknowledgments: The article was prepared with the support of the China Scholarship Council (CSC).

For citation: Wang Bing, Zabrodina I.K. Sopotavitel'nyy analiz metodov prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo v kitayskikh i rossiyskikh vuzakh (na primere Tszilinskogo universiteta inostrannykh yazykov i Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Comparative analysis of Russian as a foreign language teaching methods in Chinese and Russian universities: a case study of Jilin International Studies University and Tomsk State Pedagogical University]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 6 (242), pp. 165–173 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-6-165-173>

Введение

В условиях беспрецедентного развития российско-китайских отношений, достигших исторически высокого уровня, образовательное сотрудничество становится ключевым элементом стратегического партнерства. Статистические данные свидетельствуют об устойчивой динамике роста академической мобильности. Как отметил посол КНР в РФ Чжан Ханьхуэй, в российских вузах проходят обучение более 44 тыс. китайских студентов, при этом более 12 тыс. россиян учатся в образовательных

учреждениях Китая [1]. В то же время наблюдается значительное расширение сети русистики в КНР, где русский язык преподается в 186 вузах.

Настоящее исследование обусловлено необходимостью анализа и адаптации передового российского опыта преподавания русского языка как иностранного (РКИ), включая технологии языкового погружения и практико-ориентированные методики, к особенностям китайской образовательной системы. Актуальность работы подчеркивается растущим спро-

сом на высококвалифицированных специалистов-русистов, обладающих не только лингвистической подготовкой, но и компетенциями межкультурного общения.

Научная новизна исследования заключается в разработке интегративной модели методического трансфера, учитывающей когнитивные особенности китайских обучающихся, требования цифровой дидактики и методы преподавания в вузах обеих стран.

Практическая значимость работы проявляется в улучшении учебных программ через баланс системного изучения грамматики и развития коммуникативных навыков, создании инновационных культурных учебных пособий и укреплении институциональных основ академического сотрудничества.

Современные исследования в области преподавания РКИ китайским студентам охватывают широкий спектр методологических, культурологических и дидактических аспектов. Анализ научных публикаций позволяет выделить несколько ключевых направлений в изучении данной проблематики.

Культурологический аспект преподавания раскрывается в исследованиях И.И. Барановой [2, с. 9] и Ю.О. Охорзиной и соавт. [3, с. 25], подчеркивающих необходимость учета межкультурных различий в процессе языкового обучения. Ю.А. Антонова [4, с. 13] и Е.В. Кожевникова [5, с. 159; 6, с. 81] детально анализируют специфику учебного общения с китайскими студентами, выделяя типичные коммуникативные барьеры.

Инновационные методики представлены в работах М.В. Касковой и соавт. [7, с. 53] по созданию языковой среды и Е.А. Малкиной [8, с. 45] по инклюзивному обучению. Г.М. Мандрикова и другие ученые исследуют вопросы мотивации и организации самостоятельной работы студентов [9, с. 254].

Методологические подходы к обучению РКИ в Китае подробно рассматриваются в работах Лю Сяося [10, с. 18], Мэн Линся [11, с. 70], которые прослеживают эволюцию методических парадигм от грамматико-переводного метода к коммуникативному подходу. Особое внимание уделяется адаптации российских методик к особенностям китайской образовательной системы [12, с. 60; 13, с. 58; 14, с. 325].

Сравнительные исследования образовательных систем России и Китая выявляют существенные различия в структуре учебных программ по РКИ, что требует разработки адаптивных методических решений. Китайские ученые акцентируют важность дифференцированного подхода к мотивации учебной деятельности в зависимости от типа вуза.

Перспективными направлениями исследований представляются цифровизация обучения, разработка специализированных учебных материалов и дальнейшее изучение механизмов межкультурной адаптации.

Материал и методы

Материал исследования составили учебные планы и методические указания китайских и российских вузов на примере Цзилинского университета иностранных языков (ЦУИЯ) и Томского государственного педагогического университета (ТГПУ). В качестве методов исследования использованы сравнительный анализ и анкетирование.

Результаты и обсуждение

В контексте глобализации высшего образования сравнительный анализ дидактических систем Китая и России представляет особый научный интерес. Как показывают исследования, китайские университеты сохраняют устойчивую приверженность традиционной лекционно-центрированной модели, укорененной в конфуцианской педагогической традиции, которая обеспечивает эффективную трансляцию систематизированных знаний. Однако, как отмечают китайские исследователи, система демонстрирует ограничения в развитии критического мышления, инновационного потенциала, междисциплинарных компетенций. Российская система высшего образования характеризуется выраженной гибкостью и плюрализмом дидактических методов.

На основе материалов ЦУИЯ и ТГПУ выявлены ключевые различия в преподавании русского языка как иностранного. В аспекте целей обучения русскому языку как иностранному образовательные системы Китая и России уделяется особое внимание формированию комплексных языковых компетенций с акцентом на сбалансированное развитие четырех ключевых видов речевой деятельности: аудирования, устной речи, чтения, письма и навыков перевода, что позволяет разрабатывать совместные учебные программы в вузах двух стран и сокращать период адаптации студентов при академическом обмене. На уровне грамматики обе стороны применяют эксплицитный метод обучения, систематически преподавая грамматические знания. Особое внимание уделяется таким сложным аспектам, как вид глагола и падежная система. Однако в российских вузах превалирует коммуникативная методика в преподавании грамматики, когда активизация речевых образцов происходит в учебном и реальном общении. В культурологическом аспекте учебные программы обеих стран включают

обязательные курсы страноведения России, систематически освещающие развитие русской литературы, исторические процессы и социально-этикетные нормы, что снижает когнитивную нагрузку обучающихся при изучении реалий.

Существует различие также в количественных показателях организации учебного процесса. Так, средняя наполняемость групп в вузах Китая составляет 20–29 студентов, тогда как в российских вузах – 10–12 человек. Этот фактор обуславливает ограниченную возможность персонального опроса для студентов в Китае (в китайской практике – один-два ответа/студента за занятие против пяти-восьми в российской), что также снижает индекс вовлеченности студентов в процесс изучения русского языка как иностранного. Помимо этого, существует значительная разница в регламентации учебного процесса, поскольку в китайских вузах требуется жесткое соблюдение учебной программы, в каждом семестре необходимо достичь свыше 90 % соответствия стандарту, а в российских вузах допускается 45 % вариативности, преподаватели имеют большую автономию в составлении рабочей программы.

Несмотря на системное включение страноведческих знаний о России в учебные программы китайских вузов, глубинные культурные различия между двумя странами продолжают оставаться серьезным вызовом для китайских студентов, изучающих русский язык как иностранный. Различия между Китаем и Россией отражаются в исторических традициях, ценностных ориентациях и социокультурных практиках. Как показывают исследования, китайские студенты, изучающие русский язык как иностранный, часто сталкиваются с существенными трудностями при освоении российской социокультурной реальности [15, с. 228]. В частности, недостаточное знание ключевых аспектов российской культуры, таких как географические особенности, важнейшие исторические события, литературное наследие и современные социокультурные реалии, создает серьезные барьеры как в академической среде, так и в повседневной коммуникации.

Также можно привести пример ситуации на занятиях по РКИ в российском университете. При описании иллюстрации с изображением жизни северных кочевников обучающиеся уверенно оперируют общеупотребительной лексикой (лес, лошадь), но сталкиваются с трудностями при обозначении элементов национального костюма. Даже найдя в словаре приблизительный эквивалент «кусоч ткани» для головного убора, они не владеют культурно-маркированным термином «платок». Во-вторых, преподаватель применяет словообразовательный анализ,

раскрывая морфологическую структуру: корень плат- (относящийся к ткани), платок (головной убор), платье, полотенце. Китайские аналоги (например, шарф) акцентируют утилитарную функцию (защита от холода), а русский платок несет декоративную нагрузку (вышивка, цвет) и ритуальное значение (фата невесты на свадьбе). Такой метод преподавания очень эффективен, поскольку обучающиеся могут создавать ассоциации и развивать глубокие впечатления от культурных и национальных знаний. Преподаватель также использует ментальные карты, чтобы показать сеть корней слов (например, -мороз- → замерзнуть, мерзлота). Знание культуры и страны – это не дополнение к обучению лексике, а ключ к пониманию глубинной логики языка. Визуализируя культурные символы и активизируя корневые ассоциации, преподаватель может помочь обучающимся перейти от «лексико-механического запоминания» к «органическому усвоению в культурном контексте» [16, с. 210]. Такой подход особенно полезен при изучении тем, содержащих культурные реалии (например, одежда, еда, ритуалы), и направлен на возвращение языка на его культурную почву.

В китайской образовательной практике преобладает переводно-грамматический метод, при котором объяснение правил и семантика лексических единиц даются на китайском языке. Усвоение языка носит репродуктивный характер, запоминание изолированных языковых единиц без их включения в коммуникативные и когнитивные схемы [17, с. 154]. Культурная информация подается фрагментарно, реализуется демонстрация визуальных материалов без последующей смысловой интерпретации. В российской методике преобладает когнитивно-семиотический подход, обеспечивающий органичное усвоение языка через его культурные и коммуникативные функции.

С целью проверки гипотезы исследования было проведено анкетирование студентов по вопросам организации обучения РКИ.

Анкетирование – это получение информации путем анализа ответов на специально подготовленные вопросы. В анкете участникам нужно дать ответ на вопрос или высказаться по поводу сформулированных утверждений.

Объективность анкетирования зависит от количества его участников: чем больше респондентов, тем более высокая валидность результатов анкетирования. Достоинством метода анкетирования и составляемых для него опросников является простота проведения и анализа данных, возможность охватить широкий круг проблем, которые касаются практики преподавания русского

языка как иностранного и особенностей личности участника опроса.

Анкетирование проведено среди студентов ЦУИЯ, изучающих русский язык как иностранный. В экспериментальную группу входят 150 студентов, обучающихся по программе двойных дипломов (по договору о совместной реализации программы по подготовке бакалавров) с ТГПУ по направлению подготовки «Педагогическое образование», направленность (профиль) «Русский язык как иностранный». Концепция реализации программы двойных дипломов «3 + 1» заключается в том, что в течение трех лет обучающиеся КНР обучаются в ЦУИЯ, на четвертом курсе китайские обучающиеся приедут в Россию для прохождения заключительного этапа обучения на базе Института иностранных языков и международного сотрудничества ТГПУ. Обучение по программе двойных дипломов с международным обменом предоставляет обучающимся целый ряд дополнительных возможностей: это и ценный опыт обучения за рубежом, и получение сразу двух документов о высшем образовании – один выдает ТГПУ, второй – ЦУИЯ.

Анализ результатов анкеты «Организация обучения и цели изучения русского языка как иностранного» в экспериментальной группе позволяет сделать следующие выводы:

1. Большинство респондентов уделяют изучению русского языка от двух до трех часов в свободное время и только 7 % тратят около часа, в то время как 3 % респондентов указали, что посвящают изучению языка весь день или половину дня, что свидетельствует о высокой мотивации и вовлеченности студентов в учебный процесс.

2. 70 % студентов ответили, что изучали бы русский язык, даже если бы не хотели стать учителем РКИ, при этом только 20 % ответили отрицательно, а 10 % затруднились с ответом. Эти данные говорят о том, что для большинства респондентов изучение русского языка имеет ценность, выходящую за рамки профессиональной деятельности.

3. Большинство респондентов (60 %) готовы отказаться от посещения интересных мест ради изучения языка, 10 % могут не брать подработку, а 10 % откажутся от общения с друзьями, столько же откажутся от интересного дела и согласны на переутомление из-за большого числа занятий. Таким образом, студенты экспериментальной группы показывают высокий уровень мотивации и готовность преодолевать трудности ради достижения цели.

4. Основной причиной интереса к изучению РКИ 60 % респондентов указали возможность получения работы, тогда как общение и культура

являются значимыми причинами для 30 % студентов, немногим меньше (20 %) интересуются литературой и историей России, что свидетельствует о нацеленности студентов на результат при изучении РКИ.

5. Организация обучения в экспериментальной группе напрямую связана с изменением интереса студентов к изучению РКИ. Так, только у 25 % респондентов интерес остался неизменным, тогда как у 76 % студентов интерес усилился, а 8 % не смогли справиться с преодолением трудностей в изучении русского языка, в связи с чем их интерес ослабел. В качестве причин повышения интереса студенты указывали знакомство с культурой, изучение русского языка с носителями языка, а также поступление в аспирантуру в России и чтение литературы на языке оригинала.

6. В зависимости от продолжительности изучения русского языка респонденты отмечают, что благоприятная атмосфера на занятиях и коммуникативный подход преподавателей – носителей языка в большей мере способствовали повышению их интереса к изучению РКИ.

Таким образом, большинство респондентов демонстрируют высокий уровень мотивации к изучению русского языка, готовы жертвовать личным временем и преодолевать трудности. Основными мотивами являются профессиональные цели, а также интерес к культуре, литературе и истории. У большинства респондентов интерес к языку усиливается со временем, что может быть связано с погружением в языковую среду, преодолением трудностей и знакомством с культурой, при этом для поддержания и усиления интереса важна позитивная атмосфера на занятиях и взаимодействие с носителями языка.

На основании проведенного исследования можно сделать вывод о том, что адаптация методики преподавания русского языка как иностранного для китайских студентов требует комплексного подхода, учитывающего их когнитивные и социокультурные особенности. Как показывает практика, китайские обучающиеся демонстрируют выраженную склонность к механическому усвоению информации, что напрямую связано с традиционной системой образования, делающей акцент на заучивании классических текстов. Кроме того, для них характерны предпочтения письменной формы коммуникации и зависимость от внешнего контроля в учебном процессе. Эти особенности обуславливают необходимость корректировки стандартных педагогических подходов, поскольку классические приемы российской лингводидактики (например, прямой метод или развитие языковой догадки)

часто вызывают у данной категории обучающихся существенные затруднения.

При организации обучения в вузах Китая особое внимание следует уделять развитию критического мышления и преодолению традиционной ориентации на воспроизведение готовых знаний [18, с. 32]. Этого можно достичь путем включения в программу заданий, требующих выражения собственной позиции и аргументации, а также организации работы в международных группах, что способствует развитию навыков межкультурного общения. Параллельно необходимо проводить систематическую работу по преодолению языковой интерференции через сравнительный анализ грамматических структур китайского и русского языков и специальные тренинги, направленные на автоматизацию правильных речевых моделей. Немаловажно интегрировать в учебный процесс интерактивные платформы, мобильные приложения, виртуальные лаборатории и системы автоматизированной проверки произношения, что создает иммерсивную языковую среду, особенно важную для студентов [19, с. 147].

Таким образом, успешное освоение русского языка китайскими студентами возможно при условии комбинации нескольких ключевых факторов: обеспечения плавного перехода от репродуктивной деятельности к самостоятельному продуцированию речи, а также гибкого сочета-

ния традиционных и инновационных методик с учетом культурных и образовательных особенностей обучающихся [20, с. 131].

Заключение

Проведенное исследование позволило сформулировать ряд практико-ориентированных рекомендаций по оптимизации процесса преподавания русского языка китайским учащимся. Такой синтез позволяет нивелировать традиционный дисбаланс между точностью и беглостью речевых навыков. Однако российский метод преподавания способствует формированию языкового сознания, требует высокой квалификации преподавателя и адаптивных учебных материалов. Китайская модель, ориентированная на рецептивное усвоение, обеспечивает быстрое понимание правил, но не развивает спонтанную речевую деятельность. Улучшение преподавания могло бы заключаться в синтезе подходов: сокращение доли родного языка в пользу коммуникативных практик, введение контекстно-культурного анализа лексики, активное использование интерактивных методов. Реализация предложенных мер потребует междисциплинарного сотрудничества специалистов в области лингводидактики, цифровой педагогики и кросс-культурной психологии, что открывает новые горизонты для академических исследований в сфере преподавания РКИ.

Список источников

1. Посол КНР в РФ раскрыл, сколько китайских студентов учатся в России // Газета.Ру: ежедн. интернет-изд. 2024. 1 окт. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2024/10/01/24048445.shtml> (дата обращения: 24.06.2025).
2. Баранова И.И. Международное сотрудничество в продвижении русского языка и русской культуры за рубежом // Вопросы методики преподавания в вузе. 2018. Т. 7, № 26. С. 8–16.
3. Охорзина Ю.О., Салосина И.В., Глинкин В.С. Особенности преподавания русского языка в условиях вузов КНР: теоретические и методические аспекты // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 206–212.
4. Антонова Ю.А. О некоторых тонкостях преподавания РКИ китайским студентам // Педагогическое образование в России. 2016. № 12. С. 13–16.
5. Кожевникова Е.В., Трубчанинова М. Е. Проблемы учебного речевого общения на русском языке (из опыта преподавания в России и в Китае) // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 2. С. 159–163.
6. Кожевникова Е.В., Трубчанинова М.Е. Учебно-методическая деятельность по обучению китайских стажеров русскому языку в российском вузе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2019. № 2 (831). С. 80–90.
7. Каскова М.Е. Создание языковой образовательной среды в лингвистическом вузе (на примере обучения итальянскому языку) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. № 9 (152). С. 53–58.
8. Малкина Е.А. Зарубежный опыт построения инклюзивной среды в процессе обучения иностранным языкам // Научное мнение. 2021. № 6. С. 45–51.
9. Мандрикова Г.М. Технология совместного обучения: правила для преподавателя // Сибирский педагогический журнал. 2012. № 9. С. 254–258.
10. Ло Сяося. Методика обучения русскому языку в Китае (история и перспективы) // Научно-педагогическое обозрение (Pedagogical Review). 2015. Вып. 2 (8). С. 18–23.

11. Линся Мэн. Обучение русскому языку как иностранному в вузах Китая: проблемы и пути их решения (из опыта работы преподавателей Муданьцзянского педагогического университета) // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2016. Вып. 7 (172). С. 70–75.
12. Сяо Цзинъюй, Машкина О. А. Транснационализация процесса обучения русскому языку в китайских вузах (на примере Гуандунского университета иностранных языков и внешней торговли, КНР) // Вестник Московского университета. Серия 20: Педагогическое образование. 2019. № 1. С. 56–70.
13. Цзя Цянь, Ло Сяоя. Методика обучения РКИ в китайских вузах при сотрудничестве китайских и русских преподавателей // Педагогика. Психология. Философия. 2023. № 3 (31). С. 57–64.
14. Юн Л.Г. Система упражнений для обучения китайских студентов инженерного профиля общему владению русским языком и языку специальности // Самарский научный вестник. 2019. № 1 (26). С. 322–330.
15. Крайдер А.В., Гураль С.К., Лю Шанвэй. Сравнительный анализ методических программ подготовки переводчиков в России и Китае // Язык и культура. 2024. № 65. С. 214–241.
16. Балыхина Т.М., Чжао Юйцзян. От методики к этнометодике. Обучение китайцев русскому языку: проблемы и пути их преодоления. 2-е изд. М.: РУДН, 2010. 344 с.
17. Ван Ли, Баранова И.И. Проблемы формирования коммуникативной компетенции в учебно-профессиональной сфере общения у студентов Китайской Народной Республики в условиях неязыковой среды // Terra Linguistica. 2015. № 4 (232). С. 153–159.
18. Золотых Л.Г., Лаптева М.Л., Кунусова М.С., Бардина Т.К. Методика преподавания русского языка как иностранного в китайской аудитории: учеб. пособие / Астраханский университет. Астрахань, 2012. 91 с.
19. 李敏. 文化导入式的俄语教学模式建构[J]. 山西大同大学学报(社会科学版), 2024, 38(01): 143–147. = Ли Минь. Построение модели преподавания русского языка с использованием культурного введения // Вестник Университета Шаньси Датун (Социально-научное издание). 2024. № 38 (01). С. 143–147.
20. 卢丹阳. 探究混合式教学法在大学俄语教学中的应用[J]. 现代职业教育, 2022(21): 130–132. = Лу Даньян. Изучение применения гибридного метода обучения в преподавании русского языка в университете // Современное профессиональное образование, 2022. № 21. С. 130–132.

References

1. *Posol KNR v RF raskryl, skol'ko kitayskikh studentov uchatsya v Rossii* [The Chinese Ambassador to the Russian Federation revealed how many Chinese students are studying in Russia] (in Russian). URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2024/10/01/24048445.shtml> (accessed 24 June 2025).
2. Baranova I.I. *Mezhdunarodnoye sotrudnichestvo v prodvizhenii russkogo yazyka i russkoy kul'tury za rubezhom* [International cooperation in promoting the Russian language and Russian culture abroad]. *Voprosy metodiki prepodavaniya v vuze – Teaching Methodology in Higher Education*, 2018. vol. 7, no. 26, pp. 8–16 (in Russian).
3. Okhorzina Yu.O., Salosina I.V., Glinkin V.S. *Osobennosti prepodavaniya russkogo yazyka v usloviyakh vuzov KNR: teoreticheskiye i metodicheskiye aspekty* [Russian language teaching in a Chinese universities: theories and methods]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2019, no. 441, pp. 206–212 (in Russian).
4. Antonova Yu.A. *O nekotorykh tonkostyakh prepodavaniya RKI kitayskim studentam* [On some features of teaching Russian as a foreign language to Chinese students]. *Pedagogicheskoye obrazovaniye v Rossii – Pedagogical education in Russia*, 2016. no. 12, pp. 13–16 (in Russian).
5. Kozhevnikova E.V., Trubchaninova M.E. *Problemy uchebnogo rechevogo obshcheniya na russkom yazyke (iz opyta prepodavaniya v Rossii i v Kitaye)* [Problems of educational speech communication in Russian (from teaching experience in Russia and China)]. *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2017, no. 2, pp. 159–163 (in Russian).
6. Kozhevnikova E.V., Trubchaninova M.E. *Uchebno-metodicheskaya deyatel'nost' po obucheniyu kitayskikh stazheyorov russkomu yazyku v rossiyskom vuze* [Educational and methodological activities for teaching Chinese interns the Russian language at a Russian university]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovaniye i pedagogicheskiye nauki – Bulletin of Moscow State Linguistic University. Education and Pedagogical Sciences*, 2019, no. 2 (831), pp. 80–90 (in Russian).
7. Kaskova M.E. *Sozdaniye yazykovoy obrazovatel'noy sredy v lingvisticheskom vuze (na primere obucheniya ital'yanskomu yazyku)* [Creation of a language educational environment in a linguistic university (using the example of teaching Italian)]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University*, 2020, no. 9 (152), pp. 53–58 (in Russian).

8. Malkina E.A. Zarubezhnyy opyt postroyeniya inklyuzivnoy sredy v protsesse obucheniya inostrannym yazykam [Foreign experience in building an inclusive environment in the process of teaching foreign languages]. *Nauchnoye mneniye*, 2021, no. 6, pp. 45–51 (in Russian).
9. Mandrikova G.M. Tekhnologiya sovmestnogo obucheniya: pravila dlya prepodavatelya [Co-teaching technology: rules for the teacher]. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal – Siberian pedagogical journal*, 2012, no. 9, pp. 254–258 (in Russian).
10. Lo Syaosya. Metodika obucheniya russkomu yazyku v Kitaye (istoriya i perspektivy) [Methods of teaching the Russian language in China (history and prospects)]. *Nauchno-pedagogicheskoye obozreniye – Pedagogical review*, 2015, Vol. 2 (8), pp. 18–23 (in Russian).
11. Linsya Men. Obucheniye russkomu yazyku kak inostrannomu v vuzakh Kitaya: problemy i puti ikh resheniya (iz opyta raboty prepodavateley Mudantszyanskogo pedagogicheskogo universiteta) [Teaching Russian as a Foreign Language in Chinese Universities: Problems and Solutions (Based on the Experience of Teachers at Mudanjiang Normal University)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, 2016, Vol. 7 (172), pp. 70–75 (in Russian).
12. Sya Czin''yu, Mashkina O.A. Transnatsionalizatsiya protsessa obucheniya russkomu yazyku v kitayskikh vuzakh (na primere Guandun'skogo universiteta inostrannykh yazykov i vneshney torgovli, KNR) [Transnationalization of the Process of Teaching Russian as a Foreign Language in Chinese Universities (Based on the Example of Guangdong University of Foreign Languages and Trade, PRC)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 20. Pedagogicheskoye obrazovaniye – Bulletin of Moscow University. Series 20. Pedagogical Education*, 2019, no.1, pp. 56–70 (in Russian).
13. Czya Cyan', Lo Syaosya. Metodika obucheniya RKI v kitayskikh vuzakh pri sotrudnichestve kitayskikh i russkikh prepodavateley [Methods of Teaching Russian as a Foreign Language in Chinese Universities with the Cooperation of Chinese and Russian Teachers]. *Pedagogika. Psikhologiya. Filosofiya – Pedagogy. Psychology. Philosophy*, 2023, no. 3 (31), pp. 57–64 (in Russian).
14. Yun L.G. Sistema uprazhneniy dlya obucheniya kitayskikh studentov inzhener'nogo profilya obshchemu vladeniyu russkim yazykom i yazyku spetsial'nosti [A System of Exercises for Teaching Chinese Engineering Students General Proficiency in Russian and the Language of their Specialty]. *Samarskiy nauchnyy vestnik – Samara Scientific Bulletin*, 2019, no. 1 (26), pp. 322–330 (in Russian).
15. Krayder A.V., Gural S.K., Liu Shangwei. Sravnitel'nyy analiz metodicheskikh programm podgotovki perevodchikov v Rossii i Kitaye [Comparative analysis of methodological programs for training translators in Russia and China]. *Yazyk i kultura – Language and Culture*, 2024, no. 65, pp. 214–241 (in Russian).
16. Balykhina T.M., Chzhao Yujczyang. *Ot metodiki k etnometodike. Obucheniye kitaytsev russkomu yazyku: problem i puti ikh preodoleniya*. 2 izd. [From Methodology to Ethnomethodology. Teaching Russian to the Chinese: Problems and Ways to Overcome them. 2nd ed]. Moscow, RUDN University Publ., 2010. 344 p. (in Russian).
17. Van Li, Baranova I.I. Problemy formirovaniya kommunikativnoy kompetentsii v uchebno-professional'noy sfere obshcheniya u studentov Kitayskoy Narodnoy Respubliki v usloviyakh neyazykovoy sredy [Problems of Formation of Communicative Competence in the Educational and Professional Sphere of Communication among Students of the People's Republic of China in a Non-Linguistic Environment]. *Terra Linguistica*, 2015, no. 4 (232), pp. 153–159 (in Russian).
18. Zolotikh L.G., Lapteva M.L., Kunusova M.S., Bardina T.K. *Metodika prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo v kitayskoy auditorii* [Methods of teaching Russian as a foreign language in a Chinese audience]. Moscow, Astrakhan' Publ., 2012. 91 p. (in Russian).
19. 李敏.文化导入式的俄语教学模式建构[J].山西大同大学学报(社会科学版), 2024, 38 (01): 143–147. Li Min. Postroyeniye modeli [Construction of a model of teaching the Russian language using cultural introduction]. *Vestnik Universiteta Shan'si Datun (Sotsial'no-nauchnoye izdaniye) – Bulletin of Shanxi Datong University (Social and scientific publication)*, 2024, no. 38 (01), pp. 143–147.
20. 卢丹阳. 探究混合式教学法在大学俄语教学中的应用[J]. 现代职业教育, 2022(21): 130–132. = Lu Danyang. Izucheniye primeneniya gibridnogo metoda obucheniya v prepodavanii russkogo yazyka v universitete [Study of the application of hybrid teaching method in teaching Russian language at university]. *Sovremennoye professional'noye obrazovaniye – Modern professional education*, 2022, no. 21, pp. 130–132.

Информация об авторах

Ван Бин, преподаватель, Цзилиньский университет иностранных языков (ул. Цзинюе, 3658, Чанчунь, Китай, 130117).
E-mail: 1321666299@qq.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4222-8591>; SPIN-код: 7437-0970

Забродина Ирина Константиновна, кандидат педагогических наук, доцент, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

E-mail: zabrodinairina@tspu.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5080-2237>; SPIN-код: 2949-1588;

ResearcherID: J-8097-2016; Профиль в Scopus: 57118084100

Information about the authors

Wang Bing, teacher, Jilin International Studies University (Jinyue Street, 3658, Changchun, China, 130117).

E-mail: 1321666299@qq.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4222-8591>; SPIN-code: 7437-0970

Zabrodina I.K., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

E-mail: zabrodinairina@tspu.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5080-2237>; SPIN-code: 2949-1588;

ResearcherID: J-8097-2016; Scopus Profile: 57118084100

Статья поступила в редакцию 24.07.2025; принята к публикации 26.09.2025

The article was submitted 24.07.2025; accepted for publication 26.09.2025

УДК 372.881.111.1

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-6-174-182>

Смешанный и гибридный форматы обучения иностранным языкам в современных образовательных реалиях

Лариса Георгиевна Медведева¹, Елена Юрьевна Надеждина²

^{1,2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия*

¹ *lg.medvedeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8972-2779>*

² *nadezhkina_elena_tsu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1312-5676>*

Аннотация

Статья посвящена всестороннему анализу современных форматов обучения иностранным языкам и описанию практического опыта внедрения в учебный процесс образовательной платформы EnglishProUni, разработанной на базе Томского государственного университета. В условиях стремительной трансформации современного образования и автоматизации многих профессий студенты сегодня ожидают не просто усвоения новых знаний, но и понимания того, как эффективно применять их в контексте личностного и профессионального развития. В связи с этим эффективное обучение в рамках гибридной модели требует переосмысления традиционных методов и технологий, а также активного вовлечения студентов в каждый учебный кейс. В статье подробно рассматриваются современные методики обучения иностранным языкам, включая аудиolingвальный, аудиовизуальный, коммуникативный и лексический подходы, а также инновационные форматы, такие как «перевернутое» обучение и использование аутентичных материалов. Особое внимание уделяется интеграции цифровых технологий и онлайн-платформ, которые создают интерактивную и адаптивную образовательную среду, способствующую развитию самостоятельности и мотивации студентов. Платформа EnglishProUni реализует аудиolingвальный подход с использованием информационных модулей и тренировочных упражнений, что позволяет эффективно сочетать аудиторные занятия с самостоятельной работой. Кроме того, в статье анализируются современные тренды в обучении, включая применение искусственного интеллекта для персонализации учебного процесса, формат «стади-бадди» (учебные пары), а также возможности онлайн-платформ для повышения вовлеченности и эффективности усвоения языка. Представлен сравнительный анализ традиционных и гибридных моделей обучения, выявлены преимущества и вызовы внедрения инновационных технологий в образовательный процесс. Исследование демонстрирует, что использование платформы EnglishProUni способствует развитию практических коммуникативных навыков и соответствует современным требованиям рынка труда и образовательных стандартов, открывая новые перспективы для обучения иностранным языкам в вузах.

Ключевые слова: смешанный формат обучения, гибридный формат обучения, образовательная платформа, иноязычная среда

Для цитирования: Медведева Л.Г., Надеждина Е.Ю. Смешанный и гибридный форматы обучения иностранным языкам в современных образовательных реалиях // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 6 (242). С. 174–182. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-6-174-182>

Mixed and hybrid formats of teaching foreign languages in modern educational realities

Larisa G. Medvedeva¹, Elena Yu. Nadezhkina²

^{1,2} *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *lg.medvedeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8972-2779>*

² *nadezhkina_elena_tsu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1312-5676>*

Abstract

This scientific article is devoted to a comprehensive analysis of modern formats for teaching foreign languages and describes the practical experience of integrating the EnglishProUni educational platform into the educational process. This platform was developed by Tomsk State University. In the context of the rapid transformation of modern education and the automation of many professions, students today expect not only the assimilation of new knowledge but also an understanding of how to apply it effectively in the context of personal and professional

development. Therefore, effective learning within a hybrid model requires a rethinking of traditional methods and technologies, as well as the active involvement of students in every educational case. The article details modern methods for teaching foreign languages, including audio-linguistic, audiovisual, communicative, and lexical approaches, as well as innovative formats such as inverted learning and the use of authentic materials. Particular attention is paid to the integration of digital technologies and online platforms that create an interactive and adaptive learning environment, contributing to student independence and motivation. The EnglishProUni platform implements an audio-linguistic approach using information modules and training exercises, allowing for effective combination of classroom activities with independent work. Furthermore, the article analyzes modern trends in learning, including the use of artificial intelligence to personalize the educational process, the “study buddy” format (training pairs), and the capabilities of online platforms to increase engagement and effectiveness in language acquisition. A comparative analysis of traditional and hybrid learning models is presented, identifying the advantages and challenges of introducing innovative technologies into the educational process. The study demonstrates that using the EnglishProUni platform contributes to developing practical communication skills and meets the modern requirements of both the labor market and educational standards. This opens up new possibilities for teaching foreign languages in universities.

Keywords: mixed learning format, hybrid learning format, educational platform, foreign language environment

For citation: Medvedeva L.G., Nadezhina E.Yu. Smeshannyi i gibridnyy formaty obucheniya inostrannym yazykam v sovremennykh obrazovatel'nykh realiyakh [Mixed and hybrid formats of teaching foreign languages in modern educational realities]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 6 (242), pp. 174–182 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-6-174-182>

Введение

В настоящее время образование характеризуется непрерывным потоком трансформационных процессов, что обусловлено изменением запросов ключевых стейкхолдеров. Проведение реформ в высшем образовании включает в себя поиск новых контекстов, акцентирующих внимание не только на содержательном наполнении учебных программ, но и на необходимости кардинального обновления существующих организационных форм, педагогических технологий, методов и средств обучения. В связи с этим особое значение приобретают модели гибридного обучения, реализуемые в рамках образовательного процесса, которые открывают новые возможности для оптимизации традиционных образовательных форматов, используемых в университетах. Современные исследования показывают, что гибридное обучение служит мощным движущим фактором трансформации образовательной среды [1, с. 47].

Актуальность различных типов гибридного обучения в университетах подчеркивает, что каждый студент активно участвует в процессе переосмысления своего образовательного пути, что обусловлено как тенденциями персонализации образовательного опыта, так и стратегической политикой учебных заведений, направленной на предоставление студентам разнообразных образовательных возможностей.

Концепция гибридного обучения стала неотъемлемой частью современного научного и образовательного дискурса, подразумевая разнообразные форматы взаимодействия между обучающимися и преподавателями, основанные на

интеграции современных цифровых технологий для достижения более высоких образовательных результатов. В настоящее время гибридное обучение признано всеми участниками образовательного процесса как полноценный формат обучения, направленный на совершенствование образовательной среды [2, с. 24]. Это позволяет ему как заменять традиционные формы аудиторного обучения, так и дополнять их, обеспечивая более эффективное образовательное взаимодействие.

Целью данного исследования является описание практического опыта внедрения цифровой образовательной платформы EnglishProUni в реальный учебный процесс в контексте создания иноязычной среды в Томском государственном университете (ТГУ) посредством использования гибридной и смешанной моделей обучения.

Научная новизна исследования заключается в создании и апробации оригинальной модульной модели преподавания иностранного языка в вузе, разработанной на стыке аудиolingвального и бихевиористского подходов. Указанная модель реализована через системное контекстуальное представление аутентичного языкового материала, структурированную самостоятельную работу на платформе и полную трансформацию ролей преподавателя и студента, что обеспечивает высокую степень индивидуализации образовательного процесса и создание идеальной цифровой языковой среды в вузе.

Материал и методы

Методологическую базу данного исследования составляют системный, личностно ориентированный, деятельностный и коммуникативный

подходы. Их применение позволяет рассмотреть процесс внедрения образовательной платформы EnglishProUni [3] в учебный процесс по иностранному языку (ИЯ) в вузе как целостную систему, учитывающую как индивидуальные особенности студентов, так и специфику цифровой образовательной среды. *Системный подход* (Б.Г. Ананьев [4, с. 200]; В.П. Беспалько [5, с. 104]; Л. фон. Берталанфи [6, с. 158]) обеспечивает возможность анализа образовательного процесса в единстве его структурных элементов, что способствует более глубокому пониманию его функционирования и эффективному управлению организационными аспектами обучения. Данный подход также помогает выявить взаимосвязь между компонентами образовательной системы и оптимизировать их взаимодействие. *Личностно ориентированный подход* (К. Роджерс [7, с. 154]; И.С. Якиманская [8, с. 106]) направлен на адаптацию образовательного процесса к индивидуальным особенностям и познавательным потребностям студентов. В рамках этого подхода создается такая образовательная среда, которая предоставляет обучающимся возможность проявлять субъектность, развивать творческий потенциал и строить собственную образовательную траекторию. *Деятельностный подход* (Л.С. Выготский [9, с. 115]; А.Н. Леонтьев [10, с. 185]; Д.Б. Эльконин [11, с. 129]) реализуется через интеграцию различных видов учебной деятельности в условиях гибридного формата обучения. Он предполагает использование современных онлайн-ресурсов, которые способствуют развитию навыков самостоятельного планирования учебной работы и практического применения языка в реальных или имитированных коммуникативных ситуациях. *Коммуникативный подход* (J.C. Richards & Rodgers [12, с. 156]; S. Thornbury [13, с. 64–67]) акцентирует внимание на формировании речевой компетенции и актуализации знаний в контексте реального общения. Его применение в исследовании позволяет учитывать особенности использования иностранного языка в профессиональной и межкультурной коммуникации.

Для достижения поставленных целей и проверки гипотез были использованы теоретические методы: анализ научной литературы, обобщение передового педагогического опыта, интерпретация данных; а также эмпирические методы: наблюдение за образовательным процессом, анкетирование студентов, проведение педагогического эксперимента и последующий количественный и качественный анализ полученных результатов.

Например, количественный анализ проводился по результатам тестирования студентов, про-

ходивших обучение на платформе EnglishProUni. Качественные данные были получены нами посредством анкетирования и опросов как учащихся, так и самих преподавателей относительно повышения интереса, мотивации и индивидуально образовательного продукта студентов.

Эксперимент был нацелен на оценку эффективности применения, смешанного и гибридного форматов в контексте обучения ИЯ в вузе, выявление их преимуществ и недостатков, а также на осмысление способов внедрения цифровых платформ в реальный образовательный процесс.

Современные исследователи рассматривают гибридное обучение сквозь призму основных целей образовательного процесса и разнообразных форматов взаимодействия между обучающимися и педагогами, принимая во внимание индивидуальный образовательный опыт, который получает каждый студент в контексте учебного процесса. Этот подход позволяет глубже понять влияние гибридных моделей на качество образования и их роль в формировании нового образовательного ландшафта.

Что же такое гибридное обучение? Гибридное обучение представляет собой современный подход к образовательному процессу, который сочетает в себе традиционные формы обучения и технологии интернет-образования. Эта модель обеспечивает реализацию дидактического процесса как в традиционной аудиторной, так и в виртуальной среде, тем самым расширяя возможности для студентов.

В качестве примера можно рассмотреть модель занятий, в которой студенты приобретают часть теоретических знаний самостоятельно, используя модульные образовательные материалы, размещенные на специализированных платформах. При этом практические навыки отрабатываются в ходе взаимодействия в аудитории. Важно отметить, что гибридное обучение осуществляется в синхронном формате, что подразумевает одновременное присутствие всех обучающихся на занятии [14, с. 25]. В отличие от указанной модели смешанное обучение включает асинхронные элементы, позволяя изучать материалы, предоставленные преподавателем, в удобное время.

Существует возможность комбинирования смешанного и гибридного обучения в рамках одной учебной программы, что приводит к возникновению модели HyFlex (от англ. flexible hybrid, «гибкий гибрид») [15, с. 14]. Интеграция этих двух подходов создает синергетический эффект, который способствует инновационному образованию, позволяя студентам самостоятельно организовывать свой учебный процесс.

В ходе очных занятий учащиеся вовлечены в активное коммуникационное взаимодействие, что способствует развитию критического мышления и формированию моделей поведения. Процесс самостоятельной работы, в свою очередь, развивает навыки планирования, самоконтроля, а также способствует обучению в области управления временем, поиска достоверной информации в условиях преобладания больших данных и анализа полученной информации.

Кроме того, применение технологии смешанного обучения позволяет объединить преимущества традиционного очного обучения и дистанционных форматов, одновременно минимизируя их недостатки [16, с. 94].

В данной статье представлен практический опыт внедрения гибридного и смешанного обучения в процесс обучения иностранным языкам в Томском государственном университете. В этом контексте мы руководствуемся принципом «Меньше теории, больше практики», что подчеркивает нашу приверженность практико-ориентированному подходу в образовательном процессе [17, с. 94].

Результаты и обсуждение

В данной статье представлен результат практического внедрения цифровой образовательной платформы EnglishProUni в учебный процесс на неязыковых факультетах Томского государственного университета. EnglishProUni – инновационная платформа, разработанная на базе ТГУ с целью эффективного обучения английскому языку студентов бакалавриата всех направлений подготовки, что в свою очередь способствует созданию единой иноязычной среды в образовательном пространстве университета (<https://englishprouni.com>).

Начальное проектирование модели EnglishProUni осуществлялось в рамках пилотного эксперимента, направленного на внедрение новой модели высшего образования. Основными принципами данной модели являются модульная структура, смешанный формат обучения и принцип вовлеченности, который предполагает взаимодействие лингвистов и предметных специалистов, а также создание позитивной образовательной среды для студентов. Эти принципы органично вписываются в стратегические ориентиры образовательной политики ТГУ, включая технологии адаптации и мотивации первокурсников [17, с. 89], быстрое конструирование образовательных программ [18, с. 24], цифровизацию и развитие цифровых компетенций [19, с. 110], обеспечение интеграции обучения и труда, а также гарантии качества образования и языковой подготовки.

Смешанная модель обучения иностранным языкам в ТГУ включает в себя устойчивую реализацию ресурсов платформы EnglishProUni, что предполагает ряд положительных эффектов. К числу таких эффектов можно отнести: увеличение степени погруженности студентов в иноязычную среду без дополнительных финансовых затрат, сокращение потребности в традиционных оборудованных аудиториях, уменьшение нагрузки на преподавателей, а также специализацию работы педагогического персонала, что дает возможность поддерживать высокое качество образовательного процесса при оптимизации ресурсов.

Данная платформа также функционирует как инновационная площадка для творческой и методической деятельности преподавателей, адресует проблемы мотивации студентов и их включенности в учебный процесс за счет возможности автономной работы на платформе и отработки коммуникативных сценариев в аудитории, а также проектной деятельности, инициируемой самими обучающимися.

Платформа EnglishProUni основана на аудиolingвальном подходе, который фокусируется на распознавании, повторении и генерации модификаций языковых конструкций посредством устной практики, известной как дриллинг. Реализация этой концепции осуществляется через использование множества информационных модулей и соответствующих тренировочных упражнений. В контексте данной платформы тренировочные упражнения включают как аудиторные занятия, так и задания, выполняемые студентами в режиме самостоятельной работы [20, с. 256].

Таким образом, платформа EnglishProUni представляет собой комплексное решение, способствующее не только обучению иностранным языкам, но и эффективной интеграции инновационных образовательных технологий в учебный процесс, что, в свою очередь, положительно сказывается на уровне языковой подготовки студентов и их адаптации к современным реалиям рынка труда.

Модульная модель преподавания иностранного языка в ТГУ EnglishProUni представляет собой инновационный подход, способствующий повышению эффективности образовательного процесса в условиях ограниченного количества аудиторных занятий. Эта модель основывается на интеграции цифровых платформ, которые не только преобразуют методическую деятельность преподавателей, но и активизируют самостоятельное обучение студентов в рамках как контактно-смешанного, так и удаленного форматов обучения.

Традиционная модель характеризуется устремлением к недостижимой цели, что выражается в

универсализации и массовизации образовательного процесса, а также в наличии «монолитной» структуры учебной дисциплины. В рамках этой модели зачастую преобладают «некоммуникативные» аудиторные занятия, сопровождаемые формализованными самостоятельными работами. В отличие от этого, ориентированная на практическое применение модель EnglishProUni имеет своей целью развитие конкретных практико-ориентированных навыков, что подразумевает более продуктивные результаты образовательного процесса. Модульная структура дисциплины в данной модели обеспечивает гибкость в подборе учебных компонентов, что позволяет оперативно адаптировать их в соответствии с задачами образовательной программы.

Смешанный формат обучения в рамках модели EnglishProUni занимает значительное место благодаря своей прозрачности и результативности в области коммуникативной деятельности, в частности благодаря активности в аудитории и реальной, автоконтролируемой самостоятельной работе студентов на платформе. Важно отметить, что в данной модели происходит трансформация педагогических ролей и видов деятельности, что обусловлено реализацией следующих принципов: модульного подхода, смешанного формата обучения и принципа вовлеченности.

Преподаватель в совокупности выступает в роли модератора, навигатора, мотиватора и оператора информационно-образовательной технологии. В то же время студент становится непосредственным участником учебного процесса, осуществляющим конструирование своей личной виртуальной языковой среды, выступая инициатором образовательного процесса, контролируя как активный, так и пассивный словарный запас, а также собирая и анализируя свой личный языковой след. Деятельность преподавателя, таким образом, смещается в сторону нового фокуса: на контролируемую самостоятельную работу на образовательной платформе, что предполагает переработку дидактического материала и отход от традиционной роли носителя знаний.

Для студента самостоятельная работа становится основополагающим элементом, способствующим формированию и закреплению языковых навыков, а также развитию цифровых компетенций. Это создает условия для готовности к действию в нестандартных, реальных коммуникативных контекстах и формирования личной ответственности за результаты своего обучения и формат достижения образовательных целей. Таким образом, модель EnglishProUni представляет собой многообещающий шаг в направлении обновления подходов к преподаванию иностранно-

го языка, обеспечивая более высокую степень индивидуализации и эффективности обучения.

В чем особенность образовательной платформы EnglishProUni? Здесь в основу заложен особый способ расширения словарного запаса LanguageProUni, основывающийся на тщательно подобранных обучающих материалах и высокоорганизованной системе представления информации, реализуемой с использованием современных цифровых платформ. Этот подход может быть охарактеризован как синтез бихевиористских и аудиолингвальных методов с активным включением элемента «Самостоятельная работа студента» через концепцию «Перевернутого класса» [21, с. 95].

Общая трудоемкость программы «Иностранный язык» для студентов первого курса неязыковых факультетов составляет не менее 96 академических часов и распределена по четырем крупным тематическим блокам, каждый из которых включает четыре учебных модуля. Таким образом, курс охватывает 16 модулей, структурированных вокруг ключевых коммуникативных тем и языковых компетенций, соответствующих уровням Общеввропейской шкалы уровней владения иностранным языком (CEFR).

В качестве примера может быть рассмотрен модуль 1 первого тематического блока – Глобальная тема 1: True identity (уровень A1).

Модуль включает три учебных юнита, ориентированных на формирование базовой личностной и социокультурной коммуникативной компетенции:

– *Юнит 1: This is me.* Посвящен отработке лексики, связанной с представлением себя, увлечениями и интересами, а также грамматического материала (to be в настоящем времени).

– *Юнит 2: So what do you do all day?* Направлен на развитие речевых навыков, связанных с описанием повседневных действий, и освоение грамматической структуры Present Simple.

– *Юнит 3: Track your feelings!* Предусматривает усвоение лексики по теме «Эмоции и состояния»; грамматический фокус на освоении степеней сравнения прилагательных.

Каждый юнит реализуется в формате модульной структуры и включает аутентичные текстовые, аудио- и видеоматериалы, а также авторскую систему упражнений, обеспечивающих многоаспектную включенность в языковую среду и поэтапное усвоение целевой лексики и грамматики.

Увеличение персонального вокабуляра студента осуществляется благодаря систематической работе с набором целевых лексических единиц, заложенных в каждом уроке всех модулей

программы. Это уникальное расширение словарного запаса иностранных слов не только предполагает понимание их значения и семантики, но и включает осознание употребления этих слов в различных коммуникативных контекстах, что является ключевым аспектом для успешного овладения языком [22, с. 700].

Разработка учебных материалов осуществляется в соответствии со следующей схемой:

- в каждом компоненте контента представлено от четырех до восьми новых слов, относящихся к группе целевых, заранее определенных иностранных слов для изучения;

- каждое из целевых слов встречается в разных материалах в среднем от пяти до шести раз.

Данный алгоритм действий способствует систематическому повторению и интеграции новых лексических единиц, включенных в содержание модуля, что создает условия для их эффективного усвоения. Особое внимание уделяется представлению слов в разнообразных контекстах. Студенты имеют возможность прослушивать произношение слов, отрабатывать их написание и выполнять различные упражнения, способствующие закреплению материала.

Например, структура раздела «Материалы» включает следующие подразделы: «Карточки», «Видеотека», «Упражнения», «Диалоги», «Опросники», «Циклическая подача учебного материала». Используя эти вкладки, преподаватели могут создавать авторские задания или подбирать материалы, разработанные другими преподавателями. Таким образом, подбирая аутентичные тексты, аудио- и видеофрагменты, используемые в учебном и внеучебном контекстах, авторы формируют общую базу EnglishProUni.

Раздел, озаглавленный «Инструкции», предназначен для обеспечения пользователей платформы необходимыми знаниями о корректных учебных запросах, которые могут быть сформированы для эффективного взаимодействия с данной образовательной средой. Важнейшим аспектом данного раздела является организация рабочего процесса как преподавателя, так и студентов, что предполагает оптимизацию и структурирование их самостоятельной и совместной деятельности.

С целью улучшения пользовательского опыта и обеспечения удобства навигации интерфейс платформы включает в себя обширную информацию, охватывающую ключевые аспекты ее функционала. В частности, этот раздел включает в себя такие компоненты, как «Техническая поддержка», «Введение», «Мои группы», «Добавление индивидуальных блоков в модуль», «Онлайн-урок (основная информация)», «Функции ви-

деоконференции», «Оформление источников», «Авторские курсы и модули», а также другие элементы. Такая структура обеспечивает пользователям возможность эффективно ориентироваться в предлагаемом контенте и инструментарии.

Ключевой особенностью предложенной системы является специализированный подход к организации цифрового учебного и дидактического материала, предназначенного для самостоятельной работы студентов. Эта система характеризуется высокой степенью четкости и структурированности, что способствует более эффективному усвоению обучающего материала. В состав данной системы входят следующие элементы:

- демонстрация значимости иностранного термина или словосочетания, подлежащего запоминанию, осуществляется с использованием механизма, обеспечивающего автоматический перевод на родной язык студента. Данный элемент способствует тому, что студенты не только знакомятся с новым лексическим материалом, но и мгновенно воспринимают его значение в контексте их родного языка;

- процесс детализации значения иностранного слова или словосочетания осуществляется через его многократное употребление в разнообразных коммуникативных контекстах [23, с. 447]. Данная методика предполагает использование текстовых, аудиальных и/или визуальных материалов, что содействует более глубокому восприятию и способствует запоминанию благодаря разнообразным форматам представления информации;

- восстановление из памяти иностранного слова или словосочетания, подлежащих запоминанию, происходит через выполнение различных типов упражнений. Эти упражнения ориентированы на проверку понимания значения и смысла, корректного написания, употребления в контексте и произношения. Контрольно-оценочная компонента системы представлена промежуточными и итоговыми тестами, обеспечивающими мониторинг степени овладения лексическим материалом и динамики формирования словарного запаса у студентов.

Таким образом, представленная система формирует комплексный подход к изучению иностранных языков, отвечая современным требованиям к образовательному процессу и учитывая индивидуальные потребности обучающихся.

Следует подчеркнуть визуально привлекательное оформление цифровой платформы, а также обширный набор образовательных инструментов. Платформа отличается постоянно обновляющейся библиотекой учебных материалов, предоставляющей студентам возможность выбора индивидуального трека для освоения но-

вой лексики. Преподаватели в свою очередь получают доступ к инструментам для разработки авторских образовательных материалов, что позволяет им учитывать свои уникальные педагогические запросы. Каждый преподаватель имеет возможность выступать в роли разработчика новых учебных модулей или вносить существенные изменения в уже имеющиеся блоки, что нацелено на достижение более высоких образовательных результатов у студентов.

В процессе наполнения платформы содержательным материалом была разработана специальная технология для создания учебных модулей. В рамках этой технологии сформулированы детальные пошаговые методические рекомендации, направленные на внедрение данной образовательной платформы в реальный учебный процесс в университете. Это включает все этапы – от тщательного отбора материалов до определения оптимального объема лексики, задействованной в заданиях.

Заключение

Интеграция учебной дисциплины «Иностранный язык» в образовательную программу по модели EnglishProUni существенно способствует актуализации образовательных курсов, что, в свою очередь, повышает их конкурентоспособность как на национальном, так и на международном уровнях. Также следует отметить важность работы с талантами, применение технологий адаптации и мотивации первокурсников, оперативное конструирование образовательных программ в соответствии с конкретными образовательными задачами, а также обеспечение гарантии качества самостоятельной работы студентов. Важнейшим аспектом является цифровизация образовательного процесса и развитие цифровых компетенций обучающихся, что в конечном итоге способствует улучшению информационно-образовательной технологии и эффективности экономической модели образовательных программ.

Список источников

1. Королева Н.А., Малышева Н.В. Гибридная модель обучения в высшем образовании: вызовы и перспективы // Вопросы образования. 2021. № 3. С. 45–67.
2. Суханова Е.А., Клягин А.В., Ананьев Б.Г. Качество образования в российских университетах: что мы поняли в пандемию: аналитический доклад. М., 2021. 48 с.
3. EnglishProUni. URL: <https://englishprouni.com> (дата обращения: 05.04.2025).
4. Ананьев Б.Г. Психология индивидуальности. М.: Смысл, 2005. 368 с.
5. Беспалько В.П. Слагаемые педагогической технологии. М.: Педагогика, 1989. 192 с.
6. Бергаланфи Л. фон. Общая теория систем – шаг к единому языку науки. М.: Прогресс, 1973. 236 с.
7. Роджерс К. Становление личностью. М.: Республика, 1994. 224 с.
8. Якиманская И.С. Личностно ориентированное обучение в современной школе. М.: Педагогика, 1996. 176 с.
9. Выготский Л.С. Мышление и речь. М.: Педагогика, 1982. 144 с.
10. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.
11. Эльконин Д.Б. Введение в психологию. М.: Просвещение, 1962. 256 с.
12. Richards J. C., Rodgers T.S. Approaches and Methods in Language Teaching. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 416 p.
13. Thornbury S. How to Teach Vocabulary. Harlow: Pearson Education Limited, 1999. 144 p.
14. Мартынова Ю.В. Методические особенности использования гибридного обучения в условиях пандемии // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2022. Т. 11, № 2. С. 21–26.
15. Linder K.E. Fundamentals of hybrid teaching and learning // New Directions for Teaching and Learning. 2017. Vol. 2017, № 149. P. 11–18.
16. Bernard R.M., Abrami P.C., Suvorov R.A. A meta-analysis of blended learning and technology use in higher education: From the general to the applied // Journal of Computing in Higher Education. 2014. Vol. 26. P. 87–122.
17. Клягин А.В., Суханова Е.А., Якиманская И.С. Шторм первых недель: как высшее образование шагнуло в реальность пандемии // Современная аналитика образования. 2020. № 36, Т. 6. С. 89–97.
18. Клягин А.В., Макарьева А.Ю. Кейсы быстрых реакций вузов в период пандемии // Современная аналитика образования. Express-выпуск. М., 2020. № 4. URL: https://ioe.hse.ru/sao_universitycases?ysclid=mfmgmmla79w255998058 (дата обращения: 05.04.2025).
19. Уваров А.Ю., Гейбл Э., Дворецкая И.В. и др. Трудности и перспективы цифровой трансформации образования / под ред. А.Ю. Уварова, И.Д. Фрумина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», Ин-т образования. М.: Изд. дом Высшей школы.

лы экономики, 2019. 343, [1] с. URL: https://ioe.hse.ru/data/2019/07/01/1492988034/Cifra_text.pdf?ysclid=mfmhv32fjv967520079 (дата обращения: 05.04.2025).

20. Нагель О.В., Ли Б.В. Виртуальные собеседники при формировании коммуникативного навыка диалогической речи на иностранном языке // *Язык и культура*. 2022. № 59. С. 254–270.
21. Saichaie K. Blended, flipped, and hybrid learning: Definitions, developments, and directions // *New Directions for Teaching and Learning*. 2020. Vol. 2020, № 164. P. 95–104
22. Zhang R., Zou D. Types, purposes, and effectiveness of state-of-the-art technologies for second and foreign language learning // *Computer Assisted Language Learning*. 2022. Vol. 35, № 4. P. 696–742.
23. Nation P. *Learning Vocabulary in Another Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 447 p.

References

1. Koroleva N.A., Malysheva N.V. Gibridnaya model' obucheniya v vysshem obrazovanii: vyzovy i perspektivy [Hybrid learning model in higher education: Challenges and prospects]. *Voprosy obrazovaniya – Educational Studies Moscow*, 2021, no. 3, pp. 45–67 (in Russian).
2. Sukhanova E.A., Klyagin A.V., Ananiev B.G. *Kachestvo obrazovaniya v rossiyskikh universitetakh: chto my ponyali v pandemiyu: analiticheskiy doklad* [Quality of education in Russian universities: What we learned during the pandemic: Analytical report]. Moscow, 2021. 48 p. (in Russian).
3. EnglishProUni. URL: <https://englishprouni.com> (accessed 5 April 2025).
4. Ananiev B.G. *Psikhologiya individual'nosti* [Psychology of individuality]. Moscow, Smysl Publ., 2005. 368 p. (in Russian).
5. Bespal'ko V.P. *Slagayemye pedagogicheskoy tekhnologii* [Components of pedagogical technology]. Moscow, Pedagogika Publ., 1989. 192 p. (in Russian).
6. Bertalanffi L. fon. *Obshchaya teoriya sistem – shag k yednomu yazyku nauki* [General system theory – a step toward a unified scientific language]. Moscow, Progress Publ., 1973. 236 p. (in Russian).
7. Rogers K. *Stanovleniye lichnost'yu* [Becoming a person]. Moscow, Respublika Publ., 1994. 224 p. (in Russian).
8. Yakimanskaya I.S. *Lichnostno-oriyentirovannoye obucheniye v sovremennoy shkole* [Person-oriented education in modern school]. Moscow, Pedagogika Publ., 1996. 176 p. (in Russian).
9. Vygotskii L.S. *Myshleniye i rech'* [Thinking and speech]. Moscow, Pedagogika Publ., 1982. 144 p. (in Russian).
10. Leont'yev A.N. *Deyatel'nost'. Soznaniye. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow, Politizdat Publ., 1975, 304 p. (in Russian).
11. El'konin D.B. *Vvedeniye v psikhologiyu* [Introduction to psychology]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1962. 256 p. (in Russian).
12. Richards J.C., Rodgers T.S. *Approaches and Methods in Language Teaching*. 2nd ed. Cambridge, Cambridge University Press, 2014. 416 p.
13. Thornbury S. *How to Teach Vocabulary*. Harlow, Pearson Education Limited, 1999. 144 p.
14. Martynova Yu.V. Metodicheskiye osobennosti ispol'zovaniya gibridnogo obucheniya v usloviyakh pandemii [Methodological features of using hybrid learning during the pandemic]. *Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informatsionnykh tekhnologiy – Bulletin of the Siberian Institute of Business and Information Technologies*, 2022, vol. 11, no. 2, pp. 21–26 (in Russian).
15. Linder K.E. Fundamentals of hybrid teaching and learning. *New Directions for Teaching and Learning*, 2017, vol. 2017, no. 149, pp. 11–18.
16. Bernard R.M., Abrami P.C., Suvorov R.A. A meta-analysis of blended learning and technology use in higher education: From the general to the applied. *Journal of Computing in Higher Education*, 2014, vol. 26, pp. 87–122.
17. Klyagin A.V., Sukhanova E.A., Yakimanskaya I.S. Shtorm pervykh nedel': kak vyssheye obrazovaniye shagnulo v real'nost' pandemii [The storm of the first weeks: How higher education stepped into the reality of the pandemic]. *Sovremennaya analitika obrazovaniya – Modern Educational Analytics*, 2020, vol. 6, no. 36, pp. 89–97 (in Russian).
18. Klyagin A.V., Makar'yeva A.Yu. Keysy bystrykh reaktsiy vuzov v period pandemii [Case studies of rapid university responses during the pandemic]. *Sovremennaya analitika obrazovaniya. Express-vypusk – Modern Educational Analytics. Express Issue*, 2020, no. 4 (in Russian). URL: https://ioe.hse.ru/sao_universitycases?ysclid=mfmgm1a79w255998058/ (accessed 5 April 2025).
19. Uvarov A.Yu., Gebel E., Dvoret'skaya I.V. et al. *Trudnosti i perspektivy tsifrovoy transformatsii obrazovaniya* [Challenges and Prospects of Digital Transformation in Education]. Ed. by A.Yu. Uvarov, I.D. Frumin. Moscow, Higher School of Economics Publ.,

2019. 343 p. (in Russian). URL: https://ioc.hse.ru/data/2019/07/01/1492988034/Cifra_text.pdf?ysclid=mfmhv32fjv96752079 (accessed 5 April 2025).
20. Nagel' O.V., Li B. V. Virtual'nyye sobesedniki pri formirovanii kommunikativnogo navyka dialogicheskoy rechi na inostrannom yazyke [Virtual interlocutors in developing the communicative skill of dialogic speech in a foreign language]. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*, 2022, no. 59, pp. 254–270 (in Russian).
21. Saichaie K. Blended, flipped, and hybrid learning: Definitions, developments, and directions. *New Directions for Teaching and Learning*, 2020, vol. 2020, no. 164, pp. 95–104.
22. Zhang R., Zou D. Types, purposes, and effectiveness of state-of-the-art technologies for second and foreign language learning. *Computer Assisted Language Learning*, 2022, vol. 35, no. 4, pp. 696–742.
23. Nation P. *Learning Vocabulary in Another Language*. Cambridge, Cambridge University Press, 2001. 447 p.

Информация об авторах

Медведева Л.Г., кандидат педагогических наук, доцент, и. о. завкафедрой, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050).

E-mail: lg.medvedeva@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8972-2779>; SPIN-код: 1134-0970

Надеждина Е.Ю., кандидат педагогических наук, доцент, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050).

E-mail: nadezhdina_elena_tsu@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1312-5676>; SPIN-код: 2206-8012

Information about the authors

Medvedeva L.G., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department, National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634050).

E-mail: lg.medvedeva@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8972-2779>; SPIN-code: 1134-0970

Nadezhdina E.Yu., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634050).

E-mail: nadezhdina_elena_tsu@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8972-2779>; SPIN-code: 1134-0970

Статья поступила в редакцию 14.07.2025; принята к публикации 26.09.2025

The article was submitted 14.07.2025; accepted for publication 26.09.2025

УДК 372.882

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-6-183-190>

Изучение русской литературы в начальной школе Монголии

Эдуард Петрович Леонтьев

*Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия,
ernestleontyev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8847-3325>*

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы реформирования образовательной системы Монголии, касающиеся внедрения новой основной программы образования и актуализации учебников. Определены особенности формирования навыков чтения у монгольских обучающихся в условиях интеграции учебных предметов «Литературное чтение» и «Монгольский язык». Обзор учебников «Монгольский язык» за 1–5-й классы позволил определить круг включенных в них текстов русского фольклора и художественной литературы. Содержание учебников позволяет предположить, что методика обучения монгольскому языку через чтение текстов, представляющих русское словесное искусство, ориентировано на вовлечение монгольских обучающихся начальной школы в ситуации осмысления ценностей, свойственных другой культуре. Анализ состава текстов русской художественной литературы, предложенных монгольскими специалистами для изучения в начальной школе, позволяет утверждать, что критериями отбора стали, во-первых, соответствие поэтики и проблематики текстов возрастным особенностям восприятия текстов, во-вторых, их воспитательный потенциал. Включенные в учебники произведения соотносятся с кругом чтения российских дошкольников и младших школьников (сказки «Репка», «Колобок», «Лиса и козел», тексты детских писателей и поэтов: Л.Н. Толстого, И.А. Крылова, А.И. Куприна, С.Я. Маршака, Н. Носова, В.А. Сухомлинского). В большинстве произведений центральные персонажи – дети, что важно, так как через близких по возрасту героев методически проще раскрыть характеры русских людей, идеи и ценности другой культуры. Включение в дисциплину «Монгольский язык», совмещающую в себе лингвистику и литературное чтение, инокультурных произведений способствует расширению картины мира монгольских детей. Обращение к текстам русского фольклора и литературы демонстрирует значимость для монгольского начального образования выстраивания межкультурных связей с Россией. Вместе с тем соотношение текстов с темами позволяет увидеть, что изучение русского фольклора и литературы связано с развитием метапредметных навыков у обучающихся.

Ключевые слова: *реформы образовательной системы Монголии, начальное образование, учебник «Монгольский язык», содержание образования, русская литература*

Для цитирования: Леонтьев Э.П. Изучение русской литературы в начальной школе Монголии // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 6 (242). С. 183–190. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-6-183-190>

Studying russian literature in primary schools in Mongolia

Eduard P. Leontyev

*Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation,
ernestleontyev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8847-3325>*

Abstract.

The article discusses the issues of reforming the Mongolian educational system, concerning the implementation of the new basic educational program and the updating of textbooks. The features of developing reading skills in Mongolian students in the context of integrating the subjects “Literary Reading” and “Mongolian Language” are identified. A review of the “Mongolian Language” textbooks for grades 1–5 has revealed the range of Russian folklore and literature texts included in them. This creates an opportunity for Mongolian students to learn about Russian folk traditions and the values of Russian culture. The content of the textbooks suggests that the methodology of teaching Mongolian through reading texts representing Russian literature is aimed at engaging Mongolian primary school students in understanding the values of a different culture. An analysis of the composition of the texts of Russian fiction proposed by Mongolian specialists for study in elementary schools allows us to state that the selection criteria were, firstly, the correspondence of the poetics and problems of the texts to the age-related features of text perception, and secondly, their educational potential. The works included in the textbooks correspond to the reading circle of Russian preschoolers and primary school students (the fairy tales “Turnip,” “Kolobok,” “The Fox and the Goat,” and the texts of children’s writers and poets such as L. Tolstoy, I Krylov, A Kuprin, S Marshak, N Nosov,

V Sukhomlinsky). In most of the works, the central characters are children, which is important, as it is methodologically easier to reveal the characters of Russian people, ideas, and values of another culture through characters of the same age. The inclusion of foreign-language works in “Mongolian Language” which combines linguistics with literary reading, helps to expand the worldview of Mongolian children. The use of Russian folklore and literature demonstrates the importance of building intercultural connections with Russia for Mongolian primary education. At the same time, the correlation between texts and topics allows us to see that the study of Russian folklore and literature is related to the development of students’ meta-subject skills.

Keywords: *Reforms of the Mongolian educational system, primary education, Mongolian language textbook, the content of education, Russian literature*

For citation: Leont'yev E.P. Izucheniye russkoy literatury v nachal'noy shkole Mongolii [Studying russian literature in primary schools in Mongolia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 6, pp. 183–190 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-6-183-190>

Введение

Геополитические и экономические изменения начала 1990-х гг., которые привели к разрыву интеграционных связей между СССР и Монголией, дали толчок к пересмотру внутривосточных взглядов нового поколения монголов – перехода от социалистического пути развития страны к идеологии «неолиберализма» [1, с. 83]. Новая идеология государства дала возможность проведения реформ во всех сферах жизнедеятельности. И в настоящее время система образования Монголии находится в процессе динамичного обновления, испытывая влияние общемировых тенденций: демократизации, гуманизации, непрерывности образования, гуманитаризации, дифференциации, диверсификации, стандартизации, многовариантности, многоуровневости, фундаментализации, информатизации, индивидуализации [2]; внедрения практик мультимедальной педагогики [3].

Проводимые преобразования в системе начального и общего образования Монголии осуществляются посредством принятия основополагающих нормативных актов правительства Монголии (концепция образовательной системы Монголии «Развитие каждого ребенка», «Ядро-программа» (2017)). Принятая нормативная база по-разному оценивается монгольскими экспертами. Некоторые критики считают, что она не может в полной мере закрепить фундаментальные конструкты политики в области образования и воспитания, так как система образования находится под сильным влиянием американской, западной, японской и корейской образовательных систем. Ведущие специалисты Монгольского государственного университета (МонГУ – NUM) и Монгольского государственного университета образования (МУБИС – MNUE) считают: «...вместо разработки „своей“ стратегии образовательной политики... копируется образовательная политика высокоразвитых стран» [4, с. 150], которая способствует «торможению позитивного

развития образовательной системы Монголии», а в перспективе может способствовать дальнейшей «национальной деградации» [5, с. 200], потому что образование начинает восприниматься в качестве «коммерческой услуги» («төлбөртэй боловсролын үйлчилгээ») [1, с. 83]. На наш взгляд, такие неоптимистические прогнозы монгольских ученых не имеют существенных оснований, так как данный процесс в настоящее время не проявляется.

В целом вопросы реформирования системы образования Монголии, и в частности начального образования, исследуются в разных тематических контекстах и монгольскими (Х. Цэдэв Наваанзоч, Д. Мунхбат, С. Баттөр, Д. Бямбахишиг, М. Оролмаа, Б. Тэгшээ, М. Дашзэвэг, Ш. Шагдар, Н. Бариушанов, Н. Бэгз, Ц. Дэлгэрсайхан, А. Ирээдуй и др.), и российскими (Г.Х. Вахитова, Н.Ж. Дагбаева, Н.Б. Содномова и др.), и зарубежными учеными (G. Steiner-Khamisi, I. Stolpe).

В исследованиях упомянутых авторов отмечено, что внедрение новой основной программы образования (2011) опиралось на принцип стандартизации образовательного процесса. Начиная с 2014 г. была проведена замена учебников по всем предметам в соответствии изменениями сроков обучения (начальная школа – с 1-го по 5-й класс). Основопологающим в методике обучения стал принцип сохранения «традиционного монгольского воспитания»: «деятельность → знания → характер» («үйл ажиллагаа → мэдлэг → зан чанар») [6]. Увеличение срока обучения в начальной школе привело к формированию и утверждению новой основной учебной программы в 2019 г., к кардинальному изменению учебного плана [7, с. 61].

Существенные изменения произошли не только в пересмотре структуры содержания образования, но и в самой организации педагогического процесса. Начиная с 2019 г. в учебном плане начального образования на первое место было выведено изучение монгольского языка и математики, а до этого ядро составляли предметы эсте-

тического цикла (музыка, изобразительное искусство, физическая культура). Новые приоритеты отражаются в количестве часов, отведенных на изучение предметов (в 1–5-м классах: монгольский язык – 1 088 часов, математика – 752 часа). Такое изменение количества часов в предметных областях ориентировано прежде всего на «индивидуализацию обучения и всестороннее развитие обучающихся, построение личностно ориентированного обучения» [8, с. 89], что должно способствовать развитию «национальной культуры, традиционных обычаев, сформировать монгольского гражданина» [8, с. 89].

Цель данной работы – провести обзор содержания учебников по монгольскому языку, вошедшему в себя функции обучения литературному чтению. В частности, исследуется наличие художественных текстов русской литературы, посредством которых у монгольских обучающихся создается «представление о ценностях русской культуры и культуры народов, проживающих в России, о национальном характере» [9, с. 16], а также о традиционных базовых понятиях («о добре и зле, счастье и горе, гордости и силе народа») в контексте русского национального характера [9, с. 16].

Материал и методы

В данной работе применены общелогический метод – анализ содержания учебников 1–5-го классов начальной школы, теоретический метод – обобщение содержания учебников в контексте изучаемого вопроса.

Материалами исследования стали тексты учебников образовательных организаций Монголии:

Монгол хэл I: Ерөнхий боловсролын сургуулийн 1 дүгээр ангийн сурах бичиг / Оюунцэцэг Ш., ба бус; ред. Ц. Наранцэцэг. УБ, 2020. 172 х.

Монгол хэл II: Ерөнхий боловсролын сургуулийн 2 дүгээр ангийн сурах бичиг / Г. Бямбацэрэн, ба бус; ред. О. Лхагвасүрэн. УБ, 2020. 152 х.

Монгол хэл III: Ерөнхий боловсролын сургуулийн 3 дүгээр ангийн сурах бичиг / Ө. Цэндсүрэн, ба бус; ред. Ц. Өнөрбаян. УБ, 2020. 152 х.

Монгол хэл IV: Ерөнхий боловсролын сургуулийн 4 дүгээр ангийн сурах бичиг / Ц. Одсүрэн, ба бус; ред. Ц. Өнөрбаян, Ую Мягмаржав. УБ, 2020. 152 х.

Монгол хэл V: Ерөнхий боловсролын сургуулийн 5 дүгээр ангийн сурах бичиг / Л. Олзвой, ба бус; ред. Д. Баттогтох. УБ, 2020. 152 х.

Результаты и обсуждение

Литературное чтение – особый предмет школьной программы начальной ступени образования в российской школе, дающий представле-

ние о многообразии литературы как явлении национальной и мировой культуры, средстве сохранения и передачи нравственных ценностей и традиций. В контексте реализации требований ФГОС начального общего образования учебный предмет «Литературное чтение» направлен на «становление грамотного читателя, готового к использованию читательской деятельности для образования и самообразования, для развития и саморазвития; осознания значимости чтения как средства воспитания высших нравственных чувств, принятия нравственно-эстетических ценностей российского общества; развития своей интеллектуальной культуры и общей эрудиции, в том числе художественно-эстетической, а также реализации творческого потенциала обучающегося, рождение эмоционального отклика, эмоционально-положительного отношения к народному искусству, литературе (родам, видам, жанрам) как существенной части общей культуры человечества и российского общества; способности решать творческие задачи в процессе продуктивной текстовой деятельности» [10, с. 18–19]. В отличие от российской практики разделения двух предметов, в монгольском начальном образовании нет учебного предмета «Литературное чтение» («Уран зохиолын уншлага») или «Литература» («Уран зохиол»). «Литература» («Уран зохиол») появляется в учебных планах только в 6-м классе средней школы. В начальной школе литературное чтение рассматривается в контексте изучения предмета «Монгольский язык» («Монгол хэл»), так как ключевыми целями являются формирование способности к чтению (унших чадвар), умения слушать и говорить (ярих сонсох чадвар), формирование навыков письма (бичих чадвар) и постепенное наполнение грамматического словарного запаса (хэл зүй үгийн сан) [11, с. 4]. Материалы учебников «Монгольский язык» основаны «на потребностях и возрастных возможностях ребенка, а также учете особенностей развития детей в Монголии, например, посещающих кочевые школы (нестационарные), связанных с необходимостью и важностью реализации принципов традиционного монгольского воспитания» [12, с. 168–169].

Результаты исследования материалов пяти учебников демонстрируют, что в каждом из них авторы-составители стремились включить художественные тексты не только монгольских, но и зарубежных авторов, в том числе и произведения русского фольклора и литературы.

Отметим, что в состав обязательного минимума образовательной программы средней и старшей школы включены всего три произведения русской литературы («Слово о полку Игореве»,

Л.Н. Толстой «Праведный судья», А.П. Чехов «Хамелеон»). Это свидетельствует о фрагментарном, несистемном, единичном обращении к русской литературе, не позволяющем обучающимся составить общие представления о вершинных ее достижениях, а также познакомиться с национальной ментальностью, историей. По сравнению со средней и старшей школой в программе начального образования русская культура представлена намного шире: от произведений устного народного творчества до представителей советской детской литературы. Выбор инонациональных текстов на стадии формирования навыков чтения и интенсивного воспитания находит объяснение в работах методистов-исследователей. По мнению заслуженного учителя Монголии, литературоведа, доктора филологических наук, профессора Д. Галбаатара, русская литература достигла высочайших стандартов мастерства; имеет «познавательную направленность, разнотипность персонажей и многие аспекты, направленные на обучение детской психологии и пониманию мира» [13]. Тексты русских народных сказок, басен И. Крылова и произведений советских писателей соответствуют ключевым критериям их выбора для использования в начальной школе, на которые указал профессор Ч. Дагвадорж: расширение жанровых горизонтов, качественность, связь с национальными традициями [14]. Важны и адресованность произведений детской аудитории, соответствие возрастным особенностям восприятия эстетических феноменов. Это подтверждает председатель Ассоциации детских писателей Монголии Н. Энхтайван, по мнению которой детская литература «дает возможность почувствовать тонкие и драгоценные чувства, выраженные в красноречивых словах и предложениях, погрузиться в глубокий смысл, жить в мире персонажей, воображать и думать» [15].

При составлении монгольских учебников для начальной школы авторы понимали, что русская литература значительно расширяет картину мира монгольских детей, знакомит с событиями векового прошлого, открывает им близкую географически, но в то же время неизвестную страну, национальный характер русских людей, и прежде всего их сверстников, посредством персонажей-детей или персонажей-коротышек Н. Носова.

Обращает на себя внимание система соотношений тем, имеющих явный методический функционал, с конкретными текстами, сопутствующими не только развитию читательских и речемыслительных навыков, но и способностей к текстопорождению. Сказки сопровождают самое начало обучения чтению в первом классе («Подготовка к написанию алфавита/Цагаан толгойн

бэлтгэл», «Посталфавитный период/Цагаан толгойн дараах үе»). Первое знакомство с русским народным творчеством («Колобок»/«Колобок», «Манжин»/«Репка», «Үнэг ба ямаа»/«Лиса и козел») в школе рассчитано на развитие воображения, навыков восприятия текстов на слух, работы с иллюстрацией.

Во 2-м классе обучающиеся работают с сюжетно-фабульным уровнем произведения, чему соответствуют темы-задания: «Выяснение последовательности событий/Үйл явдлын дарааллыг олцгоо», «Учимся предугадывать события/Үйл явдлыг таамаглаж сурцгаа». Причем в первой половине года дети работают с лирическими текстами, часть из которых (сборник С. Маршака) не имеет развернутой сюжетно-повествовательной основы, представляет собой портреты-зарисовки разных животных. Основу для научения видеть последовательность разворачивания действия и развития сюжета дает отрывок сказки А. Толстого «Зараа тугал хоер» (шүлэг)/«Еж» (авторами учебников допущена ошибка: вместо А. Толстого автором указана А. Барто). В переводе отрывок сказки представлен в лирической форме, более понятной детям, и в сокращенном варианте. Переводчик сфокусировал внимание на сюжетном действии, сохранил мораль сказки: «Дайралдсан бүхэн хоол биш шүү гэж»/«Не все, на что нападают, является едой». А развязка имеет воспитательную мораль – детям нужно быть осторожными при встрече с незнакомцами или незнакомыми предметами. Вместе с тем сокращенный вариант текста сказки в монгольском переводе не дает возможности понять другую моральную сторону, акцентированную русскоязычным автором: слава не всегда бывает заслуженной. Таким образом, обучение родному языку сопряжено с освоением художественного мира текста, с постижением логических связей внутри произведения на уровне развития действия (сюжета), а также (благодаря содержанию текстов) с воспитанием.

Второе полугодие 2-го класса включает изучение одного этико-назидательного текста (басни Л.Н. Толстого) и одного, выполняющего дидактическую функцию, но все же сказочного произведения («Коротышки из Цветочного города» из «Приключений Незнайки и его друзей» Н. Носова). Тексты строятся на простых сюжетах, включающих одну-две сюжетные ситуации.

В 3-м классе изучается один текст из наследия советского писателя – сказка-пьеса С.Я. Маршака «Кошкин дом». Получается, в процессе обучения во 2-м и 3-м классах дети знакомятся со всеми тремя родами литературы. Вместе с тем выбор текста в соотнесении с темой вызывает

вопросы. Анонсировано: «Узнаем, как говорят автор и герой произведения». С одной стороны, пьеса действительно дает возможность обучающимся обратить внимание на то, что действующие лица говорят по-разному, речь является средством раскрытия их образов. С другой стороны, заявлено, что обучающиеся узнают, чем отличается речь персонажей от, вероятно, «концептированного повествователя» [16, с. 121], которого в пьесе нет (авторское слово представлено в ремарках, списке действующих лиц).

Наконец, 4-й класс включает наибольшее число текстов русской литературы и широкий спектр развивающих тем, связанных и с пониманием прочитанного, прогнозированием содержания, и с текстопорождением. К концу года дети должны демонстрировать беглое чтение, понимание прочитанного, способности формулировать основную идею, вообразить, создать сказку, инсценировать басню.

Формулировка тем-заданий, выбор материала для изучения позволяют понять, что задачами обучения являются и метапредметные навыки, и развитие эмоционального интеллекта (через эмпатию к персонажам дети учатся распознавать эмоции, радоваться, сочувствовать и грустить, проявлять свои чувства и управлять ими). Рассказы, сказки и стихотворения русских писателей учат коммуницировать с одноклассниками и сверстниками, понимать природу поступков, быть внимательными к себе и другим.

Это подтверждается анализом заданий к конкретным текстам. Например, в 4-м классе, изучая басню Л.Н. Толстого «Отец и сыновья» («Ухаан эцэг»/«Мудрый отец»), после прочтения текста авторы учебника предлагают выполнить несколько заданий:

1. Ответить на вопрос: Как вы понимаете фразу: «Если в согласии жить будете, никто вас не одолеет; а если будете ссориться, да все врозь – вас всякий легко погубит»?

2. Используя пословицу, рассказать о том, что было понято (пословица «Ухаант хүн эрдэм хураана/Мудрый лебедь пожинает знания»).

3. Обращаясь к детям, учитель предлагает представить, что подумали дети, когда услышали сообщение своего отца? Каким было их лицо?

На наш взгляд, выполнение этих заданий недостаточно для формирования собственно литературоведческих (предметных) знаний, для понимания текста и его главной мысли. Монгольскому учителю для обеспечения глубокого целостного восприятия басни можно рекомендовать выстроить работу в несколько этапов:

1. Размышления над сюжетной логикой текста и анализ образов и системы персонажей. Ответы

на поставленные вопросы (Объясните, почему сыновья ссорились? Что тогда отец сказал сыновьям? Объясните, почему они не смогли сломать веник, но легко переломали прутья? О чем это произведение?).

2. Повторно прочитать басню, уделив внимание морали. На основе композиционной структуры текста выявить особенности жанра произведения. Найти и прочитать слова, в которых заключена главная мысль произведения, ответить на вопрос, чему учит нас произведение?

3. Можно разнообразить работу с пословицами. Учитель приводит примеры русских пословиц, а детям необходимо выбрать те, которые подходят по смыслу к произведению. Например: «Нет друга – ищи, а нашел – береги», «Своя семья – самые верные друзья», «Вся семья вместе, так и душа на месте», «Уговор дороже денег». Можно в диалоге с обучающимися установить не только соответствия, но смысловые отличия морали в басне и ценностного содержания в пословицах. Или учитель может предложить вспомнить монгольские синонимичные пословицы («И перегрызшиеся соседские собаки сплываются во время беды», «Одно полено пламя не сделает, один человек семью не создаст», «В дружной семье все ладится»).

Отвечая на вопросы, сопоставляя ответы друг друга, определяя ключевой смысл произведения и сопоставляя со своей культурой, монгольские дети смогут понять, что и для русского и монгольского человека семья – это одно целое, она крепкая, дружная, а со всеми бедами справиться вместе будет намного проще, чем одному. Дети смогут понять мораль басни – необходимо жить без ссор, в мире и согласии со своими родными, помогать им. На основе анализа басни можно подвести обучающихся к мысли, что монгольский народ и русский представляют собой семьи, которые должны жить в единстве и согласии.

Пятый класс включает один текст и одну тему литературоведческого характера, предполагающую два аспекта: «Изменения характера героя произведения, завершение сюжета». То есть, с одной стороны, предлагается продолжить работать с событийной основой художественного текста, с другой – акцентировать новый аспект литературы в системе обучения – антропологический, изучить, что такое «характер героя». Для отработки задания используется сказочная комическая проза Н. Носова «Огурцы».

Судя по заданиям, предполагается не только урочное, но и домашнее чтение и изучение текстов русской литературы, что отчасти формирует культуру досуга монгольской семьи.

Заключение

Проведенный обзор и анализ показал, что авторы учебников воспринимают русскую детскую литературу как ресурс обучения и воспитания, как ценностно и содержательно важное дополнение к национальной монгольской детской литературе, способствующее художественно-эстетическому воспитанию подрастающего поколения. Методический инструментальный изучение текстов русской словесности направлен на усвоение социальных норм, культуры поведения со взрослыми и сверстниками, опыта уважительного отношения младших к старшим, развитие навыков коммуникативно-игровой и творческой деятельности.

Вместе с тем стратегия отказа от «Литературного чтения» как отдельного предмета не кажется продуктивной. И это начинает осознаваться

министром образования Монголии, который в 2024 г., ссылаясь на результаты международного исследования по оценке образовательных достижений учащихся (PISA), анонсировал кардинальное изменение программы и линейки учебников: «...монгольские обучающиеся начальных классов слабо понимают прочитанное и не способны выразить то, что они поняли» [17]. С одной стороны, обозначенная проблема может способствовать движению в сторону российского опыта (наличие отдельного предмета «Литературное чтение»). С другой стороны, вызывает беспокойство и опасение тенденция ориентации на англоязычную культуру (английский язык стал основным иностранным языком в школах Монголии [18]). Это может привести к тому, что русская литература будет сокращена в программе начальной школы.

Список источников

1. Ушаков Д.В. Современные тенденции развития монгольской системы образования (часть 1) // Философия образования. 2018. № 4 (77). С. 81-93. DOI 10.15372/PNE20180408
2. Тарасова Н.В., Кулаков А.Е. Современные тенденции мировой образовательной системы // Школьные технологии. 2015. № 1. С. 3–12.
3. Мировые тренды образования в российском контексте – 2024 (результаты исследования). URL: https://ioe.hse.ru/edu_global_trends/2024/?ysclid=mg8tylu5vv206910777 (дата обращения: 02.10.2025).
4. Наваанзоч Х. Цэдэв, Мунхбат Д., Баттөр С., Бямбахишиг Д. Глобализация и образование в Монголии // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения. 2020. № 10. С. 147–153.
5. Наваанзоч Х. Цэдэв, Нямаа Цогзолмаа Нетрадиционные религии и система образования Монголии // Современные этнические процессы на территории Центральной Азии: проблемы и перспективы: сб. материалов II Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 25-летию со дня образования исторического факультета Тувинского гос. ун-та. Кызыл: Изд-во Тувинского гос. ун-та, 2019. С. 201–204.
6. Цэвээн Ц. Боловсрол (Образование). Улаанбаатар, 1990. № 2. 108 с.
7. Бүрэн дунд боловсролын сургалтын цөм хөтөлбөрийг сайжруулсан хоёр дахь хэвлэл / Боловсрол, соёл, шинжлэх ухаан, спортын яам., Боловсролын хүрээлэн. УБ., 2019. 298 х.
8. Леонтьев Э.П., Улзийжаргал Х. Монгольская сельская школа: проблемы и перспективы // Вестник Набережночелнинского государственного педагогического университета. 2023. № S2-1 (45). С. 85–90.
9. Леонтьев Э.П. Использование прецедентных текстов на занятиях по РКИ в монгольской аудитории // Русский язык в глобальном научном и образовательном пространстве: сборник материалов Международного научного конгресса: в 3 ч. Москва, 6–10 декабря 2021 г. / М.Н. Русецкая (гл. ред.), М.А. Осадчий (отв. ред.). М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2021. Ч. II. С. 15–18.
10. Литературное чтение. Реализация требований ФГОС начального общего образования: методическое пособие для учителя / Н.Ф. Виноградова, М.В. Рожкова, Е.Е. Никитина; под ред. Н.Ф. Виноградовой. М.: Институт стратегии развития образования, 2023. 94 с.
11. Монгол хэл II: Ерөнхий боловсролын сургуулийн 2 дүгээр ангийн сурах бичиг / Г. Бямбацэрэн, ба бус; ред. О. Лхагвасүрэн. УБ, 2020. 152 х.
12. Вахитова Г.Х., Леонтьев Э.П., Батсуурь А. Современное состояние дошкольного образования в России и Монголии // Научно-педагогическое обозрение (Pedagogical Review). 2021. Вып. 3 (37). С. 162–171. DOI 10.23951/2307-6127-2021-3-162-171
13. Галбаатар Д. Загдын Түмэнжаргал Монголын утга зохиолын нэг том давалгаа юм. URL: <https://www.sonin.mn/news/culture/89803> (дата обращения: 02.10.2025).

14. Монголын уран зохиолын өнөөгийн төрх хэвтэрийн өвчтөн шиг байна. URL: <https://news.mn/r/2070526/> (дата обращения: 02.10.2025).
15. Энхтайван Н. Хүүхдийнхээ оюун ухааныг өлсгөлөн байлгаж болохгүй. URL: <https://itoim.mn/article/17tua/20179> (дата обращения: 02.10.2025).
16. Корман Б.О. О целостности литературного произведения // Избранные труды по теории и истории литературы. Ижевск: Изд-во Удмуртского университета, 1992. С. 119–128.
17. PISA-2022: Үндэсний Тайлан Монгол Улс. УБ, 2023. 156 х.
18. Реформы в начальной школе: новый министр образования Монголии меняет подход к обучению детей. URL: <https://babr24.com/?IDE=263599> (дата обращения: 02.10.2025).

References

1. Ushakov D.V. Sovremennyye tendentsii razvitiya mongol'skoy sistemy obrazovaniya (Chast' 1) [Modern Trends in the Development of the Mongolian Education System (Part 1)]. *Filosofiya obrazovaniya – Philosophy of Education*, 2018, no. 4 (77), pp. 81–93 (in Russian). doi: 10.15372/PHE20180408
2. Tarasova N.V., Kulakov A.E. Sovremennyye tendentsii mirovoy obrazovatel'noy sistemy [Current trends in the global educational system]. *Shkol'nyye tekhnologii – School technology*, 2015, no. 1, pp. 3–12 (in Russian).
3. *Mirovyye trendy obrazovaniya v rossiyskom kontekste – 2024* [Global Education Trends in the Russian Context – 2024] (in Russian). URL: https://ioe.hse.ru/edu_global_trends/2024/?ysclid=mg8tylu5vv206910777 (accesses 2 October 2025).
4. Navaanzoch Kh. Cehdehv, Munkhbat D., Batter S., Byambakhishig D. Globalizatsiya i obrazovaniye v Mongolii [Globalization and Education in Mongolia]. *Evraziystvo: teoreticheskiy potentsial i prakticheskiye prilozheniya – Eurasianism: Theoretical Potential and Practical Applications*, 2020, no. 10, pp. 147–153 (in Russian).
5. Navaanzoch Kh. Cehdehv, Nyamaa Cogzolmaa Netraditsionnye religii i sistema obrazovaniya Mongolii [Non-traditional religions and the Mongolian education system]. *Sovremennyye etnicheskiye protsessy na territorii Tsentral'noy Azii: problemy i perspektivy: sbornik materialov II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchyonnoy 25-letiyu so dnya obrazovaniya istoricheskogo fakul'teta Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Modern Ethnic Processes in Central Asia: Challenges and Prospects: collection of materials from the II International scientific and practical conference dedicated to the 25th anniversary of the founding of the Faculty of History of the Tuva State University]. Kyzyl, Tuvan State University Publ., 2019. Pp. 201–204 (in Russian). doi: 10.24411/9999-021A-2019-10048
6. Tshvehehn C. *Bolovsrol* [Education]. Ulaanbaatar, 1990. No. 2. 108 p. (in Mongolian).
7. *Buren dund bolovsrolын сургалтын тсом кхолбориыг сайзхруулсан хоёр дэх хөвөл* [Second edition with improved core curriculum for secondary education]. Bolovsrol, soel, shinzhekh ukhaan, sportyn yaam. UB., 2019. 298 p. (in Mongolian).
8. Leont'yev E.P., Ulziyzhargal Kh. Mongol'skaya sel'skaya shkola: problemy i perspektivy [The Mongolian Rural School: Challenges and Prospects]. *Vestnik Naberezhnochelninskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Bulletin of Naberezhnyye Chelny State Pedagogical University*, 2023, no. S2-1 (45), pp. 85–90 (in Russian).
9. Leont'yev E.P. Ispol'zovaniye pretsedentnykh tekstov na zanyatiyakh po RKI v mongol'skoy auditorii [Using precedent texts in Russian as a Foreign Language classes in the Mongolian audience]. *Russkiy yazyk v global'nom nauchnom i obrazovatel'nom prostranstve: sbornik materialov Mezhdunarodnogo nauchnogo kongressa: v 3 chastyakh. Moskva, 6–10 dekabrya 2021* [The Russian Language in the Global Scientific and Educational Space: Proceedings of the International Scientific Congress: in 3 parts. Moscow, December 6–10, 2021]. Eds. M.N. Rusetskaya, M.A. Osadchiy. Moscow, Pushkina State Russian Language Institute Publ., 2021. Vol. 2. Pp. 15–18 (in Russian).
10. Vinogradova N.F., M.V. Rozhkova, Nikitina E.E. *Literaturnoye chteniye. Realizatsiya trebovaniy FGOS nachal'nogo obshchego obrazovaniya: metodicheskoye posobiye dlya uchitelya* [Literary Reading. Implementation of the Federal State Educational Standard for Primary General Education: A Methodological Guide for Teachers]. Ed. N.F. Vinogradova. Moscow, Institute for Education Development Strategy Publ., 2023. 94 p. (in Russian).
11. *Mongol khel II: Yeronkhiy bolovsrolын сургуулийн 2 дугаар ангиын сургуулийн 2 дугаар ангиын суралх бичиг* [Mongolian: a textbook for Primary School: 2nd grade]. UB, 2020. 152 p. (in Mongolian).
12. Vakhitova G.Kh., Leont'yev E.P., Batsuur' A. Sovremennoye sostoyaniye predshkol'nogo obrazovaniya v Rossii i Mongolii [The current state of pre-school education in Russia and Mongolia]. *Nauchno-pedagogicheskoye obozreniye – Pedagogical review*, 2021, no. 3 (37), pp. 162–171 (in Russian). doi: 10.23951/2307-6127-2021-3-162-171
13. *Galbaatar D. Zagdyn Tymynzhargan Mongolyn ytga zokhiolyn neg tom davalгаа yum* [Galbaatar D. Zagdyn Tumenjargal is a big wave of Mongolian literature] (in Mongolian). URL: <https://www.sonin.mn/news/culture/89803> (accessed 2 October 2025).

14. *Mongolyn uran zokhiolyn onoogiyn torkh khevteriyn ovchton shig bayna* [The current appearance of Mongolian literature is like a bedridden patient] (in Mongolian). URL: <https://news.mn/r/2070526/> (accessed 2 October 2025).
15. Enkhtaynvan N. *Khyykhdiynkhee oyun ukhaanyg olsgolon baylgazh bolokhgyy* [Don't keep your child's mind hungry] (in Mongolian). URL: <https://itoim.mn/article/17tua/20179> (accessed 2 October 2025).
16. Korman B. O. *O tselostnosti literaturnogo proizvedeniya* [On the integrity of a literary work]. *Izbrannye trudy po teorii i istorii literatury* [Selected works on the theory and history of literature]. Izhevsk, Izdatel'stvo Udmurtskogo universiteta Publ., 1992. Pp. 119–128 (in Russian).
17. PISA-2022: *Yndesniy Taylan Mongol Uls* [PISA-2022: National Report Mongolia]. UB, 2023. 156 p. (in Mongolian).
18. *Reformy v nachal'noy shkole: novyy ministr obrazovaniya Mongolii menyayet podkhod k obucheniyu detey* [Elementary School Reforms: Mongolia's New Education Minister Changes the Approach to Teaching Children] (in Russian). URL: <https://babr24.com/?IDE=263599> (accessed 2 October 2025).

Информация об авторе

Леонтьев Э.П., кандидат филологических наук, доцент, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

E-mail: ernestleontyev@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8847-3325>; SPIN-код: 8408-8731

Information about the author

Leontyev E.P., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

E-mail: ernestleontyev@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8847-3325>; SPIN-code: 8408-8731.

Статья поступила в редакцию 15.10.2025; принята к публикации 16.10.2025

The article was submitted 15.10.2025; accepted for publication 16.10.2025

I SSN 1609-624X

9 771609 624003

